

Свобные Булочки

Как карта ляжет

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сдобные Булочки Как карта ляжет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69273073

SelfPub; 2023

Аннотация

Доверчивая девушка-оборотень, высвободившись из лап одной криминальной группировки, попадает в добродетельные лапы другой группировки. Что принесёт ей новая встреча? Боль и страдания или же тепло и любимый дом? Предупреждения: голый порнушечки нет, есть добрая эротика. Возрастной рейтинг поставлен за мельком описанные сцены насилия не сексуального характера и нецензурную лексику. Возможен осадок в виде смеха и лёгкого кринжа. Читайте ради расслабления/отдыха/приятной компании за чашкой чая/кофе/и т.п. Приятного аппетита!

Содержание

Предисловие	6
Мёд, орешки и начало	8
Мёд, орешки и мост	10
Марриам и найдёныш	18
Найдёныш и доверие	21
Марриам и сила предков	26
Лисица и волчица	34
Марриам и её семейный бизнес	41
Весточка из прошлого	49
Пробуждение	62
Вторая ипостась	66
Эйфория	70
Мёд, орешки, курага	79
Враги и их страсти	85
Леона и чашка чая	96
Чёрно-белая напасть	105
Первые розы	111
Скользкая дорожка в пустоту	118
Всей правды лучше и не знать, так легче жить и умирать. Часть 1	125
Всей правды лучше и не знать, так легче жить и умирать. Часть 2	136
Новый день настоящего	152

Проблема чашек чая	156
Рири о чашках чая	160
Марриам и воскресные дни	164
Марриам и враждующая парочка	179
Немного о личном	185
Командировка Лешего и Мари	188
Рири во время командировки	199
Всей правды лучше и не знать, так легче жить и умирать. Часть 3	208
Всей правды лучше и не знать, так легче жить и умирать. Часть 4	227
Марриам и клубок глупости	233
Рири исправляет	236
Примирение	243
Марриам и начало заварушки	248
Всей правды лучше и не знать, так легче жить и умирать. Часть 5	253
Первая встреча	261
Приступ	270
Начало конца	281
Феликс. Искусство выживания на улице без денег	300
Рири и болото	328
Марриам и пламя Пиротехника	340
Серебряный Демон	350
Серебряный Демон и Шельма	351

Амбар	355
Побег из больницы	356
Обстоятельство последней встречи	364
Все сидели на ухах в квартире Марриам	373
О чашках чая и коробках	380
Марриам и похороненное прошлое	412
Чтобы спасти утопающего необходимо...	432
Манипуляция или...	442
Чай с подвохом	449
Ни минуты покоя с этой лисой	457
Немногим ранее	458
С первым весенним дождём мы...	529
Экстра. Вот что значит идиллия	565
Экстра. Лепёшка и...	569
Экстра. На семейном отдыхе	575
Марриам	577
Шакари	580
Охота	582
На источниках	584
На рыбалке	586
Экстра. Кто главный в семье?	587
Экстра. Захер и лучик	590
Экстра. Семь лет спустя. На отдыхе	595
Послесловие	601

Сдобные Булочки

Как карта ляжет

Предисловие

Доброго времени суток, Дорогой Читатель!

Да не ускользнёт от Вашего внимания эти несколько строк, написанные автором (она же пекарь виртуальной пекарни Сдобные Булочки).

Этот роман – детёныш семейства беллетристики. За основу взят фанфик (естественно, не плагиат, фанфик вышел из-под моей же клавиатуры), который долго перерабатывался, преображался и редактировался.

Предупреждения – *что же вас ждёт в этом романчике:*

Незамысловатый сюжет, яркие герои, простенький мир. Капелька драмы, двести миллилитров юмора, щепотка кринжса, тридцать листочков романтики. Покрыто всё теплой дружбы, предательства и парой ушасто-хвостатых криминальных группировок. История для отдыха за кружечкой чая, рассчитана на один-два вечерочка.

Ну что ж, всё что хотела, сказала. Осталось пожелать Вам приятного прочтения – берите кружечку ароматного чая/кофе/какао/чего погорячее и добро пожаловать в мир наших героев!

Надеюсь, увидимся с Вами в послесловии.

Мёд, орешки и начало

Девушка сидела на скамейке. С ухмылкой на грязном лице она читала статью модной среди домохозяек газеты. То и дело фыркая да закатывая глаза, бродяга мысленно осмеивала труд своего наставника.

«Боги. Добродетельный Волк Прародитель и его спутница Смерть. Откуда они пришли? Как много знаем мы о тех, что создали нас с тобой?»

Отчего же мы так беспечны с историей? Зачем похоронили великолепие старинных обрядов и молений? Почему же утратили веру, закопали Священные Писания подальше на книжные полки в раздел мифы и легенды?

Мы словно неблагодарные дети, которые покинули отчий дом и злонамеренно не навещаем родителей, смакуя в душе прошлые обиды. Однако самих предков мы уже не помним: ни их лица, ни характера, ничего. В наших руках остались лишь выцветшие фотокарточки, по которым точно и не скажешь кто или что на них запечатлено: расплавленный сыр на зачерствавшем хлебе или прообразы тех, первых, ступивших в наш мир.

Мы ровным счётом ничего не помним. Искусство общения с ними – шаманство утрачено в веках истории. Последние жрицы доживают свой век на далёких

скрытых от брэнной суеты островах. Единственный континент разрывают на куски разобцённые стаи и кланы. Как же так вышло, что мы, ликие, существа, наделённые интеллектом, попрали эфирную связь нас всех связывающую, разбежались в группки под эгидой схожих менталитетов?

Боюсь, в скором времени нас накажет Богиня или же мы повторим бойню тысячелетней давности.»

Ну что за бред? Кто так пишет? Зачем упоминать о трагедии, произошедшей без малого тысячу лет назад, охватившей весь континент и угнетённых треликих, которые сбежали на острова? К чему пугать читателей выдуманным неизбежным наказанием? Ох уж этот Феликс! На старость лет вообразил себя графом Графоманом? Испугался подбирающейся смерти и решил замолвить словечко перед Богиней?

Смешон. Прожил без малого десять веков и вдруг надумал одной статьёй в журнале для домохозяек остановить духовное разложение общества? Только зря деньги потратила на этот опус. Уж мог мне по нашей дружбе дать черновик полистать!

Повезло тебе, старый, вовремя сиганул на острова, иначе я б тебе сейчас выразила в витиеватых нецензурных выражениях всё, что думаю о тебе!

Со злости бросила тоненький журнальчик в мусорное ведро. Встала со скамейки, облепленной струпьями отшелушивающийся коричневой краски, потянулась и пошла навстречу концу своей жизни.

Мёд, орешки и мост

Ливень закончился, от туч не осталось и следа. Остатки солнечного тепла ласкали землю, лучи окрашивали всё, до чего могли дотянуться, в приятный янтарный цвет. Листья тихо перешёптывались на ветру, взирая со своей высоты и гадая, куда же я иду, перебирая тощими ногами.

В этой части города всегда было мало прохожих – крайняя улица города осталась за моей спиной минутах в пятнадцать ходьбы, впереди в четырёх километрах отсюда расположился элитный посёлок. Старый пешеходный мост, к которому я бреду, соединяет пригород с домами района богачей, как будто они будут ходить туда-сюда, пачкая свои брендовые сапожки.

Неспешно передвигаюсь в пространстве, хлюпая окончательно расклеившимися кедами, и всё никак не могу отрыть в памяти момент, когда же именно моя жизнь пошла по наклонной? Мозги шевелились, щекотали изнутри черепную коробку, подводя меня к определённой мысли. Всё пошло по кривой с самого первого вдоха! А если так порассуждать, то и родилась-то я сразу на дне. В таком глубоком-преглубоком рве, в который по истечении лет прохожие начали сбрасывать огромные чёрные мешки с мусором, намеренно целясь в меня, дабы точно не смогла выбраться из помойной ямы!

Если продолжить рассуждать... У меня изначально не бы-

ло и шанса сбежать в иной мир. С рождения гнить в том округе и там же оставить свой истлевший труп было сразу предопределено. И что же я о себе возомнила? Чего же я возжелала? Лучшей доли? Счастья? Свободы? Ха, смешно...

Хотя в каком-то роде я даже исполнила свои чаяния! Что бы ни говорила мама, теперь у меня есть мнимая свобода и относительное счастье. Не по чужой воле, не под пристальным наблюдением, а так, считай, могу по собственному желанию помереть под мостом. Ну ни это ли светлый долгожданный конец бульварному роману под названием «Ночная бабочка и большой мир»? Хм, мне не шибко нравится, как звучит, пока есть время, надо подобрать другое названьице. Что-нибудь пафосное! Напишу его на клочке бумажки, зажму в кулаке, и когда моё тело бросят в безымянную могилу, хороняки напишут эти строки в эпитафии на крышке моего гроба! Ну не гений ли я?

Потом меня поглотила другая тяжкая дума – пишут ли бомзам эпитафии? Или они того недостойны?

За неспешными раздумьями я прошла на середину моста, плюхнулась в грязных штанах на брусчатку, оперлась спиной в прилипшей мокрой рубаше на кованые чугунные перила. Вид отсюда открывался шикарный: река уходит за горизонт, её тихие воды покрыты мелкой рябью, по берегам произрастает берёзовый лес, слева виднеются крыши посёлка, справа окна многоэтажек посверкивают в лучах заходящего солнца.

Сижу наслаждаюсь моментом. Чего-то не хватает... хм-м-

м пивка бы. Деньги закончились – грустно-то как, аж кошки на душе скребут, печально... апатично... Догнаться тоской надо перед сном.

Пошарила в карманах, вытащила телефон, и дабы не нарушать посторонними шумами окружающую гармонию, достала его верных друзей – наушники. Плоская чёрная пластинка приветливо мне тренькнула, известив о низком заряде аккумулятора. Если и дать окончательно помереть телефону так только с музыкой. Листаю плейлист, ищу что-нибудь максимально меланхоличное, аки реквием бездушному аппарату связи.

Выцепив подходящую песню, закрываю глаза и максимально расслабляюсь.

Тело обмякает под грузом усталости, в уши льётся приятная мелодия, начинается текст. Ох-х-х, прям за душу прищемило.

Резко стало холодно, причём не ментально, чувство иного рода, как будто на меня легла чья-то тень. Открываю глаза...

Словно крышка гроба, девушка перекрыла своим ростом небо надо мной, навскидку высится сто девяносто сантиметров красивого создания. Плечи немного шире бёдер, тонкая талия, длинные ноги, в меру подкаченное тело – или она не халтурит в тренажёрном зале или же исправно подрабатывает грузчиком. Тёмно-русые волосы ниспадают до поясницы, мягкие черты лица, бледные губы и глаза глубокого серого цвета в обрамлении угольных от туши ресниц.

Мысленно я кивнула сама себе, решив, что меня посетило довольно приятное предсмертное видение. Что это? Чёрные дымные разводы ауры за её спиной? О, так эта симпатяга не предвестник моей скорой кончины, а представительница двуликих?

Девушка тарашится на меня в ответ, что-то говорит... мне? Ни фига не слышу... Её недоумённое выражение лица: бровки домиком, глазки округлила, какая же она милашка, так и хочется погладить как большого плюшевого животного из зоопарка. Подходит ближе, нагибается и-и-и снимает с меня наушники.

– С тобой всё хорошо? Почему плачешь? Нужна помощь? – из моих выдернутых наушников раздался припев песни: ёжи-и-ик бежи-и-ит и хохо-о-очет, ё-ё-ёжику-у тра-а-авка-а голову-у моро-о-очит, травка-а-а закончила-а-ась, ёжи-и-ик взгрустну-у-ул, к диле-е-еру-у в го-о-ости...

– А? – я уставилась на неё, – что?

– Я спрашиваю, всё нормально? Помощь нужна? – громче повторила двулика.

– Нет, простите за беспокойство. – Пролепетала я, встала с холодной брусчатки и резко начала заваливаться вперёд, – то ли успела так сильно ноги отсидеть, то ли с голодухи.

Моё тщедушное тельце успели поймать и поднять на руки. На руки? Какого лешего?! Последняя мысль вырвалась и была сказана вслух.

Девушка спокойно ответила:

– Не беспокойся, ничего тебе не сделаю, я – альтруист, просто не могу пройти мимо, когда юная леди сидит в преддверии ночи одна на земле в мокрой одежде. – Я зыркнула на добросердечную самым злобным взглядом, что был в моём арсенале. Изгиб блёклых губ перетёк в незлобивую усмешку. – Ладно, пойдём.

– Э-э-э куда-а-а! Положи, откуда подняла! – заверещала, не заметив, как перешла на ты.

– Не пищи мне в ухо. Я рядом живу, посидим, чай попьём, ты у меня переночуешь, а утром тебя отвезу, куда скажешь, хорошо? – губы раскрылись в полумесяце, открывая моему взору ряд ровных зубов с выдающимися крупными клыками. Вывод из наблюдения мгновенно пронёсся в сознании – двуликая явно из хищников. Чувство угрозы отсутствовало напрочь, к тому же выражение её лица напоминало безобидного щенка, того и гляди хвостом завилает, ну как такой нагрубить и послать подальше?

– Хорошо, только поставь меня! Сама могу идти, не ручная поклажа! И назови своё имя. Я с незнакомцами по чужим домам не шляюсь. – Отвечая, она взъерошила мои и без того спутанные космы:

– Меня зовут Марриам, можно просто Мари. – Крупногабаритная очаровашка, продолжая обворожительно улыбаться, взяла меня за руку и повела в сторону города. А я что? Я и пошла. Во-первых, как-то кричать и выбиваться из цепких рук сил не было, во-вторых, желания дальше существо-

вать не наблюдалось. Даже если я обманываюсь на её счёт, предположим, она маньяк, продаст мои органы... Получается, что после кончины принесу хоть кому-то какую-то пользу. Славно! Мне нравится!

И вот такой странной парочкой: прилично одетая девушка под ручку с вонючей доходягой бомжеватого вида, – мы красиво поплыли в закат.

* * *

Неспешным шагом дошли до высотки элитного района, в холле нам приветливо кивнул консьерж, который даже носом не повёл от моего запашка. На лифте мы поднялись на последний двадцатый этаж, и если до всего этого я тихо удивлялась в пределах приличного: ну подошла ко мне альтруистка, ну не морщится от моей вони, ну ведёт меня в эту обитель любимчиков фортуны, то при виде убранства, да и всей квартиры в целом, некультурно выражаясь, охренела.

А наша добрая душа оказывается реально богата! Огромная жилплощадь, казалось, занимала весь двадцатый этаж, панорамные окна открывали прекрасную картину: город располагался в гористой местности, улицы змейками вились по холмам и хребтам, а где не стояли дома, там были деревья, можно сказать, что всё утопало в зелени. Я бы так и продолжала стоять на месте, но меня ненавязчиво подтолкнули вперёд, мол входи. Продвигаться по квартире было трудно:

тут там и сям стояли ещё не открытые коробки, пол устилал толстый слой пыли, из-за чего меня разобрал чих.

– Прошу прощения за беспорядок, я только сегодня переехала, но не беспокойся – в спальнях уже прибрано, поэтому место для сна более-менее комфортно. – Она как-то смущённо проговорила, будто оправдываясь. О, у этого миллешества ямочки на щеках имеются!

Утыкая взор в свои дырявые носки, я проворчала в ответ:

– Прошу прощения? Это мне стоит просить прощения за то, что пачкаю твою квартиру своим пребыванием в сей.

– Точно! Что же это я мешкаю? Ты, наверное, хочешь в душ, прошу сюда. – Марриам повернула меня вправо на девяносто градусов, открыла незаметную дверь. – Ванная в твоём распоряжении, чистое полотенце на второй полочке сверху, новое бельё и халат сейчас принесу и положу на комод.

«Спасибо» – прошептала ответ на грани слышимости.

– Не за что, чувствуй себя как дома. – Произнесла двуликая, оставляя меня с моим недоумением.

То, что она новоприбывшая в эти края, понятно было сразу: ещё не прознала о моей *исключительности*, но даже при таком раскладе дел разве можно приглашать в гости бомжа? Либо эта особа невероятно глупа, либо реально добросердечна – другого не дано. Я хоть немного ниже и довольно хилая, но разве не опасна? Ладно, пускай всё идёт своим чередом, угрозы с её стороны до сих пор не чувствую.

Вздыхнув, стала осматриваться. Довольно просторная ванная, выложенная кафелем светло-кофейного цвета, напротив входа висит большое зеркало. В нём увидела своё отражение и передёрнулась в отвращении: от прежней меня не осталось и следа. Как Марриам не побрезговала взять меня за руку? А на руки как осмелилась взять? Даже я не могу дать гарантии, что не подхватила с помойки блох. Быстрее, хочу быстрее-е-е-е в душ.

Скинула с себя тряпки, которые раньше гордо величались словом одежда и прыгнула под струи чистой тёплой воды. Ка-а-айф... последние пару раз удавалось помыться только под холодным дождём. Добавим-ка горяченькой... у-у-уф-ф-ф... хорошо-то как!

Смывая с себя грязь, смывала плюсом дикую усталость, отвращение к этому миру, и вообще все поганые чувства, что клубились у меня внутри. На тот момент я не знала, как кардинально спортивная очаровашка изменит мою бренную жизнь.

Марриам и найдёныш

Утро и день выдались суматошными: переезд, встреча грузчиков с моими пожитками, приведение квартиры хоть в какое-то подобие порядка. К вечеру, из-за протирания полов в позе буквы зю моя спина сказала мне: «Пока!». Вспомнив, что рядом пролегает парк и река, решила отвлечься, посмотреть на местные пейзажи, да прогуляться перед сном.

Район тихий – риелтор не обманул. Впрочем, насколько он тихий настолько и недешёвый, поэтому я изрядно удивилась, встретив на мосту бомжа. Его запах в прямом смысле сбивал с ног, но что-то заставило меня подойти к нему. И не зря поддалась этому наваждению, как мне потом покажет будущее.

Скрючившаяся фигура, одетая в порванную грязную и к тому же мокрую одежду, оказалась худощавой девушкой. Волосы были непонятного цвета: то ли серые, то ли чёрные, лицо было бледным и осунувшимся, под глазами залегли тёмные круги, по щекам тоненькими дорожками катились слёзы. Сердце ёкнуло от жалости. Проснулось вечно бодрое желание оберегать и защищать всяких сирых да убогих: котят, щенков и прочих бедолаг. А эта ко всему прочему выглядела лет на двадцать, ну ребёнок же ещё! Сжав руки в кулаки, сделала глубокий вдох-выдох, успокаивая в себе курочку-наседку.

По-нашему недолгому разговору так и не смогла выяснить в чём дело, почему девушка оказалась в таком плачевном положении, ну ничего страшного: у нас впереди ещё много времени, благо вся неделя свободна от работы.

* * *

Девушка вышла из душа, я застыла с открытым ртом и если бы не сидела на одной из коробок, то упала бы на попу. Найдёныш была хороша собой. Немногим ниже меня, каштановые волосы переливались красным цветом в свете ламп, свисали до плеч, а чёлка постоянно падала на карие глаза; бледность кожи немного скрылась в румянце, проступившем от горячего душа. Находка вернула меня на бренную землю своим задорным голосом:

– Спасибо огромное! Я так не кайфовала с того момента, когда могла себе позволить жить как приличный ликий, а не воровать у бомжей алкашку и бегать от мент... кхм-кхм-кхм от представителей правопорядка. – Она второй раз за вечер преобразилась: весёлый блеск в глазах и улыбка превратили её лицо в озорного кота из детских мультиков, задвигая на дальний план тень смиренности и обречённости.

– М-да, не за что. Пошли на кухню, ужин уже готов. – Махнула рукой в сторону кухни.

Ели мы молча. Она быстро уплела две тарелки с пастой, три пирожка с вишней и пригубила три чашки густо заварен-

ного чая. Такая худая и так много съела! В какой-то момент испугалась, что найдёнышу станет плохо, но нет – она лишь сыто опустила веки и откинулась на спинку стула.

– У-у-уф-ф-ф... это было божественно, не смейся! Я правду говорю! Ну а теперь можешь спрашивать что угодно, лукавить не буду. – Обжора прикрыла ненадолго глаза, а когда открыла их, её лицо опять изменилось – без хитринки и блеска во взгляде, девушка выглядела серьёзным дельцом.

Найдёныш и доверие

Отмывалась в душе я долго и упорно, когда надела длинный махровый халат, за окном уже стояла полночь, подсвечиваемая огнями города.

Моя благодетельница, переодетая в забавную голубую пижаму с принтом в виде маленьких пуделей, ждала меня в гостиной, восседая на диване из коробок. О-хо-хо её личико так вытянулось при виде вымытой меня! Да что уж говорить, я и сама долго залипала на отражение в зеркале, доселе не надеясь увидеть первую ипостась в нормальном виде.

Стояла пред внимательными серыми очами долго, давая разглядеть себя во всех деталях. Да-а-а, смотри, я тоже красива! Марриам пришла в себя, закончив осмотр, пригласила на кухню. А меня и звать второй раз не надо! Жуть какая голодная навернула две увесистых тарелки спагетти с какой-то вкусной фигней сверху и сочные сладкие пирожки с вишней.

В перерывах от созерцания еды и пережёвывания успевала разглядывать обстановку. Всё было выдержано в пастельной палитре кофе с молоком. Кухня отделялась от зала прозрачными стеклянными дверьми, что создавало иллюзию единого пространства, хотя обеденная зона была совсем уж маленькой для таких-то хором! Мы сидели за небольшим столом напротив панорамного окна.

К окончанию трапезы настроение мне немного омрачи-

ло неприятное открытие – оказывается, за время бродяжничества организм пристрастился к алкоголю, ибо по-другому объяснить своё разочарование из-за отсутствия оногo в квартире нечем.

Дав Марриам отмашку на старт тысячам вопросов, взяла в руки салфетку и начала её теревить, скатывать в комочек... а-ха-ха-ха времена другие, а привычки всё те же! Частенько во время разговоров неосознанно начинала издеваться над всем, что можно смять.

– Как тебя зовут? – бля-я-я мне уже как пару часов подряд помогают, а я даже имя своё не сказала?! Почувствовав себя полной невежей, удовлетворила запрос:

– Шакари.

– Шакари? – переспросила двулика.

– Да. Но ты можешь звать меня как угодно: Кари, Кара, Рири. Даже собакой подзаборной можешь звать: не обижусь. Ты меня спасла! Ещё с недельку уличной жизни и мою жизнь бы забрали праотцы или шпана в какой-нибудь подворотне. – Марриам немного зависла, что-то обдумывая.

– Хорошо, Рири. Но такого самоуничужения слышать не желаю. Сколько тебе лет?

– Тридцать исполнилось недавно. – Салфетка круглым комочком выпала из рук, покатилаcь к краю стола, но я успела поймать плутовку, сжав её посильнее в руке. Мои махинации с несчастной бумажкой отвлекли немного ошарашенную от-ветом благодетельницу.

Очаровашка не стала заострять внимание на моих словах. Разговор потёк в другое русло:

– Ты меня прости, я выкинула твои вещи, предварительно прошупала карманы и ничего в них не нашла: ни документов, ни денег. Только телефон выключенный и наушники. Это всё что было у тебя с собой?

– Да, больше у меня ничего нет. За одежду не извиняйся, после стирки она бы превратилась в ничто. Документы то ли потеряла, то ли спёрли по пьяни – не помню. – Её жалостливый взгляд меня покоробил, уж чего-чего, а жалости к себе я не приемлю. Похоже, это отразилось на моём лице, потому что Марриам быстро стёрла сострадальческую мимику подальше.

– Хорошо, пока всё понятно. Пойдём спать. У меня для тебя уже готова гостевая спальня. – Хозяйка встала, провела меня через склад коробок в зале, открыла незаметную дверь. Ну вот почему двери в этом доме сливаются со стенами?

Спальня была небольшая, но для меня она словно дворец. И опять же всё в пастельных тонах, такое нежное и воздушное. Двухспальная кровать посередине, между ней и панорамным окном, занавешенным тяжёлыми кофейными портьерами, стояла небольшая тумбочка с простым светильником. Над кроватью висела модульная картина, изображающая закат в степи. Мягкий ковёр дополнял уютное гнёздышко.

– Располагайся, не стесняйся. – Сказала девушка за моей спиной, я повернулась и внимательно взгляделась в серые

жинил, приводя меня в полный восторг! И было с чего, ведь это вам не холодная земля, теплотрасса или кучка тряпья на полу! Выключила светильник, что освещал комнату, укуталась одеялом с головой.

Хотелось сразу же погрузиться в объятия сна. Расслабила напряжённые мышцы, закрыла глаза и . . . , и нифига! По ощущениям не могла заснуть в течение трёх часов! Тело привыкло к твёрдой поверхности предыдущих лежбищ – ни в какую не хотело подарить мне покой. Я вертелась, крутилась до тех пор, пока не вспотела. Психанула, положила подушку на пол, легла вслед за ней, закуталась на манер гусеницы и мгновенно вырубилась.

Марриам и сила предков

Проснулась я часов в десять утра, сделала зарядку, похрустывая изнурённой вчера спиной, привела себя в порядок, сделала завтрак, потом пошла будить Рири.

Открыв комнату, увидела её на полу. На лёгкие толчки рукой мне ответили тихим бурчанием из-под одеяла: «Денег нет, сами валите в другое тёплое место». Мой смех разбудил девушку, на меня уставились красными припухшими веками.

– Прости, долго не могла уснуть, который час? – уже более бодро ответил найдёныш.

– Ничего страшного, на новом месте всегда трудно уснуть.

– Эх-х-х, дело не в новом месте, а в постели.

– А что в ней не так? Мне стоит поменять матрац?

– Ага, поменяй его на брёвна, моей царской попе пришлась не по вкусу ваша крестьянская кровать: слишком удобно, слишком офигенно. – Ухмыльнулась Рири.

Я тихо посмеялась, оставив без комментария её предложение.

– Вставай да иди умывайся, новую зубную щётку ты вчера нашла в ванной? – гостья приняла сидячее положение, прикрывая одеялом обнажённое тело, кивнула. – Отлично, через десять минут жду тебя на кухне.

Рири прибежала через три минуты: или она успела сильно

проголодаться, или очень шустрая.

– Садись. Чай, кофе, молоко?

– А вино в обители Бога Жизни не подают?

– Как там – не знаю, а у меня выбор невелик. – Я встала и выжидательно посмотрела на неё.

– Чай, кофе сейчас нельзя, а то слишком много потрясений на моё сердечко в последнее время свалилось.

Кушали мы в полной тишине. Рири, как и в прошлый раз быстро очистила тарелку. Когда я доела, девушка вызвалась помыть посуду. Предоставив ей такую возможность, хотела направиться в гостиную, но вспомнив, что мебели там ещё нет, вздохнула.

– Что-то не так? – по-своему истолковав мои вздохи-охи, спросил найдёныш.

– Всё хорошо, просто на меня резко снизошло озарение, что в гостиной нет мебели, поэтому придётся разговаривать здесь. И так начнём: почему... то есть как...

Рири взяла в руки салфетку, приземлилась на стул, заканчивая за меня вопрос:

– Почему я оказалась в такой жопе? – она набрала в грудь побольше воздуха, начиная свой рассказ: – если кратко, работала на некую стаю, сливала им информацию одной крупной местной фирмы, когда всё вскрылось, меня выкинули взащей. То есть в этом городе, да и не только в городе, а во всём округе Коткару меня ху... кхе-кхе никуда на работу не берут, даже дворником. Опережая следующий вопрос, ска-

жу – нет, уехать отсюда не могу. Во-первых, нет денег, во-вторых, если вернусь на родину, то там меня просто-напросто убьют.

– Ты из округа Рессам? – она кивнула.

При упоминании слова Рессам у любого жителя нашего славного континента, да и не только его, но и мелких, разбросанных по океану островов, в голове мигом проносится, подсвечиваемая красным неоновым огоньком, бегущая строка: «Криминал, распутство, кровь, вендетта, поля веселящих растений, разбитые по зонам влияния банд районы и толпы свободных художников».

После секундного молчания я прервала тишину:

– Ну а на Инсан и Песи тебе дороги же открыты?

– С Инсан у Коткару хорошие отношения, поэтому не удивлюсь, если и там засветится в базе моя рожа. А в Песи пришлых недолюбливают, да и без местной прописки на работу никто не возьмёт.

И то верно. Песи, так же как Коткару по своему менталитету консервативен, но в отличие от остальных трёх округов закрыт прозрачным забором отчуждённости и манией величия. Всё население сплошь двуликие кошачьей ипостаси, да к тому же ярые верующие, наверное, только они со всего континента до сих пор культивируют шаманизм да поклонение Богине Смерти. Возвращая блуждающие мысли к теме разговора, поинтересовалась:

– Кому ты так сильно насолила? – она долго не отвечала,

превращая в труху комок из салфетки.

– Брату главаря местной стаи волков, я была его личным секретарём, считай доверенным лицом, предательства двуликие не прощают, хотя ты и сама это прекрасно знаешь.

Ох, ну и надо же было ей так вляпаться! Что в земле Рессам не сиделось? Волчья стая самая влиятельная и сильная в этой области. Хоть они и не убили Рири, но и пощадой обречение на бомжевание не назвать.

– К сожалению или счастью я не слишком много встречала двуликих, в Инсане ведь основное население составляют одноликие-люди.

Рири приподняла брови и продолжила:

– И что с того? А сама-то ты по себе не можешь судить о характере да повадках оборотней? Тебя что воспитывали даже люди? Ох уж эта мода у богатеев: скидывать своё чадо на попечение няnek. Одноликие на такую должность не годятся, слишком разное у нас с ними мировосприятие, чтобы доверять им столь важную миссию. – Тут пришла моя очередь вскидывать брови:

– Не говори ерунды или ты так плохо выпалась, что увидела во мне двуликого? – хмыкнула я.

– Ты прикалываешься? Да я оборотней за версту чую, тем более тебя – хищника. Да твоя аура разве что только в глаза, как свет от лампы на допросе, не бьёт!

– Я – однолика. – В странных спорах главное – продолжать гнуть свою линию. – Меня воспитывали в приюте та-

кие же люди, как и я. Хоть в моей жизни было мало оборотней, но они же там были, и никто ничего подобного до тебя мне не говорил. И уж будь я правда двуликой, какая-нибудь местная стая взяла бы меня под опеку.

– Ну а я потомок шамана в энном поколении. Толку от меня ни на грош, вижу лишь истинную суть того, что скрывается под оболочкой, то есть ауру. Раз тебе никто ничего не говорил, значит, никто не знал твоих родителей, вот и всё. Наверное, ты чей-нибудь ублюдок или же все родственники умерли. – Рири почесала подбородок, пристально меня разглядывая.

– Твои доводы интересны, но это невозможно, потому что за тридцать девять лет жизни я ни разу не замечала зова своего зверя.

– Сколько ты сказала тебе лет?! Прости, но ты тугодум каких только поискать! В зеркало давно смотрела? Тебе с натяжкой можно дать лет двадцать пять! Или ты думала, что твои родители «одноликие» передали тебе гены вечной молодости?! Даю хвост на отсечение, что ты не болела ни разу и твоя амбулаторная карта девственно чиста! И что с того, что зова не слышала? Твой зверь просто спит как убитый! – Рири перешла на крик, вроде бы проблемы у меня, а нервничает она, забавно.

– Хорошо, я сделаю вид, что поверила тебе. В таком случае что ты предлагаешь мне делать?

С Рири было интересно общаться: она не лебезила, не бо-

ялась меня и обладала чудной манерой речи. Прогонять её совсем не хотелось, впереди длинные выходные, так почему бы не подыграть и не посмотреть, к чему приведёт этот спектакль?

– На данный момент всё сложилось удачно, ведь ты встретила меня! – девушка выпятила по-мальчишески плоскую грудь, гордо приподняв нос. – При другом раскладе дел ты просто-напросто прожила бы лет двести, но к ста годам кукуха точно поедет: непробуждённый зверь как китовый ус, медленно разворачивается внутри, в нашем случае не желудке, а душе, и мучительно убивает тебя изнутри. Ему воля нужна, простор, свобода действий, а он сейчас сидит и тихо скулит от безнадёги быть услышанным. Тебе может помочь перевоплотиться любой представитель двойной ипостаси, однако в плане контроля своих гормонов и чувств двуликие женщины будут лучше мужчин. Ха, тестостероновые гордецы слишком примитивны. Я могу запустить твой механизм перевоплощения.

Представив, как ракета одноликих учёных, сжигая топливо, пулей уносится в космос, я спросила визави:

– Запустишь? Это как? А сама ты тогда получается кто?

– Разве по моей молодости относительно возраста не видно? Помимо того, что я хороша в человеческой шкуре, я симпатичный оборотень смешанной крови. Моя мама была лисой, а отец псом. А-ха-ха-ха, знаю, дикая помесь получилась, как увидишь меня в другой ипостаси, тоже поржёшь. Сейчас

перекинуться не могу: мой зверь залечивает раны. Денька через три сможем помочь тебе. Всё пройдёт быстро и безболезненно, просто мой «лиса-пёс» разбудит и позовёт твоего зверя. Так-с вопросы насущные мы, кажется, решили, как насчёт второго завтрака? – Рири наклонила голову и жалостливо посмотрела на меня.

– Тебе плохо не станет?

– Нет. Чем быстрее я приведу в норму человеческое тело, тем быстрее залечит раны мой зверь. – Спорить с ней не стала, просто указала рукой в сторону холодильника:

– Бери что хочешь, меня не теряй: буду в своём кабинете. – Пока я говорила, найдёныш уже успела подлететь к холодильнику и запихать в рот бутерброд с колбасой. С набитым ртом она повернулась ко мне с немым вопросом. – Кабинет рядом с моей спальней. – Видно было, что понятнее ей не стало, вздохнув, уточнила: – просто открывай все двери подряд, не заблудишься.

Оставив лису на кухне уничтожать мои скромные припасы, отправилась в одиночестве всё обдумать. Если она мне не врёт, то новые обстоятельства могут в корне перевернуть мою жизнь.

Если всё что она говорит правда, то что же получается? Срок моей жизни составит примерно триста лет. Из этого выходит больше возможностей и сил, чтобы развернуть мою компанию, открыть больше филиалов, охватить побольше городов. Ну и проблемы от этого тоже имеют место быть

– менталитет Коткару, именно из-за него могут возникнуть нежелательные гости на моём пороге.

Возвращаться в Инсан после проделанной работы величайшая глупость. Здесь же будет хлопотливее, чем планировалось изначально.

Лисица и волчица

Марриам оставила меня одну на кухне, это она зря сделала. И зря сказала чувствовать себя как дома: я же словно саранча сметаю всё съестное на своём пути. Вдоволь надругавшись над содержимым холодильника, решила привести мысли в порядок.

Утренний разговор вышел каким-то сумбурным. Я-то думала, как отблагодарить моего благодетеля раз она богата и у неё всё есть. Неожиданно возможность сама прыгнула мне в лапки. Правда придётся задержаться в гостях на пару дней, а потом опять выживать что есть сил. После посланного выше шанса выжить, не хотелось закрыть глаза и умереть без борьбы. Может плюнуть на мир ликих? Обернуться зверем и уйти в лес? Ловить белок да зайцев, драться с дикими животными за территорию... Одичать.

Инстинкты меня в этот раз не обманули – Марриам хороший двуликий: такая добросердечная, приютила на ночь одинокого бомжа; такая спокойная, ну вот как можно реагировать на информацию, что я ей преподнесла, с холодной головой и отсутствием какого-либо недовольства? скорее всего мне просто не поверила, но, по крайней мере, её лицо в тот момент ничего не выражало; милая, домашняя, готовит вкусно.

Один изъян – её наивность раздражает. Неужели Марриам

такая недогадливая? Ха-ха-ха, подобная молодость да свежесть лица и тела доступна только двуликим-оборотням. Так мы и живём в среднем лет триста. Прямо представляю как лет в сто с лишним, оставшись на родине и, что маловероятно, не сойдя с ума, пребывая в неведении, кто она есть на самом деле, смотрит в зеркало и нахваливает дорожные кремы, фитнес-тренера, экологию и прочую фигню.

Вот выйдет замуж за порядочного оборотня, благо Коткару до невест охоч, совьёт уютное гнёздышко для своей семьи, станет отличной мамочкой и будет у неё в жизни всё прекрасно... звучит как сюжет мыльной оперы с телеканала «Плаксивые жизненные романы».

Мои ленивые мысли разлетелись от громкого крика. Быстро встала и пошла на звук. В зале увидела приоткрытую дверь, по мере приближения к которой мои глаза готовы были вылезти из орбит, а уши, не веря в происходящее, хотели свернуться в трубочку. Моя милая, тихая очаровашка ругалась с кем-то по телефону отнюдь не по поводу мира на всём континенте или снабжения водой нуждающиеся острова. Встав за дверью, стала греть любопытство.

– ...громче говорите! Язык из жопы вытащите! А я говорю, что Вы, Мар Серых, должны были ещё вчера утром скинуть мне на почту извещение об окончании строительства! Так какого треликого духа, я не вижу его и не могу дозвониться до вашего начальства? Что Вы там вякаете?! Или хотите сказать, что объект не готов к сдаче!?! Через пять дней

приезжают из стройнадзора! Мне совершенно безразлично Ваше мяуканье! Через тридцать минут подъеду на объект и, если на месте не будет Вира с готовыми документами, я Вам всем руки выдерну и в анальное отверстие вкручу, раз Вы ими только и делаете, что в носу колупаетесь в отведённые на работу часы!

Резко наступила тишина, я было поспешила вернуться на кухню, но меня припечатало дверью к стене.

Болезненный стон привлёк Марриам, она быстро закрыла дверь и посмотрела на меня своими обсидиановыми от гнева глазами. Казалось, что на лицо её легла мрачная тень, лоб прорезали морщины, на виске билась жилка, брови сдвинулись к переносице, бледные губы едва заметно сжались. Того и гляди зарычит или разорвёт на кусочки! Вот это я понимаю двуликий-оборотень! От прежней милашки не осталось и следа! Она смотрела на меня секунд тридцать, но и этого хватило, чтобы мои поджилки затряслись.

Резко, как наваждение или сон, одна маска сменилась другой и теперь на меня смотрел прежний щенок: бровки домиком, глазки округлила, отчего? от удивления?

– Прошу прощения, у тебя кровь из носа капает. Так сильно ногой дверь толкнула? Пошли быстрее лёд приложим. – Офиге-е-еть... это как бы я, тут стояла и подслушивала, а меня ещё и жалеют?

Пока сидели на кухне, Марриам вводила меня в курс дела:
– Некоторые индивиды не выполнили свою работу, к то-

му же решили выставить меня дурой, мол это Вы, Марри-ам Вишня, не предупредили. Надо съездить и навести порядок... – Я её прервала:

– Это у тебя фамилия такая или что? – перебивать не культурно, но жутко стало интересно.

– Фамилию придумал делоправитель в детдоме, когда оформлял мои документы. В честь чего такая фамилия сама догадайся.

– В честь мази? В честь хирурга или писателя? – она отрицательно мотнула головой.

– Думай проще. – Я нахмурилась, – дети из моей группы дали мне прозвище, тогда я ещё толком не умела говорить и повторяла как мантру одно и то же слово.

– Вишня? – красавица улыбнулась. – Серьёзно? У тебя было столь няшное погоняло, ой, то есть прозвище?

– Да, что было, то было. У нас с такими вещами никто особо не заморачивался, да и воспитатели как-то умудрялись создать вокруг нас благоприятный микроклимат, можно сказать, нас сплотили как одну большую семью, поэтому дети выросли, и по сей час молодняк растёт не озлобленными и дружными членами общества. – Лучики смешливых морщинок на пару секунд украсили уголки глаз благодетельницы.

– Звучит как утопия.

Хозяйка вздохнула, зависла на пару секунд и продолжила:

– Ладно, сейчас не об этом. Я дам тебе самый маленький размер одежды, что у меня есть в гардеробе, а твоё дело

быстро привести себя в порядок и ждать в коридоре. Сначала решу проблему на объекте, потом купим тебе одежду нормальную и заедем в продуктовый. Я смотрю, холодильник ты вымела начисто, разве только языком изнутри не облизала.

Марриам, смеясь, прошла в одну из восьми комнат, чьи двери шли одна за другой по всей стене параллельной кухне, двери и впрямь сливались со стеной: не было видно ни косяков, ни щелей, только торчащие тёмно-коричневые ручки выдавали их наличие.

* * *

Через пять минут мы уже сидели в машине и мчались в направлении к центру города. Внутри салона было приятно сидеть: кондиционер освежал, прогоняя последние мгновения предосенней духоты. Кресло максимально удобно подстроилось под моё тельце. Полная тишина, ни шума двигателя, ни шума колёс. Я успела заснуть и проснулась только когда моя благодетельница закрыла за собой дверь. Посмотрела по сторонам, высматривая объект, по которому возникло столько шума. Интересно, что же там такое?

С парковки открывался вид на большое трёхэтажное здание кофейного цвета. Здание окружено яблоневым садом и детскими площадками, по периметру обнесено сварным чёрным кованым забором.

Дизайнер постарался на славу: красивый дом выдержан в

классическом стиле, выглядел дорого, но при этом не бил в глаза помпезностью. Располагался же он у подножия одной из гор, которая была покрыта хвойным лесом.

Что в других округах строят в центре городов? Администрацию совета стай или элитные высотки? А здесь решили оставить на своём месте небольшой участок бора, вокруг которого проложили огромную кольцевую развязку.

Да кем же это надо быть, чтобы выбить разрешение на строительство в таком охрененном месте?! В округе Коткару за каждый свободный клочок земли велась ожесточённая борьба: рубить лес не поощрялось ни в одной инстанции, потому что оборотни, да и треликие-духи очень привязаны из-за своих вторых ипостасей к природе. Даже если нет времени для пробежки в теле зверя, то просто посмотрев на лес, мятеж в душе на некоторое время утихал.

Марриам быстро прошла по дорожке к зданию, скрылась в недрах дома и уже через три минуты вышла суровая с папкой под мышкой. В деловом сером костюме и с таким хмурым выражением лица она выглядела как настоящий Босс. Именно так, с большой буквы.

– Пропесочила кого надо? – встретила её с улыбочкой. И опять, словно шторм в океане резко утих и наступил штиль, в салон она села уже очаровательным щенком вместо рассерженного берсерка.

Оставив без внимания мой вопрос, Марриам спросила:

– Куда поедем сначала?

– Кушать?

– Могла бы и не спрашивать. – Она ухмыльнулась по-доброму, завела мотор, и мы поехали навстречу гастрономическому оргазму.

Приехали в ближайший торговый центр, первый этаж которого занимали забегаловки на любой вкус и цвет. Марриам выбрала первую попавшуюся кафешку кухни Песи. Комнатушка, отведённая под зал, была пропитана дымом жарки, запахом специй, раскалённого масла и дешёвого вина. Похоже, владелец сего заведения не знал о такой бытовой технике как духовая вытяжка и кондиционер.

– Неужели Ваше Королевское Высочество не брезгует есть в подобного рода местах общепита? – попыталась съехидничать я.

– А Вашей царской попе не по нраву местные пластиковые стулья и хамоватый персонал? Желаете отведать пищи пятизвёздочного ресторана? – Марриам растянула губы в ласковый серп луны. – Просто на разъезды времени нет, позволили и сказали, что оставшуюся мебель скоро доставят на квартиру. К тому же я заметила, как ты с удовольствием принохивалась к этому отрадному уголку. Выбирай что хочешь, я подожду тебя за тем столиком. – Она всучила мне платёжную карту, оставив со столь сложным выбором наедине. Что делать, если хочется опробовать всё меню?

Марриам и её семейный бизнес

В кабинете думать не о работе как-то не получалось, поэтому отложила вопросы своей личной жизни в сторонку, открывая и проверяя почту. И понеслась... Ну почему? Ну почему я не могу отдохнуть хотя бы одну неделю, чтобы всё работало как часы без моего тщательного надзора? Когда дело касается работы, я становлюсь немного дёрганной и злой – так говорил мой бывший муж. Однако как тут быть спокойной? Это же мой бизнес, проект, доход, надежда и опора. Сама поднимала с нуля, наращивала обороты, «вскормила и взрастила». Только-только закрыла основные кредиты и займы. И тут какой-то малахольный заявляет, что это не он не уложился в заданные сроки, а я что-то там напутала.

«Всё, держись тварь – я еду» – стало бы последней адекватной мыслью, если бы не вскрик малышки. Не могу воспринимать её иначе как младшую сестру. Конечно, разница в девять лет невелика, но дерзкое личико с тёмными кругами под глазами и тощее высокое тельце вызывает лишь желание погладить по голове и всучить что-нибудь вкусное. Эх, все эти мысли оттого, что я давно не видела своих младшеньких? Надо будет им позвонить попозже, а то такими темпами я сюсюкаться и с подчинёнными начну.

Может быть, Рири права, во мне сидит зверь и тихо там рычит. Иначе как объяснить затмения моего разума еле сдер-

живаемым гневом? От моих вспышек агрессии частенько страдают другие, вот и найдёныш ненароком попала под раздачу, хотя отдуваться должна была одна лишь дверь. Чувствуя вину за её немного распухший нос, не смогла наорать даже на этого Виру и его приспешника. А так хотелось сбросить на них эмоциональный шквал бранных слов!

Переходя с рабочего режима лица на домашний, поинтересовалась с чего хочет начать покупки лиса. Ответ меня рассмешил: это чудо опять проголодалось. Она ест за себя, лиса и пса? Такое вообще возможно? Или её организм в шоке от такого количества еды после длительной голодовки и запасается впрок? Если бы не знала, что к двуликим-оборотням болезни с паразитами не липнут, заперла бы девушку в больницу проходить обследования и лечиться.

Как ни странно, в кафешке Рири заказала всего лишь тарелку острого супа с рисовыми пампушками, а мне поставила зелёный чай. На вопрос зачем взяла пиалу чая, ведь я не заказывала, ответила:

– Да чтобы ты не с пустыми руками сидела и пялилась как я ем. Или тебе нравится смущать бомжей? У тебя такой фетиш? Извраще-е-енка! – протянула с ехидцей та.

– А тебя можно засмущать? Серьёзно? Знаю тебя всего ничего, но уже успела прийти к выводу что это чувство в тебе напрочь атрофировано.

Рири принялась за суп, съев совсем немного, стала меня допрашивать:

– Ты такая странная, и в то же время нет. Не могу понять. Вот на первый взгляд прям божий одуванчик. И мимо ликого в беде не прошла и после моих словечек за шиворот не выгнала. А с другой стороны, ты прям грозный босс, ни фига не простофиля.

Я собралась было ответить, но увидела, как в супе плавают таракан.

– Вставай, пойдём отсюда. Было плохой идеей обедать здесь. – Она вопросительно вскинула брови. Объяснила: – в супе таракан.

– Да плевать.

– Это антисанитария!

– Это белок.

– Говорю пойдём в другое кофе или, тлен с ним, поедем в ресторан, позвоню скажу, чтобы мебель завезли попозже. – Я уже встала.

– Сядь! Смотри! – лиса вытащила таракана ложкой, положила его на салфетку, аккуратно сложила клочок бумажки конвертом. – Оба-на! И таракана как не бывало! Ну вот чего ты изумляешься и мордочку кривишь? Этот бедолага сварился заживо так и не отведав супчика, а я от его самоотверженности нос воротить должна? – и она действительно взяла ложку и продолжила есть. – Так ты с темы не съезжай! Что мы там о тебе выясняли?

– Я должна выдавать всё как на духу? Притом что ты для меня остаёшься загадкой.

– Не хочешь говорить – не надо. О себе мне сказать нечего, а кратко ещё утром всё изложила. О моей жизни до переезда в Коткару тебе знать не надо: слишком много беспроектного дерьма вылилось ещё до моего рождения, разгребала его, сколько себя помню. Сплошная чёрная полоса... – Рири запихнула в рот целую пампушку, из-за чего её щёки раздулись как у хомяка, поэтому я быстро достала телефон и запечатлела этот момент.

– Смотри, – повернула к ней экран с её фотографией. – А ты ещё говоришь, что я – милая! Ага! Качок под два метра ростом. Вот это я понимаю, – показала на неё рукой. – Шеп? Матур? Не разбираюсь в вашем молодёжном сленге, но ты меня поняла.

Рири покраснела, попыталась выхватить мой телефон. Я отстранилась, отвела руку с мобильником подальше. Лиса вспыхнула:

– Что? Да ты! Как тебе не стыдно! Где твоё чувство такта?! Я тут, понимаешь, трагизм навожу, ареол мрачности на себя напускаю, а она...

Убрав телефон в карман, облокотилась на стол. Произнесла:

– А я трагизм и мелодрамы не люблю, комедии предпочитаю. – Я перебирала пальцами на столе, набивая неизвестную мне мелодию. Следующие мои слова немного выбили её из колеи. На лице найдёныша проскочило замешательство: – как тебе идея работать на меня?

В выражении её глаз мне почудилось сдерживаемое сожаление. Голова Рири как-то печально опустилась и даже суп прекратила помешивать ложкой. Немного погодя до ушей донёлся шёпот:

– Не выйдет.

– Не хочешь? – уточнила я.

– Не позволят. Предупреждала же: я в опале, моё пребывание рядом с тобой уже само по себе не законно. За нами следят – жопой чую. Конечно, я тебе благодарна, да ты даже не представляешь как сильно! Но мне надо уйти сразу, как только разбудим твоего зверя. И...

– И замолчи. – Оборвала её речь, – это где такие законы прописаны? Да и кто вообще посмеет встать у меня на пути? – Рири вздрогнула, видимо в глазах моих опять появилось что-то мрачное, поэтому немного успокоилась и продолжила: – сегодня утром ты рассуждала очень резво и логично, но упустила один момент: бал правят не только оборотни. Или немного перефразирую: чтобы иметь вес в обществе не обязательно быть двуликим. Как одноликий я довольно влиятельна.

– Да ну нах, ты из преступной группировки?! Какой? Не ухмыляйся! Глаза не закатывай! Ты же шутишь, да? – с чего у неё такая паника? Сама же из Рессама приехала, у них там такое сплошь и рядом.

Хорошо, раз найдёныша это так пугает, надо немного успокоить:

– В каждой шутке есть доля шутки. Можешь считать, что я не ликий криминала. Ладно, ладно, успокойся! Сядь и медленно-о-о положи ложку на стол, – стала увещевать лису, а то, того и гляди, кинет мне ложку в лоб, да даст стрекоча. И с чего она так перепугалась? – Просто связи, деньги и удача! Никакого криминала! По крайней мере, с моей стороны.

Рири как-то резко сдулась, обмякла на стуле, пробубнила:

– Зачем я тебе нужна? У тебя других работников нет?

– Во-первых, ты девушка толковая, шустрая и хитрая; во-вторых, правда пока я ещё в это не верю – покажешь мне мою скрытую ипостась; в-третьих, нас свела сама судьба! Ну и ты похожа на мою младшую сестру.

Двуликая недовольно на меня посмотрела, возразила:

– То, что я наполовину лиса не делает меня хитрой. Это стереотипы.

– Стереотипы так стереотипы. – Плечи мои приподнялись, пуская по серому пиджаку волны складок.

Рири спросила с интересом в голосе:

– У тебя есть сестра?

– Сестра? Ага, целых сорок названных сестёр и столько же примерно братьев.

– О-о-о-о не-е-ет, это же уже целая организованная преступная группировка получается!

– Хватит ныть и краски сгущать. Слушая твои охи-вздохи, покаяться захотелось в том, чего не совершала. Доела могильный супчик? – посмотрела на часы, – время ещё есть.

Быстро пробегишь по второму этажу, купи себе вещи первой необходимости. Я в продуктовый, встречаемся на парковке. На всё про всё тебе сорок минут. Банковскую карту можешь потом не отдавать, считай это твой аванс.

Обречённо и с толикой обиды?! взглянув на меня, лиса упорхнула оперативно исполнять поручение. Справилась она за двадцать минут.

* * *

Вечером после ужина мы принялись расставлять привезённую мебель, раскладывать содержимое коробок по местам, протирать и намывать полы. К десяти вечера наконец-то свободно выдохнули.

– На сегодня всё? Если да, то я пойду спать. – Глаза найдёныша покраснели от пыли, придавая ей болезненный вид. Эх, на эту страдальицу даже смотреть больно, но как бы это ни было тяжело делать самим, клининговым службам я не доверяла.

– Подожди, у меня кое-что для тебя есть.

– Кое-что? А чего у тебя для меня нет? Я выиграла в какую-то лотерею, да? Или я реально померла в подворотне и попала в обитель Бога Жизни? Не смотри на меня так осуждающе! Ну не могут же в пыточной Смерти быть такие добрые черти?!

Не дав ответа, сходила в кабинет и принесла телефон.

– Держи. Там уже есть номер моего телефона и номер моих секретарей. Видела, свой старый ты выкинула в мусорку на стоянке.

– И много у тебя в кабинете новых телефонов валяется? – Валяется? Я купила его, пока ты бегала по магазинам, но да лень объяснять. – Что это? Наклейка с рыжим лисом? Я не такая жирная!

– М-да? Я не видела твоего зверя, однако при условии в каком количестве ты уничтожаешь еду, могу догадываться... – Рири стала прожигать меня злобным взглядом, хотя такое меня не пугает, а умиляет, – всегда пожалуйста, спокойной ночи.

Развернувшись на пятках, покинула зал, вслед мне донеслось:

– Что за?! Это не наклейка? Какого хрена? Ты где телефон с такой задней крышкой корпуса нашла?!

Не зря я к ней тогда подошла. Хотя бы тот факт, что от улыбок мои щёки уже немного болят, несказанно радует. С Лешим так не повеселишься, ну а на работе и вовсе места для такого нет.

Весточка из прошлого

Пока мы наводили порядок в квартире, разговорились, поговорили обо всём и не о чём. Марриам интересный собеседник, при этом вывести её на чистую воду невозможно; не смогла выяснить, что за связи и как это нужно извернуться, чтобы построить дело с нуля: наследства и родственников у неё ведь не было. Умеет заговаривать зубы.

Из беседы наскребла совсем немного информации о ней самой: была замужем, развелась, поделили имущество и старый бизнес, поднакопила денег и рванула сюда разворачивать новый проект. То здание, по которому шёл сыр-бор сегодня утром, принадлежит ей; это частный детский сад нового типа, как я поняла, попасть туда смогут отпрыски не только толстосумов, но и дети родителей среднего класса. Какой с этого можно поиметь навар, я не расспрашивала, да и не надо таким интересоваться; мне хватило тех искорок в глазах, когда она расписывала во всех красках свою идею о внедрении в практику разработанной ею технологии развития детей, сразу стало понятно, что Марриам горит этой идеей и вклад в педагогические науки ставит не ниже накопления капитала.

Спать легла опять на пол, не хотела мучиться и уговаривать тело привыкать к комфорту. Привыкать к комфорту? Звучит абсурдно.

Неужели наступила белая полоса? Да и не безрассудно ли это с моей стороны довериться в очередной раз первому встречному? С другой стороны, кочевряжиться невероятная глупость. А вдруг меня не захотела забирать к себе Богиня Смерти, но мои мольбы услышал Бог Жизни? Рой мыслей окончательно истощил наеденные за день силы, и я погрузилась в темноту.

В темноте той, крепкая с синими прожилками вен рука протянула мне букет алых маков. Угольные сердцевинки смотрели на меня своими пустыми глазницами, по широким лепесткам стекали бусинки красной холодной росы. Роса собиралась в тяжёлые капли, стекала по толстым хрустящим стволам, лаская мои ладони густым потоком. Поток разливался неиссякаемым водопадом бурой крови. Голые ступни по щиколотку погрузились в озеро маковых соцветий. Мечущимся по темноте взглядом удалось выловить плывущий вдали сизой дымкой силуэт. Силуэт моего спасителя, моего палача. Его красные глаза сощурились в издёвке, губы искажились в оскале; сорвалось тихое: «Любимая, я жду тебя».

Вынырнуть из кошмара не получалось невыносимо дол-

го. Словно вязкая субстанция обволакивала моё тело и не давала поднять веки. Хотелось вскочить, заорать, да сделать что угодно, лишь бы выбраться из этого состояния. Пробуждение было резким и мокрым. Проморгавши и смахнув влагу с ресниц, посмотрела по сторонам. Рядом со мной сидела на коленях Марриам, держала в руках пустой стакан, внимательно смотрела на меня:

– Очнулась?

– Надеюсь, ты вылила на меня ликер или ром.

– Проснулась. Рири, как себя чувствуешь? – вопросительно посмотрела на неё, требуя объяснений. – Долго не просыпалась, а когда я вошла тебя будить, ты билась в конвульсиях и рвала одеяло когтями.

– Прости за беспокойство, – я посмотрела на лоскутки, разбросанные по мне, – и за одеяло. Просто приснился сон под названием «выживаем на минималках в хард режиме». Ха-ха-ха...

Марриам нежно смахнула мою отросшую чёлку со лба.

– Вставай, сегодня дел нет никаких, разве что помощник на чаёк заедет. Он, кстати, вместе со мной из Инсана приехал. И думаю, тебя надо подстричь.

– Мне так не идёт? Я могла бы ещё немного отрастить волосы и делать причёски. Или моя будущая работа требует дресс-код?

– На моей родине есть поверие: волосы забирают на себя весь негатив, что изливается на хозяина. Хочу, чтобы ты

на физическом уровне сбросила всю тяжесть прежних лет. Ведь мы начинаем новую жизнь? Или будем держаться за прошлое?

– А если я правда сделала что-то по-настоящему ужасное? Захочешь ли ты оставить меня рядом? – невольный грустный хмык исказил мои изгрызенные во сне губы.

– Если ты преступила закон, почему не в тюрьме или земле? – двуликая недовольно сощурилась. – Обещания я на ветер не бросаю. Или как ты бы сказала? Хватит трепаться и почесали хавать? – с этими словами она вышла из комнаты.

Раз мы сегодня никуда не планируем выходить, буду гонять по дому в спортивном костюме, который мне отдала хозяйка. Новую одежду надевать в лом, а удобные спортивные лежат рядом чисто выстиранные. Ткань приятная, цвет неброский, самое то для домашних посиделок.

Я встала, собрала куски порванного одеяла, приоткрыла портьеры и расстроилась: на улице сплошной пеленой шёл дождь. Теперь всё чаще небо будет хмуриться и обламывать с хорошей погодой, здесь так всегда было перед тем, как осень войдёт в свои права. Рыжая бестия смоев все остатки летнего тепла.

* * *

– Приятного аппетита. – Пожелала Марриам, которая уже сидела за столом, пила кофе и листала газету. Почему она

читает газету, а не листает новостные ленты Гибнета? Она же с прогрессивного Инсана, так откуда в ней тяга к старью? – Твой помощник приедет скоро?

– Нет, подъедет к ужину.

– Тогда зачем на столе столько еды?

– Я подумала, что ты проснёшься жутко голодная: вчера физически устала, помогая с уборкой, завтрак проспала, а сейчас время обеда. Как раз за один приём пищи наверсташь всё упущенное. – На полном серьёзе выдала она.

– Я ж реально могу столько сожрать. В холодильнике еда хоть на ужин осталась?

Благодетельница с ухмылочкой ответила:

– Да я как-то в твоих силах и не сомневаюсь. Ал будет проезжать мимо продуктового и захватит еды, так что не переживай, вечером голодной ты не останешься.

– Хватит надо мной подтрунивать с безэмоциональной уверенностью! – хозяйка мило без ехидцы улыбнулась:

– Так лучше? – Я кивнула. – Приятного аппетита. – Больше на неё я не отвлекалась, наслаждаясь приёмом пищи.

За кружкой чая захотелось поболтать, почувствовав мой взгляд, Марриам свернула и положила печатное издание на стол.

– Что? Спрашивай давай.

– Не понимаю, разве это не убыточный бизнес? Котка-ру округ довольно консервативный, здесь в приоритете домашнее воспитание и образование, общественных садиков и

школ раз-два и обчёлся.

Девушка одобрительно на меня посмотрела:

– Поэтому и выгодно. Прежде чем что-то начинать, надо провести анализ и просчитать все риски. Опрос местного населения показал радужную перспективу: женщины оборотни хотят новизны, им будет приятно обсуждать и хвастаться в салонах красоты какое их чадо умное и разносторонне развитое; женщины рода одноликих, срок жизни которых меньше, желают добиться большего, но свободного времени мало, попасть в общественный детский сад почти нет шанса. Помесячная оплата наших услуг будет довольно приемлемой, так они смогут выйти на работу или уделить время себе любимым. Даже если дело прогорит, у меня есть финансовая подушка и море идей для других стартапов.

– Хм-м-м, хорошо. А почему развелась с мужем? И зачем переехала? Строить садик в Инсане невыгодно? – она помолчала с минуту, как будто что-то вспоминая. – Ой, я же не разбередила твои старые раны?

– Всё нормально, говорить на эту тему мне не больно, много воды с тех пор утекло как наши с ним отношения дали трещину. По-хорошему развестись надо было намного раньше, а не тратить годы на видимое благополучие.

– Вы друг друга не любили?

– Почему же? Без любви мы бы не поженились студентами без гроша в кармане. Эмиль – прекрасный мужчина, одноликий, красивый, умный, целеустремлённый. Мы вместе

занимались бизнесом, вместе преодолевали все трудности. И когда уже в вопросе финансов твёрдо стояли на ногах, захотели завести детей. У нас долго ничего не получалось. Стали бегать по врачам, но они лишь разводили руками, не давая никаких вразумительных ответов. Из-за этого нервы накалялись, начались ссоры, в итоге мы охладели друг к другу и решили расстаться друзьями.

– Ты двулика, шанс залететь от человека равняется нулю. Доктора не смогли бы это увидеть: никакие анализы, забранные с человеческой ипостаси, не выдадут твою двуликость. Раз вам не помогли врачи, почему не пошли к шаманам? Не верите в богов?

– В Инсане мало верующих. Знаешь, когда сама вера угнетает и принижает место простого одноликого в нашем мире, как-то не хочется поклоняться и молить о благосклонности.

– Создал Бог Жизни треликих, двуликих, да осталось у него ещё немного эфирного духа и состряпал он одноликих и животных. Да так плохо те получилось, что Богиня Смерти забирала их к себе пораньше, чтобы не топтали такие уроды землю нашу. – Немного переиначив исконный текст, я процитировала записанные в веках религиозные догмы.

Марриам кивнула, мол это-то и имеет в виду. Допив, наверное, уже остывшее кофе, атеистка поинтересовалась:

– Твой зверь выздоровел? Что с ним вообще случилось?

– Почти здоров, уже откликается на зов. – Я встала, моя и убирая посуду на места, отвечала: – что случилось? Да на по-

мойке шастала в виде зверя, бомжи заметили, видимо приняли за дикое животное, и палками меня отпиздили, пару рёбер сломали. Ну хоть хвост не оторвали и на том спасибо.

– Сурово.

– Да ничего страшного, бывало, хуже. Потом их всех по отдельности выследила и... – блять, рассказывать, что я им в ботинки насрала, пока они спали, некрасиво как-то.

– И дальше что?

Прокашлявшись, дабы не заржать дурниной от воспоминаний, прохрипела:

– Не помню. Была немного трезва, то есть сильно пьяна, поэтому дальше история умалчивает. – Марриам тактично промолчала и продолжила читать газету.

* * *

Весь день делать было особо нечего. Мы с хозяйкой сидели в зале на мягком ковре и подушках за низким журнальным столиком, гоняли чай, похрустывали крекерами, время от времени заводили разговор. Общих тем у нас на удивление оказалось много: будь то политика ведущих стай и кланов Коткару, культура Песи или современные технологии и инновации Инсана – куда ни копни, везде можно что-нибудь да обсудить. Потом Марриам вспомнила, что у неё есть шахматы и началась битва, в которой она проигрывала насухо раз за разом, но поражение лишь подпитывало её интерес, от

чего к вечеру мне захотелось взвыть и зашкериться под шкафом. Звонок в дверь освободил меня от рабства шахматной доски азартного Босса. Пришедшим оказался мужчина, вернее будет сказать, треликий-дух мужчина.

– Марриам, ты своих работников из волейбольного клуба подбираешь? Или просто это у вас в Инсане в порядке правила быть такими высоченными? Типо тянетесь к знаниям и космосу?

Стройный треликий снял очки в тонкой оправе и парировал мне:

– Мари, это что за тощее хамло у тебя на ковре попискивает? – интеллигентного вида дух внимательно прожигал меня своими зелёными глазами.

– Это Шакари, наша новая сотрудница и младшая сестра. Ответ Марриам, а теперь похоже, что просто – Мари, привёл меня в ступор. Что это такое? Быстрый карьерный рост или стремительное семейное пополнение? Ой, ма-а-ама-а-а, без меня, меня женили-и-и или как это называется, побратили? Ну ладно, я не против такого расклада дел.

Дух перекинул за плечо завязанные в низкий хвост чёрные словно тушь волосы. Поправив складки на тёмно-синем приталенном пиджаке и приподняв простые брюки на невероятно длинных, стройных ногах, треликий сел к нам прямо на ковёр.

Мужчина протянул руку. Мы обменялись рукопожатием. О Бог Жизни, какие длинные у этого ликого пальцы, да и

запастья тонкие. Видимо он по жизни ничего тяжелее бумаг не поднимал...

– Ал. Приятно познакомиться, языкастая сестра. Первый раз вижу, чтобы кто-то говорил в твоём присутствии в такой манере. Или она просто напрочь отбитая? – последние реплики предназначались Мари.

Благодетельница пожала плечами. На лице её сосредоточилось спокойствие.

– А мне нравится, хоть какое-то разнообразие: работники язык в попу засунут, коллеги и партнёры заискивают, братья на родине с семьями остались, не поговорить теперь с ними толком. Ну а ты вечно с каменным еблетом ходишь, из тебя даже каплю эмоции не выжмешь. – Перечисляла Мари, ковыряясь в ногтях. – Жрать принёс? У меня дите не кормлено.

Метаморфоза хозяйки привела меня на долю секунды в ступор. Моя очаровательная добродетельная будущая начальница совсем не фильтровала речь в присутствии этого учёного вида треликого. И не похоже, что таковое входило в ному. Хотя его идеальных черт лицо не покорило тенью возмущения, угольные, тонкие брови вразлёт не приподнялись ни на миллиметр!

Ал молча перенёс пакеты с коридора на кухню и ушёл мыть руки. Тем временем мы, как любопытные коты, стали шуршать в содержимом оных, решая, что можно съесть сейчас, а что оставить на завтрак. В итоге на стол выставили ку-

чу контейнеров с готовой ещё тёплой едой из какого-то ресторана кухни Рессама, целый мешок пирожков с вишней, а их, на минуточку, было там тридцать штук и бутылочку вина.

– Зачем столько пирожков? Да ещё с одной и той же начинкой? – поинтересовалась я.

– Пирожки с вишней – вопросы излишни. – Обратил на себя внимание подошедший мужчина. Он второй дух, которого я вижу за всё время своего существования. Какого лучшего они так тихо ходят? Или парят над полом временами?

Мы расселись по местам и приступили к вечернему перекусу. Ели не спеша. Названные брат с сестрой обсуждали что-то по работе, какие-то там проблемы. Вслух почти ничего не произносили, лишь обменивались взглядами, но при этом диалог их развивался стремительно, не теряя логики. Если бы не факт, что духи и оборотни не могут общаться посредством мыслей, не открывая рта, я бы всерьёз уверилась, что они перебрасываются фразами на ментальном уровне.

За ужином они выпили лишь по полбокала, я же решила допить бутылку, ведь зачем добру пропадать, да? По комнатам мы расходились в двенадцатом часу. Дух подошёл к входной двери, перекинулся в блекло-зелёный дым – свою третью ипостась и просочился через замочную скважину на лестничную площадку. В коридоре, на месте, где он стоял в своей первой ипостаси, лежала одежда. Мари аккуратно сложила костюм, положила его на полочку одежного шкафа.

Немножечко пьяненькая и счастливая я вырубилась лёжа

на кровати.

* * *

Мимолётно пролетела неделя комфортной жизни.

К утру затяжной дождь прекратился. Перенасыщенная влагой земля испаряла туман. Туман собирался в маленькие облачка и оседал белым морем у подножия гор. Нижние этажи нашего дома утопали в молоке.

Стоя у приоткрытой щели портьер, выглядывая на улицу, я сладко потянулась. Тело немного ломило, но в целом своим состоянием довольна. Мой зверь всецело здоров и бодр, значит можно приступать к нашей мохнатой операции.

Открыв дверь в спальню Мари, не торопясь, перевоплотилась, проверила все ли кости целы, промяла долгое время отдыхавшие мышцы.

На старт, внимание, марш! С пробуксовочкой разогналась и влетела, аки комета или утро понедельника с бодуна, на посапывающую девушку. Попрыгала всей своей немалой тушей по её болезненно содрогнувшемуся телу. Начала залиристо по лисьи твякать и выдавать что-то похожее на лай.

– Ай-я, какого лешего?! – О-хо-хо, глазки открыла, невидяще уставилась на меня.

– *Глаза протри, не узнаёшь?* – мысленно позвала я.

– Рири? Откуда звук? – Мариам начала оглядываться по разные стороны кровати.

– Ты главное успокойся, дыши глубоко. Вот так, вдо-о-ох, вы-ы-ыдох.

Она подорвалась с кровати, скинув меня вместе с одеялом, и упала. А вот нефиг после пробуждения так сразу вскакивать, организм и так в шоке. «А-ха-ха-ха» – огласила комнату своим смехом мой зверь.

Пробуждение

Я бежала, муж не отставал ни на шаг. Я смеялась и протягивала к нему руки. Моё лёгкое газовое платье просвечивало от ослепительного солнца в зените. Идеальная причёска рассыпалась веером по спине и плечам. Сильный порыв ветра подхватил соломенную шляпку и зашвырнул её на поднявшийся гребень солёной тёмно-бирюзовой воды. Мы побежали за шляпкой, нас освежающе обрызгало каплями волны, разбившейся о валуны. Эмиль подхватил пропажу, догнал меня, крепко обнял за талию, я прижалась в ответ, притянула его голову для поцелуя и почувствовала со всего размаху удар под дых. В моих глазах заплясали разноцветные круги, затем он схватил моё ухо когтистой лапой и завизжал нечеловеческим голосом... я с силой зажмурила веки, а когда вновь открыла их, все плыло и кружилось. Какая-то лохматая фурия мельтешила перед глазами и издавала мерзкие, для недавно счастливо спавшей меня, – звуки.

Услышала голос Рири, сфокусировала взгляд, резко встала и попала под силу земного притяжения.

– Хи-хи-хи, ну зачем же так стремительно взбрыкивать. Конечно, ты плюхнешься на пол, твоё тело не привыкло к новой форме. По первой можешь даже путаться в ногах и не мочь совладать с силой рук, но не поддавайся панике: всё что происходит с тобой нормально. Давай, вставай, вот,

обопрись на меня. – Голос говорил прямо у меня в голове.

Я обернулась, сзади сидело нечто огромное и грациозное. Оно подошло и подставило свой бок. С помощью чудо-зверя села обратно на кровать. Несложно было догадаться: передо мной сидела Рири. Она ничего не говорила, давая прийти в себя и рассмотреть её вторую ипостась. Длинные тонкие тёмно-коричневые лапы, огромные чёрные уши и такого же цвета вытянутая морда. Яркие жёлтые глаза. Чёрная спина, светло-коричневое брюхо, гладкошёрстный, короткий бурый хвост со светло-коричневым кончиком. Я бы сказала, что передо мной гривистый волк.

– *Ну как?* – раздался всё тот же голос в черепной коробке.

– Как ты это делаешь? – лиса наклонила голову набок. – Как говоришь со мной? Твой рот э-эм пасть закрыта.

– *Твой разум открыт сейчас. Так могут все оборотни, но только если сам хозяин позволит и впустит чужие мысли.*

– Значит правда, что вы можете читать мысли себе подобных?

– *Нет. Чтение мыслей – детская сказка. Нам подвластна лишь передача реплик друг другу. Это работает как м-м-м рация.*

– Почему тогда ты говоришь со мной так? – она опять наклонила голову набок. – Разве я как-то дала тебе разрешение?

– *А мне оно и не нужно. Разум твоего волка пока не окреп, кинуть тебе мысли – плёвое дело. К тому же я теперь твоя*

мамочка.

– Объясняй сразу, а не бросай предложения на полпути. – Устало вздохнула я.

– У оборотней есть традиция: пробуждать зверей потомства должны не родители, а любые другие родственники, друзья или хорошие знакомые. Тот, кто обратил ребёнка, становится его духовным родителем. Теперь я для твоей волчицы мамочка. Сейчас буду учить тебя ею управлять и, если она будет шалить или вредничать, то меня будет слушаться беспрекословно. Но это лишь на первых порах, потом волчица будет всецело твоя, и никто кроме тебя не сможет на неё повлиять. Если бы зверя пробудил твой партнёр, то в его руках остался бы тоненький ментальный поводок, за который он смог бы тебя дёргать, и даже твоя крутость и сила не спасение.

– Почему так выходит?

– Ну-у-у, во-первых, управление тобой мне на фиг не удалось: я физически порву наш поводок после обучения, во-вторых, управление происходит за счёт феромонов подавления, редкий мужчина в Коткару упустит такую возможность, как приручение пары. Даже если головой он поймёт: поступает как говнюк, инстинктами зверя будет думать, что прав и таким образом, защищает тебя от других самцов. Говорила же, что они примитивны. Остальные вопросы задашь по пути. Мы отправляемся в лес. Надо закончить начатое – дать волю волку. Сейчас ты в полуформе. – Лиса

встала и прошмыгнула за дверь.

Надела толстовку, спортивные штаны, которые почему-то не хотели натягиваться, пошла в ванную освежиться перед дорогой. Ничего не замечая вокруг, уставив глаза в раковину, умылась. Промокнула лицо полотенцем, выпрямилась и обомлела. Это была я, и в то же время не совсем. Серая радужка глаз стала неотличима от зрачков, из спутанных волос торчали большие волчьи уши цвета воронового крыла. Клыки удлинились и выглядывали из-под приоткрытых губ. Теперь понятно, почему Рири через каждые пару слов вставляла *волчица*.

В коридоре меня ждал найдёныш уже в человеческой ипостаси, одетая всё в те же растянутые спортивные.

– Ничего не мешает? – сказала та с искрами смеха. – Я про хвост, ты бедненького обделила вниманием, вижу, как он расплющился в штанах. Дай помогу. – Рири подошла и бесцеремонно засунула мне руку в штаны, пошарила там, потрогав мои ягодицы, вытащила чёрный хвост. – В рассчитанных на одноликих штанах, конечно, неудобно, но тебе ведь и не надо в полуформе по офису щеголять. Хотя если надумаешь, то купить штаны с ширинкой на заднице недолго. Ключи бери, дверь закрывай. – Её команды, признаться, были нужны, потому что мыслями я была далеко и чувствовала себя не собранно. – Лес, жди нас! Короли звериных троп идут покорять тебя! А-ха-ха-ха...

Вторая ипостась

Мы стояли в лесу недалеко от нашего судьбоносного моста. Листья берёз уже зазолотились, трава под ногами промочила насквозь штаны, беспокойные птицы что-то щебетали на своём – курином. Плотный туман давал разглядеть обстановку лишь в радиусе трёх метров. На одном из холмов я вводила Мари в курс дела:

– А теперь прими супервыпендрёжную позу, вот так, повторяй за мной. – Я вскинула левую руку вверх, а второй изобразила развевание плаща.

– Хватит издеваться, переходи к главному. Сегодня дел много.

– А я предвидела, что ты это скажешь, поэтому и подорвалась тебя будить в шесть, мать их, утра! Не ссы: всё успеем! Ладно, а теперь серьёзно – раздевайся. Ну что ты так смотришь?! Одежду нахер порвёшь, потом с голым задом домой пойдёшь, да? Все зрелые двуликие умеют перекидываться без этапа раздевания, но это как трюк фокусника: сноровка и никакого волшебства. Давай мне одежду. Всё-всё снимай и лифчик тоже! Ой, да что я там не видела? Ох, мама, и правда грудь великолепна, мне такой размер только в мечтах светит. Кхм-кхм-кхм, зависть в горло попала, продолжим. Сядь попой на траву, да блять, я вижу, что она мокрая, хер с ней, тебе сейчас вообще не до жопы будет! Вот так, молодец.

Сконцентрируйся на себе, на ощущениях. Можешь глаза закрыть. Ну, как?

– Я чувствую что хочу кое-кого отмудохать...

– Потом о работе своей думать будешь!

– Хм-м-м-м... внутри... в животе... нет, в руках... ах, теперь повсюду чешется!

– Нормально, это волк лес почуял. Вот на этом и концентрируйся, дыши и выгони все лишние мысли из головы. Представь как хрень, которая тебя щекочет, вылезает через поры и обволакивает твоё тело.

– Жуть...

– Мы всё делаем молча, – подошла, положила горячие ладони ей на плечи. Толкнула на землю несопротивляющееся тело. – Вставай. – Дала команду строгим голосом.

Дым насыщенного медового запаха застелил глаза плотным покрывалом. Примерно через тридцать секунд он развеялся, обнажая огромную волчицу с маслянисто-угольной шерстью. Зверь лежал на спине, задрал лапки к пузу, потяв-кивая и ёрзая, смотрел на меня.

– Вставай. Слушай. Даю тебе тридцать минут побегать и обратно, как штык, без опозданий! – сейчас сознание Марриам померкло, поэтому рассусоливать болтовню перед «щенком» – только время терять. – Пошла! – я свистнула. Зверь рванул наверх по холму.

Бля-я-ять, я впервые вижу волка размером со здоровую лошадь! Это ж, где нам ей жениха искать?! Хотя жених сам

её найдёт: она проявила зверя, поэтому теперь любой двуликий сможет учуять её феромон. Вздохнула, опёрлась спиной о берёзу, прикрыла глаза, выпустила хвост и уши, прислушалась к лесу. Мои локаторы уловили рядом дикую перепёлку, м-м-м-м слюнки потекли, инстинкты, блин. Давно я не бегала по лесу, да и удавалось это сделать раза три за всю свою горемычную жизнь. Ладно, ещё выпадет шанс отведать местных лесных деликатесов. Слушаем дальше, вау! Уже не слышу топота щенка! Быстро она умчала. А это кто? Мышь?..

Ровно через тридцать минут волчица, а нет, Марриам с осознанным взглядом стояла передо мной. Я открыла для неё сознание, пошевелила лисьими ушами и услышала:

– *Дальше как?* – прям в душу смотрит своими обсидиановыми глазами.

– *Хочешь обратно?* – кинула ей мысленную ответочку.

– *Жрать хочу.*

– А-ха-ха-ха, понятно. Утренняя пробежка всегда нагуливает аппетит. Обратно так же. Закрой глаза, почувствуй, как нечто дымообразное выходит через поры, выворачивая тебя наизнанку. Волк возвращается внутрь, человек сидит передо мной.

Обратный процесс дался ей быстрее. Крутая она двуликая. Как кидать мне мысленные смс научилась с ходу. Вот что значит идти по зову предков! Оно же как, всё записано в крови, нам же остаётся только подобрать к этому лупу и

прочитать.

Мари оделась, правда ворчала, что жопа и ноги мокрые, и мы отправились домой. Домой?

– Мари, а где я жить буду?

– В смысле где? Со мной. Захочешь переехать в другую квартиру – не держу, только денег с зарплаты поднакопи, а то всё проеешь и за аренду заплатить будет нечем.

Ох, как же приятно, аж щёки зарделись. Это и называется бескорыстной поддержкой? Если всё это один большой обман, то я опять хочу обманываться. Если это сон, то я хочу спать до самой смерти.

– Какие планы на сегодня? – спросила, когда мы начали переходить мост.

– Сначала в душ, затем завтрак. Потом в салон твои волосы подстричь, после этого ко мне в офис.

– Далеко офис снимаете?

– Десять минут на машине с ветерком. При желании можно дойти пешком, но сегодня мне лень.

Мы покинули мост и вступили в город.

Эйфория

Это было чудесно. Нет, не так... это было одурманивающее состояние. Бежала, разрывая когтями траву и влажную землю, оставляя после себя звериные следы лап. Неслась, доверившись третьей ипостаси и отдав ей контроль над телом. Мышцы перекатывались под мехом, горячее дыхание вырывалось из открытой пасти. Только я, моя волчица и шум леса.

После пробежки уже идя обратно в город, я чувствовала, как он сидит во мне, как мы делим с ним одно тело на двоих, как наши мысли слились воедино. Рири сказала, что волчица мне покорила, шkodить и доставлять неприятности не будет. Но лучше ещё денёк за ней понаблюдать и повисеть на «поводке».

Бродяжка открыла для меня новый мир, с которым я соприкасалась, но не была его частью. Моя первая ипостась не в полуформе тоже изменилось: глаза стали видеть дальше и чётче, слух обострился, да и обоняние стало в разы лучше. Теперь я чувствую запах Рири или, вернее сказать, феромон её лисы: тонкий, чистый аромат, кажется, кешью с кедровыми орешками и жареным арахисом, весьма аппетитненько. Так вот, оказывается, как оборотни понимают, что встретили себе подобного.

В этот раз на завтрак я съела не меньше найдёныша, она только посмеялась и сказала: «Так-то, а то надо мной под-

трунивала». Неужели теперь надо покупать в два раза больше еды?

Мы переоделись в деловые костюмы. Рири долго крутилась перед зеркалом так и эдак рассматривая себя со всех сторон.

– Да красивая, красивая. Поехали уже. – Она и правда прекрасна в обтягивающем, приталенном костюме-двойке. Ровные ноги, узкие плечи и высокий рост.

В салоне не было очереди, а так как мы приехали не по записи, чудо, что освободились так быстро. Короткая модная причёска придала ей щеголеватый вид, неукороченная, зачёсанная назад чёлка открыла хитрые карие глаза золотистого оттенка.

* * *

Офис встретил нас тихим постукиванием клавиатур, телефонными звонками и хорошей игрой клерков под названием усердная работа. Мы прошли мимо рядов компьютерных столов, разделённых открытыми перегородками, вошли в мой кабинет.

– Присаживайся сразу к моему столу. В отделе кадров тебя уже оформили, пропуск заберёшь у охранника на первом этаже. Начнём. Твоя профессия? На кого училась?

– Закончила девять классов школы на дому и трёхмесячные курсы на секретаря.

– Хм-м-м, негусто. Что умеешь?

– Всё что надо сделаю. Умею всего понемногу.

– Смотри, есть два варианта: первый – работаешь здесь на подхвате; второй – работаешь в режиме мальчика на побегушках, и параллельно стажировешься у Ала, второй вариант предусматривает карьерный рост. Твоё решение?

– Второй вариант. – Уверенно ответила Рири. – Можно вопрос? – Я кивнула. – Зачем тебе в штабе столько людей? Неужели они все заняты твоими дошкольными организациями?

– Нет, они все заняты заводом. – Включила ноутбук и нацепила очки: столько сидеть перед монитором вредно, недолго и зрение посадить.

– Ты же говорила, что весь бизнес распродали.

– Не совсем. От брака у меня сохранились акции. А конкретно этот завод шёл в комплекте с квартирой. Маленький заводик по производству игрушек, считай, купила на сдачу. Сейчас от него одни убытки, но с должным рвением мы быстро прорвёмся в топ три на континенте.

– Знаю, у кого ты их выкупила. – Я подняла вопросительную бровь, – у моего непримиримого врага.

Я безразлично посмотрела, но на лбу бегущей строкой было написано: «Какие к горемычному враги? Сама кого хочешь съем».

– Хорошо, если вопросов больше нет, иди к главбуху возьми папку, которую он тебе передаст и обратно ко мне. По-

здравляю с первым рабочим днём в нашем дружном коллективе.

* * *

Работа спорилась, дело делалось. День, как и перерыв на обед пролетел незаметно. За окном горел закат, возвещая о последних тёплых деньках. Рири закончив с поручениями, посапывала в кресле. Я закрыла последний на сегодня документ, сняла очки и потянулась.

Вдруг в кабинет влетела обеспокоенная Любочка – моя левая рука, второй секретарь, младшая сестра и всё это во флаконе одной-единственной человеческой ипостаси.

– Марриам, тебя ждёт в своём кабинете Леший и с ним сидят какие-то хмурые мужчины! – Рири вздрогнула и удручённо простонала.

– Хорошо. Любочка, принеси нам туда, пожалуйста, кофе и кружечку чая. – Рыжий ураган взмахнул длинной зелёной юбкой и скрылся за дверью. – Нервничаешь? Всё будет в порядке, держись за моей спиной.

В кабинете моего зама нас ждал гость со своими приспешниками.

Смазливый мужчина сидел, остальные визитёры стояли за его спиной ближе к стене. Едва заметный запах хвои пробудил к нему интерес. Это то, что называют феромонами?

Не дождавшись пока его нам представят, парень припод-

нялся и протянул руку.

– Максимилиан Белых, зам главаря стаи волков округа Коткару, председатель объединения предприятий «Северный блик».

Я ответила на рукопожатие и улыбнулась своей фирменной рабочей улыбкой.

– Марриам Вишня. Хозяйка и гендиректор объединения «Южный луч». Чем могу быть полезна?

– До нас дошли неприятные слухи, – села напротив них и утянула рядом с собой на стул Рири. По лицу Максимилиана Белых пробежала гримаса отвращения.

– В нашем мире верить слухам нельзя, хотя иногда они бывают правдивы и дают фору на экономическом рынке. – Влез брат. Ал редко кого перебивает, значит, этот двуликий успел сильно его разозлить.

– Разумеется. – Натянул уголки рта повыше представитель Белых, было видно, что он не в настроении и сдерживает негатив как старая плотина бурные воды: того и гляди прорвёт. – Некая Шакари Тихая, говорят, затесалась в доверие к новоприбывшим в наш славный округ. В чём сейчас мы убедились собственными глазами.

– Что Вы подразумеваете под затесалась в доверие?

– То, что она сидит в дорогой одежде, уже о многом говорит. Откуда у неё столько денег? Ещё недавно отбывала наказание в вольном поле, а сейчас сидит передо мной и ухмыляется! – мужчина стал говорить громче, лицо его рас-

краснелось, а васильковые глаза наполнились ядом, смотря на молчавшую лису.

Я спокойно парировала:

– Не думаю, что одежда показатель махинаций, к тому же наказание своё, она уже более чем отбыла.

– Шакари! Я тебя предупреждал, гнида! Опять за старое взялась!?! – переключился на девушку волк.

– Завались. Не твоего ума это дело. – Холодно ответила двулика. Первый раз слышу от неё такую замораживающую насквозь интонацию.

– Ты! – мужчинку немного затрясло, фактурные брови сошлись на переносице, губы обнажили оскал. Любочка смотрела на всё с приоткрытым ртом, спутники агрессивно настроенного двуликого выглядели как мебель: ни видно, ни слышно, зачем вообще пришли?

– Я, я. А ты жопа от руля.

Что за детские дразнилки? Рири намеренно выводит его из себя? Впрочем, у неё получилось: зам стаи белых волков встал; пыхтя, указал на неё пальцем и продолжил:

– Вижу, ты совсем не изменилась, всё такая же беспардонная, наглая, мерзкая шельма!

На последнем слове оппонента лиса заметно вздрогнула, но быстро напустила на себя язвительность:

– А материться я смотрю, ты так и не научился, коротышка. – Тут найдёныш попала в точку, хотя для двуликого мужчины рост у него высокий. Максимилиан оказался ниже ме-

ня на целую голову, и ниже Рири на пару сантиметров. Тело было не субтильным, в меру накаченным, образ дополняли волосы цвета блонд и розовые губки. Симпатичный, да к тому же в моём вкусе!

Но типичный характер ликого из Коткару всё портил: не выношу чересчур сильных, спесивых, властных. Так что с грустью отмечаем его кандидатуру на роль любовника. Пора заканчивать обмен ругательствами.

– Пожалуйста, не повышайте голос на моего сотрудника: Шакари – часть команды «Южный Луч». То, что вы попались на уловку группировки Иблис целиком и полностью ваша вина. Сколько она работала у Вас? Три года? И раскрыли её, как я предполагаю, совершенно случайно. Всё это говорит о её профессионализме, смекалке и хитрости. Такой работник меня полностью устраивает.

– Но Вы знаете лишь то, что она Вам сама рассказала?!

– В отличие от кое-кого мы тщательно проверяем кандидатов. – Опять влез Леший.

– Вы ещё об этом пожалеете! Да через нас вся администрация округа проходит! – процедил сквозь зубы смазливый паренёк.

Лиса, прикрыв рот ладошкой, в наигранном испуге, спросила:

– У-у-ух, как жестоки. А зачем всю администрацию по кругу пускать?

Я же встала, дала директиву:

– Любочка, как только любезные гости закончат распивать кофе, покажите им, где выход.

* * *

Мы вышли из высотки в тёплый осенний вечер, закат истончался тонкой линией вдалеке, сгущались сумерки. Подходя к машине, Рири внезапно остановилась, повернулась ко мне и выдала:

– Ты рыла на меня информацию? Ты знаешь, чем я занималась до переезда сюда?

– В общих чертах из крохи информации представление сложилось. У меня везде есть свои кроты.

– И всё равно не выкинула меня обратно на улицу?!?! – я остановилась, в глазах найдёныша плескался ужас, неверие и влага. – Так нельзя! Смазлёныш во всём прав! Я же просто всего этого недостойна! Моё место в казённом доме жопой нары протира-а-ать... – лисичка разревелась. Она закинула голову немного назад, пытаюсь... сдержатъ слёзы? Не знаю, но выходило у неё плохо, рукавами начала растирать своё лицо, делая только хуже. Не в силах больше этого терпеть, подошла и обняла:

– Что я говорила тебе ещё в начале нашего знакомства? – она отвлеклась от своего горя и посмотрела на меня. – Мне не по душе твоё самоуничужение.

– Нн-о-о разве т-тебе не противн-о-о? – спросила, шмыгая

носом.

– Прошлое осталось в прошлом. Или мы зря тебя подстригли? Зачем расстраиваться и реветь?

Моя рука аккуратно поправляла её чёлку. Пальцы перебирали мягкие красноватые пряди, заправляя некоторые из них за маленькое в людской ипостаси ушко.

– Я-я-я не расстроилась, мне просто стыд-дно...

– Подожди, это у тебя так стыд проявляется?

– Д-д-да...

Теперь уже я запрокинула голову назад и громко рассмеялась. Мы стояли под уличным фонарём, на свету которого вились осенние мушки, они были единственные, кто стал свидетелем этой неожиданной сцены.

У меня было спокойно и уютно на душе, просто тогда я ещё не знала, что сегодняшний визитёр твёрдо решил войти в мою жизнь.

Мёд, орешки, курага

День прошёл пиздато, в хорошем смысле этого слова. Съездили в офис, оформили меня по всем правилам. Рабочее местечко мне понравилось, начиная с арендуемого здания и заканчивая персоналом. Офис занимал весь шестой этаж высотного моднявого дома, в духе современности: стекло и бетон. Всё воздушно и свободно. Рядом был разбит парк, мамочки одноликих и двуликих отпрысков прогуливались по дорожке меж сосен, толкая вперёд громоздкие коляски.

Мне вообще повезло по всем фронтам: не надо ютиться за компом в малюсеньком отсеке, мой кабинет – весь этаж. Я везде: в каждом уголке, в каждой комнатке. Мальчик на побегушках – отличная должность. Буду знать всех лично, да ещё и на короткой ноге. Лиса я довольно общительная, так что трудностей никаких с коммуникацией нет. За время обеденного перерыва перезнакомилась со всеми, с чьим рабочим местом ещё не имела чести взаимодействовать.

Огорчить этот день мог только визит Максимилиана, но и ему не удалось этого сделать, так как после нашей приятной беседы Мари повезла меня утешаться в дорогуший ресторан пригорода. Тем местом владела семья двуликих ипостаси буйвола. Раньше я могла только проходить мимо заведения, жадно вдыхая запахи сочного мяса барбекю – их фир-

менного блюда, доносящиеся из вентиляции, и капать слюной. Но сейчас, в своей новой жизни, наелась от пуза!

Вечер оставил после себя смешанные чувства. С одной стороны, я понимала, что это ещё не конец – Максимилиан вернётся, с другой стороны, непоколебимая поддержка и защита Мари. Как же приятно осознавать, что за твоей спиной в прямом смысле стоят и отпугивают ненастья не из-за того, что ты отличное пушечное мясо, а потому что просто хотят помочь.

Перед сном немного поговорила с Марриам и постаралась её предостеречь, высказала свои опасения: сегодня двуликий волк пришёл не по мою душу, он пожаловал к ней. Я – слишком мелкая сошка, чтобы так его взволновать для нанесения личного визита. Хоть их некогда влиятельный и процветающий конгломерат рассыпался отчасти моими стараниями, смазлёныш – временный капитан тонущего корабля, разве у него есть время для праздных разговоров с предателем? Отсюда следует, Макс приехал к Марриам, видимо, лично захотел посмотреть на девушку, которая переполошила весь город своим активно строящимся предприятием.

Такая глубокая убеждённость основывается ещё на следующем: заметила какой огонь вспыхнул в глазах коротышки, когда он увидел Мари. Я слишком хорошо знаю Макса, чтобы суметь понять – он втюхался по уши. А ведь пока мало кто знает, что она двулика, то-то начнётся, когда правда всплывёт! Таких волевых, стоящих во главе бизнеса женщин

в Коткару немного, поэтому её переезд по-любому вызвал бурный интерес у местных.

Теперь выход только один. Пакостить. Этот глупец недостойн такого счастья, как моя благодетельница в его постели!

* * *

Проснулись мы ни свет ни сранья. На автомате умывалась, пока такая же сонная Мари делала нам завтрак. Её голубая пижама, помятое лицо, неряшливо собранные в пучок русые волосы выглядели забавно, а вылезшие на волю ушки и хвост дополняли образ, разрывая шаблоны о сильных суровых бизнес-леди.

– Твои новые части тела вышли погулять, или ты их намеренно выпустила? – спросила я, уже сидя за столом, набивая рот бутербродом с маслом и мёдом, параллельно облизывая глазами ждущую меня ароматную геркулесовую кашу с кусочками вишни.

– Оно само ночью вылезло, не могу убрать. – Тихо ответила Мари.

– А ты волчицу просила или заставляла убрать их обратно?

– Сначала просила, потом заставляла, затем умяляла, сейчас уже смирилась. – Она растёрла лицо ладонями, устало спросила: – контроль потерян?

– Не потерян, просто волчица решила пошалить. Попозже

постарайся поговорить с ней ещё. Если до приезда в офис она не прекратит выкобениваться, я на неё надавлю. – Мари кивнула, соглашаясь. Взяла ложку и принялась за кашу. Я же добавила: – впрочем, ходить в полуформе в Коткару довольно модно. Вон Макс Белых вообще хвост и уши второй ипостаси почти никогда не прячет. Я его человеческие уши видела только один раз.

Мы оделись во вчерашние костюмы, добродетельница только дополнила комплект синим галстуком. Фи-и-и, не люблю эти удавки, бывшему нравилось, когда я их носила, а меня же не покидало чувство, что лента затянется, отправляя меня на тот свет. И в тот же день во всех заголовках континента будет: «Не пропустите! Таинственная смерть молодой проститутки! Кто прав, а кто виноват, разбираются наши корреспонденты на месте трагедии!»

* * *

Улица встретила нас грозой. Тучи заволокли небо, ураганный ветер сносил мелких собачек и детей с ног, деревья опасно кренились под его натиском. Гром эхом прокатывался по горам, молнии таинственно подсвечивали небосвод, косые линии дождя долбили в дверь водителя. Я радовалась: парковка дома располагалась на минусовом этаже, поэтому в машине мы сидели с сухими попами и чистыми ботинками. А вот перед офисом пришлось поскакать по лужам.

Работала сегодня под руководством Любочки. Что-то случилось, начальство было на взводе, поэтому отправили меня помогать секретарше, у которой дел было невпроворот. Я смогла выяснить лишь, что на бизнес Марриам кто-то заимел зуб. Хотя кому бы она успела встать поперёк горла за такой короткий срок пребывания на рынке Коткару? Максимилиан, конечно, угрожал администрацией, но подгадить ему по не силам – слишком глупый для такого сложного дела, как расставление экономических ловушек или копание ям. Поэтому его сразу отмела из подозрения.

Страсти только-только успели спасть к вечеру, как офис накрыло новой волной неприятности. Приехал Макс со своей командой. В этот раз он прошёл сразу в кабинет к нашему Боссу.

– Это что ещё за нах? Куда он попёрся? – повернулась к Любочке вполоборота и вытаращила глаза. Я сидела рядом с ней на краю стола и сортировала стопки документов.

– Всё нормально, он по записи. – Не отрываясь от компьютера, ответила замужня однолика женщина.

– Хм, хрен упёртый. Ладно, пойдём посмотрим, что там у них твориться. – Предложила я.

– И как ты это себе представляешь? Здравсьте, не ждали? А мы пришли уши греть! – рассмеялась она.

– Зачем же правду-матку резать. Мы просто припрёмся под предлогом кофе! – тут по селектору раздалось: «Любочка, ко мне никого не впускать». Вот же ж! Приборчик связи

пиликнул опять: «Позови ко мне Рири, пусть захватит копии
бланка договора номер пять». Ха! А мне фартит!

Враги и их страсти

День сразу не задался. Из-за плохой погоды чувствовала себя невыспавшейся, волчица начала чудить, на работе нагрянули проблемы, откуда их не ждали. Эти твари с Рессама! Совсем распоясались: подмяли под себя половину рынка Коткару, скупая по дешёвке обанкротившиеся предприятия попавшей под удар стаи. Так им ещё и мало! Решили захватить ещё и Инсан! Мой капитал вместе с ценными бумагами оказались под угрозой сгорания в лихорадке рынка. Про бывшего мужа уж и говорить нечего: бедняга свалился в постель от нервного перенапряжения.

Эта ситуация давила мне на нервы, затрагивая гордость, смешанную с гневом. Тварям Иблиса ранее не доводилось сталкиваться с моей семьёй. Наша команда, как прозвала её Рири, и признаюсь, она была недалеко от правды, – округа Инсан, правда, бывшая, преступная группировка. Нас – одноликих не берут в расчёт в таких делах, считают мелочью стоящей на нижней ступеньке эволюции. Зря, очень зря. Ведь мы повсюду, и действуем незаметно, в отличие от двуликих, которые слишком любят импозантное поведение, чтобы действовать тихо.

Стая Белых тоже почувствовала возобновившееся шевеление со стороны округа свободных художников. Пришли они как раз по этому поводу. Сейчас дела их рассыпающих-

ся остатков бывшего конгломерата очень плохи – нуждаются в поддержке. А мне оно и на руку, объединиться с ними: вместе легче воевать на рынке, по крайней мере, подружиться с хозяевами здешней земли не будет лишним. Сначала подстрахуюсь здесь, потом вернусь на родину выручать Эмиля. Благо развелись мы с ним друзьями, поэтому приехать на выручку будет делом не тяжёлым хотя бы в плане моральном.

* * *

Я уже успела перекинуться парой слов с Максимилианом Белых, когда в кабинет вошла Рири. Двухликий услышал феромоны того, кто к нам пожаловал и попытался удержать лицо. Получалось у него скверно.

– О-хо-хо, сколько лет сколько зим! Давно не виделись, радость души моей! Ты не представляешь, как я скучала по томным ночным разговорам с тобой! – лиса полезла к покрасневшему парню обниматься, тот резко отшатнулся, едва не падая с кресла.

Найдёныш, как ни в чём не бывало, села за стол. Передала мне документы и продолжила глумиться над моим будущим соратником. Пока я могла позволить им эти перепалки, так как мы ждали ещё одного важного оборотня для заключения договора.

Лиса продолжила словесно давить на волка:

– А где Леона? Ты же не имеешь права в одиночку, не

посоветовавшись с ней, подписывать бумаги. – Похоже, Рири опять попала по больному месту, так как её собеседник оскалился.

– Не смей о ней говорить! Ты мне сестру испортила!

Из-за спины Максимилиана, когда только успела в кабинет войти? выплыла невысокая, пухлая девушка, блондинистые короткие волосы оттенка топлёного молока завивались пружинками и топорщились во все стороны.

– Ой, не надо тут ля-ля, я была гнидой и до появления Рири в нашем конгломерате. Привет, Рири, давно не виделись. – Она пожала руку лисе. – А мне кое-кто заливал, что ты после всего и правда вернулась в Рессам. Ну, видимо, заверениям моего брата верить совсем нельзя. Так, где ты пропадала всё это время, негодница? Я скучала! О! – кучерявая говорунья обратила на меня внимание. – Так это Вы, та самая женщина, которая свела моего братца с ума? Приятно познакомиться, – она протянула руку, – меня зовут Леона Белых. Надеюсь, мы с Вами поладим!

– Марриам Вишня. – Я ответила на рукопожатие, всматриваясь в её большие бирюзовые глаза. Думаю, они с Рири два сапога пара: выглядят озорными девочками. – Да, я тоже надеюсь на содружество.

В этот раз мы спокойно обсудили поставки, возможность финансовой взаимовыручки и заключили договор. Бывшие коллеги метали друг на друга яростные взгляды, но не выливали личную неприязнь в работу. Когда с переговорами был

закончен рабочий день, мы вышли из кабинета, Рири скромно дёрнула меня за рукав:

– Я тут это, старого друга повстречала, мы пойдём поболтаем.

К нам подскочила Леона и повисла на руке найдёныша, хихикая, добавила:

– Ага, и отметим!

– Держи. – Я протянула лисе запасные ключи от квартиры. – Завтра много дел, так что допоздна не задерживайся. – «Угу» было мне ответом. Компания подруг быстро раскланялась и скрылась в лифте.

Откуда ни возьмись выплыл представитель Белых, может быть они всё-таки треликие? Ведь только духам под силу такие неожиданные появления.

– Как Вы смотрите на то, чтобы посидеть в ресторане и скрепить посиделками без строгих костюмов наш контракт?

– Спасибо, но вынуждена отклонить столь заманчивое предложение. Скоро привезут оборудование на объект, надо самолично за всем проследить.

– А Ваш зам с этим не справится? – навязчиво продолжил волк.

– Нет, не справится. Сейчас он выезжает в соседний город, обсудить открытие филиала совместно с нашими возможными партнёрами по бизнесу. Как Вы и сами понимаете, вопросы тендера надо решать своевременно по тёплой цене.

– Конечно-конечно, не смею больше Вас задерживать. –

Максимилиан пожал мою ладонь, сдержанно улыбнулся и быстро ушёл.

* * *

День был сложный и насыщенный. Я утомилась и не заметила, как уже отдыхая в квартире, заснула в зале на кресле. Долгий звонок в дверь вывел меня из тьмы и вынудил пойти открыть гостям. В квартиру ввалилась миниатюрная Леона с помятым мешком на спине. Мешком оказалась Рири.

– Здрасьте, ик! Принимайте т-тело, хозя-яйка! – кучерявая девушка неуклюже попыталась снять с себя лису, но так как и сама была в сильном подпитии чуть не упала вместе с «телом».

– Хм, так хорошо посидели? – подхватила спящую на руки, смотря на её подругу.

– Ч-чуть-чуть, оно само как-то, ик. Ну-у я пойду, меня там таксист Ара-ра-ра-рат ж-ждет. – Леона эффектно развернулась и упала на лестничную площадку. Как упала, так и уснула.

Положила Рири на диван, вернулась за её подругой, уложила собутыльницу туда же. Сняла с одной свитер, с другой пиджак, расстегнула ремни на брюках и джинсах, чтобы им на мочевой не давило. Приготовила и положила на журнальный столик бутылки воды и сорбент. С чувством выполненного долга пошла в свою комнату смотреть сны.

Проснулась я от тихих причитаний за дверью:

– Уй-йю, говорила мне мама градусы не смешивать и кушать побольше.

– Ха-а-а, заткнись, пожалуйста.

– Чего?

– Да я не тебе, а таблетке говорю, подлюка слишком громко растворяется.

Подруги проснулись, пора и мне честь знать. На часах было семь тридцать утра, пятница.

Вышла и как можно громче крикнула:

– Подъём! Чем раньше приведём вас в приличный вид, тем раньше сделаем важные дела.

– И что нам с этих дел? – синхронно протянули они.

– Чем быстрее всё сделаем, тем быстрее пойдёте опохмеляться. И вообще, как это возможно, чтобы оборотни с похмелья болели?

– Природой не была заложена защита от тупости хозяина тела? – предположила лиса.

– Возможно. Всё, вставайте! Идите в душ и на кухню.

После водных процедур девочки выглядели в разы лучше. Только мешки под глазами говорили об их недавнем веселье. Уплетали завтрак они быстро, не отвлекаясь на праздную болтовню. За чаем уже поинтересовалась:

– Как так получилось, что вы друзья? Разве Рири не навредила вашему конгломерату?

Золотистые пружинки роскошных волос подпрыгивали в такт киваниям хозяйки.

– Ну да, было дело. От него почти ничего не осталось, банкротство дышит в спину, мы браво отмахиваемся займами и старыми связями. Но всё это в большей степени косяк брата. Делец и зам главара из него никакой. Рири ведь тоже выполняла свою работу, была верна до последнего тому гаду. Винить её почти не в чем: выполняла свой кровный долг. Ну а друзей кроме неё у меня нет: характер слишком говёнистый. Так что я безумно рада её возвращению в наши ряды. – Волчица резко качнулась, обняв рукой плечи лисы.

– Понятно. Рири, сегодня ты работаешь с Алом. Он поедет в соседний город. Твоя задача учиться у него и выполнять поручения. Всё поняла?

– Говно вопрос, ой. То есть так точно, босс! – помыла посуду и побежала переодеваться.

В двери провернули ключи, вошёл Леший. У него всегда есть ключи от моей квартиры, просто иногда, почему-то принципиально не хочет открывать дверь сам. Ал кивнул Леоне, пожал руку мне.

– Изменения? – начал он.

– Нет.

– Выезжаем?

– Скоро. Она переодевается. Попил?

– Да.

– Хорошего тебе дня.

Леший кивнул в ответ, что на его языке означало: «И тебе хорошего дня, сестра моя, не порви в клочья каких-нибудь ублюдков, пока меня нет рядом». Улыбнулась ему, что означало следующее: «Будь осторожен на дороге, асфальт после вчерашней непогоды не успел высохнуть, не лихач на поворотах». Ответили мне кивком «буду осторожен». За нами внимательно следила Леона.

Стоило только Лешему с Рири выйти и захлопнуть входную дверь, как девушка набросилась на меня с вопросами:

– Кто это? Кто?

– Мой секретарь, зам, правая рука, названный брат, треликий – выбирай любое, на твоё усмотрение, всё верно.

– Где он живёт? – она наклонилась ко мне через весь стол.

– Уж замуж невтерпёж? Или какие виды ты на него имеешь? Он мужчина своеобразный, после постели сразу узаконивать отношения полезет. – Мой ответ не остудил пыл кудрявой двуликой, в её глазах заплясали искры озорства. В последней попытке отговорить сказала: – Тебе будет с ним очень сложно: на эмоции его не разведёшь, слова лишнего не вытянешь. – Леона сбегала к своему рюкзаку, достала ручку и протянула мне свою пухлую руку. Сказала: «Пиши давай». Может быть, у них и правда что-нибудь выйдет? А то проходит Ал в бобылях всю жизнь, так и не нюхнув семейного пороку. Дам адрес, а там пусть Леший сам выкручивается как

хочет.

* * *

На парковке я рычала:

– Да твою кармическую силу! Заводись! – я с остервенением проворачивала ключи зажигания.

– Кхм-кхм, прости, что отвлекаю, но, мне кажется, она не поедет. – Тихо пробормотала в кулачок Леона, сидя на пассажирском кресле. Я планировала подвезти её до дома.

Вскинула руки и положила голову на руль.

– Да не расстраивайся, это ещё можно починить. – Повернула голову к девушке:

– Как? Какой шаман сможет это исправить? – выпрямилась и указала рукой в разбитое лобовое стекло, через которое виднелся сплюснутый капот: – она всмятку! Когда найду уроды, а я его найду, сначала головой его в остатки автомобиля потыкаю, потом в лес отвезу, хотя на чём? А на машине Лешего увезём, он поможет. Посадим беспредельщика под деревом, разденем догола, обольём...

– Керосином?

– К чему такая жестокость? Нет, обольём водой с сахаром, и прям в муравейник к жгучим красным муравьям закопаем. – Я начала предвкушающее хихикать.

– А ты прям сама гуманность. Машину можно починить. – Перестала смеяться, уставилась на девушку скептически. –

Я владею автомастерской, единственное, блять, что ещё не продала, там и живу. Пацанов сейчас вызову, они эвакуатор пригонят. Прокатимся с ветерком, а оттуда тебя на моей малышке на работу отвезу. Ну как, согласна?

– Либо ты шаманка, либо утешаешь меня. Место этой машины теперь на заводе, перерабатывающем металлолом.

– Поздно обратилась, его мы уже продали. – Леона улыбнулась беззлобно и набрала кого-то по телефону. За нами быстро приехали, увезли, а там нас встретили рабочие, которые приняли мой автохлам.

Пока я осматривала мастерскую, ко мне подъехала Леона и протянула шлем. А подъехала она на чёрном с нарисованными всполохами огня харлее!

– Держи садись.

– Изумительная красота. Сколько съедает? – села и обняла девушку со спины.

Хоть мне и пришлось согнуться в три погибели – сильная разница в росте, обнимать Леону было сущим наслаждением: такая мягонькая, нежная, как зефир. А феромон её сладкий, с нотками абрикоса. Волосы, переливающиеся золотом на солнце, рисовали в моём воображении образ жрицы Бога Жизни, если, конечно, заткнуть уши и не замечать огонь дурашливости в её кристальных бирюзовых волосах.

– Пять и шесть на сто км. Говори адрес. Держись крепче, мы взлетаем. – И с оглушительным рёвом мы помчались к пункту назначения. Почему мотоцикл так орёт? Это нор-

мально?

Доехали быстро, даже костюм не успел помяться.

– Ну как?

– Великолепна.

– Я про мою малышку. – Ухмыльнулась Леона.

– Машина резвая. Спасибо. – Белокурая волчица протянула мне визитку.

– Если адрес наш забыла, то вот. Через недельку позвони, я скажу, когда будет готово. Ну всё, бывай. – Леона надела обратно шлем и оглушительно стартовала. Я смотрела ей вслед, удивляясь, как в таком милом существе сконцентрировалось столько перца.

Нацепив деловое лицо, шагнула в приёмную. Вот так необычно для меня начался новый рабочий день.

Леона и чашка чая

Когда стрелка часов подобралась к шести вечера, я мигом переоделась в чистый джинсовый комбез, напялила синие кеды и на своей резвой горячей Муравьишке домчалась до офиса Марриам Вишни.

Припарковалась напротив здания близ тротуара. Тень высоких сосен немного скрыла меня с харлеем. Надеюсь, не сильно бросаюсь в глаза, ведь расчёт вёлся на эффект неожиданности.

Красный закат лизал стеклянный фасад высотки. Прохожие отражались в моём мотошлеме, стекая изогнутыми фигурами по стеклопластику цвета разводов бензина.

Я стояла вся на нервах, перекаtywала во рту шарик Чупа-чупса. Рири говорила, Ал должен выйти с работы примерно пол седьмого вечера. Хоть сама приехала загодя, издёргала себя мыслями, что треликий мужчина моей мечты уже успел смыться домой. Млять, ну похоже сегодня его не поймаю, приехать завтра, что ли?

Оп-оп, а кто это только что мелькнул в дверях? Кто-то стройный словно кипарис, с великолепным нечитаемым лицом, приглаженными чёрными волосами. Объект на мушке, гребу к нему на своих пухлых ножках. Аккуратно, а-ля сама неожиданность, притираюсь к нему бочком, просовываю ручку ему под локоток.

Бодренько начинаю операцию по соблазнению:

– Добрый вечер, твои родители, случайно, не пчёлы?

Мужчина не останавливается, продолжает идти, но и мою клешию не отбрасывает. Чешет себе как ни в чём не бывало. Посмотрев на меня невероятно зелёными, глубокими и опасными как болото глазами, дух ответил:

– Ты хочешь сказать, что я насекомое?

Еба-а-ать, как в его голове сложилось такое предположение? Срочно придумай что-нибудь!

– А-ха-ха-ха-ха, ну и фантазия! Не то я имела в виду. Просто ты вышел довольно поздно, значит, работаешь много и усердно как пчела!

Ал прищурился, но я могу поклясться, что увидела в его глазах проблеск улыбки! Сердце моё завизжало раненой свиной, а щёки окутал жар. Млять, наверное, опять стала пунцовою подобно цветам мака!

– Кхм-кхм, Ал, я хотела пригласить тебя на свидание. Как смотришь на это?

– Свидание не рассматриваю. – Хрюшка моего сердечка заткнулась, из бусинок-глазок покатались горячие слёзы. – Но... – Свинка заинтересованно повела пяточком. – Я не ужинал. Можем вместе посетить кафе. – Хрюня вытерла копытцами слёзы, припудрила рыльце.

– Да! Я тоже не прочь угробить пару червячков! Куда лыжи наострим?

– На склоне соседнего хребта есть кафе.

Хм, не шаурмячная, конечно, но в автомастерской завалялись коробки растворимой лапши, по приезде хорошенько поем. Ну а сейчас предстоит изображать культурность. Как там воспитанные девушки пищу поглощают? Не закидывают в рот всё что ни попадя, а цедают по глоточку смузи да траву по тарелке гоняют? Справлюсь! Хотя... ну не поверит же он, что я такая упитанная и мягкая со всех сторон из-за сыродения? Тут явно да даже Чупа-чупс свою лепту внёс...

Пока я валялась в своих мыслях, Ал довёл меня до невзрачного кафе. Одноэтажное зданьице окружило себя пушистыми елями. С тротуара оно было незаметно, только стрелка-указатель, нарисованная вручную, обозначало это местечко общепита. Станный выбор для торговли.

Ал придержал для меня тяжёлую дверь, галантно повёл рукой в тёмные недра кафешки.

– Прошу.

Внутри не работало ни одной лампы. Скудное освещение напрягло мои глаза. Пока привыкала к смене яркости, дух мягко направил меня к столику у стеночки. Когда зрение настроилось на здешнюю особенность, рассмотрела рисунок на стене – яблоневый сад скидывал свои белые лепестки цветов, лепестки словно снег покрыли землю, вдалеке вырисовывались бледно-голубые хребты наших гор.

– Вы выбрали? – к нам подплыла девушка в полуформе. Её козы ушки и рожки-малютки выглядывали над каштановыми волнистыми прядями. Красивая. Но я, несомненно,

привлекательнее! На любителя правда... и всё же довольно аппетитная! Кыш-кыш, секси официантка! Не дави на меня своею сладостью феромона! Из-за тебя я не слышу лесные нотки Ала.

Посмотрела на духа, он – на меня. Указал взглядом на сложенное передо мною меню. Не вглядываясь в написанное, пальчиком провела по странице с десертами комментируя:

– От сих до сих. И кофе.

Коза выпучилась на меня, хихикнула как дура, предостерегла:

– Столько сладостей может вызвать у вас дискомфорт.

– Дискомфорт у меня вызывает ваша ремарка, дорогуша.

У девушки вытянулось лицо. Ал, не обращая на это внимание, проговорил:

– Зелёный чай.

Козочка, поджав губёшки, ретировалась на кухню.

Я сцепила пальцы в замок, подпёрла ими подбородок.

– Ал, а как же ужин? Насытишься одной водой?

– Не нуждаюсь в пище. Чаю вполне хватит.

– На диете?

– Нет. Моя конституция тела не нуждается в жёсткой пище.

– Чего? Не поняла... У всех ликих первая ипостась одинакова – все мы в ней люди. Одинаково: мёрзнем – покрываемся мурашками, жарко – потеем, голодны – едим. Ликие чья вторая ипостась травоядные вполне в первом облики за ми-

люю душу уплетают мясо, хищники же жуют траву... Единственное отличие так это срок жизни и восприимчивость к болезням...

Я конкретно загрузилась в размышлениях от его ответа. Ал ввёл ясность, ну как ввёл...

– Моя природа отлична ото всех. Даже от треликих. Я не типичный представитель ликих.

– О! Как загадочно. Ты шаман из сказок? Или мистический слуга Богов?

– Нет. Я обычный смертный. С Богами не связан.

– Обычный, но не такой, как все? Знаешь, я хоть и глупая, но в твоих словах и правда трудно уловить смысл.

Козочка принесла заказ, сморщив носик, ушла подальше. Мои десерты заняли весь столик. Начала я с черничного чизкейка.

Ал же, отпивая горячий чай, продолжил меня путать:

– Я сама природа, её посмертное воплощение.

– Давай начистоту!

Мужчина замолчал, в его глазах уловила вопрос.

– Ал, я глупая. Может, немного посообразительней Максика, но всё же умом не блещу. Твоё объяснение не помогло. Прости уж... Можно попроще? – сжала пальцы в кулачок, легонько постучала себя по головушке.

Дух приподнял на мгновение брови, по губам пронёсся намёк на улыбку.

– Проще? – Ал завис, гипнотизируя чашку чая, наверное,

думал, как подать мне информацию. – Представь, что все ваши горы подверглись вырубке леса. Остались голые хребты горных пород.

Невольно вырвалось:

– Ужас!

Ал кивнул.

– Радостного мало. Представь, что после вырубки осталась эфирная субстанция. В ней витали боль, гнев, желание жить...

Померещилось, что мозги мои скрипят, прокручивая его фразы... Хрюня же даже перестала хомячить шоколадный кекс, остановилась вслушиваясь.

– Из эфира этого, претерпевая изменения на физическом и ментальном уровне, образовался плод. Из плода же сформировался дух.

– Допустим. А ты-то тут при чём? – виновато улыбулась, потому что не хрена не поняла...

– Я и есть дух, созданный из отчаяния и мольбы вырубленного кипарисового леса.

– Ох! Твоих родителей убили ещё до твоего рождения?!

Она не догоняет – читалось ну или мерещилось в выражении недоумения на лице треликого.

Сокрушённо вздохнула.

– Прошу прощения. Мне не совсем понятно. Но! – Выставила вперёд пальчик. – Если ты в будущем расскажешь то же самое под другим углом, возможно, но не обещаю, я

тебя пойму!

И тут... Ал улыбнулся! Его изящные губы изогнулись, а в уголках глаз показались морщинки. Даже кусочек сливочно-тыквенного торта офигел от увиденного и навернулся с моей вилки обратно на тарелку.

Дух опустил глаза и вернулся к чаю.

Закинув спикировавший кусочек торта в рот, вернулась к тому, с чего начали:

– Это всё очень сложно и интересно. Постарайся в двух словах ответить: ты не любишь кушать или для тебя сей процесс чужд и вреден?

– Я не умру от привычной вам пищи.

– Тогда почему только воду меж зубов гоняешь?

– Еда не доставляет мне удовольствие.

Моя внутренняя свинка взвизгнула в шоке.

– Ты многое теряешь!

– Не соглашусь. Единственное, что я теряю так это затраты на туалетную бумагу.

– Просто вкусной пищи не вкушал!

– Моя старшая сестра превосходно готовит.

– Марриам старшая?

– Если судить по возрасту, то не известно, никто не знает точных дат нашего появления на свет. Просто так повелось, что Мари взяла на себя такую роль и некоторую ответственность.

– Как забавно у вас в семействе. Поэтому у вас одна фа-

милия?

– Можно сказать и так. Большинство наших младших ходит под этой фамилией. Немногое выбрали другую.

– Какие вы дружные. Мило. – Покрутила чашку кофе в руке, добавила: – Максик тоже талантлив в этом... это я про готовку говорю. Сама кулинарией не увлекаюсь, мой максимум налить кипятка в лапшу. Братик меня постоянно подкармливает, поэтому я и раскобанела... – С грустью проткнула вилкой розовое безе.

– Не вижу этого.

– А? – Подняла на духа глазки.

– Твоя внешность очень гармонична. Нет ничего лишнего и отталкивающего взгляда. Фигура притягательная. Девушки твоего телосложения часто работают фотомоделями. Не знаю как здесь, но в Инсане точно.

– Пф! Я знаю, что я сексуальная пухляшка-обаяшка! – Ал, казалось, был на грани того, чтобы поперхнуться чаем, но вовремя отстранился от чашки. – Слово комплекс мне не знакомо. Просто признаю тот факт, что пухлая. Кстати! Твоей сестре понравилось меня мацать! – Вот тут уж дух таки поперхнулся чаем. Откашлявшись, сказал:

– Прошу прощения за её поведение, она безумно любит всё милое и миниатюрное...

– А ты? – уточнила: – я в твоём вкусе? Или мне лучше отвалить по-скромному?

– Леона...

Не дав ему продолжить, перебила:

– Ладненько! Раз ответить ты пока не в состоянии, предлагаю продолжить наше свидание завтра! Можно даже в этом кафе!

– Но это не свидание.

– Пф! А что же тогда?

– Мы просто попили вместе чай.

– Да ну на... кхм-кхм, что ж... тогда приглашаю тебя завтра на ужин. Нормальный ужин в понимании простых ликих.

– Каковы твои намерения?

– Ничего криминального. Просто попробую переубедить тебя насчёт еды! Так сказать, пробужу спящий в тебе интерес к пище.

– Не думаю, что эксперимент увенчается успехом.

– Так да или нет?

– Наверное не...

Опять перебив, опередила:

– Замечательно! Значит, завтра заеду за тобой. – Вскочила, протянула визитку со своим номером телефона. – Звякни, если появятся изменения в планах. – Положила на стол полную сумму, перекрывающую наши заказы. Ал хотел что-то мне сказать или остановить, но я послала ему воздушный поцелуй, и я упорхнула на улицу. По пути даже удалось показать язык официантке.

Уходить всегда надо эффектно!

Чёрно-белая напасть

Умоталась я в хлам и приехала домой поздно, думала, Мари уже спит.

Ал оказался жутким переговорщиком: несгибаемым в спорах; железной рукой аргументов он прогнул под нас оппонента, причём изначально задумывалось, что мы будем с ними в равных долях пятьдесят на пятьдесят, но в итоге бедный бизнесмен подписал не совсем выгодный для себя контракт. Мне было искренне жаль того чувака, при этом я восхищалась крутостью Ала. Мне бы так дела решать! На переговорах обычно я брала хитростью, ужимками, на крайняк соблазняла. А этот же, прёт как буйвол! Что я ему потом и сказала.

– У каждого свои способы и методы. Не надо переучиваться: в моём стиле дела вести ты не сможешь. В следующий раз, когда тебе выпадет шанс блеснуть, я с удовольствием посмотрю каким образом ты справишься. – И было сказано это без издёвки! Получается, Ал реально считал, что с такой ситуацией я справлюсь. – Боец ты опытный, в протезе тебя поставили познакомиться с нашим делом изнутри, посмотреть, как мы решаем проблемы, что нам подвластно, а где стоит сбавить обороты. – Говорил он, не отвлекаясь от дороги.

Распрощавшись с Алом, который сказал, что завтра у нас всех выходной в честь удачного оформления сделки, вошла

домой. Меня встретил горячий ужин на плите. Бли-и-ин, неудобно то как, живу тут прихлебателем. Ладно, завтра наведу чистоту в доме, возьму на себя ещё и уборку помимо мытья посуды.

Наспех переодевшись и помыв руки, села уплетать борщ. М-м-м, это было божественно. Шлифанула всё шоколадным кексиком из универмага – Мари не стряпала выпечку, и залила в себя охуенный чай с кусочками василька и шиповника: это, блять, не ароматизаторы дешёвые, а настоящие ингредиенты.

* * *

Удовлетворённая едой и своей неотразимостью: от обильной и качественной пищи мои волосы вернули прежний шёлк, а конечности перестали походить на тощие вички – я направилась в спальню, но услышала странные звуки из комнаты Мари. Хозяйка соблюдает режим дня почти неукоснительно, поэтому должна уже мочить слюнями подушку в глубокой фазе сна. Так что же там...

«Да, ты хорошенький. Какие глазки, какой носик, мой милый...» – послышалось за дверью. Моя нога сработала быстрее мозга. Просто вышибла нахер дверь. Хлипкие межкомнатные двери, проблема в них, не во мне. Правда. Они сами виноваты, что теперь в одной из них слепок моей стопы.

– Где Макс? – пока я истерично осматривала спальню на

предмет одного глупого самца представителя двуликих ипостаси белых волков, а моя лиса зло потявкивала внутри. Мари же сидела на кровати в обнимку с кошкой. Драной и облезлой, бело-чёрной кошкой.

Выражение лица волчицы сменялось от лёгкого ступора до сощуренных в улыбке серых очей.

– А почему ты его ищешь у меня в кровати? Он наверняка на балкон сбежал. Но сейчас его и там нет. От твоей ярости он по-любому должен в ужасе спрыгнуть вниз.

– Спрыгнул? Он хоть и дурак, однако трусом никогда не был.

Я зарылась пятернёй в свою роскошную чёлку, укладывая её назад. Присела на кровать у ног хозяйки.

– А ты, оказывается, не слаба физически. Хотя кто-то совсем недавно меня уверял, что не сможет составить мне компанию в фитнес-зале. – Мари наклонила голову, ловя мой зашкерившийся в углу окна взгляд.

– Кхе-кхе, – утробный кашель мне в аккомпанемент, – помираю... – упала ей на колени. Одинокая слеза пробежалась по виску.

– Где-то в актёрском училище по тебе вешается наставник. – Брошенная двуликой фраза, зигзагом прочертила в моём мозгу ассоциативный ряд, метко пробивая года, окунула меня в воспоминания. Грудную клетку как будто покинули все органы, в образовавшуюся дыру потянулся сквозняк. Ягодичные мышцы поджались, кишки зашевелились, в

надежде свалить от владельца быстрее, чем им помогут со вскрытием.

Привсталла на локте, улыбнулась наверняка натурально – жизненный опыт навсегда выжиг в багаже моей мимики маски на все случаи.

– Ну раз любовник сбежал, зачем ты заменила его кошкой? Меня одной мало? Я тоже могу подогреть тебе кровать перед сном своей шикарной ипостасью лисы. Мурлыкать не умею, но могу храпеть под боком в зале за просмотром телека. Тебе же понравился мой зверь? Зачем нам третий лишний?

Брови Мари встали недоумённым мостиком, и даже пальцы перестали гладить то облезлое недоразумение.

– Рири, ты ревнуешь меня к животному? Не беспокойся, она никогда не займёт твоё место рядом со мной. Ты вне конкуренции. – Кошка, видимо, почувствовала во мне врага, повернула ко мне свою возмущённую морду.

– П-пф-ха-ха-ха-ха-ха, я реально в не конкуренции! Она же уродина! – похохатывая, свалилась на ковёр.

Животное презрительно посмотрело на меня своими зенками.

– Зачем обзываешь Принца?

– Плоская морда! А-ха-ха-ха-ха, какой нахер Принц? Она кошка, она Лепёшка! А-ха-ха-ха-ха.

Мари подняла комок возмущения повыше, разглядывая.

– И правда кошка Лепёшка. Ей подходит. – Всерьёз вос-

приняла мои пируэты волчица.

Животное же зыркнуло на меня зловеще, оббивая чёрно-белые бока лысым хвостом.

Отсмеявшись, я заключила:

– Вот так-то. А где место всему неприятному? На помо...

– Там промозгло. И мокро. Жестоко возвращать её обратно.

Мои глазки сощурились в полосочки. Наши взгляды с животным пересеклись. Блять. Этот дом слишком мал для нас двоих. Кто-то должен вернуться на помойку.

– К тому же у неё, кажется, лишай. Совсем пропадёт бедная, если не помочь.

Еба-а-ать слуг Богини Смерти. Теперь эта поеденная молю хрень в фаворитах! Сука!

– Ха, понятно. – Я приняла покорный вид. Трагично понурила голову, развернулась на выход.

– Что понятно?

– Лепёшка ущербнее меня. Сейчас мне не победить, но однажды...

– Ты собралась подхватить лишай? – Мари с серьёзным лицом продолжала мне подыгрывать.

– Ох. Выхода нет...

– Скоро рассвет.

Развернулась на пятках, подбежала и схватила за шкварник кошко-бомжа.

– К сожалению, я не смогу заболеть лишаём: кровь двули-

кого не позволит. Но вылечить *тебя* в моих силах. – С дьявольским оскалом выиграла бой в гляделки с мелкой приживалкой. Один ноль. Пососи кильку в томатном соусе и закопай свою тушку в наполнителе лотка, Лепёшка! Узри же, низшая форма жизни, кто тут главный! Вкуси же иерархию, мать твою! Здесь я на первом месте в качестве потешного нищеврода!

– Рири, не хочу вас отвлекать от каких-то важных ментальных переговоров, но пора спать. И Лепёшка пишет тебе на тапки, пока ты её за шкуру держишь.

Мой полный властности взгляд опустился вместе с самооценкой на пол. Я спокойно опустилась на корточки, начала вытирать лужицу.

– Рири, ну не Лепёшкой же вытирать, в самом то деле.

– Узри иерархию, лишайная переноска. – Кошка терпела издевательство, но гордость не покидала её плоской морды. Ты реинкарнация королевских кровей? Да не пизди! Всех правителей перебили ещё до рождения наших прапрадедов. Свободный от гнёта властей континент, только советы ведущих стай, кланов и общественных объединений! Извращённая форма анархии.

– Рири. Мы не издеваемся над слабыми. – Тон не терпел пререканий.

– Так точно Босс. Спокойной ночи.

Поклонилась, вышла из спальни. Лепёшка по-прежнему болталась мокрой тряпкой в моей руке.

Первые розы

Проснувшись, услышала стойкий аромат мёда. С такими феромонами меня в скором времени унесут в свой улей пчёлы.

Умылась, пошла готовить завтрак. И каково же было моё удивление, когда на кухне увидела Рири, натирающую шваброй полы. В белой косыночке и новом спортивном костюме она выглядела забавно. Что у неё за любовь такая, ходить по дому в такой одежде?

– Доброе утро, босс! Как себя чувствуете?

– Сносно. Решила начать утро с зарядки?

– Да не, просто захотела взять на себя побольше обязанностей по дому, а то ты готовишь постоянно, за аренду не берёшь, продукты сама покупаешь, мне как-то неудобно. Я скоро закончу, осталось только в ванной кафель помыть.

– Хорошо, до завтрака как раз успеешь.

Что-то скользкое и тёплое обвило мою ногу. Громкое мяу не дало фантазии напугать меня предположениями, что же это могло быть.

Лепёшка сально блестела, пёрышки слипшейся шерсти облепляли череп, крупные на этом фоне глаза смотрели на меня жалобно, слезились.

– Что с ней?

Рири повернулась, лицо её скривилось.

– Как ты выбралась, помоечное исчадие? Проваливай в свою коробку!

Лепёшка зашипела, увернулась от летящей в неё швабры. Скользя как шайба по льду, оставляя после себя масляные разводы, кошка скрылась в зале.

– Это ты во всём виновата. Теперь полы перемывать придётся. – Бубнила Рири, поднимая швабру.

– Я? – чем провиниться-то успела?

– Ну не я же её помыла!

– Надо было позволить ей с грязной шерстью ходить по дому?

– Лишай мочить нельзя. – Уже более спокойно ответила лиса. – Пришлось целиком мазью её обмазать, чтобы последние шерстинки не потеряла.

Хоть Рири и причитала, но недовольства в её голосе не услышала. Почудились нотки заботы. Хм, что же за отношения у них строятся? Любовь-ненависть?

* * *

За столом, нас, неторопливо поедающих яичницу и бутерброды с сыром, побеспокоил звонок в дверь. «Я открою» – сказала Рири.

На кухню она вернулась быстро с огромным букетом серых роз наперевес. «Это что?» читалось в моём взгляде, найдёныш, быстро схватывающая всё на лету, в том числе осо-

бенности моей мимики ответила:

– Курьер принёс, тут записки нет. Куда веник ставить?

– Куда хоче... – телефон пиликнул, на дисплее всплыло смс: «Доброе утро! Поздравляю Вас с успешно заключённой сделкой, с уважением, Максимилиан». Сообщение увидела и лиса, не совсем прилично заглядывая через плечо в мой телефон. – В мусорку.

– М-да-а? А что не так с цветами? – двулика поиграла бровями, и интонация её приобрела игривый оттенок.

– Если хочешь, можешь себе в комнату поставить. Дело не в них, а в отправителе.

– М-да-а, а что не так в нём? – продолжила в той же манере.

– Ты думаешь я слепая? Трудно было не заметить его странный взгляд. Да он мне руку, было такое чувство, не пожимал, а изнасиловать пытался!

– Ну что ты прям такая неженка. Мальчик ведь просто оказал тебе знаки внимания.

– Прекращай. Лучше бы ты сказала: «А я ведь говорила». Ладно, забудем. Вечером у нас корпоратив, в целях сплочения нового коллектива. Из своих, родных у меня только Леший и Любочка со своим мужем, остальные либо в Инсане, либо другим делом заняты. Ты идёшь с нами.

– Это не вопрос?

Мысленно ответила: «Нет».

– Молодец, почаще практикуйся. Куда поедем?

– Клуб «Ночной вертеп». К десяти вечера будь готова.

– Мне нечего надеть.

– Иди купи. Карточку я ведь не забирала.

* * *

В клубе много посетителей, шума и запахов. Вот запахов не просто много, а прям до тошноты. Чувствительный теперь нос морщился в отвращении: феромоны всех двуликих били по рецепторам не слабее молотка.

Поначалу всё шло хорошо. Мы снимали большую VIP-комнату, в которой все напились под состояние «А я у мамы талант» и пошли разрывать танцпол или толкаться локтями: было не понятно, у каждого индивидуально. Я тоже решила сменить локацию, а именно на бар. Не потанцую, так хоть на резвящийся народ посмотрю.

В толпе я заметила его. Тело двигалось в такт музыке, сексуальные движения приковывали к себе взгляд, я сглотнула слюну, а когда он повернулся, захотелось отборно материться всеми словами, которые ранее слышала от Рири. Максимилиан собственной персоной!

В волчьем белом ухе поблёскивает золотая серьга, синяя рубашка растёгнута на верхние пуговицы, оголяет ключицы и мышцы груди, чёрные джинсы низкой посадки в облипку выгодно подчёркивают рельефные ноги, белоснежный хвост маняще покачивается. Так бы его и трахнула!

Он поднял глаза, увидел меня. В его взгляде читалось превосходство, как будто меня застали за подглядыванием. Прибила бы нахала. Плавно лавируя между разгорячёнными телами это лощёное нечто подошло ко мне.

– Почему одна? Скучаете? – *не скучала, пока ты не появился.*

– Все нормально, не стоит беспокоиться. – Перешла на офисное выражение лица.

– Хм-м, правда? Тогда может по коктейльчику?

– Я не пью коктейли.

– А что тогда предпочитаете? – *кидать таких гордецов как ты в кровать и доводить до слёз.*

– Водку.

– Необычный выбор для девушки. Хорошо, бармен, абсент! – *Да чтоб твоё альфы эго! Решил меня носом в половую принадлежность тыкнуть?! А может тебя мордой об асфальт потереть?!*

Мы успели выпить по стопке, когда подошла Рири.

– А я чую, говном тянет. Глядь, а ты тут сидишь, штаны протираешь. С размером не прогадал? Того и гляди треснут. Бармен, бутылку виски, этот хмырь угощает! – лиса махнула рукой в сторону двуликого волка, села на стул, между нами.

– Что ты себе позволяешь? – нахмурился Максимилиан.

– А что я, блять, делаю не так? – бутылку принесли, Рири открыла её выверенным движением и хлебнула прямо из горла. Сморщив нос, она с придыханием выдала: – у-у-ух,

забористое пойло! Скок тут звёздочек? А-а-а, не вижу-у-у, глянь-ка! – лиса резко повернула бутылку парню, роняя её ему на колени. – Ой, йо-оп, неловко то как. Видимо, нажралась я уже в сопли. Прости-и-и меня госпо-о-оди-и-ин, раба-а-а несчастного-о-о. – Завыла театрально Рири, привлекая внимание ближайших ликих.

– Ничего страшного. – Процедил мужчина.

Либо мне послышалось, либо я услышала скрип зубов. Двухликий встал, по его джинсам аккурат в месте паха разлилось пятно.

– До свидания, Марриам, приятного Вам вечера. – На этом он поспешил удалиться.

– И Вам приятного! – прокричала вслед лиса. – А-ха-ха-ха, видала, как я его! Молодец? Молодец? Услышала мысленно, как твоя волчица рычит и прибежала на помощь.

– Отличная работа. Ещё немного и я бы нагрубил ему.

– Так нахамил бы. Чего сдерживалась? Он страсть как не любит сквернословие. Материться то стал только после моего появления в конгломерате, и то по-детски. Сколько у нас ещё есть времени?

– Через час Леший закажет всем такси, и мы начнём доставлять тела по домам.

– Славненько! Дойти до кондиции ещё успею! Э-э-эх, бутылку жалко... – она посмотрела на меня просяще, прижимая большущие чёрные лисьи уши к голове.

– Бармен, повтори.

Глаза Рири заблестели, похоже, от радости. Хвост, которому она сегодня дала волю, игриво постукивал по стульям. Остаток вечера обещал быть весёлым.

Скользкая дорожка в пустоту

Задумала – сделала: квартира блистала чистотой и свежестью, после того как отпердолила все поверхности, открыла везде окна на проветривание. Природа успокоилась, осень окончательно укрепилась в своих правах, и довольная собой перестала нас сдувать и топить. Теперь до зимы погода будет тихой и умиротворённо прохладной.

За завтраком меня обрадовали. С одной стороны, повеселиться и выпить нахаляву я всеми лапками за, а с другой стороны, мне банально нечего надеть. Выбор невелик: деловой костюм, спортивки, пижама – что из этого надеть? Прямым разрываюсь между кандидатами на носку. Но Мари проблемы не видела, отправила меня по магазинам. Да я сроду не шмоточница! Таскаться одной и искать что-либо достойное моей королевской задницы скучно. Хотя, зачем ходить одной, если есть любители сего мероприятия? Звонок другу и окрылённая от предвкушения весёлой компании понеслась в ближайший торговый комплекс.

У приземистого, вытянутого стеклянного здания, расположенного в низине, меня встретила Леона. Она стояла в джинсовом рабочем комбинезоне, правда новом, поэтому не заляпанном соляжкой и другими прелестями машинного производства, и в осенних сапожках. На лице её красовались тёмные очки, но на небе тучки гуляют, на кой ей это? А, за-

была, блатным ведь и ночью солнце светит. Поздоровавшись и наобнимавшись жираф и шпиц вошли в свежесть кондиционеров.

– Что примерно хоть купить хочешь? – Леона лёгкой рукой сняла очки и нахлобучила их на голову, они утопи смертью храбрых в вихрастых волосах.

– Да хрен его знает. Что-нибудь обычное для повседневной носки. Хотя-я-я... вдруг кого в клубе примечу?

– Понятно, одежда обычная для перепихона в сортире пригодная. – Ой, люблю её прям не могу, вот я почти ничего не сказала, а она уже на мою волну распутства настроилась. – Нам на второй этаж, есть там отдел, бывшая ночная бабочка им заведует, выбор как раз для приятного времяпрепровождения.

Уже в примерочной, в которой мы стояли вместе, либо подруги только так: и в туалете, и в магазине должны держаться вместе, заметила в зеркале потупившийся взгляд Леоны.

– Что случилось? Отвлекла от срочной работы?

– Не парься, для тебя у меня всегда время найдётся. Тем более, мои ребята толковые и без надзора да советов знают, что делать.

– Колись давай, а то меня любопытство сожрёт. Помоги застегнуть.

– Снимай, это тебе не идёт, фасончик слишком уж блядский. Да погрязла я, кажись, в безответной трясине.

– Вон ту тряпку подай на размер побольше. Мм, спасибо.

И кто это такой крутой, что аж запал в сердечко нашей принцессе Коткару?

– Ал.

Запуталась в водолажке, поэтому подумала, что послышалось, переспросила, но ответ оказался прежним.

– Охре-е-ене-е-еть, всегда думала, что тебя в закат увезёт мажористый байкер, а оно вот как получилось. Ну что ж, совет вам да любовь. Вон те джинсы подай. Спасибки.

– Да какой там! Он шарахается от меня как слуга Смерти от шамана Бога Жизни!

– Хе-хе, удачное сравнение. А что ты сделала, чтобы такую реакцию занять?

– Да ничего странного, действовала по отработанной схеме.

– Слушай, с ним ведь так нельзя, тут особый подход нужен. Ты когда машину Мари вручать будешь, её и расспроси, она Ала как облупленного знать должна, всё же с яслей вместе трутся.

– Хм-м, хорошо. Вот эти тебе подходят, попробуй их с той хренью померить. Ага, с этой.

Из магазина мы вышли с тремя пакетами. Ха, кто бы сомневался, что такая одежда будет полностью в моём вкусе! Поблагодарив подругу за компанию и опять наобнимавшись, потому что её мягкость и припухлость форм прям просилась в руки, почесала домой.

Вот теперь выбор реально сбивает с толку. Стояла перед кроватью, на которой раскидала купленное шмотьё.

– Рири, ты скоро? Леший подъедет через пять минут.

– О'кей. – Схватила жёлтую футболку с вырезом в форме полумесяца на ключицах, короткие джинсовые шортики со рваными краями, чёрный кардиган, надену их вместе с новыми кедами. Быстро подвела глаза подводкой и нанесла немного прозрачного блеска на губы, волосы зачёсывать не стала, а уложила мягкими волнами, позволяя чёлке прикрыть немного глаз.

Мари стояла в коридоре и поглядывала на часы. Надела она тёмные джинсы, футболку без принта и чёрный пиджак. Волосы укладывать не стала, а взлохматила их как при нашей первой встрече. Глаза грозового неба внимательно меня оглядели, кивнув своим мыслям, девушка сказала идти на выход.

Я села на переднее сидение, пристегнулась и стала осматривать Ала. Хотелось посмотреть на него глазами Леоны, но я в упор не могла разглядеть, на что тут она могла клюнуть. Если поставить его в университетской аудитории, он будет выглядеть как строгий профессор из влажных снов развратных студенток. Но Леона не студентка, да и раньше её привлекали байкеры с внушительной мускулатурой.

– Что-то не так? – спросил Леший.

– Всё норм, просто интересно на хрена в клуб ты оделся как на работу? Ты будешь выглядеть как гробовщик в этом строгом костюме. Зачем волосы гелем назад зачёсываешь? Да и Мари в официозе. В группировке Иблис такой же фигурой страдают. У вас бандитов на весь континент мода единая, что ли?

– Всё сказала?

«Угу» – ответила я. Мари усмехнулась. Больше Ал мне ничего не сказал, и мы тронулись в путь.

Подъехали к респектабельному заведению в полной тишине, нас встретила неоновая вывеска цвета фуксии, выдержанная в спокойном стиле и два шкафа секьюрити. В росте они нашей троице, конечно, уступали, но всё равно смотрелись внушительно.

Сам клуб был одноэтажным, но занимал большую площадь. Потеряться здесь, как два пальца обоссать. Динамичное освещение, громкая современная музыка и запах кальяна из приоткрытой двери курилки привели моего зверя в восторг. Всё же сколько бы времени ни прошло, а в такой среде, он будет чувствовать себя как дома.

Клуб был не из дешёвых, поэтому тусовался здесь соответствующий контингент, с кем потрахаться, думаю, найду без проблем.

Девушка, встречающая всех за стойкой, отвела нас в VIP-зал, здесь уже сидели коллеги, видно было как они нас жда-

ли, чтобы поскорее открыть бутылки с элитным алкоголем. Хе-хе, кого-то ждёт приятный вечер, и этот кто-то буду я.

После первой и второй перерывчик небольшой, но в нашей команде на пустяки не разменивались, поэтому перерывчика не было до стопки десятой. А там уже все дошли до нужной кондиции пьяные конкурсы, проигрыш в которой, естественно, знаменовался штрафной рюмкой.

Больше всех отличилась Любочка и её очкастый, блёклый на её рыжем фоне, муженёк. Она начала петь уже после пятой, а после седьмой принялась спаивать отдел бухгалтерии, в котором работали скромные одуванчики. Но даже они с криком: «Нам не слабо, просто печень отдыхает!» клюнули на провокацию секретарши. Муженек Любви всё причитал: «Ох батюшки, ох батюшки! Простите, ей совсем пить нельзя» сам превратился в тамаду после того, как ему подмешали водку в чай. И ведь не заметил дурак подвоха! Даже не поморщился, залпом выпил! Зато потом как он пе-е-ел, как играл дуэтом с женой! Я таких матерных частушек отродясь не слышала. Ржали все, кто был в состоянии это делать.

Ели все мало, в основном пили, из-за чего быстро дошли до кондиции ищем приключения и пошли в общий, огромный зал танцевать. Не пил алкоголь только Ал, он сидел со всеми вместе за столом, не кушал и прихлёбывал водичку. Никто ничего не заметил странного, но я увидела, как он тайком снимает пьяные выходки нашего офиса. Вот на хрена ему это? Компромат собирает? Ладно, пофиг. Махнула

на всё рукой, опустошила последнюю стопку и пошла искать партнёра для утех.

Посмотрела немного, нашла жертву, стала с ним потираться в танце, рыбка быстро клюнула, не пришлось даже выпускать лисьи флюиды с ног сшибающей похоти. Его пальцы цеплялись за мои шортики, норовя подлезть за ткань к округлой попке в кружевных труханах, я же потянулась к его губам, но неожиданно почувствовала тревогу своего зверя. Прислушалась к нему, поняла, что беда с нашей благодетельницей. Бросив пьяного парня, прибежала на зов к Мари. Да ёбань окаянная! Опять этот! Что ему надо?! Он мне такой секс тазиком медным накрыл, ну ничего, сейчас я его сама накрою.

Вызывающего поведения смазлёныш не выносит, так ко всему прочему я добавила ему ускорения алкогольным топливом. Выпивку было искренне жаль, но Мари меня утешила виски. Раз настрой на потрапушки пропал, напьюсь от души, благо завтра воскресенье. Опустошив энную по счёту бутылку, пошла дрыгать телом, а дальше меня проглотила пустота...

Всей правды лучше и не знать, так легче жить и умирать. Часть 1

Зал утопал в полумраке. Красный свет светодиодов лился с высокого потолка восемь дней в неделю, однако не баловал помещение достаточной яркостью. Урони здесь что-нибудь мелкое, считай, что пропало. Если не найдёшь сам, подберёт персонал: деньги и драгоценности, брошенные на пол, здесь воспринимаются за чаевые.

Привычный всем шум, наигранный смех, пелена дыма и пряные пары алкоголя сегодня не разряжали обстановку. Висела тишина, висел в подсобке на верёвке хозяин борделя. Богатый делец не справился с точившим его беспокойством. Ожидание оказалось мучительнее самой смерти. Не дождав-шись, он покинул сей мир загодя. Впрочем, его никто не осуждал. Страх терзал сегодня абсолютно всех бабочек, это чувство объединило и сподвигло встретить неминуемое вместе. Держась за руки, обнимаясь, безмолвно плача, дрожа не столько от холода, сколько от предчувствия скорой гибели.

Такие разные – на любой вкус и цвет: пухлые, худые, длинноволосые, загорелые, молодые, опытные, юноши и женщины, позабыв о прошлых обидах и вражде сидели на большом бордовом диване. Кому-то хватило место на мягком сидении, подлокотниках, спинке, остальные сидели на чёрном с

золотыми разводами, гладком мраморе, обнимая колени своих коллег.

Робкий вопрос разбавил шёпот учащённых дыханий:

– Если пролить на диван нашу кровь, то его даже в химчистку сдавать не надо, пятна же будут незаметны, да?

– Заткнись, просто заткнись. – Злобно ответил кто-то.

– Ну зачем так грубо? Я же просто пошутила. Это называется сарказм? Или ирония? Блять, теперь даже не представится возможности узнать.

Никто не собирался вступать в диалог, все думали о своём, в основном перебирали самые интересные эпизоды прожитых лет. Чей-то голос резко взвыл и зашёлся в истерике. Глухой удар о мрамор свёл на нет неприятные слуху завывания.

– Зачем ты его вырубил?

– И без его концерта тошно. – Все молча согласилась.

Эхом по залу прошёлся стук каблуков – со второго этажа спускалась высокая, стройная девушка в обтягивающем чёрном платье. Тяжёлым взглядом она оглядела толпу коллег, ухмыльнулась, выпустила через алые губы струйку белого сладкого дыма. Тонкие пальцы передали длинную трубку ближайшему ликому. Прямая трубка поплыла по кругу из рук в руки.

– Твоей матери?

– Ага. Она сегодня сама не своя, расщедрилась. А-ха-ха, раньше за посягательство на её коллекцию безделушек из

Песи оторвала бы мне голову!

Девушка бесцеремонно скинула юношу с дивана, подобрала и отвела с сторону свой бурый гладкошёрстный хвост, упала на сидение, голова опёрлась на спинку промеж чьих-то мускулистых ног, на коже которых вились татуировки.

Девушка задрала голову, обращаясь к владельцу ног:

– Вот выйду отсюда, тоже себе что-нибудь набью.

– На кладбище трупы не разукрашивают.

– Как был пессимистом, пессимистом и умрёшь! А-ха-ха... – смех прекратился от сильного подзатыльника. Говорившая подпрыгнула и завалилась на пол. Пострадавшая прижала чёрные ушки лисьей ипостаси к кровавым в освещении светодиоидов волосам. С шипением и угрозой она накинулась на татуированного парня:

– Сдохнуть вперёд всех хочешь?! Давай! Отправлю тебя к Богине вперёд очереди!

Кто-то схватил её за предплечье, охлаждая пыл девицы:

– Успокойся, Шельма. И так хреново, ещё шуточки твои. Совсем не к месту. – Лиса вырвала руку из захвата, шумно выдохнула и хотела было уйти обратно на второй этаж бросив:

– Ну и подышайте в унынии, мудаки паршивые. – Пошла к лестнице, но краем глаза заметила враз побледневшие лица коллег.

Игнорируя страх, замораживающий кровь в венах, девушка повернулась с обворожительной улыбкой к главному вхо-

ду. Открытые двери коридора пролили на угрюмый мрамор чуждое для зала освещение. Свет игриво сверкал на её клыках, красном блеске губ, отражался в карих радужках глаз.

Серебряные волосы, алые глаза – только ленивый не знал, что перед ними стоит глава группировки Иблис. Двухликий ипостаси пса за последние три года перевернул с ног на голову весь округ Рессам, выпотрошив, в прямом смысле этого слова, крупнейшие кланы и банды. Он шёл напрямик, покоряя город за городом, оставляя после себя разбросанные по разбитым улицам трупы и вселяя во всех живых ужас. Быстрыми темпами он подобрался к столице округа.

Некогда самый сильный и влиятельный глава криминального мира и по совместительству биологический отец Шельмы, по слухам, умер в ванне с собственным членом во рту, кем-то заботливо отрезанным. Его прямые наследники, – от жены и нагулянные на стороне, – один за другим умерщвлены. Наиотвратительнейшие подробности расправы над лидирующим кланом парализовали: все открытые под их началом предприятия захвачены Серебряным Демоном. Неудобные ему здания сжигались, враги истреблялись.

По дрянной шутке судьбы этот бордель спонсировал отец Шельмы, поэтому шансов выжить у неё было меньше всех вместе взятых: хоть отец не передал ей свою фамилию, она была всеми признана наследницей его крови. Двухликая лиса смотрела с вызовом в прищуренных глазах, пока у застывших на месте бабочек вертелось в головах: «Вот и пришла

наша очередь».

Воздав молитву богам и лисьим флюидам соблазнения, девушка плавно подошла к выступившему вперёд мужчине. Шельма перекинула за спину прямые густые волосы. Протянула вперёд узкую кисть с чёрными ровными когтями.

– Господин, прошу, Ваше пальто. – Самоуверенность не покидала её лица.

Все присутствующие почувствовали свободное падение внутри собственных тел – это сердца ухнули в пятки, даже подчинённые Серебряного Демона, немного опешили от смелости или неадекватности? молодой бабочки.

– Господин, здесь, конечно, нежарко, но, уверяю Вас, скоро Ваше тело охватит приятное томление и страсть опалит конечности. Я не настаиваю снимать пальто, это, так, пустяк – совет от маленькой опытной лисички. – Бурый хвост скольльзящим движением водил по мускулистым бёдрам мужчины, поднимался выше к белой рубашке.

– Маленькой? – тень смеха слышалась в глубоком волнующем голосе мужчины, хотя уголки красных глаз не щурились в улыбке. Наверное, речь шла о росте: Шельма не уступала высокому собеседнику ни на сантиметр.

Возникшая мысль была сразу же ею озвучена:

– Удобно будет трахаться. – Один из охранников хохотнул, скорее всего, у него сдавали нервы: предпочитал убивать по-быстрому, а не разводить сантименты. Чем скорее закончат здесь, тем быстрее можно будет уйти в принадле-

жащий уже их группировке бар.

– Босс, эта шлюха накурилась, давайте я... – договорить охранник не успел, Серебряный Демон прервал жёстким тоном:

– Давай, ты, что? – повернул голову к охраннику, взгляд исподлобья вызвал в двуликом подчинённом мандраж:

– Н-ничего, б-б-босс.

– Хорошо. Десять ликих разойдитесь по зданию. Остальные пусть ждут снаружи. – Короткое: «Есть» в ответ на приказ и вот уже двуликий обращается к Шельме: – Веди.

Шельма повела новоиспечённого главара земель Рессам на второй этаж. Каблуки цокали по каменным ступеням.

Второй этаж отличался уютностью. Шельма провела двуликого по персиковому коридору, открыла приятную ей комнату.

– Прошу. – Лиса пропустила клиента вперёд.

Проходящая мимо женщина прошептала ей на ухо:

– Постарайся. – Большая грудь советчицы выглядывала из декольте полупрозрачного платья.

Шельма кивнула блондинке и скрылась за дверью.

– Моя мать. – Девушка зачем-то уточнила личность встреченной на пути бабочки.

– Семейный бизнес?

– Семейное рабство. Мать продали сюда ещё до моего рождения.

– Вы непохожи.

– Она с Песи. Я же пошла в отца. К сожалению, красота старой шлюхи прошла мимо меня.

Молодой глава встал у окна. Город погружался в сумерки, с минуты на минуту должны были включиться огни уличных фонарей.

– Смею возразить. Вы пленяете с первого взгляда. Ваша фигура утончённая и влекущая. Тонкая талия, манящие ноги, узкие плечи...

Вдруг лисица завалилась на кровать, раскинула в стороны руки и засмеялась, перебивая двуликого:

– Дрянной характер, скорый на расправу язык и плоская грудь, прям мечта любого, а-ха-ха-ха.

Серебряный Демон не принял такое поведение за оскорбление, даже наоборот, улыбнулся мягко, без лицемерия.

– Во всём есть своё очарование.

– Да Вы поэт!

Мужчина в притворной скромности кивнул и опустил голову.

– Это моя любимая комната. На весь второй этаж только в ней окно не зарешечено.

Не дав времени для ответа, лисица встала, притянула к себе собеседника. Надавила ему на плечи, призывая сесть на шёлк простыни. Села следом, уложила двуликого на кровать, головой себе на колени.

Мужчина безропотно с интересом в красных глазах наблюдал за действиями смелой девушки. Она согрела свои за-

мёрзшие пальцы дыханием. Спустя минуту запустила пятерни в белоснежные аккуратно зачёсанные короткие волосы. От нехитрых манипуляций причёска превратилась в сущий беспорядок.

– Что Вы делаете? – как будто между прочим, поинтересовался мужчина.

– М? А, массаж. Хотите сказать, что пришли сюда за сексом? – Шельма наклонила голову, вглядываясь широкими зрачками в мимику собеседника. – Только вот я не вижу в Вас желания снять с меня одежду и погрузиться в моё горячее спрятанное под одеждой местечко. Я права?

Двуликий прикрыл в согласии глаза.

– То-то. Годы практики. Я сразу понимаю чего хочет клиент. Вы вот желали расслабиться. От меня ещё ни один не уходил неудовлетворённым. Раз Вам не надо моё тело, сделаю приятно таким вот способом. Вы будете довольны, и моя профессиональная гордость не пострадает.

– Майкл.

– Шельма.

Двуликий открыл глаза, в них читался вопрос.

– Раз я наполовину лиса, значит, хитра. С фантазией у матери не очень.

– Вам подходит. Мне нравится. – Сказано это было без капли издёвки.

Девушка хмыкнула, замолчала, сосредоточилась на массаже головы, который плавно перетёк на крепкую шею, а за-

тем и на широкую спину. Рубашка снялась во имя удобства. Лиса сидела на бёдрах мужчины, проминая уставшие, задеревеневшие мышцы.

В комнату заглядывали робкие флюиды проснувшейся луны. Блѣклый свет скользил по коже, отмеченной росписью татуировок – оскаливший пасть пѣс рвал цветы ликориса.

Шельма приостановилась, очерчивая пальцем контуры рисунка.

– Ты потомок Богини Смерти? – тихий вопрос скинул с Майкла дурман, подкравшегося под покровом неги сна.

– Вы так считаете?

Лиса возобновила работу отвечая:

– Старая шлюха рассказывала мне в детстве легенды о богах и треликих духах. Когда-то Богиня Смерти была охоча до топтавших землю двуликих мужчин. Отпрыски, получавшиеся от таких свиданий, имели алую радужку глаз и белые, словно извѣстка, волосы, которые в лучах ночного светила становились совсем серебристыми. Года шли, ублюдки плодили потомство, и обязательно один из отпрысков перенимал внешность родителя. Таких встречаешь один на миллион. Вы редки как искренность в ликих Рессама. Я думала, что это бред, пока самолично не увидела Вас.

– И что же случилось, когда я появился?

– Вы сразили меня своей красотой! Просто преступно иметь такие неотразимые внешние данные! А Ваш феромон, – Шельма наклонилась к уху мужчины: – м-м-м-м, же-

лезо и аромат земли после дождя, сводит меня с ума. – Губами спустилась к шее, покрывая её следами помады. – Ой, не сдержалась. Забыла, что губы накрашены. – Девушка сказала это, не скрывая игривого тона.

Как сходящая с гор лавина, комнату наполнил смех двуликого. От смеха спина задрожала, волной через руки дрожь пробежала по телу девушки. Отсмеявшись, Майкл перевернулся на спину, увлекая Шельму за собой. Его тяжёлая рука легла ей на талию, ладонь погладила спину.

– Полежим просто так, не против?

– Как пожелает господин.

– Майкл.

– М?

– Зовите меня Майкл.

– Ха-ха-ха, хорошо. А Вы тогда зовите меня Шельма.

– Договорились.

И наступила тишина. Луна медленно ползла по засыпающему небу. Фонари освещали разноцветными огнями пёстрые от граффити здания богатого на развлечения района.

Промозглый ветер катал по дорогам и подворотням мелкий мусор. Охранники сидели в чёрных тонированных машинах, в приоткрытые окна выдыхая клубы никотина.

В одной из комнат на третьем этаже борделя белокурая женщина нервно крутила в руке прямую трубку. Её рыжий лисий хвост дёргался в такт постукивающим по подоконнику когтям.

В ту непримечательную ночь, переходящую в долгожданное утро, вся коллекция прекрасных бабочек бесследно пропала.

Солнце поднималось над крышами потрёпанных домов. Высокое пламя танцевало на ветру, облизывая стены некогда доходного, знаменитого на весь город публичного дома. Тонированные машины одна за другой удалялись, отражая своей безукоризненной полировкой жёлтые всполохи огня.

Всей правды лучше и не знать, так легче жить и умирать. Часть 2

Чёрная змея машин ползла по пустой сухой дороге. Внутренние на вид, но скорые на бег автомобили один за другим взметали колёсами грунтовую пыль. Поля безжизненные после сезона урожая проскальзывали в окнах безыскусными жёлто-коричневыми лоскутами. Прямая линия горизонта бежала вдаль навстречу серости. Ветер свистел в щёлке приоткрытого окна, пыльный воздух с отголоском дальнего дождя трепал волосы уставившейся на внешний мир девушки.

Двуликая ехала в центре нити чёрных бусин; её мать плелась в машине позади, напряжённо сдвинув брови к переносице, женщина пыталась понять, в какую сторону их везут. *Да какая разница куда ехать? Пейзажи во всём округе однотипны, города шаблонны своей опасностью и бедностью. Побег? Невозможен. Надежда? В этом мире её не привечают. Остаётся лишь расслабиться и открыться неизбежному.*

С подобными мыслями и детским восторгом от первого выхода за пределы борделя, девушка глядела в окно широко раскрытыми глазами. Эмоции от происходящего перемещения в пространстве песчаной бурей унесли все страхи и даже немного притупили инстинкт самосохранения.

– А это что? Что там стоит? – не отводя любопытного, жадного до всего взора, лисица протянула руку к сидящему под боком мужчине, подёрнула за рукав белой рубашки и уже в двадцатый раз задала очередной вопрос.

Самый первый раз тревожить двуликого было боязно, но тяга к знаниям превышала риск немедленной расправы.

– Водонапорная башня деревни, поворот на которую мы только что проехали. – Спокойно, без какого-либо раздражения в голосе объяснил мужчина.

Пока его спутница не отлипала от окна, Серебряный Демон наматывал на палец очередную хлестнувшую его по лицу каштаново-красную прядь волос. Наверное, стоило бы поднять стекло, но отчего-то двуликому этого совсем не хотелось. Он сосредоточился не на избивании своего лица борющимися с ветром длинными волосами, а на внутренних ощущениях. Было отчего-то безмятежно и тепло. До сего не испытываемые им чувства щекотали душу, уводя в глубокие размышления.

Шельма резко повернулась, отчего ушедший в себя мужчина вздрогнул.

– На меня нагадила птица?

– Нет. Это капля дождя. – Взгляд перешёл с мягкой розовой щёки на розовые из-за смазанной помады губы; оттуда поднялся по прямому носу и встретился с шальными, слезящимися карими глазами. Радужка насыщенно-золотая внутри перетекала жёлтыми прожилками на шоколадную окан-

товку. Пожалуй, эти лукавые глаза цепляли, как репей вязаный шарф.

– Дождь? – губы перебрали слово букву за буквой, словно столкнулись с чем-то новым и не обкатанным в употреблении, – дождь...

Шельма прильнула к Майклу, со всей страстью юного сердца, со всей пылкостью последнего желания, приговорённого к казни, воскликнула:

– Хочу!

Не сводя с девушки глаз, желая напитаться палитрой её эмоций, всматриваясь в своё отражение в чужих скользких смоляных зрачках, пёс коснулся плеча водителя.

Фары автомобиля замигали, машина выплыла из колонны, остановилась на обочине. Её механические сестрицы припарковались следом. Водитель открыл дверь, Рири вылетела наружу.

Капля за каплей вода разбивалась о высохшую землю. Пятнышки – следы падения, разрастались, и вот уже не осталось на дороге светлого местечка. Капля за каплей стихия убыстряла бег. И вот уже на километры вокруг всё наполнила музыка дождя.

Через серую завесу потока Майкл наблюдал за танцем Шельмы; движения казались хаотичными, скорее всего, это даже не танец, а дикое выплёскивание переживаемого через язык тела. Волосы, как и платье облепили бледную кожу. Такая уточенная внешне и в то же время переполненная дер-

зостью внутри, двулика пленяла всех, кто в тот момент наблюдал за нею. Ну или почти всех. Её мать в это время молилась богам, параллельно пытаясь ментально докричаться до дочери – заставить прийти в себя. Однако выдерганные от нервного напряжения волосинки напрасно покинули голову: глава Иблиса искренне наслаждался зрелищем. Его губы перетекли в улыбку. В красных лазах всё сильнее разгоралось пламя заинтересованности.

* * *

Стрелка наручных часов на волосатой руке водителя склонилась ко времени обеда. Дождь остался позади, не желая догонять ушедшие вперёд машины. Минули последний поворот, подъехали к обнесённому высоченным бетонным забором посёлку городского типа. Отличало это место от остального округа закрытость и режимность.

На всю отвоёванную у степи землю стояло двадцать хаотично разбросанных домов – построение согласно линиям улиц здесь не в моде. Жилые панельные коробки отличались свежестью постройки. На новеньких кирпичных стенах пестрели муралы: на одном леопард загонял фиолетовую лань, на втором лягушка-растаман ведала что-то маленьким цветам, с третьего видневшимся за недостроенным складом – стены скалились широкими зубьями короны, крыши не наблюдалось, – надкушенный пончик подозрительно щурился

на раззявившую клыкастый рот чайную ложку. Другие объекты обустройства среды завернулись в красочные граффити: фонарный столб натягивал чулок, бар иносказательно ругался, железные ворота гаражей перечисляли пузатыми буквами поимённо самых выдающихся и влиятельных членов группировки.

В центре в отдалении от других построек за трёхметровым забором стоял серый частный двухэтажный дом, ничего примечательного, но таких блёклых фасадов в округе свободных художников было мало. Одна из машин, с тем самым волосатым водителем, въехала на территорию строгого дома. Пассажирская дверь открылась в третий раз. Из тонированного скакуна вылетела мокрая лисица в чужом пальто. Хозяин вещи вышел следом.

Голова девушки не переставая крутилась, отчего шея протестующе тянула мышцы, мечтая об отдыхе. Но какой там отдых, когда впереди ещё столько неосмотренного!

Майкл улыбался, галантно придерживал двери, лично провёл экскурсию по дому, чем вызывал в подчинённых оторопь. Встреченные на пути работники и постояльцы казались Шельме недовольными головорезами, которые что есть мочи упражнялись в снобизме. Девушка была недалеко от правды, те считали такое обхождение вне постели с проституткой выше своего достоинства. Да и поведение главы не внушало им радости и видимости перемен: в актёрском мастерстве Демон уличён не был, но увлечённость живой иг-

рушкой напрягала. Зачем тратить время и возиться с ней, если можно получить все и сразу? В чём выигрыш?

После осмотра комнат девушке был приставлен личный помощник – двуликая женщина ипостаси крысы с сединой в волосах. Женщина выделила гостье, а именно такой статус озвучил всем Майкл, лучшую комнату на втором этаже, набрала ей ванну, принесла обед в спальню, а затем и ужин. В обязанности так же входило отвечать на вопросы, давать необходимое, при запросе развлекать. От всего этого Крыса не фонтанировала счастьем, так как нанималась сюда снайпером на охрану посёлка, и профессией своей была довольна. Не подчиниться главе не могла, но нормально общаться без брезгливости и нетерпения на лице не желала.

Поздно вечером Шельма отпустила женщину в годах отдышать. Оставшись наедине, облегчённо вздохнула, легла на одеяло двухспальной кровати. Разные мысли роились в этот час в голове лисицы, но ни одна из них не заняла лидирующую позицию.

На общем фоне тишины, усталости физической, перевозбуждении психическом, Шельма перевернулась набок и провалилась в сон, нарушив намерение дождаться двуликого пса. Тапочки миллиметр за миллиметром сползли со ступней, глухо прилегли на тёмно-коричневый паркет. Звёзды мигали меж не задёрнутых штор. Тихое одинокое сопение вторило размеренному стуку сердца.

Рассветы перетекали в закаты, день перелистывался за днём в отрывном календаре.

Очередное ничем не примечательное утро. Шельма просыпается, садится на кровати. С плеча сползает мягкий халат. Через неплотно задёрнутые шторы проник солнечный свет, подсвечивая пылинки в воздухе, рассеялся в середине комнаты. Лисица встала, поплелась в душ. Шторы она не соберёт завязочками по разные стороны окна – держать помещение в полумраке привилось в привычку с молоком матери.

Утренние процедуры выполнишь согласно установленному порядку. Наступило свободное от хлопот время. Хотя хлопоты – сильно сказано. Шельма в посёлке ничем нагружена не была. Её работой было улыбаться и ходить красиво везде, где вздумается. Никто, кроме Крысы, на девушку внимания не обращал. Однако это обстоятельство лисицу не смущало, не вызывало дискомфорта. Она с наслаждением отдыхала душой, и самое главное телом. Уже как семь дней её не снимали на часок другой клиенты. Казалось, подвешенное состояние должно пугать, нервировать, но двулика решила не заикливаться на мыслях о будущем.

Согласно собственному графику, Шельма вышла на прогулку с пледом на плечах и книгой под мышкой. В посёлке ей приглянулся недостроенный склад. Четыре стены с проёмом

для двери стояли никому не нужными, эдакая недоделка, отщепенец. В одном из углов лежали аккуратными перевязанными блоками кирпичи – это место было облюбовано Шельмой под кресло, угол напротив утопал в куче строительного мусора – идеален для потупления взора при глубокомысленных думках.

Здесь она никому не попадалась на глаза, и ей никто не мешал. Только Крыса придёт к вечеру звать на ужин. Лисица послушно кивнёт, закроет книгу, спрыгнет с кресла и пойдёт за бурчащей что-то себе под нос женщиной. Они пройдут мимо многоэтажки, в которой поселили мать Шельмы.

Девушка с сотый раз пообещает себе проведать её завтра, но не сдержит слово. Почему так выходило, лисица бы, и сама себе не ответила. Хоть между ними никогда не наблюдалось тесной связи мать-дочь, не чувствовалось тепла в разговорах, но и пренебрежения или антипатии тоже не было. Просто так повелось и ни одна из сторон ничего менять не хотела. Шельма редко называла женщину, подарившую ей жизнь мамой, а та в свою очередь обращалась к ней по имени, не называла своей дочерью. В порядке правильного они употребляли при беседе друг с другом бранные слова, да и за спиной нередко поминали крепким выражением.

Ох, но что-то мы отвлеклись. Где же наша Шельма? А вот она! Сидит уже у подоконника в своей спальне, переваривает ужин, дочитывает последние страницы исторического романа.

Свет заката стекает с карниза крыши, по серой отделке, проваливается в нишу окон, часть его отразилась от стекла, слепя прохожих, часть провалилась в комнату, умирая на противоположной стене. Обои в цветочек упивались розовым цветом, чёткая тень склонившейся девушки вытянулась параллельно цветочным линиям узора. Открылась дверь. Закрылась дверь. Шаг, шаг, шаг. На стене две тени, одна из них подскочила, другая дёрнулась и присела на кровать.

– Что с Вами? – в голосе девушки удивление перемешалось с волнением.

Майкл вздохнул, прикрыл глаза.

– Я... немного посижу и уйду. – Голова его склонилась, оперлась на ладони. Пальцы погрузились в багровые волосы. Их прежняя белизна и безукоризненная чистота одежды остались где-то в пяти часах отсюда. Кровь почти вся высохла, в складках загрубевшей рубашки она струпьями сыпалась вниз.

– Вас преследуют? – лисица присела рядом.

– Нет.

– Тогда... может в душ? Я Вам помогу.

– Не беспокойтесь. Я скоро уйду.

Лисица замолчала, отвернулась к окну. Пёс вздохнул второй раз. *Да что же ему надо?* Гадала она. Шельма пыталась представить себя на месте мужчины. Из этого не вышло толку: девушка не знала, как будет себя вести или что почувствует, искупавшись в крови своих противников. У неё нет

врагов, и она предпочитает полемику насилию. Деятельная душа не позволяла ей слиться с тенью и не отсвечивать.

Шельма скинула тапочки, на коленях переползла за спину двуликого, кинула себе между ног подушку. Протянула когти к Майклу, на секунду замерла, потом решительно коснулась его плеч. Двуликий начал поворачиваться к лисице, но та подускорилась и рывком уложила его на подушку.

Красные глаза посмотрели с вопросом, в остальном же мужчина не реагировал. Не встретив протеста, лисица приложила к его вискам свои горячие пальцы. Невесомые прикосновения порхали по лицу, ушам человеческой ипоста- си. Точечный массаж был направлен на разглаживание мышечных зажимов, расслабление. По окончании сеанса терапии, Шельма накрыла его веки сомкнутыми пальцами. Майкл сдвинул руки девушки. Настроил зрительный контакт.

– Я подумала, Вы уснули. Не хотела, чтобы свет с улицы помешал.

Демон притянул её кисть к своим губам. Поцеловал в ладонь.

– Если я усну в таком положении, то принесу Вам неудобство. – Меловые пушистые ресницы подрагивали. Шельма склонилась. Волосы красным веером прикрыли их лица от несуществующих зрителей.

Губы отстранились от ладони на миллиметр, когда двуликий говорил, те вновь волновали лисицу своей нежностью и жаром.

Голоса повиновались витающей атмосфере, перешли на шёпот.

– Вы не боитесь меня? – начал Демон.

– Нет.

– Отчего же?

– Бояться надо того факта, что меня здесь всё вполне устраивает.

Уголки глаз собеседника украсили морщинки, Шельма почувствовала ладонью, как губы изогнулись в улыбке. Хотя в жесте мужчины не проскальзывало и намёка на горизонтальную близость тел, кровь прилила к её щекам, возбуждение прокатилось под кожей. Девушка невольно встрепенулась.

– Вам неприятно? – мужчина тут же отпустил её кисть.

– Ох, не в этом дело. Всё хорошо... – просто лисица первый раз за всю свою жизнь испытала укол смущения. Да и стыдно было за реакцию своего развратного тела.

Ну и на кой хер ты расплылась? Он повода не подавал! Вот и держи себя как подобает! Отчитывала себя бабочка. К своему неудовольствию она познала про себя ещё одну вызывающую неудовольствие вещь. Раньше девушка считала, что стоит только выйти из борделя, всё грязное и мерзкое останется там. Что она не такая, во всём виновата среда, и душа её, как и тело жаждет любви вместо низменного животного удовлетворения страстей. *Ан нет. Всё оказалось иллюзией. Самая обыкновенная шлюха.*

Из мыслей её отнюдь не весёлых вывел Майкл. Его пальцы тронули её прокушенную губу. Свежая капелька крови упала ему на сморщенный лоб.

– Простите, простите... – залепетала та, вытирая рукавом халата пятнышко. Со стороны это смотрелось комично: переживать о капле, когда вся одежда пропитана ею подобными.

– Не надо причинять себе боль. Не надо извиняться по пустякам. Согласны, Шельма?

– Согласна.

Договорённость эта и атмосфера вокруг положила в их сердцах зарождение привязанности.

* * *

На следующий день пожилая Крыса позвала Шельму, но вместо столовой, где они иногда завтракали со всеми жильцами дома, женщина повела в подвал.

Там пахло сыростью и железом. Свет одинокой лампы освещал лестницу и начало коридора. Эхо шагов отзывалось им в ответ, отчего казалось, что здесь передвигаются не двое ликих, а гигантская многоножка.

В конце коридора Крыса остановилась, схватила Шельму под локоть, втокнула в приоткрывшуюся дверь.

Сначала её встретил зелёный свет одинокой лампочки, затем вопль заткнутого кляпом рта, потом к тапочкам подполз-

ла лужица крови. Глаза нервно пробежались по помещению. В центре стоял стальной стул. На стуле дёргался в агонии ужаса перевязанный верёвками мужчина преклонных лет. Его редкие седые волосы облепили череп, лицо посерело, вены вылезли на шее и висках от натуги голосовых связок. Мозг лисицы заработал на полную, откинул от общей картины пленника потрёпанный вид и гематомы, пришло узнавание. Перед ней мучился директор сожжённого борделя. Он пропал за день до визита Серебряного Демона. Шельма и не предполагала, что Майкл будет искать беглеца.

Мужчина мычал, рвался к Шельме, взывал к ней вытаращенными глазами.

Двуликая шагнула к стулу, её остановил вышедший из тени угла Майкл. Подошёл со спины, молча вложил ей в ладонь тяжёлый пистолет, установил чужие пальцы в нужных местах, приподнял руки, настраивая прицел аккуратно одноликому в лоб.

Шельму охватила дрожь. Если бы сильные руки не поддерживали, пистолет валялся бы уже на полу. Девушка ждалась, нижняя губа заплясала. Кровь отлила, стало зябко. Волосы встали дыбом, когда ушей достиг пропитанный удивлением голос главы клана:

– Вы не желаете ему смерти?

Шельма замотала отрицательно головой так активно, будто надеялась взболтать в коктейль свой мозг. Надрывно ответила:

– Он ни в чём передо мной не виноват.

– Правда? Мне изменяет память? Разве не он был директором того борделя? Разве не он приобщил Вас к *профессии*? – пауза, – он Вам нравится?

Голова замотала энергичнее не то в отрицании, не то в подтверждении, Майкл опустил их руки, положил пистолет на пол, чтобы повернуть девушку к себе и остановить этот процесс взбалтывания серого вещества. Его холодные руки легли на её щёки. Между искусанных губ виднелась алая полоса.

– Н-нет! Нет... Я не то имела в виду, – успокоившись продолжила: – этот одноликий добропорядочный семейный человек. Честный управленец. Передо мной он чист.

Со скепсисом двуликий переспросил:

– Директор того места *чист*?

– Да! Работа есть работа. Ну а насчёт меня... Вы и сами знаете неписанные законы нашего округа: кто где родился, тому месту и принадлежит! Не в его власти было дать мне и матери свободу! Да и он ввёл меня в свой дом – к его детям приходили учителя, мне дали возможность учиться вместе с ними! Благодаря обучению в его семье я перенимала дело матери с чётким пониманием что такое хорошо и что такое плохо. В меня многое вложили: моральные установки, понятия добра и зла и главное – картину другого иного мира, где ликие живут в мире, а не убивают своего же родственника за порцию травки! – Шельма всхлипнула, но слёз не было, – в

чём же его вина? Не он меня зачал и продал в качестве проститутки. Не он обрёк меня на жизнь...

Лисица впервые повысила голос в присутствии Майкла, но сдерживать себя не стала, дав волю эмоциям. В возмущении её изливалась обида на судьбу, на отца, но не упрёк в сторону Демона.

Двуликий коснулся лбом чужого лба. Внушительно и спокойно проговорил:

– Хорошо. Я сделаю как Вы скажите. Прошу, расслабитесь, мне больно видеть, что мои действия довели Вас до такого...

Шельма перебила:

– Отпустите его.

– Исполню.

– И не просто бросьте посреди степи, а привезите туда, где нашли.

– Конечно. – Двуликого позабавила нынешняя реакция собеседницы: казалось, девушка капризничает. Удовольствие наполнило душу Демона от понимания того, что лиса ему доверилась.

Двуликие покинули подвал, а точнее, Майкл вынес Шельму на руках: её ноги замёрзли от каменного пола. Глава отдал распоряжения подчинённым касаемые одноликого пленника. Отнёс девушку в её комнату. Там состоялся откровенный и забавный разговор.

Шельма сидела на коленях мужчины, он же, в свою оче-

редь, игрался с прядкой её красноватых волос. Глаз на двуликую не поднимал, что при диком воображении можно было принять за смущение.

– Я не хотел, Вас напугать. Просто преподнести что-нибудь в знак расположения...

– Обычно женщинам дарят цветы, украшения, деньги, игрушки мягкие. – Девушка перечисляла с тоном эксперта, хотя все её знания в романтической сфере были почерпнуты из бульварных романов.

– Вы для меня первая, кому вздумал понравиться. Не знал, что делают в таких случаях...

– В следующий раз постарайтесь.

Кивнул.

– Исправлюсь.

Шельма отразила его улыбку, наклонилась. Кровь её губ отпечаталась на его губах. Более невинного поцелуя за всю жизнь ей не встречалось, но она могла поклясться, что в то же время этот поцелуй вышиб воздух из лёгких, сердце расшиблось о позвоночник с криками о помощи. Почему помощи? Просто двуликая почувствовала – пропадает. Вверяет то единственное, что ей дорого, значимо – доверие. И боязно, и волнующе. Объятие. Грудь прильнула к груди. Сердечные мышцы забились интенсивнее, почувствовав через рёбра пульс собрата. Головы прилегли друг другу на плечи. В большем они сейчас не нуждались.

Новый день настоящего

Бля-я-ять, почему так плохо то, сука-а, откуда свет прожектора в глаза хуярит, услышала стон, поняла, что это я издаю звуки умирающего кита, повернулась с живота на спину. Раздетая до трусов, лежала в постели, свет бил с потолка, кто-то его включил. Этим кто-то была Мари. Рядом на соседней подушке лежала Лепёшка. Падла, тебе кто разрешил свои телеса раскидывать подле моего лица?

– Вставай, тебе надо в душ и поесть, уже четыре часа дня, ты потом ночью не уснёшь. – Я начала хныкать, но тело своё подняла. Поплелась в душ. На меня посмотрела из зеркала помятая рожа с размазанными чёрными кругами под глазами. Включила холодненькую и стала смывать с себя грязь, в прямом смысле грязь. Ноги мои были в земле, в волосах запутались ветки. Какого хрена вчера произошло? Наскоро вымылась, закуталась в халат. В зале было темно как вечером, погода за окном хмурилась, показывая кукиш фотосинтезу.

На кухне горел свет, Мари сидела в телефоне, на полу лежал очередной букет серых роз и Лепёшка. Кошка хрустела квадратиками сухого корма. Я же кушала куриный солёный бульон. Уже за чашкой густо заваренного чая добродетельница заговорила со мной.

– Знаешь, вчера я было подумала, что никто сильнее се-

мьи Чичиковых, то есть Любочки с мужем, нас не порадует. Но ты превзошла всех. – Она повернула ко мне телефон: – Ал записывал видеофрагменты, затем выложил в наш офисный чат для флуда. Смотри, вот эта земляная какашка, бегущая по парковке у клуба – ты. Где ты нашла землю, так и осталось для всех загадкой, но ты сказала, что это всё засранцы пришельцы, и вообще тебе некогда, тебя лес зовёт. После этого ты побежала босиком к фонтану и стала там плавать, крича: «Тону!».

– А что было до этого?

– До этого Ал вызвал всем такси, мы стали собирать наших, тебя нашли на сцене. Ты отбросила стриптизершу от пилона, крикнула, что она бревно и ты можешь лучше. Ну тут ты правда объективней была лучше неё, и даже охранники, которые подошли тебя успокоить, застыли, смотря на твои грациозные телодвижения. Когда зажигательная музыка закончилась, начался медленный танец, ты сама слезла, сказав, что это *херня для нытиков*.

Я отбросила скатанную в комок салфетку, откинулась на спинку стула. С самодовольством ответила:

– Хе-хе, а я молодец, постаралась на славу. – Смотря на белые волчьи ушки благодетельницы, спросила: – Как тебе идея порезвиться в лесу? Дел же важных на сегодня не запланировано? Возьмём с собой Лешего, отпустим его, так сказать, в естественную среду обитания.

Мари кивнула, однако не согласилась:

– Идея хороша, но на понедельник у нас открытие детского сада запланировано, ленточку перерезать, фуршет организовать, да журналисты приедут. К тому же Леший помочь не сможет. – Волчица со смешинками в глазах добавила: – Жалуются, что из дома не выйдет, пока за ним сумасшедшая двуликая сталкерить не перестанет.

– Бли-и-ин, тогда чем заняться? Может тебе помощь какая нужна?

– Если хочешь, можешь съездить на объект, проверить всё ли готово к понедельнику, все ли продукты завезли, привели ли в порядок газон. Там ответственным лицом должна была быть Любочка, но у неё жуткая интоксикация. – Мы взяли ненадолго паузу, чтобы мысленно посочувствовать беде одноликой. Покивав головами с опущенными уголками рта, мы переглянулись. Драматическая пауза закончилась, Мари продолжила: – мне надо съездить в офис проверить отчёты за последний квартал с завода, потом этим заниматься будет некогда. К тому же в воскресенье отдохнуть хочется, поэтому дела откладывать в долгий ящик нельзя.

– Всё будет сделано в лучшем виде, босс. Я тоже поеду на открытие?

– Да, там твоя помощь понадобится больше всего. Ал будет занят в офисе, а Любочка поедет с инспекцией на завод.

– Такое чувство, что кроме вас троих никто больше в офисе не работает.

– Просто у остальных более узкий круг обязанностей.

Одевайся, выйдем вместе, встанешь на автобусную остановку, нам по пути.

Мари оделась неброско, в повседневную одежду, я же вырядилась при полном параде, хрен ли, от лица Биг Босса с проверкой еду!

В автобусе меня укачало на волнах извилистых дорог, к тому же в салоне было темно, и я было чуть не заснула. Дома серели под унылым небом с грустью отмечая власть осени, лес отливал тёмно-синим на вершинах гор, ветер слабо покачивал ветки придорожных деревьев, задувая в приоткрытое окно запах дождя.

Проблема чашек чая

Сажу в кустах, в жёлто-зелёной камуфляжной панамке, с биноклем в руках. Слежу я за треликим, который имел неосторожность запать мне в сердечко. Скучно... От нечего делать решила перебрать по виткам прошедшие недели чувственных терзаний. В одиночестве вольготно философствую.

Увидела я его впервые у Марриам, когда была в гостях. Казалось, только искры не летели из моих глаз: так я его пожирала взглядом. Сначала меня зацепила аристократическая внешность Ала, потом подкосила его немногословность, а добил он меня вскользь пробежавшимся взглядом прищуренных, таинственных зелёных глаз с крапинками золота. Да это же мой идеал из детских грёз! Неосознанно я всегда искала себе спутника похожего на интеллигентного вершителя криминальных дел с далекого Инсана или Рессама. Правда-правда! И вот спустя двадцать восемь лет безрезультатных поисков наткнулась на него.

Окучивать будущего мужа стала, не отходя от кассы. А то вдруг такого красавчика уведут! В нашем городе с этим делом девушки двуликие шустры.

С адресом выжженным в памяти, на следующий день после второго ужина, на котором так и не смогла уломать его поесть, побежала сломя голову, в гости к Алу. По пути ку-

пила охрененный букет и бутылку вина, пришлось раскошиться, но чего ведь ни сделаешь для того самого, да? А то, что это любовь с первого взгляда почувствовала сразу.

Домик его находится в частном секторе в пригороде. Улица растянулась у подножия хребта, напротив неё раскинулось поле уже со скошенной культурой, за улицей бежала речушка. Насыщенный запах травы и недавно прошедшего ливневого дождя кружил голову. Постучалась.

Внутри домик был маленький, однокомнатный. Кухня, зал, прихожая – всё было объединено без каких-либо перегородок, только несущие балки стояли в центре. Кровати как таковой я не заметила, только скамья рядом со столом и кухонным гарнитуром, да куча свисающих с потолочных балок ламп. Всё остальное пространство занимали цветы, они были везде: на подоконниках, в горшках на полу, в кадках, прикреплённых к стенам, на полочках в шкафу, на декоративной лестнице – они свисали, змеились, стояли, обвивали несущие балки, только один огромный горшок не был занят и стоял сиротливо в уголке. Я офигела от количества зелени, но посчитала это забавным. Мой же букет мужчина взял и посадил, в непонятно откуда взявшийся горшок, наполненный землёй. По идее, он должен знать, что цветы ставят в воду, ну да ладно, у каждого свои причуды.

В общем, дверь мне открыли, в гости пустили, чаем напоили. Но всё это с каменным лицом! Всё, держите меня семеро, а то сверну в трубочку и унесу в сейф, потому что я убита

его терпением, ибо моего трюндычания без умолку мало кто может выдержать!

Через час успокоившись и насладившись общением со своим идеалом, решила покинуть его, так как в автомастерской меня ждали дела: недавно прибуксировали самосвал, да плюс машина Мари и пару тачек по мелочи, но всё вместе создавало внушительную нагрузку для моих ребят, так что мои руки лишними не будут.

* * *

Время текло как вода сквозь пальцы, пришёл момент сдавать машину Марриам. Поторговаться с ней не получилось, сказала, что всё в моих силах, отдала всю сумму без учёта скидки и дала бесплатный совет: не спешить и поговорить, если он моя судьба, то в скором времени я получу ответ на свои чувства.

Жизнь продолжила свой ход, осень набрала обороты и уже клонилась к закату, через пару недель полетели бы первые белые мухи.

Я всё продолжала добиваться взаимности Ала, но видимо, сама судьба была не на моей стороне. Трехликий был холоден и на все мои старания отвечал отказом встречаться. Что я сделала не так, было не понятно. Ведь всем нравятся цветы, конфеты, алкоголь? Нет? Тогда предложение прогуляться по парку, сходить в ресторан или прокатиться на моём

мотоцикле, должны же были обрести успех! Решила сделать перерыв в долблении об стену и посоветоваться с Рири, всё же бывшая путана должна знать толк в любви.

Рири о чашках чая

В кафе мы сидели вдвоём, других посетителей пока не было видно. Подруга, как всегда, довольно громко высказывала свои переживания, не скрывая ни эмоций, ни подробностей.

– Да я пред ним и так и эдак. Уже не знаю, как извернуться! – голова Леоны лежала на столе, мы томились в ожидании нашего заказа.

– Бери измором. – Посоветовала я, теребя в руках уже вторую салфетку.

– Куда ещё настойчивей? Всё ему уже на блюдечке преподнесла, осталось только в кровать голышом к нему прыгнуть.

– Так прыгай, кто останавливает? Блюстителю твоей чистоты и непорочности сейчас не до тебя: сам в делах любовных бултыхается.

Принесли наш заказ.

– Меня останавливает сам Ал! Не хочет, видите ли, меня портить! Да я уже по самую маковку в порочности утонула, скоро пальцы отвалятся мастурбировать на него! – официант выронил из своих кривых рученок поднос, благо еда уже стояла на столе. Покраснев до корней волос, парень убежал на кухню.

Подруга села ровно, поправила торчащие во все стороны короткостриженные кудри. Продолжали говорить уже с наби-

тыми ртами.

– Я сразу поняла, но не сразу смирилась, что нам не суждено жить с ним долго и счастливо...

– С чего бы? – я не поняла в чём загвоздка.

– Ну он же треликий! Постарею я годам к трёмстам. А он будет цвести и пахнуть годиков так ещё семьсот. Ах, ну кому нужна такая старая развалюха как я? – паста карбонара Леоны летела во все стороны.

– Рот вытри, – протянула ей последнюю из оставшихся в живых салфетку, остальные валялись бравыми комочками у моей тарелки. – Да, он треликий, но это не повод опускать руки. – Не стала ходить вокруг да около, всё же сочувствовала подруге. – Мари рассказала мне одну историю, почему Ала братаны называют Лешим. Все же клички у них всех забавные, но говорящие. – Леона прожевала, вытаращила на меня свои глазёнки. – Это довольно грустная история.

Ал сын леса и эфира тамошних трав. В округе Инсан природа, как ты знаешь, не пользуется уважением и почитанием. Одноликие вырубili все дикие заросли подчистую. Остался в тех местах уцелевший небольшой участок кипарисового леса. И уцелел он только под властью малочисленной стаи двуликих ипостаси сов. Много лет прошло, клан сов изжил себя и остался от него одинокий двуликий старик. Решил он не ждать смерти, а пойти да повешаться в кипарисовом лесу, а точнее уже в саду. Душа истребляемого леса заприметила старика, почувствовала, что так же ему нестер-

пимо больно и горько, сил больше нет оставшиеся года доживать. И тамошняя эфирная субстанция решила, что надо после себя наследника оставить.

Поднапряглись оставшиеся деревья да травы, исторгли из себя последние крохи живительного эфира да породили дитя. Как ты можешь догадаться, тем ребёнком был дух кипарисового леса, который вобрал в себя всю мощь, что накопилась за века и сконцентрировалась в том клочке живой природы. Но как только ребёнок открыл свои глаза, лес стремительно иссох, пригнуло стволы к растрескавшейся земле да рассыпалось всё живое в то же мгновение прахом.

Остался там старик с малым дитём на руках. Не смог двуликий бросить юного духа, слишком мягкосердечен был. Так, они они вдвоём и прожили пару лет, с очередным приходом знойного лета, старик уснул в последний раз. За его телом соседи пришли, только их позвать Ал и смог. Они-то и передали мальчика в приют. Только о нём никто и не знал ничего. Видимо, старик совсем его в мир не выводил. История с отличным концом правда, а то прикинь, не встретить он Марриам, может быть, и не познакомился бы с тобой.

Это я всё к чему рассказала: не дабы разжалобить. Просто показываю, что вы, конечно, разные касаясь видов ликих, он даже от остальных треликих отличается: рождён не от крови и плоти живой, да и недоговорённости ваши... Но разве это серьёзные причины не строить отношения? Он тебе нравится, Ал в тебе тоже заинтересован...

Огонёк охотницы разгорелся в глазах Леоны с новой силой, и я жопой почувствовала, что не долго осталось Алу в холостяках ходить.

– Лео, ты на него только сильно не налегай. Не бери штурмом. Пожалуйста. Столь активные действия его могут напрягать или даже отталкивать.

Энтузиазм в глазах Леоны немного поутих, но попа заёрзала по стулу.

– Поговори с ним начистоту. Выясни, чего он хочет, ищет, какие планы на жизнь имеет.

– Ага-ага.

– Поняла? Словами через рот передай, что надо тебе. И его поспрашивай. Там и выяснится по пути ли вам.

– Угу-угу.

Волчица кивала в согласии, однако уверенности не вселяло, что подруга всё поняла.

Марриам и воскресные дни

Любимое воскресенье автоматически придало мне сил и настроения в раннее утро. Спящий будильник показывал семь утра.

Встала, распахнула портьеры. За синими горами занимался рассвет, тучи неохотно уступили солнечным лучам место на горизонте.

Умывшись, прошла на кухню. Там сидела Рири, сложив ноги на стуле в позу бабочки. На столе лежал телефон в подставке и пара жестяных банок пива.

Найдёныш сидела ко мне спиной. В ушах наушники в руках какой-то пакет. На всю кухню слышен хруст и еле сдерживаемый смех. Я обошла стол, чтобы поставить кофе на плиту, повернулась к лисе, спросить о чём-то, но это что-то вылетело из моей головы, когда увидела, чем хрустит Рири...

Рири хрустит кормом. Сухим кормом Лепёшки. Засовывает руку в упаковку, достаёт горсть печенья в форме рыбок и отправляет в широко распахнутый рот. Заметив моё присутствие, девушка поставила видео на паузу, вытащила наушники.

– Доброе утро, босс!

– Доброе. Почему так рано встала? Не спится?

– Спится. Просто не хочу пропускать драгоценный выходной день, пролёживая его в постели. Столько сериалов тре-

буют моего внимания!

– Что смотришь?

– Какую-то мыльную оперу. Смотрю с середины. С трёхсотой серии.

– В чём тогда интерес?

– Чисто по наитию понятно кто главные герои. Вокруг происходит полная смешная дичь. Но никого не жалко, потому что не привязалась к ним. Это словно подслушивать чужой телефонный разговор в маршрутке – мало что понятно, но любопытно, Лепёшка меня дери.

– Кофе?

– Не, спасибо. – Рири отсалютовала мне банкой пива.

– Я строила догадки, что Лепёшка научилась открывать верхние ящики кухонного гарнитура. Потому что за последние недели опустошилось десять упаковок корма.

– Нет. Это я. Ей вредно есть сухомятку. А мне под пиво нормально залетает. Да и к тому же она потолстела. – Лиса взглядом указала в угол кухни, где кошка вылизывала миску. – Вон какие круглые бока. Пни, полетит словно мяч.

Я подошла к миске, разглядывая остатки чего-то серого и неприятно пахнущего.

– А это что?

– Это я ей суп с рыбой сварила, всяко лучше крекеров.

– Корм довольно сбалансированный...

– И? – Рири приподняла брови. – Ну а тебе бы понравилось каждый день есть сухари со вкусом мяса и запивать их

водой из-под крана?

– Ты... – Я вернулась к турке с кофе. Уточнила: – точно её ненавидишь?

– Смертельно.

После завтрака мы обсудили свои планы на день. Рири, услышав мой ответ, так сильно возмутилась, что нечаянно смахнула банку пива со стола. Лепёшка оперативно подбежала локализовать алкогольную лужицу вытекшего содержимого.

– Кошка алкашка. Лепёшка, а Лепёшка? Кудрявое твоё пузо. – Рири резко повернулась ко мне, продолжая разговаривать со мной: – На хрена ты приняла его приглашение? Какое нафиг посидим за чашкой чая? Вы с Лешим выбираете странные методы, чтобы увертеться от поклонников. Нет что бы сразу дать отворот от ворот, вы их как-то садистки мучите! Кто мне заливал о *не издеваемся над слабыми*?

– Разве я над ним издеваюсь?

– Даёшь ему призрачный шанс на взаимность. – Рири прищурилась, сморщив нос.

– Ты же его ненавидишь. Твоя реакция не соответствует заявленным ранее словам.

Лиса отвернулась к окну, рыкнула.

– Разумеется, я его недолюбливаю. У меня на то есть свои причины. Ну а ты? Он же раздражает тебя своим поведением, а ты ему подыгрываешь! Издеваешься над несмышлёным парнем.

– Не понимаю в чём проблема. Я не издеваюсь, просто действительно хочу разобраться подходим ли мы друг другу или нет.

Рири пробурчала:

– Не подходите.

– Это ты так говоришь. Я же планирую в этом сама убедиться. Не переживай, обижать его не стану.

– Да кто тут переживает о том дураке?! – Найдёныш хлопнула ладонью по столу, подкрепляя свои слова. Лепёшка испугалась шума, убежала в зал.

Рири встала, направилась в гостиную.

– Вернусь и уберу со стола сама. Надо сначала поменять Лепёшке подстилку в коробке, а то ночью она тревожно спала, крутилась, шерсти много вылезло.

Я угукнула в ответ.

Всем бы иметь такого неприятеля как Рири: только благодаря её усилиям, Лепёшка вылечилась, обросла новой кудрявой шерстью, набрала вес. Хоть эти двое и сохраняли в отношениях холодное отчуждение, постоянно украдкой наблюдали друг за другом. Да даже во время таких вот бессонных кручений, Лепёшка прокрадывалась к Рири в спальню и устраивалась рядом на свободную подушку. Идеальные враги.

Как обычно надела классический костюм, но для разнообразия разбавила строгость вязаным серым кардиганом.

Рири проводила меня сердитым: «Иди-иди». Лепёшка подбодрила дружелюбным: «Мяу», за что получила от лисы брошенной тапкой по плоской мордочке. Кошка схватила тапок и побежала с ним в туалет. Найдёныш подскочила с дивана и помчалась с криком за найдёнышем поменьше:

– Ах, ты ж дорожного катка жертва! Сюда вернись, бомжей отрыжка!

– Хорошего дня! – прокричала, захлопывая за собой дверь.

Я вышла, так и не узнав, чем закончилась мини-трагедия. Скорее всего, Лепёшка утащила тапок под ванну и нагадила в него. О подробностях битвы узнаю вечером. А в ближайшем времени меня ждёт свидание с одним неоднозначным персонажем.

Максимилиан назначил встречу, по его мнению, в *лучшем* ресторане столицы. Хотя для меня заоблачный ценник на блюда не показатель качества и вкуса.

Низина, где располагался ресторан, окружена высокими горами, из-за чего лучи солнца редко дотягивались до покрытых мхом деревянных дорожек, которые растянулись от ресторана, протянулись параллельно, берегу реки, обнесён-

ному высоким стальным частоколом забора, сделав круг, возвращались к террасе. Пахло сыростью. Тучи и тёмный хвойный лес добавляли угрюмости этому месту. Журчащий плеск реки-убийцы и редкие пронзительные крики птиц вкупе с зябким ветерком гоняли по моему телу мурашки.

Русло, в котором река накапливала свои воды и неслась дальше, называли Спящим Озерцом. Течение вод в русле, если смотреть с берега, не отличалось скоростью, но нырять – смертельная ловушка: каким бы сильным и опытным пловцом ты ни был, отдались от берега на метр, дно пропадёт под ногами, а подводное течение протащит по дну, закрутит в воронку в центре. Выплывет лишь труп у противоположного берега.

Я успела пройти два круга по дорожкам, когда пригласивший меня на встречу двуликий наконец-то соизволил появиться. Отсутствие пунктуальности меня раздражает, но да ладно, стерплю.

Дежурная улыбка, рукопожатие, подходим к террасе, официант провожает нас до *лучшего* столика, откуда мне прекрасно видно реку за спиной Максимилиана. Не понимаю пока, почему ресторан заимел такую славу, но мне вот от атмосферы, витающей вокруг некомфортно. Хотя проблема во мне: не надо на ночь просматривать отчёты. Может быть, тогда и место это показалось бы приветливым.

Официант принял наш заказ. Максимилиан огорошил меня странным вопросом:

– Что это за вязка?

– Не поняла вопроса.

– Ваш кардиган. Интересный рисунок. У Вас не сохранилась, случайно, схема вязки?

– Я не разбираюсь в подобных вещах. Кардиган куплен в магазине.

– М-м, жаль. – Волк поджал губы, от чего-то покраснел, потом нахмурившись громко возмутился: – Да где этого официанта носит!?

– Минуты не прошло, как он принял заказ.

– Да? – волчьи уши полуформы прижались к уложенным блондинистым волосам. – Жарко. – Парень скинул чёрный пиджак с плеч, накинул его на свободный стул. Пиджак соскользнул на пол. С тихим: – твою мышь, – Белых поднял вещь, казалось, как-то нервно отряхнул её, потом уже более аккуратно перекинул через спинку стула.

Мне не удалось понять с чего Максимилиан так краснеет, дёргается и резко комментирует всё вокруг. Эмоции его, как цветное битое стекло в калейдоскопе, стремительно меняли конфигурацию. Будто в парне сидело две противоположных личности одна из которых отвечала за губы, нос и руки, другая за глаза, лоб и ноги. И каждая тянула одеяло на себя. Поэтому выглядело всё вкуче странно и немного даже пугающе: будто какой-то душевнобольной сбежал из-под надзора, замаскировался под наследника Белых и сидит сейчас передо мной, отчитывает официанта, который якобы долго при-

носил заказ, что аж блюда уже остыли. С блюдами всё было в порядке: тарелка горячая, но не обжигающая, содержимое ароматное, испускало лёгкий пар.

Не будь я собой, возможно, испытывала бы вторичный стыд за поведение Максимилиана, но... благодаря воспитанию, жизненному опыту и увлечённостью едой на тарелке, а не пустой болтовнёй парня, эмоциональный фон мой не колебался. Единственное что напрягало, так это русло реки: от шума воды не скрыться, глаза не закрыть.

Волк в полёте сменил тему разговора:

– Давайте поменяемся местами.

– Хорошо, но зачем?

– Меня выводит из себя официант.

– Он скрылся в зале ресторана, через стену его не видно.

– Я чувствую, что он где-то там дышит. Изрядно бесит.

– Ладно.

Мы поменялись местами. О Бог Жизни, какой дребеденью я сейчас страдаю? Могла бы остаться дома, поваляться на диване или с Лешим поехать опробовать местное стрельбище. Нужно быстрее выяснить всё что планировала узнать и тогда, может быть, останется побольше времени на отдых.

– Максимилиан, в чём твоя цель?

Волк, нахмутив брови, невнятно пробормотал:

– Ваше расположение.

– Ко мне, пожалуйста, на ты.

– Хорошо. *Твоё* расположение.

Парень смотрел на стол, я смотрела на него. Наши реплики становились всё короче, а слова произносились всё быстрее и отрывистее.

– Расположение какого рода интересует?

– Романтического?

– Какими представляешь наши отношения?

Двуликий поднял голову, похлопал ресницами с глупым выражением на лице.

– А много вариантов, что ли?

– Достаточно, чтобы мне понадобились уточнения.

– Классические? – неуверенно произнёс он.

– Что в твоём понимании означает *классические*?

– Э-эм, – Максимилиан почесал затылок, нарушая аккуратность причёски. Брови попрыгали вверх-вниз. – Как у всех?

– У всех всё по-разному.

– Без понятия, что ответить...

– Говори то, что думаешь.

Максимилиан прищурился, облокотился на стол.

– Я хочу... чтобы Вы...

– Ты.

– Ты жила без проблем.

– А именно?

– Без нервотрёпки! Бизнес – это же сплошное мучение и стресс! От него крошатся зубы и морщины с сединой появляются раньше времени!

– Оригинальное видение действительности. Считаешь ведение дела сложным?

– Да! Женщинам такие муки ни к чему.

– При чём тут деление по половому признаку?

– Ну как при чём? Вам ведь ещё о потомстве надо думать.

А какие там дети, когда женщина вся в работе?

– Твоя сестра работает.

– Э-эм, ну то она, а это Вы... ты.

– Скомкано и нелогично. Кратко изложи суть своих желаний.

– Ну, мужчина же должен оставаться мужчиной?

– И? Мы не о смене пола разговариваем.

– Ну а как быть мужчиной рядом с Вами?

– Это вопрос или претензия?

Парень вздохнул, с вымученной улыбкой спросил:

– Марриам, скажите мне, как современная женщина с Инсана! Я совсем тебя не понимаю... Каким мне быть?

– Что?

– Ну я же не слепой... вижу непреодолимую дистанцию, между нами, – ни с того ни с сего, зверь двуликого гортанно зарычал, Максимилиан зарылся пальцами в волосы. Вскрикнул: – ты взрываешь мне мозг!

Ноль слов, одни эмоции. Убрав в сторонку рвущийся мат, ответила:

– Причём твои ментальные страдания и я? Чтобы сблизиться с любым ликим, не надо извращать свой характер или

взгляд на жизнь. Такой подход к взаимоотношениям только навредит. – Встала, вложила купюры в счёт.

– Ну вот!

– Что?

– Как мне с тобой быть, если пригласил я, а платишь ты?

– Можем оплатить пополам...

Максимилиан замахал руками словно птица крыльями.

– Да не в этом дело!

– А в чём?

На меня уставились влажными голубыми глазами в обрамлении белых ресниц. Обвинили:

– Ты вечно отыгрываешь роль мужчины!

Пальцами смахнула севшую на кардиган муху. Не глядя на собеседника, ответила:

– Я не отыгрываю роли. Я такова, какова есть.

– Да нет же!

Посмотрела безразлично на Белых, переспросила:

– Нет?

– С женщиной, должен находиться мужчина на которого можно положиться! Но как... как...

Не вытерпев его бляний и перепадов настроения, посоветовала:

– Максимилиан, прошу прощения за непрошенный совет – обратиться к психологу. У тебя явно намечаются проблемы. Даже если тебя всё устраивает, то окружающим твоё поведение приносит дискомфорт.

Я направилась на выход. У самых лесенок террасы меня потянули за рукав кардигана. Повернулась. На лице Максимилиана жутко смешались боль и, кажется, злость: слёзы подступили, губы улыбались в оскале...

– Дайте мне шанс... я справлюсь...

По шее моей пробежался озноб. Взгляд метнулся от чудакватого парня к реке-убийце.

– С чем ты справишься?

– Ты ни в чём не будешь нуждаться, я постараюсь...

– Максимилиан, мне не нужен защитник, опекун, покровитель или что ты там себе навоображал. Меня устраивает моя жизнь. Единственный спутник, которого я приму, должен быть адекватным. По этому критерию, к сожалению, ты не проходишь.

Высвободила рукав. Пошла дальше. Волк упал на колени и зарыдал. Да что, блять, тут происходит?! Быстро ушла не оборачиваясь. Услышала, как к парню подошли официанты, а двуликий на них агрессивно зарычал. Ужас.

Теперь понятно, почему конгломерат настолько стремительно затонул: даже не беря в расчёт некомпетентность Максимилиана, его психическая нестабильность явно стала ключевым гвоздём в крышке гроба похороненного конгломерата.

Ладно, сугубо деловые отношения думаю удастся удержать на плову. А вот о романтических можно навсегда забыть: к такому парню можно испытывать только сочувствие,

но не более того.

* * *

Как только села в такси, мне позвонил охранник, делавший обход в арендуемом офис-здании, сбивчиво и с тревогой в голосе он попросил меня срочно приехать. Оказалось, какие-то индивиды раскидали по нашему этажу чьи-то протухшие внутренности. По камерам видеонаблюдения толком выяснить чего-то стоящего не удалось: все вредители были в капюшонах и масках, на ресепшене девушки тоже толком вразумительного ответа не дали, после допроса признались, что в то время ушли пить чай в подсобку. Камеры наружного видеонаблюдения так же не засекли личности нападавших: автомобиль без номеров, лица скрыты.

В таких случаях ликие обычно обращались за помощью и правосудием в администрацию города, в которой служили представители лидирующих стай и кланов данного района. В связи с ослаблением Белых и отсутствием других влиятельных ликих, способных их заменить, с возникшей проблемой придётся разбираться самостоятельно. Ну что ж, вишнёвому семейству не привыкать разбираться с отморозками.

Из-за всех треволнений вернулась домой только поздним вечером. Когда я вышла из лифта, на двадцатый этаж поднялась, ну как поднялась, скорее заползла Рири. Хихикая и держась за поручни и стены, девушка завалилась ко мне под

ноги.

– Ой, Мар-р-ри... а ты чего так поздно? – хватаясь за мои ноги, найдёныш приняла вертикальное положение. – Вы там тр-р-рахались что ли?

– Если только психологически. Мне сношали терпение.

– О-о-о, а-ха-ха-ха, а он та ещё истеричка! Уз-знаю-ю-ю... пожалуйста, откр-рой дверь, а то я не в настр-р-роении...

– Ты не в состоянии. Почему не воспользовалась лифтом?

С жалобой в голосе Рири проблеяла:

– Я в кабинку-ку не влезла...

– Как так?

– Она качалась туда-а-а сюда-а-а, мельтешила-а, и ещё дверьми меня защемила-а-а...

Придерживая найдёныша за талию, достала из кармана ключи, повернулась к двери. Изумилась.

– Ох, ёбань окаянная, что там на-на-ик-писано? – Рири тоже удивилась.

На двери кровью кто-то написал: «Здесь живёт смерть».

– Что-о там написан-но? – дыхнула на меня перегаром лица. Я прочла написанное вслух.

– М-м-м-м... А ещё?

– Движение против апокалипсиса.

– А-ха-ха-ха, старые знак-комы-ые...

– Знаешь, кто это сделал? – Рири всё норовила сползти бесформенной лужей на пол.

– С-с-сектанты наши местные...

– Рессама?

– А-ха-ха-ха... не. Коткару сектанты... они как-то раз подожгли нашу ночлежку... зл-л-лобны-ы-ые р-р-ребята... Мар-ри-и...

Разглядывая кровавые разводы, спросила:

– Что?

– Хнык, блевать хочу...

– Потерпи!

Открыла со скоростью света дверь, на руках донесла Рирри до туалета. Оставила её наедине с унитазом, вернулась на лестничную площадку отмывать дверь.

Уложив успокоившуюся лису спать, пошла на пост вахтера. И опять камеры наблюдения не дали мне ни единой зацепки.

Марриам и враждующая парочка

Погода решила нас порадовать: тучи разошлись, освобождая небо негреющему солнцу. Листья всех оттенков жёлтого и красного медленно опали на землю, ветер не смел тревожить их медленный танец своим дуновением. Птицы громко щебетали, набивая брюшко последними упитанными за лето насекомыми.

Неделя обещала быть хлопотной. В понедельник пришлось проснуться до рассвета, собираться на работу, когда за окном была непроглядная темнота. Рири будить не стала, мы договорились, что я заеду за ней позже на машине.

Жуткий интерес подгонял меня в спину, вперёд к моей ласточке. Неужели её было реально починить? Оказалось чудо возможно. В салоне, в отсеке выдачи и приёмки стояла моя любимая, словно новенькая, малышка. От прежних вмятин не осталось и следа, новенькой бампер, свежая покраска и полировка радовала глаз своим сиянием. На этом трогательном моменте воссоединения нас застала Леона.

– Результатом довольна? Смотрю, ты растрогана? А я-то думала, что должно произойти, чтобы задеть броню самой владычицы сердца братца моего! А надо было лишь собрать расквашенную морду её автомобиля. Ты извини за излишнюю самодеятельность: перекрасила её в вишнёвый цвет, просто твоего прежнего оттенка серебристый металлик не

было в наличии на складе. Пришлось бы ещё неделю ждать, пока ассортимент пополнят.

– Нет, нет, не стоит извинений. Я полностью довольна, ей идёт. Сколько с меня? – она протянула мне счёт.

– Можем, конечно, и скидку сделать... – я приподняла бровь в ожидании продолжения: – за информацию. Об Але. – Как-то резко выдохнула белокурая волчица, – что любит? Чем увлекается? Хоть что-нибудь! Даже самую малость!

– Прости, но в этом деле я тебе не помощник. В личную жизнь брата я больше ни ногой, итак, сделала уже достаточно. Могу дать лишь совет: поговорите друг с другом начистоту. Выясните по пути ли вам. Когда вы придёте к единому определённому выводу... – достала телефон и перевела на счёт. Передала обратно бумажку. Продолжила: – например, останетесь друзьями или же начнёте встречаться, вот тогда уж можешь обращаться, помогу, подскажу чем смогу. Хорошо? – хлопнула дружески её по плечу. Села в автомобиль, опустила стекло, – удачи тебе. Искренне верю, что у вас всё получится. – Леона отошла с пути, и я выехала на дорогу. В этот раз вслед смотрели уже мне.

По пути захватила бодрую Рири. Найдёныш без следа похмелья на лице бегала за Лепёшкой с криками: «Ах, ты плешивое создание! Мохнатая скунса отрыжка! Да я тобой полы помою! Сюда иди!»

Подпирая косяк входной двери, ответила за Лепёшку: – Я думаю, она не подойдёт.

Лиса остановилась, поправила пиджак, одёрнула блузу. Сердито пыхтя, прошла в прихожую, надела лодочки на невысокой шпильке.

– Что у вас случилось? Когда я уезжала, вы миролюбиво спали в обнимку.

– Я? В обнимку? С этим помойным исчадием? – Рири указала пальцем на кошку, выглядывающую из-за дивана.

– Да. Со мной она ни разу не ложилась спать.

– Просто тебя она уважает. – Лиса помахала рукой перед своим лицом. – Поэтому не светит своей жопой перед твоим лицом с самого утра пораньше.

– Документы взяла?

– Да.

Мы вышли на лестничную площадку. Рири внимательно смотрела на дверь нашей квартиры, пока ждали лифт.

– Помнишь вчерашний вечер?

Рири, потеряв виски, ответила:

– Да. Мне редко удаётся упиться до состояния невминоза.

– Вчера ты над этим очень старалась. Что-то случилось?

– Нет.

– Если что-то тебя гнетёт, лучше предупредить это на берегу, чем потом захлёбываться в проблемах, превратившихся в шторм.

– Не беспокойся, – Рири лучезарно улыбнулась, добавила: – всё правда отлично! Просто захотелось посидеть в баре. Ну а там уже захотелось нажраться вдрызг. Прости за хлопо-

ты, которые тебе доставила.

– Ничего страшного. Главное, что у тебя всё хорошо.

Пронзительно посмотрела на найдёныша. Лиса открыто посмотрела в ответ всё с той же безвинной жизнерадостной улыбкой.

Лифт подъехал, оповестив этаж звонким журчащим сигналом. Рири чуть ли не вприпрыжку зашла в кабину, развеяв своим поведением мои подозрения.

* * *

Когда подъехали к главным воротам, на лужайке уже собрались гости и репортёры. К машине подбежала помощница и ввела нас в курс дела: кто пришёл, с кем пришёл, а главное, с каким лицом ходит, а именно презрительным, довольным или безразличным. Сегодня двери были открыты для всех. Передав дела помощницы в руки Рири, отпустила одноликую бедняжку: ещё только всё началось, а она уже вымотана.

Подала знак собирать гостей в главной зале: пришло время всех поприветствовать, сказать пару слов благодарности и расписать все возможности, которые может предоставить наш детский сад. Моё выступление потом попадёт в эфир, отличная получится реклама, на первых порах надо привлечь как можно больше заинтересованных лиц. Запись на поступление детей в детский сад открылась три месяца на-

зад, но много мест ещё пустует: всё же население с осторожностью относится к нововведениям. В следующем месяце наши двери откроются вновь, но уже для приёма детишек и их родителей, тогда же и начнут работать наши обученные по моей программе специалисты.

Выступление прошло на ура, многие важные персоны города потом подходили для рукопожатия и личного знакомства. Когда с приветствиями было покончено, подошли журналисты. Одна пара, состоявшая из симпатичной длинноногой женщины и щуплого оператора, отвела меня в сторонку на интервью. Мы встали так, чтобы позади нас в объектив попадало полностью здание с окружающим его садом. Оператор установил камеру, и мы начали съёмку.

Закончив с шаблонным представлением меня зрителям, журналистка начала задавать свои вопросы:

– Вы говорили, что сами создали и запатентовали новую технологию развития детей, скажите, пожалуйста, что Вас сподвигло, или, вернее сказать, было Вашей мотивацией? – красавица откинула ручкой локоны за спину и поднесла ко мне микрофон.

– С самого детства и до отрочества меня воспитывала одна женщина... – мой ответ был прерван выкриками с лужайки:

– Да я тебя в тюрьме сгною, ты у меня старость в камере встретишь! Иди ты уже отсюда подальше!

– А-ха-ха, конкретику, дай мне конкретику!

– Нахуй! Пожалуйста!

– На чей, на твой стручок, что ли? А сам не желаешь прогуляться по этому адресу? Знаешь, с удовольствием пойду, но явно не на твой. Даже с оплатой или под дулом пистолета не сяду на твоего кривого дружка под именем полшестого...

Устав слушать их громкие пируэты, скатившиеся в открытую пошлятину, улыбнулась журналистке, она дала команду оператору прекратить съёмку. Развернулась и подошла к этим...

Эти два клоуна стояли на лужайке за садом, но они так орали, что их было отлично слышно на участке. Повезло ещё что гости были в здании и не стали свидетелями этого непотребства. Быстренько подошла к ним, схватил Рири за руку. Максимилиан стоял с лицом цвета гранатовых зёрнышек, наверное, если бы я положила ладонь на его лоб, то почувствовала бы сильный жар.

– Добрый день. Мы отойдём, нас ждут дела. А Вы не стесняйтесь, проходите в зал на фуршет. Желаю Вам приятного вечера. – Выдавив дежурную улыбку, быстро ретировалась с поля брани, отбуксировав лису подальше от волка.

Немного о личном

День за днём миновали недели, наступила глубокая осень. Перелётные птицы улетели на мою родину греть пёрышки, только вечные крылатые городские крысы, вороньё да воробьи радовали нас своим присутствием. Листья окончательно опали с кустов и берёз, оголяя чёрные ветви, их вечнозелёные хвойные подружки горделиво продолжали стоять в своих роскошных нарядах. Заметно похолодало: по утрам лужи застывали корочкой льда, иней покрывал всё, на чём мог закрепиться, ветер никого не щадил, прорываясь через слои одежд к чувствительной коже. Временами выпадал снег, но ещё не укрепил за собой позиции, постоянно тая, не успев собраться в сугробы.

До сего дня меня продолжал преследовать один неутомимый поклонник. Я стоически игнорировала натиск ухажёра. Цветы курьер приносил мне ежедневно как по расписанию, девать их было уже некуда: букеты заполонили комнату Рири, вторую гостевую спальню, прочие помещения, только моя комната и кухня стояли нетронутыми, что не скажешь о ванне с туалетом, зале и прихожей: им тоже досталось по украшению. Ладно произведения флориста, их ещё можно потерпеть, а вот ежедневные смс, сопровождающие курьера, вызывали у меня нервный тик.

Поддавшись на уговоры, сходила однажды с Максимилиа-

ном в ресторан на *встречу* и пожалела о потраченном времени. Единственный плюс заключается в подтверждении догадок доказательной базой, собранной посредством наблюдения. Характеристика на данного двуликого вышла не воодушевляющей: он вобрал в себя всё максимально отталкивающее. Как вообще умудрился стать таким гиперболизированным моральным уродцем из старых давно всеми позабытых анекдотов? Хотя... может какая-нибудь одинокая двуликая женщина сейчас сидит у окошка и вздыхает о своём идеальном принце, принце с лицом и проблемами Максимилиана.

Ну да ладно, подобные душевные терзания не для меня. Я уже не девочка, да и когда была помоложе, не встречалась с парнями под девизом: «Уж со мной он изменится». Не считаю чем-то приемлемым менять партнёра под себя: ликие не пластилин, чтобы прогибать личности как вздумается. На дрессуре здоровых отношений не построить. Да и уважению места нет в отношениях с привкусом тирании. Ладно, забудем, пора переключиться с личных дел на дела рабочие.

Сегодня пришлось задержаться в офисе допоздна: опять нездоровые колебания на рынке и повышенная активность Иблиса, заставляла быть начеку, чтобы не попасться на их уловки. Впрочем, у меня это отлично выходило, либо честным путём попытаться нас прогнуть у них до смешного плохо получалось. Если бы не участие Рири в махинациях, у них бы и не получилось нанести такой масштабный ущерб стае Белых, хотя побег важных лиц: замов и старост тоже вызывал

у меня вопросы. Как можно было в такой непростой период бросить своих собратьев? Даже члены моей одноликой стаи, не связанные кровным родством, стояли друг за друга горой.

Уладив дела насущные, со спокойной душой отправилась с Лешим в Инсан.

Командировка Лешего и Мари

Пока в Коткару стужа завоёвывала отведённые ей по праву месяца, в столице Инсана царил тропический климат. Деревья семейства пальмовых и не думали о впадении в спячку: здесь об этом не надо было беспокоиться, вечная жара сменялась разве что падением ртути в термометре до чёрточки десять, что выше нуля. Когда в Коткару и северной части округа Рессам укрепится зима, здесь наступит сезон дождей.

Сейчас шёл месяц беспощадного паления солнца, поэтому многочисленные озёра округа щедро испаряли свои воды, душный ветерок изредка шевелился в плотном влажном воздухе, а небо затянуло белым маревом. Разгорячённый асфальт неприятно пахивал. Любимые домашние животные жителей Инсара – кошки, лежали бездвижно в тени домов и козырьков магазинов, словно трупы: так было проще всего пережить это время года.

Хоть на эти тяжёлые два месяца в Инсане работодатели старались отпустить работников в отпуск, ликие же предпочитали в полуденные часы замирать дома под кондиционерами, попивая прохладные напитки, а не наслаждаться свободой и прогулками по песчаным пляжам озёр. Местные курортные местечки практически стояли без постояльцев, а многочисленные кафе, бары, рестораны пустовали, встречая за день от силы десятков ликих. Поэтому в прибрежном

кафе «Клубничный флёр» в данный момент сидело только три персоны, которых самолично обслуживал администратор: официанты прохлаждались по домам.

В кафе с внутренней отделкой из тёмно-коричневого дерева царил темнота и кондиционированная свежесть. Сладкий запах отделки сквозняком разгуливал меж барной стойкой и открытой входной дверью. Большая часть зала утонула в тени, света удостоились лишь близстоящие к панорамному окну столики. За прозрачным стеклом плавилось зеркало озера, вдалеке, куда трасса вела к центру столицы, сияли высотки, словно торчащие из земли кристаллы, они отражали солнечные лучи, вызывая резь в глазах и пуская по потолку зайчики. За их бликами наблюдал Ал, запрокинув голову; в сплетении его пальцев запотевал высокий стакан ледяного кофе.

Марриам же полулежала на стуле, неприлично раздвинув ноги в хлопковых, свободного покроя шортах. Майка на тонких бретельках обтягивала все её прелести, рядом на спинке свободного стула болталась белая рубашка в аляповатый рисунок пальмовых листьев.

Напротив неразлучной пары брата и сестры сидел, ссутулившись, среднего роста одноликий. На его посеревшем от недавнего приступа болезни лице бегали в лёгком потрясении глазки: бывшая жена и шурин покинули Инсан пару месяцев назад, с разлуки прошло совсем ничего, как они приехали на выручку... так почему же? Почему одноликий сей-

час сидел с ними в этом кафе и задавался вопросом: а они ли это на самом деле? Может, эти ликие лишь двойники друзей? Дух в прострации, бывшая непривычно вульгарно себя ведёт...

– Что не так с вашим этим Коткару? – мужчина прервал деловую беседу, оборвав бывшую жену на полуслове.

Волчица приподняла брови, на лбу её читалось: «Это что с тобой не так? С каких это пор ты так невежливо перебиваешь говорящего?»

Ал опустил голову, очки его отразили блик сияния городских высоток, ослепив Эмиля на один карий глаз, человек прищурился. Дух вздохнул и ответил:

– С округом всё в порядке. Только есть там пара персон...

– У вас есть проблемы помимо сферы бизнеса?

Треликий кивнул. Солнечный зайчик резанул второй глаз русоволосого мужчины – слёзы покатались по щекам.

– Мари подцепила там смазливового двуликого.

– Подцепила? Как болезнь?

– Почти. О таком типе сестра всегда мечтала. – Дух пронзительно посмотрел на интеллигентного, простенького одноликого, который выглядел как обычный клерк, каких миллионы.

– Скажешь тоже, подцепила. Он сам ко мне прилип. И что это за ревнивые враждебные нотки? Мы с Эмилем расстались обоюднo добровольно. Может прекратишь говнить?

Эмиль отвернулся к бару с уставшим выражением на ли-

це. Надо дать время этим двоим перебраться уколами накопившихся недовольств.

Ал с нотками издёвки в голосе произнёс:

– Отправь того волка в свободное плавание или завали в постель наконец. От твоей неудовлетворённости страдают все, на кого падает твоё внимание. В офисе уже и дышать спокойно нельзя, чтобы твоё доминантное высочество не взорвалось истерикой.

Марриам повернулась к духу, недовольно спросила:

– Когда это я истеричкой стать успела, а?

– Да вот прям сейчас. Эмиль, мы в ответственности за тех, кого раньше держали рядом. – Ал протянул руку через стол, накрыл кисть одноликого своей. Холод от ладони треликого вызвал в кареглазом волну мурашек, кишечник его скрутило в желании опорожниться. Со страху ли? Шурин ещё с тех незапамятных криминальных времён вызывал в нём неосознанный страх. Ал же в свою очередь недолюбливал Эмиля за эту самую трусость. Но в этот знойный день треликий попросил приятеля доброжелательно: – трахни её.

Марриам громко крикнула:

– Леший! Я тебя сейчас на этом самом столе нагну, если не прекратишь!

Женщина вскочила, стул под ней опрокинулся, на шум вышел из кухни администратор. Триада повернулась к нему, вежливо улыбнулись с видом «Всё в порядке. Идите-идите». Мужчина ушёл, Марриам уже спокойно продолжила, усажи-

ваясь обратно на стул:

– Не охренел ли ты часом?

Ал проигнорировал сестру, обратился к мужчине:

– Эмиль, о чём я и говорил: истерит на ровном месте.

Одноликий высвободил свою руку из захвата, растёр замёрзшую кожу.

Женщина фыркнула.

– Пф! А сам то? Сам то не устал разыгрывать комедию? Просто жалок. Если не хочешь быть с нею, так и обозначь это! Зачем ходишь с ней на *не свидания*? Подогреваешь её интерес?

Эмиль заинтересованно следил за их перебранкой. Осмелился спросить, о чём это Мари говорит.

– Да Леший пудрит мозги одной пухлой прелестной зефирке. Знаешь, брат, пока занимаешься самокопанием, ей может и надоест твоё напускное безразличие.

Дух глотнул кофе, кубики льда звякнули о край прозрачного стакана.

– Я ей не пара. Со мной она потратит годы своей жизни впустую. Найдутся мужчины получше меня.

Уже дружелюбным тоном с напускным неодобрением женщина изрекла:

– Ты ужасен. Как ты можешь рассуждать о том, что надо ей? Твои предположения необоснованы. Никогда наверняка невозможно знать, чего желает другой ликий. В голову собеседника не залезть. Можно только спросить напрямую. По-

ступаешь ты глупо. Леона, безусловно, очень хороша собой, но это не причина впадать в недопонимание от недосказанности, тупить при встрече с ней. Ты уже давно не подросток, чтобы списать всё на робость и нерешительность. Чего молчишь? Не стыдно мучить девушку надуманными причинами, *почему я должен держаться от тебя подальше?* В этом плане поступаешь дурно: и сам нерываешь общение и ей шанса на что-то большее не даёшь. Так сказать, и не себе и не другим. Ответ давай! Сестричка тут распинается – мораль тебе читает, беспокоится о тебе, тараканьей башке. Отомри уже и действуй!

– Мне нечем тебе возразить. Я и правда поступаю не благородно. Просто оттягиваю момент расставания.

– Да мышкены норки! С чего такая уверенность в неудаче? Она так сильно тебе нравится? Ну тогда ради неё же и проясни между вами все недопонимания.

– Хорошо, постараюсь. – Ал кивнул. Двудикая потрепала духа по макушке.

Серьёзные и грозные при посторонних, в узком кругу среди своих названные брат с сестрой позволяли себе вольности и порой даже такое ребячество: пока волчица портила мужчине причёску, тот хмурился, пытался увернуться, но по-настоящему не сопротивлялся. Ал всегда позволял Марриам подобные шалости – ребячество между ними было неотъемлемой частью их взаимоотношений, отношений, не связанных кровью, однако надёжных, крепких и бескорыстных.

В этот момент Эмиль вспомнил о том, как встретился с Марриам впервые, подумал: «Так резво раздаёт советы, будто гуру любовных отношений, хотя сама то раньше творила полный беспредел». В тот пасмурный день девушка шла ему навстречу по узкому тротуару, близ дороги на которой машины выстроились в ряд и ехали со скоростью шага черепахи в час. Эмиль хотел уступить дорогу высокой прохожей, но та намеренно преграждала ему путь. Неожиданно одноликая наклонилась, обвинила в похищении своего сердца и перебросила через плечо. Потом он долго лежал в травмопункте, а Марриам с улыбкой на лице приносила ему целыми пакетами-маечка вишню.

Мысленно Эмиль пожелал удачи парню, осмелившемуся не угодить бывшей: раз уж она так агрессивно ведёт себя в симпатии, то, что уж говорить об антипатии...

Спустя две чашки чая и кусочек вишнёвого пирога, троица вернулась к тому, из-за чего вообще собрались. Атмосфера вновь стала напряжённой.

Эмиль промокнул салфеткой влажные дорожки слёз, протянул собеседникам экземпляры документов.

– Вот что он хотел.

Мари потёрла пальцами подбородок, прищурилась. Ал поправил очки, брови его слегка нахмурились.

– Так он занимается благоустройством Рессама? Похвально.

– Не уверен, – треликий указал на таблицу, напечатанную

на втором листе, с нехорошим смешком продолжил: – ты посмотри, какую смету он предъявил.

Тонем подстать брату, волчица ответила:

– Ох, и правда. Тогда не похвально. Чистый грабёж.

Ал обратился к потеющему от волнения одноликому:

– Ты отказал?

– Ну а что мне оставалось делать?!

Дух одобрительно кивнул. В кои-то веки Эмиль не дал себя прогнуть. А то, что прибежал к ним за помощью, поджав хвост, тоже в каком-то роде похвально: на такое надо было набраться смелости. Вот если бы он в ещё те года поборол свою трусость, то не бесил бы Ала сейчас так сильно.

Одноликий завершил свой рассказ:

– Он взорвал наши основные транзитные пути, по которым транспортировалось сырьё из Коткару. Поэтому мы не успели выполнить заказ для Песи. Заказчики ждать не стали: разорвали с нами соглашение, к тому же пришлось выплатить неустойку.

– Убытки?

Эмиль передал отчёт.

– Возмутительно. – Прокомментировал дух.

– Убийственно. – Вторила Мари.

Эмиль нервно покрутился на стуле, к которому прилипли штаны из-за обильного потоотделения.

– Как быть? Воздействуем... – одноликий сглотнул вязкую слюну, неуверенно спросил: – силой?

– Тот психически неуравновешенный наверняка не ожидает с твоей и нашей стороны физического отпора, – начал рассуждать дух. Марриам развила мысль:

– Однако сперва попробуем решить конфликт интересов дипломатически. Всё же мы теперь...

– Законов, утверждённых советом кланов и стай, стараемся не нарушать. – Согласился Ал.

Эмиль сник, хоть он и был сторонником мира и всегда противился в прошлом криминальным наклонностям семейства Вишни, его компания понесла колоссальные убытки, хотелось всё урегулировать как можно быстрее и чего уж крикнуть, самую малость его эго желало отомстить группировке Иблис.

Волчица покрутила в руке фарфоровую чайную ложечку, задумавшись, поинтересовалась:

– С чего того ублюдка называют Серебряным Демоном? Достоин ли простой двуликий пёс почести величаться подобно слуге Богини?

– Наверное, его внешность и жестокость... – предположил одноликий.

– Пф. – Прыснул дух. Мари тоже ухмыльнулась. Им ли говорить о жестокости? Ал покритиковал действия Серебряного Демона: – совсем не закапывает свои следы. Так приятно на всеобщее обозрение выставлять жертв?

– Оборотни. Чего с них взять? Показушность дороже всего.

Из уст Мари это звучало немного смешно, ведь она и сама, как выяснилось, принадлежала к тому виду ликих, но указывать на это мужчины ей не стали, потому что установками и мировоззрением она была на стороне одноликих.

– Ладно, хорош булки мять, пора за дело плотничком браться.

Эмиль, не выдержав, скривившись, возмутился:

– Мари, откуда такие пошлые выражения? Как ты вообще умудрилась так измениться? Где бывшая выдержанность и благозвучность речи?

Марриам, приподняв брови, весело махнула рукой.

– О! Это всё сестричка твоего Демона.

– Что? – с испугом переспросил одноликий.

– Да не ссы. Всё под контролем.

Ал ввёл ясность:

– Теперь она наша младшая.

– А? – несчастный бизнесмен посерел пуще прежнего, смотреть на него было неприятно. – Вы, вы что сделали? – прижался к столу и прошептал: – выкрали сестру Серебряного Демона?

– Зачем же красть? Я её честно нашла и забрала себе. Нечего было родственниками разбрасываться. – Ал покивал в согласии.

– Ничего не понимаю... разве он не умертвил всех наследников отца? Зачем её пощадил?

– Предполагаю, для того чтобы использовать в разруше-

нии конгломерата стаи Белых? Хотя звучит бредово. Для такого дела не нашёл никого более подходящего? – Мари подытожила: – никто пока не знает всей правды.

Брат с сестрой встали. Женщина потрепала по плечу бывшего мужа, выводя того из прострации.

– Пойдём, Эмиль. Работа не ждёт, того и гляди убежит ещё куда-нибудь гадить.

Администратор проводил гостей поклонившись.

До машины прошли трое: с гордой осанкой дух в костюме, женщина в яркой рубашке; за ними плелась серая тень, еле шевеля ногами. Впереди их встречали горы бюрократии и переговоры на повышенных тонах.

Рири во время командировки

– Сказать, что я офигела – это, блять, ничего не сказать! Уехали значится в командировку, оставили меня да этого зануду директора и укатили хрен знает куда! Ни Мари, ни Ала, как же я заебалась работать за четверых... Почему за четверых? Да потому что этот хренов директор ничего не делал! Только ходил пузо чесал, кофе пил и непрестанно подкидывал мне дел! Да я выходного ждала как манны небесной, работать по четырнадцать часов в сутки – это, блять, не шутки. Вот приедет Мари, я ей всё-всё про этого лентяя расскажу! – выдавала свою гневную тираду в телефон.

– Понятненько, значит, рабочая неделя выдалась у тебя тяжёлой. Предлагаю пойти посидеть в кафешке, а потом зависнуть у меня с ночёвкой. – Проговорила на том конце Леона.

– М-м-м, бухаем?

– *Нет, культурно расслабляемся.*

– По времени и где?

– *В шесть в «Питоне». Кто там? Опять этот? Меня нет! Где-где в пиз...* – оборвала звонок подруга.

Ладненько, полежали и хватит. Что же мне надеть...

Посидели в кафе, поболтали о жизни. Ржака, конечно, так давно клинья подбивает к Алу, ну ничего, скоро они вернутся и Леона даст ему просрать.

Затарились в круглосуточном, потопали в автомастерскую. Здание отгрохала Леона, мама не горюй. Этот бизнес она подняла сама, папа только на день рождения ей подарил малюсенький гаражик и нашёл двоих мастеров. Дальше подруга выкручивалась сама, получилось у неё всё крепко и на совесть: автомастерская состояла из десяти корпусов, объединённых в один комплекс, можно сказать, что от гаражика разрастались по кругу пристройки, всё было облицовано белым кирпичом, отдельно стояла только автомойка. Штаб рабочих разросся до сорока кадров, сама Леона была три в одном: хозяином, директором и главным мастером.

Как она мне рассказывала, страсть к железякам была у неё с рождения, в то время когда её сверстники и старший братец играли в куклы и рюшечки, волчица коллекционировала найденные в гараже отца гаечки, шурупчики и подобную хрень, родители увидели её тягу и желание, отправили учиться в школу с прикладными профильными предметами, так после выпуска из школы Леона сразу пошла работать в ремонтную мастерскую, а набравшись опыта, стала сама себе начальником.

На втором этаже одной из пристроек располагался рабочий кабинет, подруга притараканила туда кровать и назвала это место домом. Уютом здесь и не пахло: белые оштукатуренные стены, рабочий стол рядом с окном, шкаф с кучей папок и файлов, впритык к нему маленький покрытый пылью холодильник, одинокая лампочка на синем проводе свисала с потолка, кровать стояла слева, покрытая плюшевым пледом, кресло справа в углу сбоку горшок с фикусом. Убранство дополняли светлые жалюзи и протёртый линолеум. В комнате пахло штукатуркой и спелыми вялеными абрикосами, запахи настолько не сочетались, что хотелось открыть окно на проветривание, впрочем, это я и сделала. Вдохнула вечернего прохладного воздуха, по телу пробежался табун мурашек.

– Если долго проветривать, то ночью околеем: с отоплением тут беда, сплю с обогревателем, но его надо из другого моего кабинета забрать. – Леона раскладывала продукты в кроху холодильник.

– Так в чём беда? Давай принесу. – Подошла к двери, ждала подробных указаний.

– Ты заебёшься его тащить, обычно мне его ребята переносят. Ладно, хрен с тобой: хочешь – неси. Отсюда сразу налево, там будет дверь, по переходу в другую пристройку пройдёшь, там резко вниз на первом лестничном пролёте, затем налево, далее вперёд и вверх на третий этаж, там будет единственная дверь, толкаешь её ногой со всей дури, потому

что по-другому не откроешь, её заедает, вот там и ожидает тебя наш тёплый друг.

– Пиздец ты лабиринты настроила.

– Так ты ж лиса, разве вы не бегаєте за зайцами по их мудрёным тропкам?

– Ха-ха, так ты теперь у нас грызун длинноухий? – в меня полетела подушка, я быстро увернулась, закрыла за собой дверь.

Туда-то я дошла, а вот обратно... Короче, заплутала, пришлось с этой хренью спускаться на первый этаж и уж там лавировать между станками и машинами, идя к главному лестничному пролёту. У самой лесенки встретилась нос к носу с Максом. Ну как нос к носу: огрела его батареей по морде, но это произошло случайно! У меня был закрыт обзор! Да он сам виноват, какого хрена стоял на пути и ворон считал?

Смазлёныш болезненно простонал и прикрыл нос рукой, я услышала запах крови.

– Ах ты ж лиса треклятая, какого лешего здесь забыла?

– Не лешего, а Ала, – на его лице было написано: «Что за бред говорит эта шельма?». – Ты к Леоне? Так иди, что встал-то! Ща кровичей тут полы чистые зальёшь, заебёмся оттирать! Да что ты смотришь? Пиздуй давай наверх, лёд из холодильника к морде прикладывать! – Макс нахмурился от моей брани и молча потопал наверх. Дверь была открыта.

– Что ты так долго возишься? Неужели заблудилась? О, братик, ты чего так поздно? – выглянула из комнаты волчи-

ца.

– На. – Мужчина передал сестре увесистый пакет и прошёл напрямую к шкафу, открыл дверки, нашёл аптечку, заткнул нос ватой. Так же молча подошёл к холодосу, достал пельмени из морозилки, приложил к распухшему нечто и плюхнулся в кресло, подняв столб пыли.

– Ой, мой хороший, покушать мне принёс? Спаси-и-ибочки. – Подруга поскакала лобызать ему щёки.

– Пожалуйста. – Буркнул смазлёныш, – в последнее время ты не приходила покушать, я стал волноваться, что ты опять стала есть еду быстрого приготовления.

Блять, преступно мужику быть таким милым.

– Останешься с нами чай пить? – Леона села на колени брату и обняла его многострадальную голову. – Не смотри так на Рири: она мой друг, и давай сделаем вид, что у вас перемирие, – Макс продолжал хмуриться, будто лимона сожрал. – Ну-у-у, пожа-а-алуйста, ну-у-у, пожа-а...

– Ладно. – Как-то быстро сдался он.

* * *

На полу расстелили газеты, кинули подушки с кресла и сели треугольником, чтобы мужчина мог игнорировать меня взглядом, смотря напрямую на сестру. Ха-ха-ха, но рот же мне такая планировка мест не заткнёт? Не спеша, плавно перевела разговор в русло любовных отношений. Леону

опять прорвало, и она час болтала о том какой Ал невъебенно крутой. Макс её внимательно слушал, не соглашался и не отрицал.

– Ну, а у тебя как дела продвигаются? Способ со скупкой всего ассортимента цветочного не проканал? – я аж подавилась чаем с коньяком и пустила его некультурно фонтаном изо рта. – Что такое, Рири? Звёздочек на бутылке маловато?

– Кхе-кхе, так это была *твоя* гениальная идея с вениками? – она кивнула.

– А что не так? – первый раз за вечер повернулся ко мне Макс.

– Да всё не так. Зачем нам, ой, то есть ей столько цветов? Она же опытная женщина, её как юную, без обид Леона, не в твой огород камень, неискушённую девушку не покоришь. Вот ответь, Леона, ты бы стала встречаться с двуликим, который во всем слабее тебя?

– А-ха-ха-ха-ха, да т-таких додиков не бывает! – она уже нормально так наклюкалась, её щёки покраснелись, а бирюзовые глазки того и гляди захлопнуться.

– Поверь моему опыту – бывают. Ну так что, стала бы?

– Конечно, нет! На хрена м-мне ещё один коротышка? В нашей паре од-дной м-меня, ик, хватит! – Леона героически договорила и уснула, как была, сидя.

– Ну так что? Навевает какие-нибудь мысли? – я сощурилась, высматривая мельчайшие эмоции на лице Макса.

– Не понимаю, о чём ты. – Ой, да всё он понимает! Вижу,

как его на секунду перекосило от негодования и вселенской обиды на свой рост.

– А я о том, мой, милый Максимилиан, что женщинам нужны сильные и волевые партнёры, прям альфы стаи. – Добивать так добивать: – а ты ходишь вокруг да около сопли разводишь. Вот что на твоём месте сделал бы гордый вожак своих земель? – замолчала, мысленно же ответила сама себе: *промокни под дождём, Мари и сжалится.*

– Что? – поддался волшебству моей болтовни простофиля.

Я томно прикрыла глаза, вздохнула еле слышно, облизала враз пересохшие губы. Посмотрела прямо на него, устанавливая зрительный контакт, и прошептала:

– Взял бы то, что хочет не спрашивая.

Потом замолчала, поднесла кружку к лицу и смотрела на его реакцию, а там, похоже, шёл бурный мыслительный процесс.

– Но что, если женщина этого не хочет? – а-ха-ах-ха, главное сейчас не заржать, а сыграть до конца.

– А зачем её спрашивать? Знаешь же, как любят, хотят, жела-а-ают двуликие с Коткару? Как у них заложено природой? – шёпот стал вкрадчивым: – безумное желание подчиняться и отдать контроль сильнейшему. Разве не это вам диктуют гормоны? Разве не это вложил в вас менталитет? Любая двулика подвластна древнему инстинкту предков.

Больше я ничего не добавляла, потому что атмосферу за-

гадочности и интимности нарушил храп Леоны. Встала, положила её на кровать, места было предостаточно для четверых, но я легла с самого краю, чтобы не нервировать *старшего братика*. Накрыла девушку пледом, сама легла в одежде, думаю не замёрзну.

– Когда пойдёшь, свет выключи. – Макс вздохнул, встал и пошёл на выход не попрощавшись. – И не беспокойся: Ал её не обидит.

– Беспокоиться стоит ему. Если он... что-нибудь вытворит... если сестра заплачет... я его убью. Будь он духом, шаманом или слугой самой Богини Смерти. Будь уверена, я найду способ его уничтожить.

– Я и не сомневаюсь. – *Самолично испытала на себе. Ну надо же превращаться в монстра от слёз сестры! Бр-р-р...*

Как только шаги удалились, я уткнулась в подушку и стала трястись в приступе смеха. Простак! Идиот! Да Мари за поползновения такого рода морду ему в стену вобьёт! А-ха-ха-ха, чувствую себя злодеем. Но зато они поставят точку в своих запутанных отношениях. Раз Мари не удалось мягко его отвадить, то лёгкое насилие уж точно вразумит смазлёныша. Вот на такой позитивной ноте я опустила веки.

* * *

– Рррри-и-и-иррри-и, проснись и пой! Вставай давай, мне завтракать одной скучно! – я продрала зенки, повернула го-

лову. Леона сидела на полу спиной ко мне, смотрела непонятно откуда взявшийся телевизор, который стоял у шкафа напротив кровати на полу. – Иди умывай свою опухшую рожу. На первом этаже туалет есть, он лично мой, другие туда не ходят, поэтому можешь смело жопой на унитаз садиться. Полотенце ждёт тебя уже там, висит на батарее.

Со стоном старой мебели почесала в указанном направлении. Комнатка была капец маленькой: батарея, раковина с зеркальцем, милипиздрическая душевая кабинка и фаянсовый трон. Развернуться было негде, а при условии, что я ещё и высокая как жердь дискомфортно было вдвойне. Быстро справившись с водными процедурами, пришла обратно как раз к самому интересному: подруга шикнула на меня, подозвала ладошкой сесть рядом и включила погромче новости.

А там, там опять вели репортаж о жертвах активности моего Майкла.

Всей правды лучше и не знать, так легче жить и умирать. Часть 3

Дни сменяли друг друга. Зима воевала с осенью. Утренняя изморозь захватывала всё в свои кружевные объятия, редкие дожди застывали прозрачными корочками лужиц на радость хмурым жителям: им страсть как нравилось бежать впопыхах от оружейного склада до гаражей, эпично поскальзываясь, отправляя подножкой своих товарищей в полёт. Однако комичность немного нарушалась случайными выстрелами: кто-то при падении частенько нажимал на курок подстреливая филей другого прохожего.

В такие особенно морозные и скользкие дни Шельма просыпалась от хриплых завываний и громких выкриков нецензурных слов за окном. И сегодня не выпало исключения:

– Я тебе этот ствол по самые гланды затолкаю! Предохранитель в первый раз увидел?! – прокуренный голос поставщика продовольствия.

– Случайность... – бляение виновника.

– А-а-а-а-а-а-а... – крик валяющегося креветкой молодого двуликого.

– Заткни хлебальник! Тебе не башку прострелили! Всего лишь задницу прикоптили! – всё тот же старик-поставщик.

Мысленно Шельма покрыла их всех трёхслойным с ви-

шенкой наверху матом. Девушка повернулась набок, закуталась в одеяло с головой, но сон уже спугнули безвозвратно. С криканием и мучением на лице лисица встала. Лямка пеньюара сползла, тапочки сбежали, да и вообще всё сегодня вокруг невероятно бесило лисицу. Отчего же? Разве есть на то причины?

Живёт в своё удовольствие: ест сколько влезет, что ни попросит, доставят в скором времени, будь то книги, одежда или украшения, хотя последнее двуликую совсем не интересовало. Помимо материальной стороны вопроса, у неё имелся под боком надёжный друг, который вечерами до глубокой ночи вёл с ней насыщенные разговоры, пил чай, коллекционированием видов которого она недавно увлеклась.

В свою очередь, Шельма чувствовала, что в ней нуждаются: девушка оказывала моральную поддержку Майклу, часенко проминала ему спину, часами лежала в обнимку с перепачканным кровью мужчиной. Поэтому лисицу ничего не волновало, всё её устраивало, а внимание и нежное отношение Демона вообще водрузило ей на нос розовые очки.

Каждое утро пока двулика спала, Майкл самолично доставлял новый букет маков, чему, проснувшись, бабочка неизменно умилялась. Этот ритуал стал их традицией. Исключения происходили, только когда главарь уезжал с прищешниками на очередные разборки.

Сегодня Майкл поздно приехал с облавы последнего сопротивляющегося его власти мелкого клана, из-за этого до-

ставка букета перенеслась на попозже. Мужчина открыл дверь и застал именно тот момент, когда Шельма после душа стояла голая у шкафа, придирчиво выбирая что бы надеть. Двуликий застыл на пороге, лисица застыла у шкафа. Девушка зарделась словно подросток в период полового созревания. Демон попросил прощения, стремительно поставил маки в вазу и скрылся в коридоре.

Шельма со стыдливым стоном опустилась на корточки, обняла колени. Никто никогда не вызывал в ней таких чувств, ни перед кем смущение не охватывало её с головой. Но почему же с ним всё по-другому? Почему смотреть на него одновременно сладостно и больно? Почему голос его трогает в её душе до селя спящие струны?

Волнение и бушующая страсть захватили мысли от появившейся догадки. Шельма вскочила, накинула халат и побежала догонять Майкла с целью проверить своё предположение.

Различные: а может я ему не нравлюсь в этом плане, а вдруг не в его вкусе, – терзали лисицу изнутри, пока она шлёпала босыми ногами к спальне двуликого.

Дверь открыла решительно, дабы не передумать в последний момент. Во рту резко пересохло.

Мужчина нашёлся сразу: сидел за рабочим столом, перебирал бумаги. Даже будучи криминальным авторитетом, его настигала вездесущая бюрократия.

Шельма плавно подплыла к мужчине, переставляя свои

изумительные ножи. Свои козыри девушка знала и пускала в ход: халат прикрывал зону декольте, и ничего не скрывал ниже края кружевных трусиков.

Одной рукой лисица опёрлась о столешницу, другой сняла с двуликого очки, погладила по голове, остановила ладонь на затылке, наклонилась. Губы их встретились, без пошлости, без страсти. Пульс бил в висках, щёки ощутимо горели, да и в целом тела их охватил жар. Майкл вглядывался в глаза лисицы, ресницы её трепетали.

– Вы уверены, что хотите именно этого? – тихо спросил Демон.

– Да. – На выдохе ответила лисица, разворачивая кресло к себе и садясь бочком на колени двуликого. Руки её немного потряхивало, она даже не сразу придумала куда их пристроить. Хотя раньше в таких вещах проблем и заминок у неё не наблюдалось. *Этот парень сбил все мои настройки! Почему из-за его внимательного взгляда я теряюсь как девственница?* Мысленно стенала девушка.

Майкл же откинул ненужные мысли прочь, весь растворился в чувствах и в лицезрении своего личного подарка судьбы. Любой жест и действие Шельмы вызывало в нём трепет и заставляло замирать в желании большего, но мужчина решил для себя ещё в то время, когда наблюдал танец под дождём, ни в коем случае не обижать её ни словом, ни действием. Поэтому Майкл был сверхпредупредителен и деликатен – никакого поползновения в её адрес, никаких намё-

ков или двусмысленных взглядов. То, что Шельма поначалу принимала за холодность и отчуждение, на самом деле было осторожностью и заботой.

Пока лисица использовала свои феромоны и флюиды, невесомо перебирая и расстёгивая пальцами пуговицы кипенно-белой рубашки, Майкл тихо млел, глаза заволокло едва угадывающейся дымкой желания, руки его коснулись любимых каштановых волос, с которых до сих пор капала вода.

– Надо промокнуть полотенцем.

Девушка оторвалась от поглаживания обнажённого торса.

– Да фиг с ними. Или думаете, что мы в процессе замёрзнем? – лисица хмыкнула, но не удержалась и рассмеялась. Демон улыбнулся, смех Шельмы приводил его в восторг.

– Почему и главное, как, Вы завладели всем моим жалким миром? Из-за Вас мне хочется стать более жадным, сильным. Хочу бросить к Вашим ногам весь континент. – Шельма перестала смеяться и... смутилась. Душа словно перевернулась, внутри стало на мгновение пусто и больно, а затем щемящее неудобство заполнила горячая любовь. Да, теперь она полностью осознала, чем заболела.

Вместо ответа устного девушка прибегла к тактильному: ладони легли на его щёки, притянули к себе для долгого сладкого поцелуя. Руки Майкла обвили её талию, выводя их привычные объятия на иной уровень.

Парочка переместилась на широкую кровать. Комнату наполнили их феромоны и невысказанные слова, которые изъ-

яснялись в эти мгновения совсем другими, не лишёнными приятности способами.

Лисица таяла в объятии партнёра, мужчина же в свою очередь со всей осторожностью и нежностью объяснялся в своих чувствах невербальными способами.

Шельма отдавалась, вверяя Демону свою душу. Тот вверял не меньше ей. Кожей они чувствовали тепло друг друга, простыни сбились в волны, ладони прижимались вплотную, переплетая пальцы.

Красноватые пряди волос перепутались на подушках, белые же прилипли ко лбу от пота.

Дыхание их синхронизировалось и, казалось, сердца забились в унисон.

Их связь исключала слова свойственные эгоизму: потерпи и расслабься. Для Шельмы, да и для Майкла такое было впервые – ставить чьи-то желания выше своих, вверяться любовнику, не боясь получить безразличие в ответ.

Пока на кровати влюблённые упивались друг другом, подогревая воздух в спальне, за незашторенным окном небо одаривало землю первыми робкими хлопьями снежинок. Они падали, не встревоженные ветром. Лёгкий морозец хрустел под ногами прохожих, оседал инеем на ножках разрисованных фонарных столбов.

Весь день парочка не могла насытиться друг другом. Когда время склонилось к вечеру, они наконец-то немного успокоились, лениво лежали и смотрели в темнеющий из-за уходящего света потолок.

Майкл накручивал на палец длинную прядь, Шельма слушала дыхание любимого, прижав голову к его груди. Разговор протекал неспешно, губы с ленцой складывали буквы в слова.

– Меня все боятся, кроме Вас.

– Я тоже боялась. – Двумикий приподнял голову, взглянул в глаза девушки, та продолжила: – буквально первые три секунды.

– А потом?

– А потом сожалела, что не встретила Вас раньше. Позже влюбилась.

– По какой причине?

– Не знаю. Разве душа может дать рациональный ответ? Всё произошло на грани инстинктов и феромонов. Вы... для меня свой, как будто родной. Словно знала Вас всю жизнь. Я с Вами в безопасности.

– А я с Вами любим.

– Безусловно.

К сожалению, ведя столь приторный диалог, Шельма не

подозревала, как близка она оказалась к истине. Как печально, что любовь, оберегаемая ими, жила своей жизнью за границей нормального, на стороне патологии. Увы и ах. Мы можем только оставить их здесь и сейчас в столь приятный и счастливый для них момент и отправиться дальше, следуя за нитью истории.

* * *

– Майкл, Вы действительно считаете, что мне подходит подобное? – спросила Шельма, стоя перед напольным зеркалом в комнате Демона. Мужчина стоял за её спиной, приобнимая за плечи, довольно рассматривал результат своих стараний.

– Более чем. Неужели до меня Вы ни разу не пробовали сменить имидж?

– Да как-то профессия не особо располагала к подобным нововведениям. Чем больше одежды, тем затруднительнее её снимать. А время деньги.

– И всё же Вам идёт.

– Арх, будто удавкой шею стянуло.

– Узел довольно слабый. Просто не привыкли к подобному, вот и жмёт.

Шельма фыркнула без недовольства, оттянула узел галстука ко второй пуговице белой рубашки, внимательно осмотрела себя ещё раз. Чёрные брюки со стрелками, крас-

ные лодочки на невысокой шпильке; собранные в аккуратную причёску волосы, даже чёлка не имела возможности выбиться из-под невидимок, чтобы привычно спадать на левый глаз, нервируя хозяйку. В целом двуликую удовлетворял её новый образ, но она не понимала зачем так наряжаться, чтобы поехать навестить мать. Та пожаловалась месяц назад на дискомфорт обитания в этом посёлке, поэтому её перевезли в ближайший город.

– Теперь кажется, что мы в парной одежде. – Шельма повернулась к мужчине, крепко обняла.

– Правда? – двуликий попытался изобразить удивление на лице.

Лисица придвинулась ближе, прошептала на ухо человеческой ипостаси:

– Знаю, что Вы интересовались романчиками, которыми я учитываюсь. Один из их множества бесследно исчез. В нём описывались примерно полкниги как парочка прочёсывала магазины в поисках одежды для влюблённых. Но, конечно же, я ни на что не намекаю, происходящие сейчас никак не связано с вымыслом автора: Вы действительно ничем таким не руководствовались, замышляя подобное.

– Шельма, – Майкл улыбнулся, – Вы очень проницательны. Боюсь, что в будущем любой мой каприз будет выведен Вами на свет. И как же организовывать сюрпризы, если я до смешного предсказуем?

Девушка состроила забавную гримасу, будто жалела ре-

бёнка или убогого котёнка, глядя двуликого по волосам.

– Не переживайте: всё приходит с опытом. Уверена, Майкл найдёт способы повернуть подобное втайне вплоть до самой презентации.

– Искренне воодушевлён Вашей верой в мои нелепые попытки проявления чувств.

– Хм, но мы же знаем один способ, который срабатывает как никакой другой. – Лисица отстранилась от уха партнёра, придвинулась, остановившись в миллиметре от его губ.

– Правда? Подскажите мне, будьте любезны.

– Ох, мой дорогой Майкл запомнил?

Демон серьёзным тоном ответил:

– Напрочь.

Лисица наклонила голову набок, положила ладони на грудь мужчины и плавно отстранилась, увильвая от поцелуя. Искрясь озорством, маня указательным пальцем, девушка спланировала на широкую застеленную кровать.

Наверное, визит к матери может подождать, ну а мы тактично выйдем из спальни, спустимся на первый этаж, выйдем через чёрный выход на площадку за домом, где, прячась от холода, в припаркованном автомобиле сидели ликие, ожидая своего главаря. Тот назначил на сегодняшнее утро выезд с проверкой в столицу Рессама, но сам не торопился покинуть дом.

Пожилой двуликий нервно прикуривал, обсуждая с коллегами тему за темой.

– Он на ней словно помешался! – проворчал курящий.

– На той проститутке? – уточнил водитель, тот самый, который с обильной волосистостью на предплечьях.

– Его никто и ничто кроме неё не интересуется. Она будто его хозяйка! Вот увидишь, он бросит мир к её ногам!

– Приведи ему лучшую из лучших бабочек. – Подал идею третий безымянный тип.

– Как же! Предполагаешь, что угол его повышенного интереса сместится на другую особу? Так спешу разочаровать: уже пробовал!

– Что пошло не так? Не смог привлекательную найти?

– Нашёл. Да только вот Демон бросил на меня свой испепеляющий взгляд, а девке прямым текстом сказал: «Выбирай, выйдешь с посторонней помощью через окно или сама через дверь?». Атмосфера так и кричала, что я выйду через окно вместе со шлюхой, если снова приведу кого-нибудь из её сестричек.

Все дружно замолчали, раскурили по новой сигарете. В салоне автомобиля плавал дым, но никто не открывал окна.

– Обстановка и правда не из лучших. Знал бы наперёд, что Демон умом тронется, поддержал бы тогда предыдущего главу, а не этого бунтующего молокососа.

– Такое не предугадаешь. Тогда все были в нём уверены, считали, что под его уж руководством изменим наш округ к лучшему.

– А на деле как вышло? – задал риторический вопрос

мужчина в годах.

А на деле всё оказалось печально: жестокие и порой бессмысленные расправы, крах экономики Рессама и ввязывание других округов в открытый конфликт. Решения и поступки Демона потеряли былой ориентир. Действия казались спонтанными и через чур дерзкими. Никто не понимал нынешние задумки Майкла, особо не углубляясь в причины, нашли корень бед в привязанности к проститутке. Стоила ли такая женщина того, чтобы долгое уже время оставаться подле главаря Иблиса? Все ликие в группировке подытожили едино: не достойна, а двуликий помутился рассудком под её дурным влиянием. И раз не удалось привести его в чувство словами или хотя бы отвлечь от Шельмы, тогда придётся найти более радикальный метод уклонения от предстоящей беды.

– Стая Белых скоро поймёт, откуда ветер дует. Их удар может уничтожить нас.

– Без должной подготовки стопроцентно. Пока уповаем на их раздрай во внутреннем устое, надо быстро свернуть нападение.

– Как?

– Кардинально. – Водитель озвучил общую мысль за всех.

Послышался хлопок входной двери и скрип снега под ботинками. Ликие мигом прикрыли рты и открыли все дверцы, чтобы проветрить салон – Демон приходил в недовольство от запаха табака. К водительскому месту подошла Шельма,

наклонилась. Свежие следы страсти на её шее явно выдавали причину задержки поездки.

– Где этот обдолбыш? – девушка прорезала своим голосом висевшее в воздухе напряжение.

– Кого Вы ищите? – осведомился, скрывая пренебрежение, пожилой двуликий.

– Я не наркоман! – раздалось с пассажирского места. Это откликнулся водитель.

– Ну а я не проститутка! Вот так совпадение! – с издёвкой произнесла лисица.

Третий безымянный ликий, сидящий в машине приличия ради, спросил:

– Госпожа, у Вас дело к Рейну?

– Мне перед тобой отчитаться, что ли, надо? – девушка проговорила как бы в шутку, но у ликих по спинам пробежал морозец. Все они машинально глянули на крыльцо, там стоял Майкл, следил за подчинёнными.

– Выходи давай. Отвезёшь меня кое-куда. – Двуликая постучала костяшками пальцев по тонированному стеклу, развернулась, помахала на прощание Майклу и пошла к стоящей неподалёку пустующей машине.

Недавно роптавшие ликие ментально перекинулись парой фраз, суть которых сводилась к тому, что для решительных действий пока рано, необходимо подготовиться. Поэтому этим утром Шельма доехала к матери в гости без происшествий.

В небольшой комнатушке, отведённой под кухню, витал дым и закипал чайник. Гарнитур, стол и стулья соревновались между собой за первое место в номинации «Невзрачность». На широком подоконнике сидела высокая женщина в домашнем платье, не скрывающем её пышного бюста. В руках двуликая крутила тонкую прямую трубку из красной породы дерева. Казалось, женщина сосредоточила всё своё внимание на фасаде соседнего дома, где умелые художники изобразили на зелёном фоне синюю игуану, цепляющуюся лапками за ключицу человеческого скелета цвета белил, под рёбрами на месте сердца распускались красные маки, их лепестки, опадая, сгорали у скрещённых в позе лотоса бедренных и берцовых костей.

Чайник вскипел, неистово свистя. Со стула встала двуликая помоложе, разлила по кружкам чай. Поставив дымящиеся кружки на стол, подошла к окну, приоткрыла форточку.

– Дышать нечем. Не надоело устраивать вокруг себя курилку?

– Ты удавкуними, легче станет. – Ответила белокурая женщина, дёрнула рыжим ухом в полуформе и опять отвернулась к улице.

– Года идут, но твоя стервозность неизменна! Как радостно, что в этом сумасшедшем мире есть хоть какая-то кон-

станта!

– Язвишь? – задала риторический вопрос Лилит.

– Ни в коем случае!

– В кого ты такая уродилась? – опять вопрос, не требующий ответа.

– Разочарована во мне? Почему же?

– Ты должна была давным-давно выбраться из борделя, без помощи этого психа.

– Да разве возможно? Все побеги не увенчались успехом. Единственный бонус после поимки и побоев, возможность отлёживаться пару дней на чердаке, зализывая раны. Лилит, и уж не тебе гадать, в кого я такая пошла: твой вкус на мужчин просто ужасен.

– Думаешь, я горела желанием ублажать твоего отца? – женщина повернулась к дочери, вздёрнула бровь, карие глаза метнули молнии.

– Ладно-ладно, не горячись. Наши встречи столь редки, что тратить их на склоки, сущее преступление.

Девушка села за кухонный столик, глотнула горячий чай, на поверхности которого плавали чайинки и раскрытый бутон гранатового цветка.

– Зачем пришла, Шельма? – блондинка затянулась и выдохнула струйку дыма в форточку, откуда потягивал морозный воздух, уже ощутимо кусая голые ступни.

– Навестить тебя. Может... я соскучилась? – мать смерила лисицу пронзительным взглядом. – А-ха-ха-ха, я не вру.

В том доме мне не с кем поговорить, кроме Майкла, но он постоянно занят. А докучать ему не рискую.

– Правильно делаешь. Делай всё, что в твоих силах, хоть с головы до ног его облизывай. К нашему берегу приблизился плот, твоя задача удержаться за него и грести. Если ему наскучишь, от нас мигом избавятся.

– Ох, твой пессимизм портит мне настроение. – Шельма опёрлась щекой о ладонь.

– Как...

– М?

– Как к тебе там относятся? – равнодушно спросила женщина, покачивая рыжим хвостом.

– Ох! Да неужели ты обо мне беспокоишься!? Надо обвести этот день в календаре жёлтым фломастером.

– Заткнись. Так трудно ответить на вопрос? – женщина выжидательно посмотрела. – Чего молчишь?

– Так я заткнулась.

– Невыносима...

– Если меня вырубить и завернуть в ковёр, то вполне легко можно вынести.

– С ним ты так же разговариваешь? – женщина отложила трубку, приняла протянутую кружку чая.

– Рехнулась, что ли, на старость лет? Мне жизнь ещё дорога! Играю по его правилам.

– И что же это за правила? – лиса прищурилась.

– Не вникай. – Лисица махнула рукой. – Разыгрываю це-

лый спектакль.

– Хочешь сказать, что не влюблена в него без памяти?

Маска ехидства слетела с лица девушки, растерянно она проблеяла:

– Откуда ты...

– Шельма, у меня опыта побольше твоего будет. Предполагаешь, что я не учую влюблённую дуру?

– Да ты ни разу не видела нас с ним вместе, как ты...

– Витаешь в облаках, на вопросы отвечаешь сбивчиво.

Вздыхаешь к месту и нет. Улыбаешься всё время, что здесь сидишь.

– Что за чушь! – лисица стукнула рукой по столу. – Такая ересь встречается только в бульварных романах!

Лилит перебила с ухмылкой:

– С чего такая неадекватная реакция на правду? Неужто стыдно передо мной за собственные чувства?

– Бред.

Старшая женщина пожала плечами, мол оставайся при своём мнении, мне всё равно, однако предупредила:

– Веселись, пока есть возможность, но не вздумай тешиться мыслью, что это навсегда. – Лиса глотнула подстывший чай, фарфор не грел ладони. – Рано или поздно он найдёт новую игрушку.

– Замолчи! Ты ничего о нём не знаешь!

Лилит серьёзным тоном уточнила:

– Он не такой? – отставив кружку на стол, рассмеялась: –

А-ха-ха-ха-ха, Шельма, мне достаточно знать наверняка и того, что о нём говорят.

– Слухи всегда преувеличены. – Защищалась лисица.

– Он психопат. – Безапелляционно заявила мать.

– Нет! У него есть чувства! Он испытывает эмоции!

– Или просто хорошо притворяется.

– Довольно! Ну почему ты не можешь хоть раз не наговорить гадостей? Ходячий негатив!

– Я-то негатив? Я просто голос рациональности. Не задумывалась, на кой ты ему сдалась? Ты самая обычная неудачница, лживая насквозь шлюха. Неужели считаешь, что чем-то отличаешься от себе подобных? Шельма, в том заведении жриц и слуг Бога Жизни не держали.

Лисица растерялась от нападок Лилит.

– Я не...

– М? М? – напирала мать.

– Он...

– Воображай, что тебе угодно. Демон – жертва обстоятельств, у него нет другого выхода кроме как проливать реки крови. А ты невинная и хрупкая душа, запертая в теле проститутки. Что ж, вы идеальная пара. – Лиса подытожила: – два демона.

– Мне пора. – Шельма вскочила со стула, широкими шагами устремилась в коридор.

– Я права. – Спокойно заключила мать.

– Да ни черта ты не понимаешь! – лисица хлопнула вход-

ной дверью.

Лилит вздохнула, посмотрела в окно. За ним мерно падали снежинки. На голой крючковой ветви тощего деревца сидела маленькая птичка, чистила свои пёрышки. Вдруг откуда ни возьмись спикировал тёмно-бурый орёл, вытянув ноги, он вонзил свои длинные когти в пташку. Под его натиском ветвь прогнулась, а широкие мощные крылья мазнули по немытому стеклу. Взмах и охотник скрылся с добычей в небе цвета молока.

– К сожалению, малышка, я права. – Лиса прошептала в тишину, заново раскуривая трубку.

Всей правды лучше и не знать, так легче жить и умирать. Часть 4

Таяли снега, таяли последние надежды членов Иблис на позитивные перемены: группировка хоть и достигла не виданной ранее мощи, общее состояние экономики Рессама оставляло желать лучшего, кланы и стаи из других округов, ранее сотрудничавшие с ними, разорвали все связи. Округ свободных художников частично оказался в изоляции от остального континента.

Стаял снег, тёплый ветер шелестел в колючих кустарниках; ропот подчинённых и сторонников Демона перерастал от бесполезной болтовни в вполне сформированную тайную коалицию.

Солнце прогрело засушливые земли степи, ветер разносил повсюду пыль и песок, что скрипел на зубах недовольных нынешней ситуацией ликих.

Как-то раз, в один из прекрасных беззаботных дней лишица захотела провести с Майклом совместный выходной. В планах было съездить вместе с Демоном в город, прогуляться, а точнее, устроить романтическое свидание.

Шельма надела деловой красный брючный костюм в чёрную вертикальную полоску и даже повязала галстук на белоснежную рубашку. Завязав волосы в высокий хвост и подве-

дя глаза алой подводкой, двулика вышла из спальни. В коридоре поджидала Крыса: частенько сопровождала лисицу по приказу главы, хотя девушка не видела необходимости в эскорте собственной персоны. К сожалению, Шельма совсем потеряла бдительность за последние прошедшие в неге года.

Лисица тихо ступала по освещённому солнцем коридору. Лучи кидали на стену жёлтые прямоугольники сквозь оконные проёмы. Пылинки кружили в свете, скрываясь в синей тени простенок. От попеременной резкой смены яркости Шельма прищурила глаза. За поворотом показалась открытая дверь кабинета Майкла. Тень девушки и Крысы вытянулась по полу до тупика. Их ушей достигли голоса, собеседники, судя по громкости, были чем-то недовольны.

Девушка сделала шаг дальше, но снайпер в отставке вцепилась в её предплечье. Шельма повернулась, сопровождающая отрицательно помотала головой, что возымело на лисицу обратный эффект: вырвалась и быстро дошла до кабинета, остановившись у порога, не переступая его. В кабинете шёл ожесточённый спор. Майкл сидел в кресле за столом, какой-то ликий стоял напротив него, брызжа слюной, настолько тот разъярился. Демон же сложа пальцы в замок, со спокойным выражением лица наблюдал за эмоциональным выступлением подчинённого.

– Господин! Это неправильно: такое решение погубит нас! Одумайтесь, прошу от всех членов группировки.

– Я тебя выслушал, Рейн. Что тебе ещё нужно?

– Что бы вы пришли в себя и перестали творить безумие.

– Мне кажется, – Майкл наклонил голову и бросил на дву-
ликого острый взгляд, – ты слишком долго был подле меня в
качестве помощника. Может вернуть тебя обратно на ставку
водителя? Слишком уж осмелел.

Рейн сглотнул ком в горле, сжал кулаки, набравшись сме-
лости, продолжил:

– Мне ещё есть, что надо передать.

– Говори, до чего вы там все додумались. – Глава опустил
голову, возвращаясь к документам, разложенным на столе.

– Господин, поймите нас правильно, мы лишь беспокоим-
ся о вас...

– Не тяни время.

– Глава, вы находитесь под дурманом.

Майкл поднял голову, сдерживая улыбку, спросил:

– Что же вас натолкнуло на эту мысль?

– Флюиды! Все знают, что издревле лисы были лучшими
в этом деле!

– Не понимаю.

– Она очаровала вас! Свела с ума, чтобы уничтожить Иб-
лис! Лиса явно мстит за своих умерщвлённых родственни-
ков!

Шельма, скрестив руки на груди, перешагнула порог, за-
шла в кабинет.

– Всё сказал?

Рейн вздрогнул, повернулся к ней.

– Откуда ты... – водитель увидел в проёме Крысу, крикнул ей: – Почему она здесь? Ты чем слушала, когда...

– Рейн. – Подал голос Майкл. – Я начинаю злиться. Иди к себе и отдохни. Твой рассудок сегодня помутнён, с остальными выдумщиками разберусь позже сам.

– Господин, это не выдумки! – мужчина опять развернулся к главе. – Эта женщина околдовала вас! Пока не поздно избавьтесь от неё! Если вам подобное уже не под силу, мы сами всё сделаем! Крыса!

Услышав приказ, Крыса бросилась к Шельме. Девушка кинулась к Майклу, но столкнулась со спиной Рейна. Тот, как в замедленной съёмке повернулся к ней. Из его шеи торчал нож, воткнутый по самую рукоятку. Из рта двуликого густыми порциями вытекала кровь, её клокотание слышалось в проткнутой глотке. В глазах лисицы застыл ужас и отражение падающего на пол убитого. Впервые она стала свидетелем, как Демон забирает чью-то жизнь. Впервые она увидела выражение гнева на его лице.

Шельму окатил холод: в груди пустота, в висках стучит пульс. На мгновение мир потерял свои краски, обрушился осколками к её ногам. Вокруг неё завертелось всё с ужасной скоростью: вот Крыса хватается её, закручивает руку за спину, вот в кабинет врываются толпой ликие, вот Майкла охватывает угольного цвета дым, вот на его месте стоит огромный пёс. Шерсть в синей тени помещения переливается серебром, клыки прокусывают шею ближайшего к нему подчи-

нённого. Крыса утаскивает Шельму в коридор. По коридору раскатывается рычание зверя и выкрики: «Держите его!» Да только как удержать двуликого, на чью любимую покусились среди бела дня?

Девушка словно в трансе подчинялась Крысе, в ушах звенело. До лисицы будто сквозь толщу воды не могло дойти происходящее, так сильно потрясло её убийство и глаза, которыми на неё смотрел умирающий, хрипящий мужчина.

А как ты думала, они умирают? С улыбочкой во сне? Каким образом Майкл избавлялся от всех неудобных? Забыла уже директора борделя в подвале? Быстро же тебе, дура, память отшибло! Он достоин своего прозвища, ну а ты, лукавая, его сообщница! Нет! А-а-а, да как же нет? Разве подсматривающий за парочкой, занимающейся сексом, не является третьим участником? Является! Вот и ты получается тоже у-б-и-й-ц-а! Любишь, живёшь с Демоном и действительно веришь, что его работа не касается тебя?! Ха, разбились твои розовые очки о действительность. Ну и что же ты теперь будешь делать?

Оставаться погруженной в хаос мыслей Шельме было не дано: на последней лестнице она запнулась, упала, возвращаясь к действительности. С верхнего этажа слышались вопли и возня. На первом этаже их встретили вооружённые члены коалиции.

– Он не внял нашей просьбе. Задержите его.

Короткое: «Есть», и толпа устремилась наверх.

Шельма, придя в себя, осознала, что её с минуты на минуту отправят к Богине Смерти. Попыталась вскочить, но её сбил один из оставшихся рядом охранников. Крыса намотала на кулак галстук, гордо выпрямилась и потащила лисицу на выход. Как бы девушка ни старалась встать на ноги, те скользили по наполированному паркету, осталось лишь схватиться за отворот рубашки, чтобы не задохнуться.

На крыльце Крыса сделала последнее усилие – бросила Шельму к ногам двух ликих. Те оперативно вздёрнули её за руки, подвели к открытому багажнику. Все сопротивления лисицы были тщетны, а попытка перекинуться в зверя была обрублена на корню: Крыса приложила девушку по голове прикладом автомата. Сознание померкло, тело обмякло. Без хлопот её уложили в багажник.

Стекло в окне кабинета главы разлетелось осколками от выстрела. Ликие поспешили завести мотор, скрылись за воротами.

Марриам и клубок глупости

Да кто там, чтоб ваш неугомонный будильник да в окно, ломится в дверь? Рири ключи потеряла, что ли? Шаркая тапочками и придерживая расстёгнутую пижамную рубашку, пошла открывать дверь. Время было раннее, я устала с долгой, утомительной дороги. Вернулись с Инсана час назад. Единственное чего желала, был сон. Как же удивилась, увидев на пороге Максимилиана, который стремительно прошёл в квартиру, захлопывая дверь и подходя вплотную ко мне.

– Максимилиан, пожалуйста, уходи. Здесь тебе нечего ловить. – Но двуликий меня не слушал или не хотел слышать: сделал последний шаг, схватил меня за затылок, прижал к своим губам.

Я в ответ положила руки ему на плечи в попытке оттолкнуть, но он знал какие-то чисто оборотнические приёмы: провёл ладонью под моей пижамой по шее и до копчика, слегка нажимая на позвонки. Неожиданно у меня появились уши и хвост. Какого нечистого он позвал мою волчицу?!

Парень продолжал терзать рот, уже вовсю хозяйничая языком внутри. Властно и напористо. Потом резко схватил меня за волосы, отстранился от лица и стал внимательно смотреть в мои глаза. Что он там хотел увидеть? Покорность, желание чтобы меня взяли здесь и сейчас? А вот спешу расстроить! Кроме гнева сейчас в них ничего не найти!

Но и тут у него был в запасе трюк: выпустил свои феромоны хвои, смешивая их с моим мёдом. Всё вместе получилось, как нечто расслабляющее и успокаивающее. Потому что то, что произошло дальше, на не одурманенную голову я бы не позволила! Парень прижал меня к себе рукой за талию, стал идти вперёд, заставляя смотреть ему в глаза. Таким вот нетривиальным способом мы дошли до дивана. Уложив меня на диван, положил свою нелёгкую ладонь на мою бешено вздымающуюся грудь. Я же была в какой-то полудрёме, оттого не сопротивлялась. Голос его доходил до моего сознания невыносимо тягуче:

– Скажи, малыш, ты хотела именно этого? Все те дни что меня игнорировала?

Звуки сложились в слова, а те уже во фразы, колыхая своим смыслом мои перевозбуждённые конкретные отделы мозга. Картинка резко приобрела чёткость. Скинув двуликого на пол, прорычала:

– Да иди ты в жопу, мудака!!

Далее, что было, я помню, к сожалению, смутно. Очнулась окончательно на том моменте, когда противник был вырублен поставленным ударом.

Посмотрев на результаты учинённого мордобоя, стало даже немного жаль парня: ну не было у него против меня ни шанса. Так сказать, разные весовые категории, а с другой стороны, будет ему наукой: нельзя такое ни с кем вытворять, ладно я, я не испугаюсь, а другие? Бывших своих пассий он

так же брал штурмом? От этой мысли в груди снова бурным штормом поднялся гнев. Подложила двуликому под голову подушку и бегом ушла в свою комнату, дабы совсем не прибить спящую немоощь.

Рири исправляет

На работу я ушла, не переодеваясь, в чём была в гостях у подруги. Хотела вчера забежать к Мари, но мы с Леоной бессовестно проспали, разбив будильник о стену.

В офисе, как нетрудно догадаться, не было парочки брат-сестра и мне опять пришлось играть в бессмертного пони, разбирающего ворох накопленных за выходные дел. Директор не пытался напустить на себя важность от тяжести возложенной на него ответственности, видимо, смирился с поражением и уснул в своём кабинете... Падла!!! Но не будь я лисой, всё хорошенько запечатлела на телефон, будет чем доказать голословность моих обвинений.

Вечером, в край задолбавшаяся поехала домой. В коридоре стала нечаянным свидетелем разбора полётов. Но в шок меня повергло не это, а насыщенный запах мёда и хвои...

– Как ты вообще мог до такого додуматься?! – чуть ли не кричала Мари.

– Но она сказала... – бляял, прижав белые волчьи ушки к голове Макс.

– Что она? Что она? А своя голова есть? Или так и будете до старости как дети стрелки друг на друга переводить!? Всё, уйди долой с глаз моих. – Мари вытолкала смазлёныша за дверь. Развернулась и ушла в свою комнату.

Вечером она не вышла на ужин, поэтому я собрала бо-

лее-менее красиво еду на разнос, взяла его в лапки, поступала в спальню хозяйки, ответа не было, вошла и тихо прикрыла за собой дверь.

– Мари, всё хорошо? – не зная, как начать, спросила я.

– Всё как всегда отлично. – Я-то навоображала, что увижу её под одеялом, сжавшейся в комочек, а она сидит на кровати и что-то яростно печатает в ноутбуке. – Вот сижу отчёты проверяю, какой-то самоубийца ошибся в датах аж четыре раза, а-ха-ха-ха-ха.

– Ты его только не убивай, а то тёте рыси кровь оттирать тяжело будет...

– Ты что-то хотела? – перебила меня волчица.

– Да, я так, зашла посмотреть, а то ты кушать не вышла.

– Хм-м-м, спасибо. Я не голодна. – Всё так же не отрываюсь от ноутбука, пробормотала.

– Ну прости меня дурака! – поставила разнос на прикроватную тумбочку и бухнулась попой на пол, убрала ноутбук в сторону, голову положила ей на колени. – Я не предполагала, что ты расстроишься! Думала, подшучу над ним, он перед тобой пантанётся и ты его пошлёшь куда подальше! Кто же знал, что всё так обернётся! Если хочешь, ударь меня: я заслужила.

– Твои мазохистские наклонности меня напрягают. Не переживай, за себя постоять умею, он вылетел в астрал быстро, с первого удара. – Пауза. Печаль прокралась в её голос: – я злюсь только на себя. Надо было должным образом его ак-

стить давным-давно, а не тянуть до рукоприкладства. Всё равно он не тот, кто мне нужен.

– А какой тебе нужен? – заглянула ей в глаза.

Тяжкий вздох.

– Таких не бывает. Мне нужен милый, спокойный, домашний, без загонов и пантов, чтобы сидел дома, готовил разносолы, хранил очаг, создавал уют, встречал меня с работы в розовом фартуке, потому что стряпал кексы по новому рецепту для меня и наших деток. Я бы читала детям сказки на ночь, а он ругал меня за то, что я опять припозднилась на работе и совсем себя не берегу... я могу ещё долго продолжать. – Мари посмотрела на меня влажными серыми глазами, но моментально натянула кривую улыбку. Слёзы исчезли, будто их и не бывало. – Забудь. Что ты там мне принесла?

Добродетельница взяла тарелку супа в руки и начала есть. Я ударила себя по лбу со всего размаха. На меня с вопросительно посмотрели.

– Какая же я идиотка, не идиотка, а сказочное идиотище! Думала, что тебе прям альфач из какой-нибудь крутой стаи нужен, а у тебя вообще в идеалах бесхребетный домохозяин стоит!

– А зачем мне альфа? Что нам делать друг с другом? Разве что потрахаться со страстью сможем, а потом как, вне постели? Оба упёртые, агрессивные. Да мы же поубиваем друг друга. – Мари коротко хохотнула, видимо, что-то представляя. – Ладно, если с семейным счастьем полный провал,

возьму у тёти рыси котят, у неё как раз кошка принесла выводок недавно.

– Так, стоп! Не надо тебе очередных животных, Лепёшка ревновать будет! Тем более, когда рядом парень как раз в твоём вкусе углы обоссывает! – Мари переключила на меня внимание. – Макс это, ты вылитый образ его расписала. То, что он себя так вёл полная клоунада. Этот придурок пытался на тебя впечатление произвести, действуя по схеме как с типичной женщиной из Коткару. А ты ж, не местная! На тебя такие танцы не производят должное впечатление. И я ещё масла подлила. Ну и твоё игнорирование его персоны стало катализатором нервного взрыва. Так что я тоже виновата, прости. Мигом всё исправлю! – вскочила и выбежала из спальни, пока волчица не очухалась и не поняла куда это я сиганула.

* * *

Побежала я напрямиком к смазлёнышу в гости. Где он жил, знала ещё с давних рабочих деньков под его крылом. Благо не переехал. Постучала в дверь – не открыли, начала звонить в звонок и колотить дверь ногами. Дверь резко открылась внутрь, я упала в коридор.

– По голове себе постучи, может, откроют! Чего пришла? Недостаточно посмеялась? Так я тебе добавлю! Сейчас пощекочу тебе рёбра, будешь в больнице в гипсе смеяться! –

Макс придвинулся на шаг, я с перепугу вскочила на ноги и подняла руки в примирительном жесте, его это не остановило – меня припёрли к стенке, отступить было некуда, поэтому заверещала на полтона выше:

– Успокойся, давай поговорим! Даю слово лиса, что говорю и буду говорить только правду, да отвалится мой хвост, если это не так! – двуликий остановился, уставился на меня синющими злыми глазами. Хоть это я над ним нависала, однако рассерженный парень меня реально пугал.

– Пойдём.

Знаю, что на женщину он руку не поднимет, но голос мой всё равно дал петуха:

– Ку-уда?

– На кухню. Чай пить. Или ты хочешь истину прямо здесь на коврик дверной вылить? – Научился шутить? Он пошёл, я двинулась за ним.

Со времён нашего тесного знакомства в двухэтажной квартире ничего не изменилось, всё так же мило и уютно. Макс вытащил из духовки кекс, сели за стол, разлили по кружкам кипяток с чайной заваркой и всё, блять, в абсолютной тишине. Когда с этикетом было покончено, я стала говорить.

– Прости. – Макс вытаращил глаза, явно не ожидал услышать от меня чего-то подобного. – Прошу прощения за всё: за моё предательство, за ущерб что я принесла, за потрёпанные нервы и за неё. Первого уже не исправить и не вернуть

нам нормального общения, но с Мари у вас ещё всё впереди.

– Что впереди? Всё кончено, так и не начавшись. – Макс с опущенными ушками мешал чай ложечкой.

– Ей нужен ты. Не кто-нибудь другой а, блин, именно ты! Иначе как судьбой и не назовёшь. То, что ты, нюня, простак и добряк можно запихнуть в слово милый; интроверт, кулинар и крючковяз – в слово домохозяин! И, блять, трудно поверить, хочет она именно такого смазливового паренька в пару! – от моей тирады Макс подорвался с места, едва не расплескав чай. – Что прям сейчас к ней поедешь? Только вот не всрались ей твои цветы и конфеты.

– А что же тогда делать? – опять как-то слишком быстро он мне доверился.

Ресницами хлопает, губки поджимает и вид настолько несчастный, что мне сдохнуть захотелось от самого факта своего существования: не появись я в Коткару, у них, наверное, уже бы все родственники на свадьбе отплясали. Ну вот почему я такая мразь?

– Во-первых: будь собой. Не надо разыгрывать из себя не пойми что. Во-вторых: антифриз у неё закончился – купи, и корзину пирожков с вишней, хотя вишней тут не отделаешься, плюс ведро черешни как минимум. Не смотри на меня так! Я серьёзно сейчас говорю. – Мужчинка кивнул и полетел в спальню собираться. – Эй, герой-романтик! По пути меня в гостиницу завезёшь? Или мне своим ходом по ночным студёным дорогам добираться?

Макс выскочил уже в светло-фиолетовом вельветовом,
мать его, костюме:

– Подвезу.

Примирение

Да вашу ж мать, в этой квартире мне кто-нибудь даст поспать? Встала с кровати и пошла открывать дверь. Надеванием чего-либо напрягать себя не стала, как была в трусах и майке, так и встретила... опять его. Скрестила руки и выжидательно стала смотреть, прям интересно что он скажет. Хм-хм-м, нежный костюмчик ему к лицу, а то всё ходил в чёрных пиджаках да брюках. Максимилиан молча протянул мне пакет, ведро и... антифриз.

Сваха Рири обещала – сделала.

Устав ждать пока волк откроет рот, схватила его за шиворот и резко втянула в квартиру, благо сила и рост позволяли. Дзуликий и ахнуть не успел, как оказался в моих объятиях.

– Быстро говори, то, что сказала Рири о тебе правда? У тебя три секунды иначе я тебе лицо разукрашу. — Знаю, переходить на угрозу физической расправы некрасиво, но...

– П-правда, наверное, я же не знаю, что она... – дальше разъяснения мне были не нужны, его бляение и кроткий вид восхитил мою волчицу до щенячьего визга. Резво вовлекла его в поцелуй. Сейчас ты у меня познаешь всю прелесть уязвлённой гордости доминантной женщины Инсана! – что ты м-н-м... – сказать ему ничего не давала, либо когда предоставляла такую возможность, он отмалчивался.

Пакеты и прочее осталось в коридоре дожидаться своего

часа, я же подхватила Макса под попу, заставляя обхватить меня ногами, понесла свою ношу в гостиную. Усилила напор, покоряя поцелуем. Когда услышала тихий стон, переключилась на открытые ключицы и шею, оставляя красные отметины.

– Я н-не против... – прошептал Макс, смотря на меня смущённо и доверчиво, – н-но только поцелуев! – договорив, он отчаянно покраснел.

Тут во мне разыгралась нехорошая черта, захотелось поиздеваться над бывшим неприятелем. Я придвинулась к нему, хотя куда уже плотнее? приобняла, спросила, наклонившись к белому волчьему уху:

– Правда? А кто недавно так страстно на меня набросился, м? – аккуратно отодвинула его упавшую на глаз чёлку. Парень резко от меня отвернулся, пробормотал окну:

– Т-тогда я хотел только поцеловать тебя. Прошу прощения за столь неподобающее и двусмысленное положение, в которое тебя поставил.

У меня вырвался короткий смешок – двуликий быстро повернулся ко мне, положил руки на плечи, опустил голову. Блондинистые волосы ширмой закрыли от меня его эмоции.

– Я поступил вульгарно, грязно, просто отвратительно! Понимаю, что ты сейчас злишься, не веришь, но прошу, дай мне шанс всё исправить!

Опять притянула к себе желанного двуликого, приподняла его голову, спросила, смотря в глаза, затмевающие собой

красоту неба:

– Разве по мне видно, что я тобой недовольна? Тогда ты, конечно, меня изрядно... шокировал. Однако и я поступала ничем не лучше. – Придвигалась всё ближе и ближе к его пухлым губам, сглотнула, предчувствуя их восхитительную мягкость, однако моя прелесть стремглав вывернулся из объятий, прыгнул в сторону.

– Давай поговорим на кухне? Я пирожки принёс. – Наклонил голову к плечу, заложил руки за спину, и смотрит так... невинно. Волчица внутри меня взвыла от неудовлетворённости низменных желаний. Немного хрипло ответила:

– Конечно. Как скажешь.

Вот теперь уж точно всё будет как ты захочешь, сам того, не ведая ты поймал меня в капкан.

После такого тесного телесного знакомства Макс сильно смущался, пока мы делили на двоих поздний ночной перекус. Дабы развеять повисшую в воздухе неловкость, стала расспрашивать обо всём подряд:

– Ты где ягоды нашёл? Не сезон же.

– Не только у тебя есть связи в этом мире. – Беззлобно распушил свои пёрышки волк.

После ужина не отпустила его домой, постелила ему в одной из спален, хотя мне хотелось обнимать и тискать его во сне, но он не позволил, потому что... до свадьбы нельзя! Когда услышала это выпала в осадок. Ментально почувствовала, как моя вторая ипостась жалобно проскулила, одино-

кая слеза прокатилась по чёрной шерсти. Выражаясь словами Рири: недотрах поселился надолго в моей постели.

* * *

Утро встретило меня ясным небом, ярким светом и коленапоклонённым Максимилианом. Я сидела на кровати, почёсывая свои волчьи уши, а он стоял на одном колене и протягивал мне кольцо.

– Это что? – я выгнула бровь.

– Кольцо. Выходи за меня. Ну... или я за тебя выйду, мне не принципиально.

– А-ха-ха-ха, в вашей стае так принято, что ли? После поцелуя сразу в брак?

– Нет. Просто я в тебя влюбился ещё в нашу первую встречу. – Продолжал вытягивать руку вперёд парень.

– Мы даже не знаем толком друг друга. Учитывай, что я, выражаясь вашими понятиями *альфа*. Со мной будет нелегко. Часто пропадаю на работе. Домохозяйство совсем не моя тема.

– Я на всё согласен. Мы отлично подходим по распределению ролей в семье: добытчик из меня никакой, зато с удовольствием возьму на себя все домашние хлопоты.

– Хм-м-м... прям уж на всё согласен? Ладно. Ловлю на слове. Но!

Максимилиан наострил свои белые ушки.

– Для начала давай повстречаемся, присмотримся друг к другу получше. Спешка ни к чему. Согласен?

– Да-да, – в подтверждение кивает головой, – но кольцо всё же прими, пожалуйста.

– Зачем?

Максимилиан зарделся, отвёл взгляд в сторону.

– Чтобы тебя не увели мои потенциальные соперники...

– Я не примитивное животное, чтобы меня можно было *увести*.

Максимилиан посмотрел на меня влажными глазами, закусил нижнюю губу... только не говорите мне, что он собирается плакать! Собирается?

– Ладно-ладно, хорошо. – Протянула руку, парень с довольным лицом надел мне на палец кольцо.

О Бог Жизни, куда убежало моё благоразумие? Видимо, с возрастом оно меня покинуло. Да разве я когда-нибудь велась на такие нелепые манипуляции? Что ж, не буду больше препятствовать напору Максимилиана, пусть всё идёт как идёт. Возможно, такова судьба.

Марриам и начало заварушки

После напряжённого рабочего дня я ехала по ночной полупустой дороге, рассекая пятна оранжевого света фонарей. Когда уже подъезжала к дому, мне позвонил ответственный за закупку оборудования с Инсана. Его команда отлично постаралась, да к тому же выбила неплохую скидку. Весь их отдел получил премию, Леший же дополнительно подсуетился и отправил ребят в бар-ресторан за счёт фирмы.

Телефон был подключён к машине, чтобы не отвлекаться от дороги. Дала голосовой сигнал, приняв звонок.

– *А-а-а, да тише ты-ы-ы и та-а-ак не с-слы-ышно...* – раздалось с той стороны.

– Слушаю.

– *Не-е-ет, тут полный пиз...*

– Повтори, тебя плохо слышно.

– *А так? Сейчас слышно?* – на удивление, голос одноликого начальника отдела был достаточно трезв.

– Да, говори.

– *Мы с ребятами собрались уже по домам, вышли. Стали набирать такси, откуда ни возьмись вылетел внедорожник, заехал прямо на тротуар! Нам к херам собачим овечку из бухгалтерии чуть не задавили! Да не пищи ты! Я к самой сути почти подобрался! Алло! Это я не вам, так вот. Выскочили какие-то неизвестные и схватили Любочку и в*

салон её затащили! Мы так охренели, что даже не поняли, что произошло! Машина сразу по газам и в темноту. Хер знает, куда и кто её увёз!

– Вы сами как? В порядке?

– Да мы в норме! С Любочкой что?!

– Всё хорошо, успокойся сам и успокой ребят. Вызовите такси и по домам.

– А что с Любочкой?!

– Всё с ней нормально будет. – Отключила звонок.

Развернула машину и поехала в сторону Лешего. Вдавила педаль газа и понеслась на максимальной скорости, которую можно было позволить в городе. Позвонила Алу, ответил он мгновенно.

– Не спишь?

– Нет. – Я услышала шаги и предположительно открывание форточки, а затем раздалось: – о-о-ох-х эти зелё-ё-ёные-е-е глаза-а-а... влю-ю-юбили-и-и меня-я-я... сходи-и-и-им на-а-а свида-а-ание в лу-у-учший ретора-а-ан... прокачу-у-у на Harley Davidson Electra-а-а Gli-i-ide... – Послышался хлопок форточки, – как думаешь, я смогу уснуть с такой колыбельной?

– Ха-ха, а тебе, я смотрю, везёт. Скоро буду у тебя. Начинай обзванивать ребят: твари Иблиса зазнались, решили приехать на переговоры с заложником.

– Насколько серьёзно? Пиротехника звать?

– Настолько что понадобятся лопаты. С ним будет слиш-

ком шумно, а свидетели нам не нужны, но... его жена у них.

– *Самое плохое развитие событий. Он же разотрёт их в фарш.* – Ал замолчал, видимо, обдумывая моё решение.

– Ну а если мы не скажем ему о его драгоценной жене, он будет до конца своих дней бухтеть, что самолично не спас её.

– *Я тебя понял.* – Сказал Ал и отключился. Краткость – сестра таланта.

Когда подъехала, увидела Леону, сидящую на скамейке у домишка.

– Чего сидим, грустим? Заходи давай.

– Так закрыто. Заперта дверь и его сердечко...

Я толкнула дверь, она послушно отворилась.

– Ал не стал бы закрывать от тебя дверь в три часа ночи.

Видимо, брат так и не поговорил с ней должным образом. Когда мракобесие завершится, всыплю Лешему по первое число.

Мы вошли, на столе стояли горячая чашка чая, сам хозяин сидел на лавке.

– Всё готово. – Ал пожал мне руку. Посадил Леону на скамью, накинул ей на плечи плед, придвинул к ней дымящуюся кружку.

– Сколько?

– Мирр, Валет и Коша со своими, ликих двести наберётся, по пути ещё столько же подтянется. Хватит?

– Думаю, хватит. Если что-то пойдёт не так, там на месте успеем ещё пару наших позвать.

– Та-а-ак, ребята, это что вы тут обсуждаете? Весёлые стар-
ты? – Леона пила чай и прожигала нас любопытными глаза-
ми.

– Ага, почти угадала.

– Звучит как что-то немного криминальное. – Девушка
сощурилась.

– Язык за зубами держать умеешь? – кивнула. – Рири не
рассказывай. Ей это знать не к чему. Мы собираемся съез-
дить на границу, навестить наших несостоявшихся коллег
группировки из Рессама. Посидим, поговорим, тыкнем их
носом в грязные дела, что они натворили.

– Неужели всё так запущено? – всполошилось милое со-
здание, – может помощь нашей стаи нужна?

– Вы в эти игры не влезайте. Не хватало ещё вашу белую
шкурку пачкать.

– Но...

– Никаких, но. – Ответил девушке Ал, – ты можешь по-
мочь мне здесь.

– Да! Я всегда готова! – Ал протянул ей листок. – Что это?

– Инструкция по поливу моих цветов. Сегодня домой не
езжай, переночуй у меня, на чердаке есть матрац и новое
постельное бельё, завтрак найдёшь в холодильнике. Ну как,
справишься? – Ал поправил сползшие очки.

– Да-да-да! Можешь положиться на меня! – закивала куд-
рявой головой двулика.

– Ключи под ковриком. – Встали и направились на выход,

вслед нам прокричали: «Удачи». Но в ней мы не нуждались, чего не скажешь о наших врагах.

Всей правды лучше и не знать, так легче жить и умирать. Часть 5

Угольные ветви обгоревшего леса словно трещины разбитого зеркала разделяли небесные тучи на остроугольные кучки. К сожалению, рамка сырой земли, образованная глубокой ямой формы прямоугольника, не давала Шельме по достоинству оценить всё великолепие скрюченных деревьев, застывших в агонии огненной смерти. Площадь пострадавшей территории поражала: глаз не мог уловить границу перехода с выжженной травы на свежую зелёную лесную подложку.

В Рессаме лесов не водилось, поэтому Шельма предположила, что её вывезли на приграничную с каким-то округом территорию. В том году горели земли Песи. Вряд ли Майкл найдёт её здесь.

Лисица поднялась, ломота во всём теле сковывала движения. Подпрыгнула, уцепилась когтями за край могилы. Подтянулась, уложила одну руку на твёрдую почву, подняла к горизонту перепачканное грязью и засохшей кровью лицо. Но, к сожалению, она увидела не великолепный в своём опустошении и молчании мёртвый лес, а пару мужских грубых ботинок. Инстинкт самосохранения завизжал безмолвно в диафрагме, кровь отлила, парализуя конечности. Раскрытые на

максимум из-за страха веки, цепляясь за чужие штанины, подняли взор на ухмыляющегося небритого двуликого.

Лопата в его руке прочертила дугу окружности. Голова Шельмы отклонилась назад, избегая метала облепленного прилипшими комьями земли. Волосы как будто ласкаемые нежным ветерком взвились лёгкими нитями в направлении свободного падения. Однако красиво приземлиться девушке было не суждено. Лопата второго мужчины из команды могильщиков на манер коллеги прочертила дугу, отбила пасс от затылка лисицы.

Звонящая боль склонила Шельму на колени. Ладони обхватили голову. Слезы жгучим ножом резали щёки.

На дно прямоугольной работы перфекциониста полетел дымящийся окурок. Туда же поспевая за ним, полетела первая горстка земли.

Всё естество двуликой взвыло раненой психикой и покалеченным телом. Зверь разорвал оковы человеческого тела. Дым запаха жареных лесных орешков взмыл в воздух, затмевая мужчинам обзор. Сквозь плену серости выпрыгнул на жжёную траву обезумевший зверь. К сожалению, не замечая красоты вокруг и гомона вспорхнувших с ветвей воронов, бурая лисица помчалась вперёд.

Побег по пересечённой местности не принёс ожидаемых результатов. Стоявшие неподалёку прохлаждающееся без дела двуликие мигом перекинулись в зверей. И вот уже лукавую ташил за хвост ягуар во всю мощь своих челюстей.

Тонкий взвизг, глухой удар. И вот лисица скрылась в глубине обители дождевых червей. На ближайшую к происхождению ветку вернулись крупные птицы. Лопаты работали, клювы чистили пёрышки. Один из воронов взмахнул крыльями, спланировал на соседнее дерево. Полёт его мазнул над могилой, на дне которой обречённо лежала обнажённая девушка. Вероятно, надевать обратно одежду та была в не настроении.

Розоватые из-за раздражающих кожу слёз, веки прикрыли уставшие карие глаза. Желание выжить любой ценой на некоторое время замолчало, гудящий от ударов мозг искал выход. Но выхода не было.

Тучи бледнели, будто в лужицу пролитой на стол туши опрокинули баночку чистой воды. Так солнце ненавязчиво напоминало, что оно вышло на сцену, начиная новый день. Светило поставило любимую пластинку Шельмы – «Рассвет». В жизни её было мало светлых моментов, однако душа впитывала любые крохи прекрасного. Так утро стало для неё любимым временем суток. Каждый раз смотря на небо, она радовалась простым вещам: сегодня солнце вновь пришло, тело до сих пор живо.

Пуля просвистела в воздухе. Дырочка появилась в голове могильщика. Как доминошки они повалились друг за другом. Мужчины не успели понять, откуда на них напали, как уже всем им стало недосуг выяснять этот вопрос: выстроясь в очередь их души полетели к Богине Смерти.

Выстрелы превратились из-за головной боли в гром молний, а вязкие капли в тёплый дождь. Не сразу Шельма осознала, что брызжащая с неба вода, которая смочила ей губы, имела солёный вкус.

Кто-то спрыгнул в припорошенную землёй могилу. Кто-то поднял её на руки, заворачивая в пиджак. Кто-то ласково протёр её лицо платком и поцеловал в ледяные губы, вытащил наверх.

На выдохе Шельма прошептала:

– Майкл.

– Тише-тише. – Приговаривал мужчина, усаживая на свои колени девушку в подъехавшую им навстречу машину.

Лиса не открывала глаза, Демон целовал припухшие веки. Сжавшееся, дрожащее тело, лежало у него на груди, давя на сердце.

* * *

В кабинете серого дома сидели двое. Они спокойно переговаривались, обнимая друг друга. Лисица в полуформе сидела на коленях мужчины, поигрывала бурым хвостом и подёргивала чёрными лисьими ушами.

– У меня нет документов. Считай, что я и не существую вообще.

– Но я же Вас вижу.

– А я Ваша галлюцинация.

Майкл поцеловал Шельму в лоб.

– Тогда это самое волнующее видение. Не исчезайте, пожалуйста.

– Как скажете, как пожелаете. – Лисица заёрзала на коленях, но Демон придержал её за талию.

– Что не так? Вы не в настроении? – удивлённо приподняла брови.

– Шельма, я позвал Вас для серьёзного разговора.

– Да, я вся внимание. – Однако вразрез своим словам девушка начала покусывать ухо партнёра, а рука её пробралась под рубашку.

– Я решил, что Вы должны уехать.

Лисица резко отшатнулась, ударилась поясницей о столешницу, отчего невольно прошипела. Майкл легонько погладил её по ушибленному месту.

У девушки в голове злобно хихикнула мысль: «Мать оказалась права», вслух же спросила:

– Я Вам... наскучила?

Демон нахмурился.

– С чего такой довод? Шельма, я Вас люблю. Как Вы можете такое предполагать про меня? Ваши слова ранят больше, чем ножи восставших.

– Как они могут Вас колоть? Все враги ведь мертвы. – Лисица невольно скосила взгляд на диван и паркет, к поверхности которых присохла кровь. Уборщики ещё не успели ликвидировать все следы вчерашней бойни. – В связи с произо-

шедшим Вы интересовались, зарегистрированы ли где мои данные? Зачем?

Мужчина кивнул, в глазах его плескалась грусть.

– Здесь больше не безопасно. Недовольные пока попрятались по углам, но гарантии мира больше нет.

– Да с чего они вообще взбунтовались? Если дело во мне, то почему просто не прирезали меня тихо ночью? К чему этот массовый бунт?

– Вы лишь предлог. Они против моей политики.

– Не понимаю. Разве вы все не смотрели в одну сторону?

Откуда расхождения во взглядах?

– Многие просто не осознают, что мои планы куда глобальнее чем простой разбой.

– И какова же Ваша цель?

– Уничтожить бывлой Рессам и воссоздать на пепелище новый округ.

– О, как кардинально. А переделать округ свободных художников, не уничтожая его под ноль невозможно?

– Глобальные перемены требуют начать с нуля.

– Каким Вы видите новый округ?

– Свободным от группировок.

– Что!? Как такое возможно повернуть... Да ещё и руками Иблиса?

– Инсан смог. Вы ведь слышали об их опыте? Теперь это самый прогрессивный округ, центр науки и инноваций.

– Если так, то... А-а-а, тяжело понять! У нас ведь одно-

ликих процентов пять от силы наберётся! По стопам Инсана нам не пойти...

– У нас свои преимущества. Они скрыты в недрах земли – залежи полезных ископаемых, просто никто не занимается их добычей.

– Но если это правда, то почему прошлый глава этим не занимался? Это же сплошная выгода.

– Чтобы начать что-либо, в это надо вложить средства, которых у Рессама нет. Этот жалкий округ привык паразитировать на других, отнимая необходимое у слабых.

Шельма встала с колен, обошла стол, села в кресло – слишком тесные объятия не располагали к ведению разговора.

– Куда Вы хотите меня отправить?

– В Коткару.

– В обитель консерватизма и зануд!?

– Там безопаснее всего.

– Дело же не только в этом. Я права?

Майкл кивнул.

– Есть работа для Вас.

– Я заинтригована, и что же это?

– Секретариат. Глава стаи Белых ушёл в затвор, его помощник скоро уволится. Пост гендиректора временно занимает брат главы. А место секретаря займёте Вы.

– А-ха-ха-ха, это не возможно! У меня ни образования, ни навыков. Подыщите кого другого.

– Шельма, Вы идеально подходите. Образование дело наживное, Вас всему научит наш сообщник.

– Спорить бесполезно... Когда я выезжаю?

– Завтра.

– Что!?

– Вас обучит на месте всему необходимому наш подкупленный ликий. Он ждёт Вас в городе Мирт, что на окраине Коткару. По поддельным документам вы приходите друг другу родственниками.

Демон передал файл с документами. На бумагах значилось Шакари Тихая.

– Тихая? А-ха-ха-ха, напоследок поддёживаете меня? – лисица искренне развеселилась и даже мрачность, повисшая от вчерашнего дня, поредела от смеха. Двуликий тоже немного успокоил грусть от предстоящего расставания, сжимающую сердце, улыбнулся.

Первая встреча

Коткару утопал в лесу, скрывался в горных долинах. Синева небес и голубизна холмов притягивали взгляд. Дома и различные постройки гармонично вписывались в окружающую обстановку: здесь не принято выделять фасады яркими красками, в отделке всегда использовали максимально неброские цвета. Оттого округ негласно носил статус обители счастливых семьянинов и хранителя консерватизма: главный в семье мужчина, женщины занимались детьми, технические достижения одноликих принимались здесь очень неохотно и это притом, что Коткару самый близкий друг и соратник Инсана – округа, в котором концентрация простых людей достигала девяноста процентов! Инновации с Инсана принимались неохотно – если машиностроение и телекоммуникации ещё и прижились, то атомная энергетика вообще взвелась в ранг табу.

Ох, что-то мы отвлеклись от нашей лисицы-путешественницы. Куда она пропала, пока нас засосало в праздные разговоры о том о сём? А вон же она, наша Шельма! Ан нет, это же теперь Шакари Тихая – весьма образованная, спокойная племянница жены брата двоюродного дядюшки по материнской линии покойного отца Леонарда Белых, который, в свою очередь, является мужем троюродной тётки (взял фамилию жены) младшего главенствующего поколения стаи белых вол-

ков, а именно Леоны, Максимилиана и Власа Белых. Немного непонятно, может быть даже запутанно, но и не в этом же суть!

Суть в том, что Леонард сидел в кресле совета директоров конгломерата Белых, и по «чисто случайному» стечению обстоятельств неожиданно уволился секретарь и помощник главы стаи, который, в свою очередь, давненько уже печалился в затворничестве. Ушлый муж троюродной тётушки подсуетился: с радостью принял подарок в виде внушительного денежного эквивалента предложенного кланом Серебряного Демона; принял Шакари как свою племянницу, даже вписал её в архивы своей семьи; немного поднатаскал лисицу в знаниях, что ей понадобятся в нехитром деле.

В связи со всем произошедшим кандидатура Шакари Тихой на должность секретаря была предложена напрямую Максимилиану, но, к сожалению, тот находился в командировке, поэтому собеседование приняла на себя Леона. Она хотела лично удостовериться в ликовой – что та действительно ищет работу, а не богатого глупого начальника. В брате волчица не сомневалась: он и под дулом пистолета не переспал бы с кем попало, но беспокоилась в надёжности двуликой, мало ли травмирует тонкую душевную организацию Максимилиана и пиши пропало! Уйдёт и он в затвор...

Именно по этим причинам Шакари сидела сейчас в кабинете гендиректора на двадцатом этаже и гипнотизировала глазами облака, которые неспешно проплывали мимо пано-

рамного окна. Что её ввело в некий транс? Двухчасовой монолог Леоны Белых:

– Нас в семье трое детей уродилось. Я, самая младшая, средний брат нюня и самый старший брат, на данный момент он – главарь нашей стаи. Когда я была маленькой, просила у родителей младшего братика или сестрёнку, на что мне ответили: «Наши дети с каждым последующим мельчают, кем будет следующий? Чихуахуа?» Больше я об этом не заикалась, так как родичи отчасти правы.

Наш род довольно древний, но до сих пор мы несём в себе гены могучих белых волков. Влас, старший братик, полностью оправдывал величие нашей стаи. Будучи альфой, он нёс нас и принадлежащие нам компании к оглушительному успеху. Мы были довольно влиятельны и безумно богаты, инфраструктура Коткару стояла на наших плечах, пока не приключилась беда.

Старший брат – оборотень без изъяна, но была у него слабость: полюбил одноликую женщину. Его все уважали, старейшины не посмели и не захотели противоречить их союзу. Тем человеком была красивая, добрая, прекрасная женщина, но жутко болезненная. Она была хрупка, словно тонкая корочка утреннего льда, и от очередного приступа лёгочного недуга сгорела на глазах, как спичка: спасти её не удалось. От горя вожак взял десять лет на траур и заперся в доме на отшибе ближайшей деревушки. Беспokoить его никто не смеет и по сей день, только староста деревни оборотней приносит

ему к порогу продукты, одежду и новости из внешнего мира.

После этого наша стая и бизнес ещё не почувствовали сильных перемен, пока на наш рынок не стали ломиться криминально настроенные ликие с Рессама. В то время в нашем конгломерате образовалась жирная попа...

Шакари честно старалась выслушать всё, что накопилось в кучерявой голове её будущей начальницы, но... но как же много этих, *но*. Долгая дорога, после которой лисица толком не отдохнула, лекции Леонарда в экспресс-режиме на протяжении месяца, да и общий стресс от пережитого и новой роли «шпиона» размазывал двуликую по жемчужного цвета кожаному дивану. Тупой остекленевший взгляд Шакари в никуда, не тревожил волчицу. Честно говоря, Леона вообще мало на что обращала внимание в данный момент, потому что ей редко выпадал шанс насесть на свободные уши. Сейчас волчица с радостью в сердце и лёгкостью на языке изливала на лисицу накопившиеся переживания.

Спустя ещё полчаса у Шакари приоткрылся рот, но не подумайте, она не заснула! Просто сушила зубы. Да и моргать она перестала – так сильно увлекли её тающие на глазах облака.

Пока тело вошло в энергосберегающий режим, мозг Шакари переваривал информацию текущего месяца. *Леонард – приземистый мужичок с пузиком. Тип он скользкий, как и его лысина. Да и как, блять, надо умудриться с кровью-то оборотня довести себя до такого плачевного вида? Как ему*

удалось похерить метаболизм?

Спустя час Леона хлопнула в ладоши.

– Ну, кажется, на сегодня всё! Давай бумажки, которые надо подписать. Ты принята. А, и давай на ты.

Шакари вытерла слёзы, брызнувшие от ускоренного моргания: глаза щипало из-за сухости, веки словно наждачкой тёрли склеру.

– Моя хорошая, утомила я тебя. Леонард рассказал, что ты приехала к нам с окраины Коткару утром, дорога тяжёлая. Ну ничего, скоро отдохнёшь: на ресепшене заберёшь ключи от корпоративной квартиры, скажешь, что от меня, они там в курсе.

– А ты любишь поговорить. – Лисица произнесла третью реплику за всё время пребывания в этой холдинговой компании притом что первая была ответом на вопрос: «Вы к кому?».

– Если напрягать стану своей болтовнёй, то скажи об этом сразу. – Незлобиво проговорила Леона. – Но я не люблю, когда мне делают замечания такого рода. Смертельно обижаюсь, могу и всплакнуть, – добавила стушевавшейся Шакари: – но ты не стесняйся!

Лисица потянула отворот своей рубашки, будто её душил несуществующий галстук. *Блять, да на меня сроду ничего так не давило эмоционально, как эта особа!*

– Я думаю, что работать под вашим началом будет сложновато...

- А ты не подо мной будешь, а под моим братом. Я ж официально здесь никто, так, лишняя деталь в механизме.
- Простите, но немного не понимаю ваши слова...
- Если будешь много думать, то вылезет геморрой.
- Что?
- Что? Геморрой головного мозга! – Леона прикрыла один глаз, сжатыми в кулак пухлыми пальцами легонько постучала себя по голове.
- Но мозг же...
- Тц, что я сказала? Меньше думай!
- Но...
- Тц!
- Пиздец. – Вырвалось у Шакари, Леона улыбнулась. *Да тут и без меня всё хуёво...*

* * *

К жизни в Коткару лисица привыкала долго: климат северных широт, менталитет жителей, да и в целом она впервые жила одна в целой трёхкомнатной квартире! Никого рядом: ни оберегающего Майкла, ни домашней прислуги. Казалось бы, чего сложного в самостоятельной закупке продуктов, оплате товаров, и прочих рутинных вещах? Рири в первую же неделю одинокой жизни поняла: она бытовой инвалид.

Навыки самообслуживания лисицы сводились к уходу за

своей внешностью и гигиене тела. Приготовление пищи, загрузка посудомоечной машины, да что там, даже протирание полов от пыли привели двуликую в ужас от осознания своей беспомощности!

Наверное, она бы умерла от отравления употребив просроченные продукты (словосочетание «срок годности» было ей неведомо), или же поскользнулась на луже пролитого молока и разбила череп о край стола (вытирать жидкость тряпкой тоже надо уметь), или же спала бы на улице (потому что ключи от квартиры носить с собой не привыкла, раньше другие ликие открывали для неё двери).

В общем, всё было максимально печально, в добавок к этому в душе скулил зверь, скучая вдали от любимого, а на периферии сознания нет-нет да и всплывало воспоминание убийств. По ночам её мучили кошмары, в которых она вечно безуспешно пыталась отмыть руки от крови, барахтаясь в море костей. Редкие звонки Майкла спасали её ментальное самочувствие на небольшой отрезок времени, но эти светлые проблески загибались в общей массе проблем.

Лисица начала бы глотать пилюли спокойствия, производимые учёными Инсана, если бы ей не протянула руку помощи большеглазая волчица. Она самолично навещала Шакари в квартире, постепенно обучая её ведению домашнего хозяйства.

Благодаря тесному общению, первое впечатление Рири о Леоне сменилось за прошедший год пару десятков раз, пока

до неё не дошло, что волчица не гений уловок, а не блистающий умом и тактичностью двуликий. Наивная, прямолинейная, милая девушка с кукольной внешностью. Единственное в чём она ас: автомобили и... деревья.

В последнем Рири убеждалась постоянно. Например, в таких вот совместных вылазках на улицу:

– Видела какой красавчик?

– М? Где? – крутит головой Леона.

– Да только что мимо прошёл.

– А не, не заметила.

– Да как так? Куда ты вечно смотришь?

Показывает пальчиком.

– Дерево?

– Не просто дерево! А рябина в период листопада. Смотри, как она прекрасна. С верхушки до земли листья мертвеют жёлто-бордовым градиентом. Цвета плавно перетекают друг в друга с ветки на ветку. Что ни десять сантиметров вниз другой оттенок! Ах, как она прекрасна!

Рири поджимает губы.

– Глаз-алмаз, молодец. – Сухо: – а спать ты с кем будешь?

С пнём?

– Почему ты так говоришь?

– Да потому что ты, кроме своих деревьев, ничего не замечаешь!

– Ха, а вот тут ты ошибаешься.

– А да. Ещё машины!

– Вот теперь права.

Такие шуточные перепалки случались между ними постоянно. Леона не обижалась на Рири, а лисица в свою очередь не задевала волчицу всерьёз. Их отношения переросли в крепкую дружбу: белокурая хозяйка автосервиса даже принялась на пару с Шакари подтрунивать над Максимилианом. Тот такой «подлости» никак не ожидал, но лишь пыхтел и негодовал в сторонке, отпор дать сестре был не способен, а об увольнении Рири и речи не шло: парочка белых волков искренне считала, что новый секретарь им помогает в ведении дел. Эх, как порой бывает приятно жить в неведении!

Приступ

С приходом Рири в конгломерат у одной группировки дела пошли в гору, а вот у стаи волков всё стало неважно. Утечка информации рубила дочерние предприятия наповал. Некоторые филиалы закрывались, многие мелкие фабрики продавались до того, как успели обанкротиться. Сколотившие на конгломерате состояние директора покидали стаю и сбегали из Коткару. В числе первых крыс стаю покинул Леонард.

Рири ко всему относилась сдержанно, пока не услышала, что продвинувший её в близкий круг волков двуликий не помчался быстрее всех прочь, поджав хвост. Лисица негодовала и бушевала наедине с собой, проклиная на все лады предателя стаи Белых. *Как можно нагадить в миску своим же родственникам? Разве деньги важнее кровной связи? Почему я, абсолютно чужая, к тому же враг, должна беспокоиться о глупых сестре с братом, пока их близкие стоят в сторонке и зад не чешут? Какого хрена некоторые хватают манатки и сваливают в туман? Але, бестолковые, разве стая не должна объединиться на свержение позиций конкурента? Почему столь мощное со стороны объединение двуликих на поверку оказалось прогнившим судёнышком? Как вы вообще умудрились построить конгломерат? Трахнули фортуна, но на удержание позиций её не хвалило? Бедняжка*

стёрлась подчистую?

Вошедшая в кабинет Леона, озадачилась поведением Рии. Она первый раз видела, как лисица явно в раздражении перебирает бумаги и агрессивно долбит по клавишам клавиатуры.

Волчица поставила на стол стаканчик любимого чая подруги, присела рядом на кресло, спросила:

– Почему не в настроении? Кто тебя так накрутил?

Рии резко отвернулась от монитора, на котором график показывал падение акций очередного предприятия, оказавшегося под ударом шпионской деятельности.

– Почему глава и родители не вмешиваются?

Белокурая волчица немного замялась, увидев искрящийся гнев в глазах подруги.

– Родители ушли в отставку, живут на окраине Коткару, там у них свой бизнес.

– И что? Это мешает им консультировать вас? Неужели они просто могут спокойно наблюдать как их дело чахнет на глазах?

– Они могут, конечно, помочь, но...

– Но?

– Ввязывать в это родителей некрасиво. Они и так сделали уже достаточно: вырастили нас, позволили стать теми, кем мы сами задумали. Не шли нам наперекор, не навязывали своё видение. Дали полную свободу! Благодаря этому по нашим с Максиком мировоззрению и не скажешь, что мы из

Коткару! – Леона улыбнулась, отпивая кофе из картонного стаканчика.

– Да чем тут гордиться? Это всё явно пошло на пользу только вам двоим, но никак не семейному делу!

– Ты хотела бы, чтобы мы с Максиком положили свои жизни на бизнес? – волчица прикрыла стаканчиком губы, посмотрела исподлобья.

– Ох, я не это имею в виду. Комбинировать, совмещать личное и общественное! Зачем же ставить всё ребром? Почему одно должно исключать другое?

Леона пожала плечами.

– С этим уже ничего не попишешь.

– Обратитесь к родителям. – Рири уже было повернулась обратно к компьютеру, как ответ начальницы сорвал последний предохранитель спокойствия лисицы.

– Нет. Их тревожить мы не будем.

Двуликая вскочила, чёрное кресло откатилось к окну. Из горла лисицы буквально вырывалось рычание. Уши человеческой ипостаси исчезли, их заменили вставшие торчком на макушке два тёмных острых лисьих уха. Рири раздражённо расстегнула ремень, засунула себе руку в брюки, вытащила появившийся гладкошёрстный бурый хвост.

– Ар-р-рх! Это же не просто одинокое кафе на отшибе мира! Это не мелкое предприятие! Это конгломерат! Пострадаете не только вы с братом и члены стаи! Как же работники? Партнёры? Вы о них вообще думаете? К чему этот ваш дет-

ский эгоизм, гордость и непосредственность? Прекращайте баловство! Иначе потом будет поздно!

Леона внимательно следила за подругой, попыталась её немного успокоить – выставила ладони в примиряющем жесте.

– Ох, моя милая Рири, давай без ссор и страстей. К чему ты так кричишь? Произошли сущие мелочи. Твоё рвение к работе похвально, но если принимать к сердцу каждую мелочь морщины полезут. К тому же можешь не переживать о сотрудниках: мы выплачиваем им щедрые отпускные, которых хватит на три месяца безбедной жизни. За такие сроки они уж найдут себе новое местечко.

– Если не родителей, тогда вызовете главу! – распалялась всё сильнее.

– Ох, исключено. – С грустью ответила волчица.

– Ар-р-рх, а с ним что не так?!

– Он в затворе. Не переживай, с *тобой* мы справимся.

Да со мной вы в скором будете делить одну упаковку бомж лапши на двоих! – мысленно рыдала Рири, желание рвать волосы на голове было колоссальным, лишь бы достучаться до волчицы – косвенно направить её взор на истину происходящего.

– Почему ваш совет директоров, стадо тупых баранов, ничего не предпринимают?

– О, здесь всё просто: они не хотят нести ответственность за решения, принятые без совета с главой. Старики боят-

ся совершить ошибки: скоро уходить на покой, им лишний стресс ни к чему.

Ну не самой же мне признаться, что я творю? От пришедшего отчаяния Рири взвыла.

– А-а-а-а-у-у-у-у! Тогда вызволите же уже главу, где бы он ни хоронился!

– Рири, ты же должна понимать наш менталитет Коткару, устои. Разве можно не знать таких банальных вещей?

– Не понимаю! Объясни мне! Чтобы я уж успокоилась, что помощи реально ждать неоткуда!

– У главы умерла жена. Она была одноликой, к тому же очень болезненной. По нашим традициям ликие потерявшие супруга могут уйти в затвор. Спокойно оплакивать любимую, не отвлекаясь на внешний мир.

Рири скрестила руки на груди.

– Припоминаю что-то такое. Навсегда, что ли?

– Нет. Он ушёл на десять лет.

– Зачем он вообще влез в этот брак? Кандидаток получше не нашлось?

– Сердцу не прикажешь.

– А стая куда смотрела? Родители?

– Наш Влас настолько великолепен в роли главы – именно он поднял влияние стаи, развил дело до конгломерата, поэтому маленькие капризы ему позволяли. Родители дали нам свободу, говорила же уже, ты чем слушаешь?

Грёбаная вседозволенность! Я не знакома лично с бывши-

ми главами стаи, но уже заочно их не перевариваю! Что они за двуликие такие? Отчего такая безответственность и пофигизм к своим отпрыскам?

– Раз он так великолепен, почему таится и ноет в уголочке? Игнорирует такие плохие новости? Горевание в одиночестве душу не залечит, только работать, работать и ещё раз работать. Пусть зароеет себя в бумагах и совещаниях, это его явно отвлечёт.

Леона ещё больше сконфузилась, заёрзала в кресле, криво улыбнулась.

– Он не знает...

– Что?

– Обо всём... Ему ничего не докладывают.

– Бред какой-то. Почему?

– Ну, что бы лишний раз не тревожить?

Рири стояла, пока до неё не дошёл смысл. Потом уголок её глаза нервно дёрнулся. Девушка разъярилась пуще прежнего. В кабинете слышался ощутимый запах жареных орешков.

– Отлично! Просто замечательно! Давайте! Дерзайте! Похерьте дело брата! Представляю, как он выйдет, а идти будет некуда! Распродадите заводы, предприятия, зароеетесь в кредиты, спонсоры от вас отвернутся, квартиры и остальное имущество отдадите за долги... Великолепная картина! А-ха-ха-ха, ваш брат выйдет с голой жопой без нихуя в кармане! А-ха-ха-ха-ха... – Рири зашлась в истерическом смехе.

Волчица вскочила, схватила подругу за предплечья.

– Остановись, успокойся, ты меня пугаешь... Тебе плохо? Я пошлю кого-нибудь за успокоительным. Сейчас подожди!

Рири вырвалась раскачиваясь. Её взгляд терял осмысленность.

– А-ха-ха-ха-ха-ха-ха... со мной а-ха-х-ах всё в пор-р-рядке! А-ха-х-ах-ха-ха-ха!

Тело Рири сотрясалось в диком хохоте, лицо покраснело и отвратительно перекошилось, будто внутренние демоны вылезли наружу. Смех становился всё надрывистей, моментами чередовался с лисьим тьявканьем.

Страх за подругу сковал льдом грудь Леоны, ей казалось, что Рири сходит с ума. Она уже успела тысячу раз пожалеть о сказанных словах. Но разве могла она предположить, что лисица так чудовищно всё воспримет?

Волчица бросилась к выходу, рука уже повернула ручку двери, как вдруг дьявольский смех враз оборвался. Бусинки пота смочили спину Белых. Леона, предчувствуя неладное, повернулась, но никого не увидела. Подбежала, услышала шебуршение под столом, заглянула. Там, в ворохе опрокинутых папок и бумаг трясла головой лиса. Вторая ипостась Рири! Но в этот раз перед волчицей лежало не красивое, утончённое длинноногое создание, а настоящее чумное животное!

Рири не реагировала на окрики Леоны. Не пришла в себя ни и от тряски, ни от воды, вылитой на морду.

Пока Леона с мольбой в голосе увещевала обезумевшую лису, маленькая, потерявшая власть над второй ипостасью, Рири, варилась в кипятке терзающих душу дум. Как её раздирало от осознания своей ничтожности!

С одной стороны предать Майкла ни в коем случае бы не смогла, с другой стороны эти наивные, глупые волки брат с сестрой и их слепая на всё происходящее стая. Как ей сейчас хотелось выкрикнуть всю правду Леоне в лицо! Пролить свет, разбередить их от бесполезной смиренности пред не таким уж неизбежным трагичным концом! *Ещё не поздно всё вернуть вспять! Ещё можно победить врага, группировка Иблис пока недостаточно сильна! Пожалуйста, прошу, остановите меня! Убейте как он убил того двуликого! Вонзите мне нож в шею, прошу... Избавьте меня от этой роли...*

Животный рык заглушил метания Рири. Вся её сущность сжалась пред неизвестным напавшим – кто-то пробивал её ментальную защиту. Кто-то врывался в её голову! *Нет, прочь! Мне хватает сейчас и своих мыслей! Пр-р-рочь!*

Вкус крови на языке пробил безумие зверя, телесные ощущения достигли первой человеческой ипостаси девушки. Испуг захватил контроль, мысли замолчали.

– *Рири, ты меня слышишь? Ри, вернись, пожалуйста. Чтобы тебе ни наговорила Леона, она не права. Она извиняется, плачет. Сказала, что была не права. Ты меня слышишь?* – голос Максимилиана навязчиво зудел в голове. Со-

знание прояснялось от чужого спокойного тона. Вторая ипостась Рири фыркнула, возвращая первую на свое место. Сражаться не было смысла: ментально зверь уступал волку в силе.

Когда Рири открыла в очередной раз глаза, увидела кабинет, в котором сидела с Леоной ранее. Рядом сидел на корточках Макс. Его предплечье было зажато в тиски челюстей человеческой ипостаси лисицы. По руке мужчины обильно текла кровь, капала с локтя на паркет. Кап-кап. По подбородку лисицы текла горячая бурая жидкость, заливалась в рот, обволакивала глотку. Всё это происходило считанные секунды, но для Рири они показались невыносимо долгими.

Девушка открыла дрожащую челюсть, клыки её покинули плоть Максимилиана. Мужчина явно испытывал немалую боль, но кроме сдвинутых бровей ничем это не проявлял.

– Кр-ровь... Прости, прости, я не хотела, мне жаль, прости, – по щекам Рири хлынули слёзы, она склонилась над рукой двуликого. Плачь изливался со дна её души.

Брат с сестрой успокоились, когда увидели, что Рири перевоплотилась в человека. Слёзы её приняли за переживание о ране Макса, поэтому белые волки не трогали девушку больше, ждали, пока она сама успокоится. Со стороны хоть это и выглядело так, для лисицы всё было немного иначе. Первые секунды она, безусловно, раскаивалась и ругала себя за потерю контроля, за причинённое ранение, но потом мозг услужливо подсунул ей одно конкретное воспомина-

ние. Мол, *разве стоит убиваться насчёт царапины, ведь ты причинила и причиняешь куда больший вред сейчас. О, а помнишь того водителя? Его глаза? Помнишь, какого они были цвета, когда он повернулся к тебе с ножом в шее?*

Голая Рири дрожала, сжав ладонями Максимилиана, пыталась остановить кровь. Леона утирая свои покрасневшие глаза, хлюпая носом, достала из шкафа плед, накрыла им обнажённую подругу. Ногата девушки не волновала волка, он переживал сейчас за психическое состояние лисицы, ведь безумие среди двуликих было явлением редким, но смертельным. Он внимательно вглядывался в подругу, на радость, не нашёл больше ни тени сумасшествия.

Макс поглаживал Рири по голове свободной рукой. Когда девушка излила всю горечь до последней капли, на неё навалилась усталость. Она была не в силах встать и одеться, поэтому мужчина, не раздумывая, завернул подругу поплотнее в плед, обхватил под плечи и колени. Под щебетание сестры понёс на руках лисицу на парковку к своей машине. В тот день он самолично отвёз лисицу в квартиру, умыл ей лицо, напоил тёплым молоком, уложил спать.

Сотрудники проводили троицу любопытным взглядом. После того случая повсюду расплозились слухи об интимной связи зама главы с лисицей помощницей. Но это совсем не трогало Рири: сплетни её не интересовали. Её волновало лишь одно – белокурые брат с сестрой совсем ничего не поняли из того, что она пыталась до них донести. Клубок кон-

гломерата продолжал расплетаться.

Вечерами наедине с собой лисица горько тихо смеялась, всё глубже падая в бездну вины. Ночами же её преследовал водитель, и даже редкие звонки Майклу больше не утешали. Двуликая могла уснуть только под содействием алкоголя. Глоток за глотком, ночь за ночью в её квартире и душе копились и звенели тарой стеклянные бутылки.

Начало конца

Летний полночный ветер сырой и зябкий шелестел листвою, пахло дождём, утром нагрянут тучи. Тёмно-синее небо нависло над покрытыми электрическими светлячками горами – по холмам вились жёлтые змейки фонарей, освещающих дороги; по сторонам от петляющих линий, над верхушками деревьев мигали окошками высотные дома. Редкие машины проносились по пустынным дорогам – засидевшиеся допоздна работяги спешили домой.

Темнота завладела всеми окнами здания, которое по пояс спряталось в сосновой роще, одиноко стояло на покосе склона. Только луч от фонарика, совершающего обход охранника, мигал, переходя с этажа на этаж. Всё выше и выше, вот мелькнул на самом последнем этаже, замер на секунду, пропал – охранник развернулся, скрылся за дверью эвакуационного выхода и по лестнице спустился к себе в каморку. Как только шаги ликого в форме сошли на нет, в одном из кабинетов, а точнее, в кабинете гендиректора появился тусклый, бирюзовый свет. Это экран ноутбука, как лампочка в холодильнике, одновременно и помогал, и выдавал присутствие в помещении индивида, которому в данное время суток здесь находиться не следовало.

Холодный свет лился на недовольное, хмурое лицо двуликой женщины. В её глазах отражался экран ноутбука, в

котором юрко сменялись картинки одна за другой: какие-то графики, схемы, таблицы. Ритмичное постукивание клавиш раздавалось звонко и жутковато на фоне общей тишины.

Двуликая явно устала и торопилась доделать своё непростое дело до первой, робкой полосы рассвета на горизонте. Стрелка круглых настенных часов беззвучно перескакивала с цифры на цифру.

Рири нервозно переступила с ноги на ногу – предпочитала за такого родом деятельностью стоять; в который раз почесала шею царапающими движениями, ещё немного и появятся красные вертикальные полосы; провела языком по сухим губам, – хотелось пить. Но больше всего хотелось убежать куда подальше и желательно навсегда. С каждым днём ей становилось всё тяжелее следовать указаниям Майкла, с каждым новым днём было труднее поднять на Леону и Максимилиана взгляд. Переутомление, страх, стыд и вина опутывали лисицу, загоняли в угол, медленно уничтожали эмоционально.

Последний клик по клавиатуре, закрытие всех вкладок, отключение питания – дело сделано, можно бежать в объятия алкогольного забытья и кровати. Рири повернулась к окну, необходимо открыть на проветривание, чтобы и намёка на её феромоны не осталось в этом кабинете.

Лисица медленно повернулась и оцепенела. То, что она испытала в эту секунду, было сродни чувству пережитому при первой встрече с Серебряным Демоном: пустота в теле – будто кровь и душа покинули её; горло перехватило, боль-

но зажимая застрывшие звуки; конечности словно засунули в ведро со льдом. В ту роковую встречу ей хватило смелости и желания выжить любой ценой, чтобы развязать язык, заставить мышцы прийти в движение. Сейчас же у неё не было ни физических, ни моральных сил. Мозг, следуя примеру ноутбука, решил отключиться, оставив хозяйку выкручиваться из положения без его руководства. К счастью, лисице не дали уйти в забытие.

Максимилиан подошёл, сверкая ледяными голубыми глазами. Его волчьи уши и хвост в полуформе выделялись в темноте, как снег под неоновым фонарём. Рири замерла, опустила взор в пол, сердце вспомнило, что нужно гонять по телу кислород – забило в ускоренном режиме, к корням волос выступил пот. Тонкий флёр адреналина достиг осязания мужчины.

Будничным голосом, как бы между прочим, волк поинтересовался:

– Ри, что ты тут делаешь?

Девушка молчала, пыталась сглотнуть ком в горле, но мышцы сжало ещё сильнее, боль нарастала.

– Рабочий день давно закончился, переработки не приветствуются, ты же это знаешь.

Можно было предположить, что Максимилиан ничего не понял, если бы не тон, каким он разговаривал с Рири в данный момент. Девушка раньше такое и предположить не могла: волк скрывал под маской дурака другие неожиданные

стороны личности. Хотя лисица, хорошенько поразмыслив догадалась бы со временем, что начальник несмотря на инфантильность, некомпетентность и наивность по-прежнему оставался двуликим мужчиной. Как ни крути, но инстинкты из оборотней никаким воспитанием не вытравишь. Поэтому было вполне логично, что сейчас перед Рири стоял не добродушный друг, а обманутый враг. Лютый, опасный и уязвлённый.

– Что мне сказать Леоне? – тихо спросил он. Миг и громкость перешла на крик: – Как я должен ей всё объяснить!? Отвечай!

Максимилиан обхватил ладонями её плечи, встряхнул. Лисица немного подняла голову, смотря беспомощно сверху вниз на взъярившегося двуликого.

– Ну же! Поделись со мной советом, Ри ведь в этом мастер!

Мужчина приблизился, заглянул пристально девушке в глаза. Опять перешёл на шёпот:

– Как мне преподнести ей эту новость, а? Ты представляешь её реакцию? Ты когда-нибудь думала о чужих чувствах? Зачем вообще сблизилась с ней?

Рири не сдержала подступивших слёз, нос защипало, капля за каплей пробежали по щекам мокрыми дорожками, отражая лунный свет.

– Я не знаю...

– Зачем залезла к ней в душу? Чтобы что?

– Я не хотела... так вышло не нарочно... – От нелепых оправданий лисица закипела желанием отвесить самой себе пощёчину, но её отвлёк Макс. Он отпустил плечи, отстранился. Осуждающе поинтересовался:

– Разве нельзя было пакостить, не трогая мою сестру?

– П-п-прос...

– Прекрати! Настолько наглая!? Вздумала извиняться передо мной!? Простое извинение ситуацию не решит! А-а-а... – Максимилиан зарылся пальцами в блондинистые волосы, ноги пустились вышагивать круги малого диаметра.

Рири глотала слёзы, не решаясь вставить слово.

– Почему? Почему!? Мы плохо с тобой обращались? Настолько надоело нам помогать или решила перебежать на сторону где больше платят? В чём причина? Какова цена растоптанного доверия и рытья могилы нашей семье?

Девушка сглотнула ещё раз, потёрла шею, задевая царапины, нечаянно расширяя их и пуская бусинки крови.

– Это н-не так...

Максимилиан прищурился.

– Ри, я хоть и дурак, но мне всё предельно ясно. Я наблюдал за тобой через щель неплотно закрытой двери. Долго наблюдал. Заработался и остался сегодня вечером спать в комнате отдыха. Как оказалось не зря.

Девушка шумно вдохнула, на выдохе произнесла дрожащим голосом:

– Я не родственница Леонарда. Я ему вообще никто.

Двуликий перестал кружить.

– Меня прислали из Рессама. Я принадлежу группировке Иблис. Леонарда подкупили.

– Хорошо.

Рири удивлённо вопросительно посмотрела. Максимилиан с грустной улыбкой добавил:

– Это не мы такие плохие – доконали тебя своим поведением и отношением к работе, а ты просто приехала к нам с дурными намерениями изначально. Нет предательства. Есть только глупцы и профессионалы.

– Мак...

– Не надо. Пожалуйста. Мы это переживём, – двуликий судорожно вдохнул, глаза его подозрительно увлажнились. – Пожалуйста исчезни. Вернись к себе в Рессам.

Рири кивнула, опять вперила взгляд в пол, потому что на такого Максимилиана невыносимо мучительно смотреть – девушка привязалась к нему и его сестре искренне, в этом чувстве не было лжи. Впервые кто-то помимо матери и Майкла занял в её сердце внушительное место. Лисица через усилие заставила стопы оторваться от пола, развернуться на выход. Максимилиан продолжал стоять, напоследок проговорил:

– У меня есть последняя просьба. Только выполни её на сей раз качественно, не играя на две команды.

– Слушаю.

– Не встречайся, не звони и вообще никоим образом не

выходи на связь с моей сестрой.

– Придумал как с ней объясниться?

– Нет. Но и тебе не позволительно после всего... видеться с ней.

– Я не знаю...

– Да что тебе не понятно!? Великой актрисе! Прими это как предупреждение: замечу в зоне видимости, пеняй на себя! Наша стая хоть и благородна и не опустится до членовредительства женщине, но и без наказания я твои дальнейшие фокусы не оставлю!

Рири кивнула, ссутулившись, вышла. Максимилиан обесиленно сел в кресло, упал лицом в ладони, смежил веки. Плечи его легонько вздрагивали как будто в смехе, однако опустившись на колени, взглянув снизу вверх, можно было разглядеть в темноте дрожащие губы и прозрачные капли, которые юрко скатывались с ресниц, падали, глухо разбиваясь о необутые ноги.

* * *

Капли срывались с неба вниз, стучали по крышам, потоком стекали с карнизов, журчали в водостоках. Ветер редкими порывами менял угол падения проливного дождя, словно швыряя в фасады и окна домов бисер.

В корпоративной квартирке на десятом этаже под тусклым дневным освещением пасмурной погоды Рири в одино-

честве собирала вещи в рюкзак. Много с собой брать не планировала, положила только необходимые в дорогу вещи. Застигнув молнию на рюкзаке, разогнулась, посмотрела на серую ливневую пелену за окном. Вода вводила в медитативное состояние, уводя все мысли на задний план. Вдруг жужжа и пискляво тренькая, телефон заверещал, просясь хозяйке на руки. Девушка приняла вызов неизвестного номера.

– *Шельма...*

Голос звонившего Рири определила мгновенно.

– Лилит? Что такого случилось, что ты мне позвонила?

Апокалипсис, не меньше...

– *Замолчи, времени нет!* – шипение злобное и одновременно с тем взволнованное.

Чем её там напугали? Я же не успела ещё доложить Майклу о провале.

– *Ты провалилась...*

– Откуда...

– *Молчи! Демон обо всём знает! Не смей возвращаться!*

Рири насмешливо ответила:

– К чему это? Подумаешь узнал. Да и куда мне, по-твоему, идти как не домой?

– *Дура, он убьёт тебя!*

– Лилит, твои выдумки не имеют ничего общего с реальностью. Ты что перешла с табака на нечто потяжелее?

– *Да в кого ты такая тупая? С первого раза не понятно? Стала бы я звонить, чтобы говорить необоснованные*

обвинения?

Лисица помолчала всё обдумывая, переложила телефон из запотевшей ладошки в другую, вытертую о штаны.

– Тебе стоит сказать мне причины. Иначе я не последую твоему совету.

– Вот же ж! к чему дотошность?

– Мама.

Одно короткое слово выбило у Лилит почву под ногами. Женщина простонала и по стенке сползла на пол.

– Он твой брат.

– Кто? – будто и вправду отупев, Рири не поняла смысла слов с первого раза.

Лиса громко сглотнула, прикрыла телефон рукой, хотя в квартире она была одна.

– Твой Серебряный Демон, двуликий ипостаси пса, Майкл. Он сын твоего отца, главы разбитой группировки.

Лисица нервно хихикнула.

– Невозможно... ты что-то путаешь...

– Да никакой путаницы нет! Сегодня утром об этом стало известно всему Рессаму! Кто-то вынес это на всеобщее обсуждение, а он даже не стал отпираться! Когда журналисты у него спросили, будут ли подчинённые убирать клеветников, Демон сказал, что незачем убивать за правду!

– Но... это же всего лишь слухи? Откуда тебе стало это известно?

– Об этом говорили в утренних новостях области.

У Рири загудело в ушах, мир пошатнулся, очертания комнаты смазались. Чтобы не упасть, девушка присела на кровать. Откуда-то доносился приглушённый крик. Это Лилит громко просила лисицу подать голос.

– Не ори, слушаю.

– *Шельма, теперь поняла? Он убил всех наследников. Уничтожил всё ранее принадлежащее группировке отца. Безумная месть налицо.*

– Месть?

– *Нет времени вдаваться в подробности, боюсь, скоро за мной придут... Он ублюдок, не признанный бывшим главой. Его продали наркоторговцам...*

– Майкл рассказывал мне подобную историю, но про отца и речи не шло...

– *А теперь поразмысли: помилуют ли тебя за провал? Да и зачем ему игрушка, с которой уже наигрался? Он поистине псих! Оставил тебя на десерт! Хотя ты-то уж точно не достойна такой участи. Положение твоё по жизни не лучше его было...*

– Хватит.

– *Шельма, выводы и решение принимай сама. Напоследок скажу одно: не смей умирать на потеху этой псине! Уяснила? Не доигрывай ваш спектакль!*

– У меня сроду гордости не было, так почему бы...

– Ты действительно хочешь умереть от его рук?

– Я не знаю, как поступить...

– Я тоже, малышка. Я тоже. – Столь непривычное ласковое обращение матери привело Рири ещё в больший душевный раздрай. Голову словно сжали в тиски, боль играла в пинг-понг, отбивая мяч о стенки черепа.

Лилит первая завершила вызов. Девушка же обессиленно опустила руку, телефон выпал на ковёр.

Двуликая оглушённая известием, загнанная в угол обстоятельствами, варилась в беспомощности и неверие в происходящее. Ведь буквально вчера всё было почти хорошо: любимый хоть и на расстоянии, но такой уже родной, друзья, хоть и видящиеся на ложь, дом, куда она всегда могла в случае чего убежать. А теперь же спроси у неё, какой сегодня день недели, число, имя, она бы ничего не произнесла, в такое состояние погрузилась – словно душа и разум втихую покинули тело, оставив пустую оболочку сидеть на кровати.

И в этот раз не дали ей спокойно безжизненно посидеть с пустым взглядом: всё тот же телефон опять жалобно запел. Рири как будто через плотный эфир медленно с трудом подняла телефон. На дисплее светилась лучезарная улыбающаяся Леона.

Пелена сошла с глаз: впереди ждал последний неприятный разговор.

* * *

Из-за проливного дождя и пелены туч, застивших небо,

день казался вечером, будто наступили сумерки, а фонари ещё спали.

Рири, повесив голову, шла без зонта по тротуарам, превратившиеся в этот час в сплошные бегущие ручьи. Машины, подсвечивая фарами потоки свергающейся воды, стремительно проносились, окатывая неосторожных прохожих мутной жидкостью, которая не успела попасть в водосток. Крики пострадавших тонули в общем шуме плача погоды.

Миная перекрёстки, зебры и суетящихся прохожих под шляпками зонтов, Рири пришла в назначенное волчицей место: облюбованное ими простенькое кафе в тихом спальном районе.

Лисица потянула входную дверь на себя, звякнули встревоженные колокольчики, привлекая внимание персонала к вошедшему гостю. Не успела Рири осмотреться в поиске подруги, как та сама подлетела, крепко обнимая и что-то неугомонно вереща об очередном необыкновенном, великолепном, brutальном парне её мечты.

Леона прервалась на полуслове, ведя лисицу к столику, спрятавшемуся от остального зала за ширмой цветочной раскраски. Они всегда выбирали тот уголок, когда он был не занят. Здесь стояли уютные кресла вокруг небольшого стола, лампа на стене освещала всё мягким янтарным светом.

Буквально усадив Рири как несопротивляющуюся безжизненную куклу в кресло, Леона наконец-то посмотрела на подругу.

– Ты в курсе, что сегодня льёт дождь? Почему не взяла такси? Да или хотя бы зонтик? Ты, конечно, не заболеешь, но зачем вымокать до нитки? Вон, глянь, у меня даже кофточка от обнимашек с тобой промокла.

– Прости.

– Да ладно, пустяки! А же не Макс, чтобы бухтеть о таких мелочах, да нотации о правилах приличия читать.

На столе стояли заказанные волчицей напитки и типичный набор десертов, которые они брали из раза в раз. Леона с наслаждением уплела пару творожных пирожных и кусочек кекса с шоколадной посыпкой. Рири же молча наблюдала за паром, кружившим над кружкой молочного чая, и вскользь слушала восторженные похвалы внешности и шарму очередного первого встречного. Частенько в автосервис заглядывали очередные *чудесные, вот прям чувствую тот самые*. Лисица всегда с интересом отвечала подруге, но сейчас к праздным разговорам была не настроена.

Спустя минут двадцать Леона заметила, что с подругой что-то не так, совсем нет реакции на поток переживаний. Обычно Рири отвечала в таком духе: «Да неужели, ух ты, вот оно как. Он козёл/находка что надо/хватай и беги, пока твой брат ему морду не набил». Последнее же было не шуткой, а вполне реальным предостережением, ведь Максимилиан несмотря на свою внешнюю безбидность, остро относился ко всем избранникам сестры, часто не одобрял выбор (словесно, а затем и физически спроваживал их подальше),

ну а если Леону доводили неосторожные кавалеры до слёз, то двуликий совсем уж не сдерживался в причинении тяжёлых телесных. Вот такая шибкая любовь и забота брата стерегла девственность белокурой волчицы похлеще дракона.

– Совсем настроения нет? – облизывая ложку, спросила кудрявая влюблённая.

– Леона, у меня... я пришла с серьёзным разговором... произошло непоправимое... – *Я полюбила мудака и обманывала вас.*

– Ой, Рири ну может не надо сегодня о работе, а? Пожалуйста, не читай нотаций. Я знаю как всё хреново, свежей порции плохих новостей мне не надо, оставь их моему братику.

Лисица отодвинула от себя десерт, который ей протянула волчица. Леона надула в недовольстве губы.

– Ну опять. Я же позвала тебя поболтать, работать ты в офисе завтра будешь.

Рири горько улыбнулась, ей будет не хватать подруги. Даже по её сменам настроения и капризам будет скучать.

– Леона, я начну, обещаю дослушать до конца, а там будь что будет... – лисица, скатав салфетку в комочек, опустила голову, потупила взор.

– Всё настолько непоправимо? Мы обанкротились за ночь? Или Макс облысел?

Рири ущипнула комочек салфетки, не отвлекаясь на реплики подруги, поочерёдно изложила всю суть обстоя-

тельств, благодаря которым очутилась в их конгломерате; почему рассказывает вообще об этом и о том, что единственное в чём нет притворства так это в их с Леоной дружбе. Умолчала только об истинных отношениях с Серебряным Демонном, просто назвала его своим братом и немного переиначила их с ним историю знакомства.

Волчица сидела, не комментируя монолог лисицы. Взгляд её тяжелел, брови нахмурились, а пухлые губы плотно сжались. Рири не могла понять: Леона разозлилась, разочаровалась или терпит её сейчас из последних сил? Просто раньше лисице не доводилось видеть такое выражение лица подружки, так как по характеру своему та была всегда улыбчива и несерьёзна, редко печалилась, частенько кривлялась и канючила.

– Вот, пожалуй, всё, что я хотела сказать. – Закончила Рири.

Салфетка или вернее труха от неё оставшаяся осыпалась снегом на колени и пол.

– Ты меня разыгрываешь? – с надеждой на положительный ответ, произнесла Леона.

– Нет. – Волчица выдохнула расстроено, сдувшимся шариком откинулась на спинку кресла.

– Не хочу...

– Что?

– Не хочу, чтобы это было правдой! Не хочу, чтобы ты уезжала! Ри! – волчица вскочила, наклонилась над столом, сбивая локтями пустые чашки, схватила лисицу за грудки. –

Давай вместе пойдём к Максусу! Ты ему всё это объяснишь, я заставлю его послушать! Он поймёт, что твоей вины нет, разрешит тебе остаться!

Рири спокойно отцепила от воротника рубашки сжатые пальцы, отстранилась к спинке кресла.

– Лео. Успокойся, пожалуйста. Я ваш враг. Меня не надо оправдывать. Да и невозможно...

– Нет ничего не возможного! Ты сама это часто говорила! Не сдавайся! Пойдём! – волчица обогнула стол, подняла за руки подругу, с силой потащила на выход.

Уже у двери Рири остановилась и как бы белокурая её не дёргала, не делала и шага.

– Ну же! Не тяни kota за яйца! Чем быстрее всё объясним братику, тем быстрее всё встанет на свои места! Он не будет сердиться! Сейчас наверняка расстроился и вяжет носочки дома! Пойдѐ-ѐ-ѐм!

Посетители кафе тактично делали вид, что не слышат и не видят разыгрывающейся в зале сцены.

Лисица пыталась вразумить волчицу словами, но всё было тщетно, поэтому она дёрнула подругу на себя, обняла, скорее чтобы удержать рвущуюся под дождь двуликую, чем успокоить. Наклонилась и прошептала на ухо:

– Прости, но с тобой не пойду. Со временем ты поймѐшь, что твой брат прав и по-хорошему меня стоило закопать где-нибудь в лесу... Прошу тебя, не расстраивайся так сильно из-за говна. Я недостойна твоих страданий и стараний. И Макса

не трогай, ему и без того сейчас тяжело.

Рири отпустила Леону, похлопала её по плечу и вышла на улицу.

Ливень перешёл в морозящий дождь. Тучи клочками улетали прочь, уступая голубому небу. Солнца лучи скользили по мокрым карнизам крыш, отражались в дорожных знаках, блестели в лужах и мелких каплях. Машины на проезжей части с шумом всплёскивали последние речушки. Некоторые ликие сворачивали зонтики.

Рири стояла под карнизом, раздумывая *куда податься*, Леона вышла следом за ней, вслух озвучивая мысли подруги. Лисица соврала с уверенностью в голосе:

– Как куда? Разумеется, в Рессам.

– Тебя там не обидят? Ведь ты провалила миссию...

Кареглазая двуликая наклонила голову, посмотрела в яркие на свету бирюзовые глаза подруги.

– Как повезёт. – Леона поджала губы, – да шучу я, не напрягайся так. Что мне сделают? Такое могло произойти с каждым.

– Но всех убили, осталась только ты...

– Не думай о плохом, договорились? Меня ждёт впереди счастливая и долгая жизнь!

Рири широко озорно улыбнулась, на волчицу это подействовало должным образом: она и правда успокоилась.

– И то верно! Ты же из любой задницы выкрутишься!

Лисица кивнула, хотя сама в озвученное не верила, раз-

вернулась и пошла в сторону ближайшей автобусной остановки. Волчица хотела последовать за ней, но Рири пресекла это банальной фразой:

– Долгие проводы, лишние слёзы. – Леона в ответ показала смешливо язык, развернулась на пятках, прыгнула на свой мотоцикл и скрылась в противоположном направлении.

* * *

Для начала Рири поехала к железнодорожному вокзалу. В полупустом трясущемся словно в лихорадке автобусе лисица пыталась дозвониться до матери и Майкла, ни тот ни другой вызов не принимали: шли длинные холодные гудки. Лисица прокусывала губы и щёки в кровь, ранки не успевали затягиваться; нервно теребила лямки рюкзака в руках.

На стойке регистрации в здании вокзала её ввели в ступор новостью: граница с округом Рессам перекрыта, все пути закрыты. Оказывается, округ Коткару с сегодняшнего дня изолировался от округа свободных художников, причины пока не обнародовали, поэтому в зале ожидания гудели недовольные сердитые возгласы. Многие покинули здание в поиске альтернативных средств перебраться через границу, но такой возможности не существовало, в чём Рири убедилась после недели бесплодных попыток.

Чтобы вернуться в Рессам, ей как минимум нужна помощь Майкла, но тот так и не вышел на связь. Первые дни

лисица всячески его оправдывала: занят, времени нет, потерял телефон и так далее по кругу. Ближе к концу недели Рири перестала себя утешать, принимая действительность. Для себя она решила, что её милостиво отпустили на свободу, так скажем, даровали жизнь в безопасности.

К концу месяца жизни в приграничном городе, когда подушка в мотеле пару раз была побита, принимая на себя роль безмолвного слушателя; когда деньги в кошельке почти иссякли и её попросили выселиться по-хорошему; когда в сотый раз ей отказали в приёме на работу даже на вакансию дворника, девушка не придумала ничего лучше, как на последние монеты вернуться в столицу Коткару. Доводы её были просты: в большом городе легче выжить. Однако столь радужные мысли на поверку оказались полной бессмыслицей: и здесь ей не нашлось вакансии.

Поразмыслив, Рири поняла, что Леона всё же поехала в тот злополучный день к брату и двуликий осуществил своё предупреждение. Однако с учётом перекрытия границ и отвернувшимся от неё Демоном исход всего предстал перед лисицей крайне неутешительным. Выход оставался только один, ну или два: перекинуться во вторую ипостась и в теле зверя попытаться выжить в диком лесу Коткару или же всё в той же ипостаси попытаться пересечь границу с Рессамом.

Феликс. Искусство выживания на улице без денег

Лето в Коткару прекрасное время года: тёплый ветерок колышет зелёные листья; солнце, не щадя своих лучей, прогревает землю; редкие облака фланируют по небу, – что ещё нужно для отличного настроения? Наверное, дом куда можно вернуться после долгой прогулки. Крикнуть своим близким с коридора, что ты вернулся, быстренько скинуть босоножки, помыть руки, умыть лицо от уличной пыли и сесть за стол, наслаждаться вкусным ужином. Для кого-то это обыденность, а для кого-то недостижимая мечта или потерянная возможность быть кому-то нужным.

Даже если дома никто не ждёт, ничего страшного. Быть счастливым можно и в одиночестве, если, конечно, ты нужен сам себе. Довольно упаднические мысли, так и веют негативом. Их бы отбросить, и просто наслаждаться отличной погодой, да только не могла Рири перебороть свои неутешительные думы после всего навалившегося на её долю.

Мирок лисицы рухнул, руины тлели под надвигающейся депрессией. Ей банально некуда было идти. Не существовало больше и клочка территории, где она смогла бы начать всё с нуля. Что же ей оставалось? Доживать свои дни, в ожидании голодной смерти? Хотя... был шанс насмерть замёрзнуть в

осеннюю ночь, но до осени ещё дожить надо.

С подобными умозаключениями, ухмыляясь, вперив взгляд под ноги, лисица брела в берёзовый лес, он уже виднелся на горизонте, надо только перейти мост через реку. Шаг, шаг, шаг. Рубашка противно прилипла к взмокшей спине. Казалось, каждый миллиметр тела испарял пот, смешанный с пылью дорог. Волосы прядями прилипли ко лбу и шее, поэтому изрядно подбешивали девушку, она даже подумывала найти что-нибудь острое, чтобы отрезать волосы под самые мочки ушей первой ипостаси.

Шаг, шаг, шаг. Кеды шаркают по брусчатке моста, ступни через тонкую подошву чувствуют все мельчайшие неровности пути. *М-да, по такой дороге лучше не ходить в туфлях на тонком каблуке, если, конечно, не хочется подвернуть ногу, нечаянно перевалиться через чугунные перила и плюхнуться в прохладную реку. Хотя сейчас её воды весьма привлекательны, может окунуться разок?*

На том конце моста девушка решала в какую сторону пойти: *в элитный посёлок лучше не совать носа, тогда только остаётся идти вдоль берега реки, углубляясь в лес.* Отметя идею искупаться, Рири побрела дальше.

Мост уже остался позади вместе с высотками города, впереди же шелестели листья берёз и надрывались сверчки. Чистый запах живой природы и душноватый ветерок густым дуновением мимолётно обнял Рири, всколыхнул кончики длинных каштаново-красных волос, понёсся дальше.

Вот она, свобода! Двуликая долго её вождедела, так отчего же совсем ей не рада?

– Думаешь сможешь составить конкуренцию животным? – вопрос, раздавшийся со спины, заданный хриплым старушечьим голосом, не испугал лисицу. Ей было всё равно на внешние раздражители. Она немного повернула в сторону голову, не разворачивая корпуса, с неуверенностью бросила:

– Нет?

Смешок и новый вопрос от того же неизвестного:

– Ты хоть охотиться-то умеешь?

– А надо уметь?

– Ну если не планируешь умереть от голода, то надо.

Рири вздохнула с безразличием, будто не она собралась перекинуться во вторую ипостась и отдаться лотерее выживания в диких условиях.

– Что собираешься делать?

– Без понятия. Клянусь хвостом, не понимаю его. Теперь думаю, как все – он конченный псих.

– Дитя, тебя не учили, что начинать истории с конца плохой тон?

Говорящий подошёл ближе, чувствительный нос лисицы уловил запах немытого тела. Рири по профессии полагалось быть терпеливой и ни в коем случае не брезговать клиентами: неподходящих под эти параметры бабочек отправляли на рынок органы продавать. Поэтому девушка спокойно развернулась, без единой морщинки на лице. Спросила с эмо-

циями мёртвой рыбы:

– У тебя найдётся выпить? – как по щелчку включателя, она ожила. В речь насмешливым потоком ринулось ехидство: – знаешь ли, обращаться к девушке без предложения выпить за чужой счёт настоящий моветон!

Сутулый невысокий бродяга немного опешил, затем в мимике его промелькнуло узнавание, не без удовольствия он распахнул стёганое короткое пальто. Сначала Рири обдало густым тошнотворным ароматом пренебрежения к гигиене, потом, когда глаза перестало щипать, её вниманию предстал торс, одетый в популярную в прошлом сезоне синюю водолазку, идеально сочетающуюся со штанами из коллекции дизайнера одежды, который год назад покинул континент и уединился на личном острове. К сожалению, Рири не отличалась страстью следования новомодным тенденциям в мире красоты, поэтому не оценила по достоинству вкус старика. Вместо этого она восторженно осмотрела множество внутренних карманов пальто, где весело блестели стеклом бутылки, наполненные до самых крышечек.

Рири молча вытянула приглянувшуюся бутылку с янтарной жидкостью, открутила жестяную крышку, глотнула, недовольно проворчала:

– Тёплое... На кой хер ты их греешь? Готовишь глинтвейн? Так ты у нас бармен! Пха-ха-ха... кха-кха-кха-кха... – лисица подавилась, потому что смеяться над своими благодетелями, над причудами других, во время еды и питья смер-

тельно опасно!

Двуликая рукавом рубашки промокнула алкоголь смочивший подбородок, смахнула даже намёк на улыбку со своего лица, вгляделась в красные глаза бродяги.

– Твои глаза, похож на... на Серебряного Демона. Тебя он послал за... – разум Рири захватил раздрай, голова разболелась. Рациональность победила – девушка уняла стенающее глупое сердце. – Кто ты такой?

– Ох, дитя, я слишком стар, чтобы продолжать стоять и болтать одновременно. Давай пройдем до лавочки? Она тут не далеко, близ моста. – Бродяга развернулся и пошел. Через плечо мужчина ответил: – нет, дитя. Я не знаком с твоим Демоном, хотя слышал о нём много нелестных отзывов.

– Ты похож на...

– Волосы мои белы от времени. Радужки такие с рождения. Я дух... но, если быть более точным – слуга Богини Смерти. – Мужчина остановился, повернулся к Рири. – Однако, я ей не служу. Так скажем... я – мятежный дух.

– Поэтому бомжуешь?

– Нет. Причина не в этом. Ну так что, дитя, пойдём посидим? С этим стариком давно никто не разговаривал.

Бродяга пошел дальше не оборачиваясь. Он достаточно заинтриговал лисицу, чтобы она побрела за ним.

В тени пышных, обросших листвой, висячих ветвей плакучей берёзы, на лавочке сидели двое: унылая, но пьяная, а оттого разговорчивая лисица и старик бомжеватого, но не

запущенного вида: волосы были зачёсаны и убраны в пучок, одежда хоть и попахивала, выглядела опрятно, даже обувь изрядно поношенная не имела на себе ни пятнышка прилипшей грязи.

Двуликая и дух сидели на коричневой лавочке. В парке, примыкающем к лесу, было немало лавочек, но все они пустовали, на протоптанной дорожке не наблюдалось прохожих; только дятел выбивал клювом ритм о кору подсохшей берёзы.

– Он мой брат и... любовник. Точнее, он был любовником, который на самом деле мой брат, или брат, который... а в пизду. Я запуталась.

– Нет, всё пока понятно, ты закусывай. – Старик протянул девушке бутерброд, завёрнутый в пищевую плёнку.

– Угу, спасибо. – Интенсивно поработав челюстями, проглотив угощение, Рири спросила, не глядя на собеседника: – а что это вообще такое?

– Инцест?

– Кхе-кхе, я не о том: про выпивку спрашиваю. Моя голова так кружится-я, я, наверное, усну скоро.

– Предположительно ром, но не точно. Этикетки нет.

– Украл?

– Взял ничейное. Винно-водочный завод разорился, товар выставили за забор целыми коробками. Что успел, припрятал.

Лисица потупила взгляд в стоящий напротив них пенёк.

– Разорился... – лирический вопрос на грани слышимости.

– Так что дальше? – треликий вывел собеседницу из транса.

– А ты дед из любопытных?

– Просто скрашиваю вечер в интересной компании. С бомжами о многом не поговоришь, как правило, они скучные ходячие трупы.

– Пф, ха-ха-ха, скоро я стану такой же как они!

– Не обязательно опускаться до их уровня. Есть способы выживания и без денег.

– М-да? Я же с вашими уловками не знакома пока. Да и сам ты не бомж разве? Или настолько горд, что не признаёшь истину?

– Я помогу. – Посмотрел внимательно на лисицу красными глазами в веере старческих морщин, чуть погодя ответил на остальные вопросы: – хоть у меня и нет определённого места жительства, я подрабатываю, да и не отрекался от мира ликих достаток имеющих.

– Где работаешь?

– Пишу статьи на заказ в один из малотиражных журналов.

– Понятно. Значит, скитаться по подворотням и вонять в обносках просто хобби? Вы мужчины все одинаковы: нет, дорогая, я не такую, специально ловлю только твои заказы, а по вечерам уж я вожак стаи львов! А-ха-ха-ха-ха-ха.

Старик никак не отреагировал на насмешки Рири, только прищурился добро: будто смеялся над шуткой маленького ребёнка. Угомонившись, двулика поинтересовалась:

– А что мне за твою помощь будет?

Красноглазый пожал плечами, посмотрел вдаль по течению реки.

– Развлекай меня разговорами. Вот и вся плата.

Рири потёрла подбородок, вскинув брови, потом развеселились: похлопала бродягу по спине, подмигнула.

– Ох, ну и задачку, дедок, мне придумал. Ну что ж, поведаю ещё немного сейчас, остальное потом, а ты мне посоветуешь, где переночевать, пойдёт?

Кивнул.

Подумав с чего продолжить, Рири будничным голосом поведала:

– Меня мать родила, будучи товаром в борделе, согласно законам, я тоже принадлежала тому месту. Так и прожила там всё детство и юношество, потом встретила Демона.

– А он откуда появился?

– Он приехал с окраины Рессама, из городка на побережье океана. Его продали в местный притон в трёхлетнем возрасте наркодилерам.

– Что за жестокость? Поступать так с собственными детьми считается в Рессаме нормой?

– Этих наследников у бывшего главы было как сорняков на удобренной навозом земле! Глава был еблив не в меру.

Наплодил. А в Рессаме ценится лишь редкость, ограниченная партия. – Рири пожала плечами и изрекла поучительным тоном: – если чего-либо хоть жопой жуй, за этим *чем-то* бегать не будут.

Логически в их диалоге должна была повиснуть пауза, дабы подчеркнуть всю важность пьяной речи двуликой, да вот только атмосферу она не уловила или не прониклась ею...

– Старик, не подумай, что я лезу не в своё дело... но на кой кривой хер ты оделся как фарш в капустный лист для голубцов? В курсе, что сейчас лето? С какой блять планеты свалился? – и посмотрела на него так жалостливо, будто говорила: *не печалься, если надо, я подкину тебя до орбиты твоего дома волшебным поджопником.*

– Дитя совсем не почитает ни моего статуса, ни моих седых волос. – Вроде бы и выговор сделал, но голос был полон веселья и поощрения.

– Де-е-ед, а дед.

– Хочешь спать? Отвести тебя в безопасное место?

– Блевать хочу. Волосы поддержи, пожалуйста, или отрежь их к херам собачьим.

Старик молча взял из мусорного ведра опустошённую зелёную бутылку, разбил её доньшко о медный край мусорки. Встал напротив девушки с розочкой в руке.

Рири без опаски скрестила ноги в позе для медитации, развернулась к спинке лавочки, руками собрала волосы в

хвост, откинула их на спину. Бродяга с ювелирной аккуратностью намотал волосы на кулак, розочкой отрезая натянутые красные пряди. Спустя три минуты треликий протянул лисице результат своей работы.

– Выкинь их.

– Разве можно такое богатство пускать по ветру?

– Продашь?

– Если позволишь.

– Валяй что хочешь! Только сперва отведи меня в ночлежку.

Рири упала навзничь с лавочки, пошатываясь встала, опираясь на плечи невысокого бродяги, пошла за благодетелем.

Вечер занимал свои позиции: жар значительно спал; небосвод окрасился палитрой розовых оттенков акварели; мошкара сбилась в кусачие клубки; дышать стало легче; подсохший пот беспощадно покусывал, покалывал кожу. Рири хотелось принять душ и прыгнуть в мягкую перину кровати... хотелось... сердце защемило с новой силой. Прогоняя наступающую тоску, лисица вновь открыла рот:

– Дед, тебя как звать-то?

– Надоело кликать меня стариком?

– Не нуди. Не узнаю сейчас, так и продолжу тебя...

– Феликс.

– А фамилия?

– Я был рождён слугой в доме одноликих господ. У меня нет фамилии, только имя.

– А я...

Пауза затянулась, дух поинтересовался:

– Так напилась, что забыла?

Двуликая вздохнула.

– Просто сложно определиться каким именем тебе назваться. У меня имён много.

– Я стал поверенным твоего мемуара, можешь представиться так, как считаешь нужным.

– Ну раз уж так! Зови меня Шельма. Приятно познакомиться, старик!

– Взаимно, дитя, взаимно.

* * *

Лето жарило солнцем, цвело культурами и палисадниками, стрекотало сверчками и чирикало отрицанием; осень обмывала бульвары и разгорячённые умы, охлаждала злость; зима хрустела свежавыпавшим снегом под дырявыми утоптанными ботинками, подкидывала в голову лисице множественное «а если бы...»; весна растапливала плотный мёртвый покров с земли, пригревала очередное поколение трав и цветов, начинала весёлый брачный танец насекомых, птиц и прочих диких животных. В общем, всё шло своим чередом, ничего необычного: мир оставался прежним. Только лисица переживала личную драму, персональный апокалипсис.

Однако справедливости ради уточним: тяжело было пер-

вый год, а уж последующие за ним прошли уж не в пример легче и даже можно осмелиться сказать жизнерадостнее. Боль притухла, воспоминания блёкли вместе с надеждой грядущих перемен.

Справиться с депрессией и кардинальной сменой условий жизни помогал Феликс. Он ежедневно находился рядом с Шельмой, не покидал её больше чем на пару часов. Также внесли свою лепту личностные качества, ну или издержки профессии: терпение и отсутствие брезгливости.

Единственное от чего двулика неизменно страдала и что прошло само собой лишь полгода назад – приступы нестерпимой тошноты. Вызваны они были не некачественной пищей, как можно было предположить, а снами и всплыванием из памяти фрагментов ничем не омрачённой жизнью в сером доме Рессама, ну а если более конкретизировать: голос, лицо и вообще любое напоминание о Демоне скручивало желудок девушки в рвотном спазме, зачастую она даже не утруждалась добежать до кустов.

Феликс на такие приступы психосоматики по обыкновению отвечал: «Пока твой братец сидит у тебя в голове, ты не излечишься. Какая же это злая шутка судьбы всех двуликих: иметь иммунитет от всевозможных болезней, кроме психологических. По-моему, это смешно: скончаться от сумасшествия, но остаться невредимым в эпидемию!» Шельма на такое ничего не отвечала, лишь вытирала уголки рта, прополаскивала горло и глубоко дышала, уперев ладони в колени.

Феликс вообще был духом хоть куда: и персональный нянь, и дед, и выслушать любитель, один изъян – утешал не столько, словом, сколько нескончаемым запасом алкоголя. В его понятии забытьё – лучшее лекарство. Поэтому лисица вошла в искажённую форму принятия случившегося – она себя успешно убедила, что Майкл ею не воспользовался, а предал, хотя в концепцию её видения никак не вписывался утаённый факт кровного родства, из-за которого двуликую, в общем-то, и тошнило. Да и начатое во времена работы в конгломерате пристрастие к спиртному прочно закрепилось в первых строчках в списке ежедневных желаний.

Что ж, необходимое отступление мы проделали, давайте же окунёмся в очередной отрезок времени под названием – здесь и сейчас.

Лисица сидела на старой, не выдавшей никогда ремонта, бетонной лестнице, свесив ноги вниз меж прутьев перилл, рассказывала духу какую-то из произошедших с ней историй, с увлечением била пятками о бетонную стену.

Щебень, вмешанный в состав заливной лестницы, кусочками отлетал от интенсивных постукиваний Шельмы. После энного шкрябающего удара правый кед не выдержал жёсткого к себе обращения и зверских условий эксплуатации (беднягу носили без продыху), обувка, преисполненная чувства собственного достоинства окончательно расслабила шнуровку, проворно соскользнула с пятки в дырявых носках, подлетела на инерции замаха ноги, перевернулась в воз-

духе, спикировала на затылок треликого роющегося в мусорном баке. Шлёпнув Феликса по затылку, кед упал на мягкую подстилку разнообразного мусора. Мухи, наслаждавшиеся летней жарой и обильной пищей гурьбой окружили кед, потолкавшись брюшками и не считая обувку вкусной, они вновь вернулись докучать работающему мужчине.

– Шельма, я ценю твой дар рассказчика, но может ты сообразишь спуститься с трибуны и поможешь мне? – Феликс выпрямился, протягивая лисице её обувку.

– Дед, я и так работаю.

– Согласен. Но для любой деятельности важна смена. Поработала голосовыми связками, поработай и руками.

– Можно подумать без меня не справляешься... – двуликая протянула руку меж прутьев, приняла несчастный кед.

– Сегодняшний улов до слёз мал. Если не наберём вот этот мешок под завязку, – дух встряхнул серо-зелёным полипропиленовым мешком, – о еде на сегодня можно забыть.

– Ну а чего мы вообще в эти дебри припёрлись? Тут ликих гуляет раз два и обчёлся! Где тут бутылки искать? Идём в более прибыльное место.

– На сегодня все доходные точки заняты другими.

– Ну а кто виноват, что ты дрых до полудня? Я, между прочим, пыталась тебя разбудить! Меня то твои коллеги до сих пор не воспринимают за равного, хрен с ними договоришься!

Феликс вздохнул, сдаваясь: сегодня он и правда сам вино-

ват в том, что не успел вовремя зарезервировать на утреннем собрании коллег точку поближе к жилому району.

Обычно дух и двуликая после собрания с коллегами в заброшенных гаражах на отшибе города шли на промысел стеклотары или металлолома, рыскали целый день до вечера, потом сдавали найденное в пункты приёма, затаривались продуктами в ларьках и шли на ночлежку в те же гаражи без окон и дверей. График дня обычно не претерпевал изменений, если только перед праздниками надо было подкопить денег (пункты приёма закрывались в красные дни календаря), да и вот такие досадные случаи: проспал или лютое похмелье знатно накрывали медным тазом планы на покушать.

Шельма встала, потянулась, посмотрела в сторону города, пощурилась на солнце, повернулась к тёмно-зелёному хранящему прохладу хвойному лесу. Там в тени пели птицы и неподалёку плескался ручей – ответвление от основной полноводной реки, которая протекала через берёзовую рощу по противоположную границу города. В этом районе не строили элитных домов, посёлков. Здесь жили ликие среднего достатка и тут же на самой окраине обитали бомжи. Нельзя было сказать, что этот район запущен или неблагополучен, просто постройки поизносились, да и ликие предпочитали покупать недвижимость ближе к центру.

Лисица же в центр и районы побогаче старалась без острой необходимости не соваться: риск нарваться на неожиданную встречу с Максимилианом и, не приведи Богиня

Смерти, с Леоной повергал Шельму в ужас. Хотя даже столкнись она с ними лицом к лицу, её вряд ли бы узнали. Не только внешность, но и феромон надёжно укутывали не первой свежести обноски и грязь. Конечно, можно было приводить себя в относительный порядок посредством ледяных вод реки, но бомжи нечасто себя баловали такими развлечениями, ну а лисица решила не отрываться от коллектива. А если уж и не привирать: примерно после десяти месяцев бродячей жизни, когда её подкашивала депрессия, двуликая совсем уж забила на вопросы гигиены. Ведь если совсем не мыться, то и чесаться не будешь! Правда, надо перетерпеть месяц, ну а там уж привыкаешь...

Опять мы отвлеклись от нашей лисицы. Хотя не чтобы она была занята чем-то интересным или примечательным. Оставив Феликса в одиночестве копошиться в мусорном баке, Шельма прошла в лес.

Насыщенный запах хвои и смолы, треск и скрип веток над головой, приятная после нудного внимания солнца прохлада. Двуликая в который раз поймала себя на мысли, что не прочь была бы перекинуться в зверя и жить в лесах, но долго она в таких условиях не выдержит: проверяла опытным путём – охотница из неё как из круглой пчелы топмодель, диким животным посмешище.

Не задерживаясь в манящем просторе природы, Шельма подошла к ручейку, запустила руку в пронизывающую стуженую воду, подняла зажатые камнями две баночки пи-

ва. Повертела их на уровне глаз. Капли воды бриллиантами сверкали в пробившихся сквозь ветви лучах. Сглотнув слюну предвкушения, лисица вернулась к пытящему духу. Приложила банку к его шее (водолазку соизволил сменить на футболку, но пальто неизменно кочевало с ним). Феликс вздрогнул, дёрнувшись всем телом. От толчка тяжёлая крышка мусорного бака опасно накренилась и накрыла собою контейнер.

– Ну это уж знак судьбы: заканчиваем сбор раньше установленного и остаёмся без ужина. – Шельма протянула мужчине баночку пива. – Хлебни и утешься.

Дух повертел в руках остывшую тару. Лисица щёлкнула открывашкой, большими глотками выпила содержимое, зажмурившись в сомнительном удовольствии. Треликий наблюдал за девушкой, но сам пока выпивку в своей ладони игнорировал.

Вытрясся из баночки последнюю каплю напитка, лисица смяла тару, приподняла крышку бака, бросила сплющенный цилиндр в зазевавшихся мух, протёрла руки о штаны, уставилась на мужчину в ответ.

– Ты чего, дед, с самого утра не в духе? А-ха-ха, дух не в духе!

– Мне надо ненадолго уехать.

– Чего это? Опять газетёнка просит твоих статей? Домохозяйки заждались колонки «Всё о бытие»?

Феликс завязал мешок, закинул его на плечо, поднявшись

по лестнице, вышел на выложенную камнем дорожку – раньше здесь был ухоженный сад, но со временем без присмотра ликих место это одичало, заросло кустарником и сорняками. Дорожки, однако, по-прежнему оставались в хорошем состоянии, поэтому иногда здесь можно было встретить велосипедистов и бегунов.

Шельма взяла перекинутое через периллу пальто, аккуратно повесила его себе на сгиб руки. Догнала мужчину, поинтересовалась:

– Чего молчим? Я не угадала?

– Нет. Не угадала.

– Ну так не томи! Я тебе не сгущёнка в кастрюле: вкуснее не стану!

– Мне надо съездить на остров.

– Какой? Их до хрена, как дырок в дуршлаге.

– Расскажу подробнее, когда вернусь. Держи. – Феликс вручил, вытащенный из кармана брюк клочок свёрнутой бумажки.

– Что это? Жертва на растерзание?

– Разверни.

Шельма послушно развернула бумажку. На одной стороне был распечатан стёршимися местами чернилами список покупок и итоговая цена за покупки, перевернув чек, двуликая увидела море стрелок, квадратов, ёлочек, кружков.

– Схема? Карту клада, что ли, нашёл? Над тобой, наверное, просто бомжи наши стеганулись, а ты и рад поверить.

– Это я нарисовал. Вглядишься внимательнее: это расположение построек района Северный Бриз.

– А, похоже! Вот это администрация, а та чёрная точка, ларёк?

– Да. Завтра я уйду на рассвете. Следуй по стрелкам схемы, выйдешь на железнодорожный мост, спустишься в овраг, что под ним. Там свалка бетонных блоков. Будь осторожна, не наткнись на арматуру. В щели меж блоком и огромным камнем найдёшь бутылку. В ней мои сбережения. Трать их разумно и экономно, так, чтобы хватило до моего возвращения.

– Дед, ты когда успевал кроить от меня деньжата? А? – девушка задорно потолкала мужчину под бок локтем.

– А вот уметь надо. С вами женщинами по-другому никак: тратите деньги со скоростью щёлканья семечек.

– Тебе просто экономные не попадались!

– Не спорю.

За неспешными разговорами парочка бомжей «не по средствам, а по убеждениям» добрались до ночлежки. Там, в рядах заброшенных гаражей кипела жизнь: разводились костры, горланились песни, иногда даже кто-нибудь затевал драки, не поделив какую-нибудь удобную для сна фуфайку или бутылку спиртного.

Шельма спрятала чек поближе к телу, Феликс расстелил ковры и изъеденные всяческими насекомыми одеяла в их любимом гараже, стоящем в отдалении от остальных постро-

ек.

День выдался вялотекущим и утомительным. Заснули наши бродяги быстро. На следующий день поднялись с первыми лучами солнца и расстались на полупустынном пере­крёстке. Шельма пошла по стрелкам начерченных на бумажке, Феликс дошёл до границы города, прошёл немного в лес, перекинулся в третью ипостась и белым дымом понёсся меж деревьев на юг.

После того как Феликс ушёл, Шельма без труда нашла клад, восхитилась накопленной суммой, обдумывала куда податься, пока дух странствует. В ночлежку без треликого возвращаться она остерегалась. Выбрав теплотрассу, кото­рая проходила в берёзовой роще в качестве временного при­станища, лисица довольная собой неспеша направилась к месту назначения.

* * *

Пара летних месяцев прошла праздно и сытно. Шельма, забыв наставления Феликса, прожигала дни на широкую ногу. Впрочем, когда скудный остаток былой роскоши у неё украли коллеги-бомжи, девушка не особо расстроилась. Почему? Потому что по пьяни она внушила себе, что берёт курс на оптимизм. Однако запал её почти угас по щелчку пальцев: придя к их с Феликсом винно-водочному тайнику, девушка обнаружила, что тот совершенно пуст. Мало того что

её ограбили, так ещё и кто-то бессовестно обчистил их драгоценный погребок близ разорившегося завода. От несправедливости, выпавшей на свою долю, девушка взвыла раненым зверем. Но, как ни странно, быстро успокоилась. Ведь она со вчерашнего дня провозгласила себя оптимистом!

Таким образом, преисполнившись радости, улыбаясь каждому камню и цветку, Шельма бодро вышагивала по тропинке меж берёз. Ликих по обыкновению здесь встречалось мало, да и попадавшиеся на пути её совсем не волновали: сами уступали ей дорогу, отшатываясь от плотного, неприятного запаха. Но если пофантазировать, то можно представить себя важной персоной, перед которой челядь расстилает красную дорожку и падает ниц трепеща. Смеясь от подкинутых воображением картинок, лисица вальяжно расселась на коричневой лавочке: наступило время дневного сна (праздная жизнь предполагала и такую роскошь).

К сожалению, сон всё никак не приходил, к тому же по парку решили пройтись сектанты. Эти странные ликие в плотных чёрных балахонах отпугивали местных жителей не хуже бомжей. Разница состояла в том, что бомжи просили у прохожих мелочь на «проезд» и просто воняли, а сектанты активно всех зазывали в своё братство.

Раньше с проблемой бездомных и такими вот полукриминальными псевдорелигиозными группировками в Коткару разбирался совет ведущих стай и кланов данного округа. Во главе совета заседала стая Белых, они же и разбирались с

маргиналами и занимались благотворительностью. Сектанты лишились давления ведущей силы, вышли из-под гнёта. Бездомные же потеряли надёжных покровителей, которые могли бы им оказать финансовую или медицинскую помощь. Между этими двумя группами, а именно группой вонючек и балахончиков велось негласное противостояние.

Сектанты всегда ходили по парам или в небольших группах. Они выстраивались в шеренгу и шли друг за другом, образуя мрачное будто похоронное шествие. Первый в шеренге кричал во всю мощь своих лёгких:

– Конец света близок! Наш оракул предвидел дату всеобщего хаоса и смерти!

Гуляющие по парку мамочки с детьми быстро схватили своих чад за руки и пошли стремительным шагом прочь. Рирри же было всё равно где сидеть и вонять, поэтому она и продолжала своё занятие, лениво ожидая пока горлопаны пройдут мимо.

Шеренга всё приближалась, ор их предводителя не стихал ни на тон.

– Как же вы заколебали. Не можете ли вы заткнуться хоть на день? Даже у апокалипсиса должны быть выходные. Или вам за переработку дарят второй комплект балахонов?

Предводитель шеренги остановился перед лисицей. Громким раскатистым голосом проговорил:

– Ты! Опустившееся на дно ликовой жизни существо! Такие как ты попрали все законы и заветы судьбы! Вы живёте,

словно умерли! Прочь отсюда! Убирайся в свою тёмную нору, нечисть! Прочь!

Рири тут же парировала балохончику:

– Ой, да кто бы говорил. Вы занимаетесь наиотвратительнейшей бессмысленной хернёй. Я то и на дне? Да вы, милейший, дна не видели!

Второй в шеренге балахон подошёл к Рири, стал трясти своими широкими рукавами прямо перед носом бродяжки, с произношением речёвок нараспев:

– Уйди-и-и под землю-ю-ю тва-а-арь земна-а-ая, зги-и-нь в миазма-а-ах ты-ы земны-ы-ых...

Лисицу утомили песнопения сумасшедших и не найдя занятия лучше, она стала ковырять засохшую грязь под ногтями. Однако сектанты не думали уходить, наоборот, они окружили девушку в плотное кольцо. Рири не растерялась. Тщательно подковырнув особо увесистый кусочек грязи, двуликая резко села на корточки и запустила грязевую катапульту под капюшон сектантского предводителя. Ликий в этот момент стоял с раскрытым ртом и естественно, что комочек залетал ему в пасть. Мужчина отпрянул, кашлянул раз, другой. Приспешники главного балохончика повернулись к нему в недоумении. Главарь отбежал в кусты, махая длинными рукавами. Послышался булькающий звук и стоны вперемешку с бранными словами.

– Тц, как не культурно! – сказала Рири, вставая. – Я значит угостила вас самым сокровенным, а вы блевать взду-

мали? Кого ещё угостить? – лисица сделала шаг вперёд, сектанты же отпрянули от неё на шаг. – А-ха-ха-ха, ну, давайте же! У меня ещё мно-о-ого-о-о для вас подарков найдётся! – глаза девушки горели лихорадочным сумасшедшим блеском. Сектанты невольно содрогнулись под своими униформами в ужасе. Пока ликие пятились назад, фоновой мелодией блевал их предводитель. Облизнувшись и оскалившись, Рири продолжила наступать: – ну же, не стесняйтесь. Я страсть какая щедр-р-рая!

Девушка клацнула зубами и, видимо, это была последняя капля выдержки сектантов: они подхватили своего главаря под руки и побежали прочь. Тот всё продолжал мучиться от спазмов в желудке, сблёвывая на бегу.

Рири победно ухмыльнулась, села на лавочку. Прикрыв рукавом глаза, она расслабилась и наконец-то уснула.

Проснулась лисица от удушья. Дёрнувшись, упала на колени. Рот её был полон воды. Прокашлявшись, постояв на четвереньках пять минут, чтобы всё перед глазами обрело чёткость, а разум ясность, Шельма покрутила головой по сторонам. Причина удушья лилась с неба обильным дождём. Видимо, во сне у девушки приоткрылся рот, и погода, расщедрившись, угостила бродягу водой.

– Ну хоть помоюсь. – Лисица, следуя заветам оптимизма, пыталась себя приободрить.

Желудок кольнуло, громко проорчав, орган болью стал намекать о необходимости подкрепиться.

– Завались. Завтра пойду цветмет собирать. А сегодня не донимай меня! – лисица стукнула себя кулаком по животу, в ответ ей ещё громче пробурчали.

Шельма встала на ноги, размяла затёкшую от сна в неудобной позе шею, прикинула в какой стороне её тепло-трасса. От поиска координат девушку отвлек оживший телефон. Его она повсюду таскала с собой. Не чтобы она рассчитывала на чей-нибудь звонок, но... как бы двулика не уговаривала себя выбросить телефон, надежда теплилась одиноким окурком на дне мусорного ведра.

Рукой смахнув с ресниц мешающие капли дождя, накрыв голову ветровкой, создав импровизированный навес, девушка судорожно вытащила из кармана штанов чёрную вибрирующую пластинку.

– Хоть бы не рекламщики... – бормотала Шельма, принимая неизвестный номер.

Знакомый женский голос выбил из лёгких воздух, со свистом вдохнув полной грудью, Шельма прокричала удивлённо:

– Мама!?! – то, что лиса до сих пор жива, да ещё и в состоянии позвонить, привело девушку в щенячий восторг, однако её утихомирил хриплый, будто от продолжительных рыданий голос:

– Прости меня, прости...

– Что? О ч... – опешила лисица.

– Надо было убить тебя ещё в утробе.

– ...

– Убить, а не приводить в эту обитель Смерти. Надо было убежать даже ценой своей жизни. Убежать, поймать пулю в затылок и уйти в иной мир без камня на груди.

– Мам?

Речь Лилит сорвалась на крик:

– Не называй меня так! Нормальная мать не позволила бы родиться своей дочери в борделе, да ещё и от такого дрянного семени! Какая мать не хочет лучшего для своего ребёнка!?! – крик затих до шёпота: – Твоё рождение изначально было ошибкой. Прости, прости...

На той стороне связи послышались всхлипы. Шельма смешалась, вонзив себе ногти в ладонь, прокашлялась, чтобы звучать увереннее, ответила:

– Я тебя прощаю. Пожалуйста, не кори себя так. Сейчас, сейчас у меня есть свобода. Возможно, это жиз...

– Пф! Свобода? Думаешь я не понимаю, в каком ты положении находишься? Твоя тюрьма сменила решётки на леса и горы! Не обманывайся.

– Я всего лишь оптимист.

– Ты дура.

На фоне послышался шум: стук, треск, голоса.

– Что там?

– За мной пришли.

– Не...

– Я тебя любила, люблю и всегда буду любить, в обите-

ли Смерти я буду поглядывать на мир живых, присматривать за тобой. – Смешок. – Помогу, чем смогу! – молчание. – Прощай.

– Нет!

Докричаться до абонента было уже невозможно. Телефон на той стороне континента выпал из ослабевшей руки на каменный пол. Экран разбился.

Утром уборщик выкинет бесполезный аппарат связи вместе с пропитавшимися кровью вещами.

По эту же сторону оборванной связи стояла под проливным дождём двулика. Она словно окаменела: не обращала внимания на промокшую одежду и волосы, на подбирающийся к коже холодок, на выпавший из рук на кеды телефон. Шельма замерла как в стоп-кадре, взгляд потерял осмысленность, остекленел. Спустя минуту губы её стали подрагивать, веки покраснели, а руки в треморе не удержали сползшую с плеч ветровку.

Нос шмыгнул раз, другой. Веки наконец-то моргнули, а безжалостное осознание накрыло Шельму с головой. Рот приоткрылся, зубы застучали, а из глотки вырвалось робкое: «Нет...»

Дождь напевал свою песню, разбиваясь каплями о землю, траву, доски лавочек; оглушительно шумел в пустой роще. Одинокий солист опустился на колени, те были не в силах держать, провыл хрипло и надрывно: «Не надо, прошу, нет. Забери свои прости назад... вернись, вернись ко мне...»

и стуча кулаками по брусчатке, выбивая брызги из луж, визжаще проорал: «Не трожь её, только не её... Не надо, умоляю! Пожалуйста, нет!...»

Не удостоился концерт зрителя. Остались стенания лисицы неслышанными. Только роца да вода окружали её.

Прошли долгие часы, уж дождь утих, а Шельма всё сидела, словно прикованная. Только когда небо очистилось, и время склонялось к закату, девушка встала. И тут же упала в лужу. Приподняв лицо от земли, увидела рядом телефон, тот лежал на небольшом возвышении, что спасло его от неминуемого утопления. Двудикая подняла телефон, отодрала себя от брусчатки. С усилием сделала шаг, ещё один.

Волоча ноги, пошатываясь, Шельма пошла навстречу реке, к мосту. Пока лисица совершала над собой невероятные усилия: тело, как и психика еле-еле справлялись с очередным ударом под дых, в квартире на двадцатом этаже суетилась прибывшая из Инсана женщина. Пока эти двое не подзревали, что буквально через полчаса пути их пересекутся и сплетутся, открывая двери новым возможностям. Ну а мы же оставим их в этом отрезке времени и вернёмся в настоящее.

Рири и болото

Будильник яростно забился о стенки эмалированного ведра в углу спальни. Звук противный, сродни пенопластом по стеклу, поднял меня быстро. Качественное и бюджетное средство!

Болтая руками и головой, будто их пришили к туловищу на два стежка и даже затянуть на узелок забыли, доковыляла до устройства пыток. Разбуженная Лепёшка мстительно кинулась мне под ноги.

Полёт, губа встречается с ведром, будильник всё ещё визжит, левая рука нечаянно схватила портьеру, срывая её с нескольких крайних петель. Утренний свет резанул по глазам. С пульсирующей губы на ковёр капнули бордовые капли крови.

Щурясь на свет, как упырь из мистических ужастиков, проклиная мысленно на все лады довольную собой Лепёшку, слабыми спросонья руками отодрала себя от пола. Поискала кошку, даже покыскала, но эта падла затаилась где-то и не издавала ни шороха. Ну ничего, я ж вечером вернусь. Вернусь и отомщу.

Злобно улыбаясь и строя планы на Лепёшку, прошлёпала босыми ногами в ванную.

Собиралась споро, старалась особо не шуметь, хотя после концерта с ведром довольно сомнительно, что Марриам до

сих пор крепко спит. Моя благодетельница направила меня сегодня в маленький городок близ столицы. Очередные переговоры по очередному филиалу. Хотя поехать должна была не я! Возможно, это моё наказание за последнюю перепалку со смазлёнышем во время торжественного открытия детского сада... но это того стоило! Спустя энное количество попыток мне наконец то удалось хорошенько вывести его из себя: мат, слетевший с его уст мёдом обвалок моё сердечко. А-ха-ха-ха, его смущённое лицо стоило сфотографировать и поставить в рамочку! А его глаза, когда он увидел Мари! Не передать никакими словами: для меня чистый восторг! В тот момент могла поспорить на свою почку, что после той сцены, щеночек убежал поплакать в тихом месте.

Видимо растравливать Макса на эмоции моя зависимость. Когда он попадает в поле моего зрения, аж скулы сводит и рот наполняется слюной, а мозг начинает генерировать идеи подъёма на полную мощь. Ох, ну и сволочь же я. Впрочем, ни о чём не жалею, ведь потом сама же и наладила его отношения с Марти. И даже то, что пришлось встать сегодня в пять утра и спешить на междугородний автобус никак не испортило мне настроение.

Типчики, с которыми мне пришлось взаимодействовать на встрече, оказались скользкими и мелочными. В прямом смысле – ликие вторая ипостась которых лягушки. Обосновался клан земноводных в сыром городишке. На всю площадь населённого клочка земли приходилось четыре озера,

ну это местные величали те лужи озёрами, на самом же деле зелёная вода цвела, ряска одеялом скрывала дно. Запах застоявшейся воды и плесени на фасадах домов добавлял общей картине угрюмости.

Потела я на встрече до обеда. Под конец мне удалось найти ключик к несговорчивым властителям местной администрации. После подписания бумаг они меня даже отпустить не хотели, так я им понравилась! Отшутившись, попрощалась со всеми, избегая званого ужина. Не знаю, чем меня хотели накормить, но от их компании уже начинало мутить.

Контракт-то мы подписали, но что можно построить на такой-то инфраструктуре? Ну да ладно, не мне над этим голову ломать.

Вырвавшись на улицу, промокнула пот со лба, огляделась. Под окнами жилых домов желтела трава. Улицы утопали в тени елей нездорового поносно-зелёного оттенка.

Навострила лыжи на автобусную остановку, она стояла в отдалении от городка, надо было пройти через лесок по тропинке, с которой опасно ступать мимо. Шаг вправо или влево и нога могла уйти по колено в вязкую хлюпающую топь.

Отбиваясь от мошкары и кусачих комаров, кое-как дошла до остановки. Без потерь не обошлось: мои классические броги не выдержали путь в обратную сторону – левый носок соскользнул с тропинки и обмакнулся по самую шнуровку в жижу; пиджак шаркнулся о ствол засохшей ели – привет затяжкам. В целом, терпимо.

Добравшись до крытой остановки, положила кожаный портфель для документов на лавочку, а сама присев на корточки, стала оттирать влажными салфетками обувь. Именно в такой позе меня застала притормозившая рядом машина. *Мало ли, может заблудились*, подумала я без задней мысли. Закончив приведение обуви в порядок, сложила салфетки квадратиком, распрямилась и забросила салфетки в мусорку. Мазнула взглядом по машине, повернулась к лавочке, но в сознании что-то стрельнуло молнией. Резко развернулась к автомобилю и с неверием уставилась на двуликого.

Мужчина вышел, снял тёмные очки, сложил их и убрал в карман бордового пиджака. Неизменная белая рубашка, брюки со стрелками и... серебро волос, краснота радужки глаз.

Я стояла неподвижно, не отрывая от Демона взгляда. Только он был в этот момент в моём фокусе, всё остальное расплылось, ушло на задний фон единым пятном.

– Здравствуй. – Двуликий сам подошёл ко мне поближе.

Ответила севшим голосом:

– И тебе не хворать.

Демон приподнял на мгновение брови, покачал головой, чему-то улыбнулся.

– Подвести?

– Мне в другую сторону.

– Разве? Эта остановка со стороны полосы ведущей в столицу. Я как раз направляюсь туда.

– А я направляюсь напрямик куда глаза глядят.

– Шельма, я думаю, нам стоит поговорить.

Медленно повторила:

– Поговорить? – обхватив живот руками, согнулась в искреннем хохоте, – а-ха-ха-ха-ха, да ты стебёшься надо мной, не иначе!

– Шельма... – Майкл сделал шаг вперёд.

– Замер на месте! Подойдёшь ещё ближе, и я что-нибудь сделаю!

Угрожать довольно бессмысленно, оба прекрасно понимаем, что я псу не соперник, однако мужчина послушался, обогнул меня по широкой дуге, сел на лавочку. Внимательно за ним следила, тоже присела, но на другой конец на самый край.

– Какого хрена ты здесь забыл? – заговорила первой, скрестив руки на груди, вперив взгляд в автомобиль.

– Одна из компаний Коткару согласилась обсудить с нами возможность сотрудничества.

– Да? И кто же?

– Южный луч.

Будто со скрипом повернула голову, посмотрела на профиль брата.

– Пиздишь.

– Нет. Разве я когда-нибудь обманывал Вас?

Не хотела выбирать выражений, общаться в прежней принятой, между нами, манере. Боязно, конечно, что после этой

милой встречи мой труп кинут в местное болото. Так почему бы тогда не высказаться в сласть?

– Завались, а? После того как ты бросил меня здесь, наигравшись, можешь говорить без обиняков. Всё равно веры в твои слова нет.

– Получается безвыходная ситуация: всё будет обращено против меня.

– Заслужил.

После непродолжительной паузы вновь подала голос:

– Когда границу с Рессам открыли?

– Месяц назад.

Немногим позже, когда меня нашла Мари.

– Хватит булки мять, быстрее излагай, что от меня надо, иначе опоздаешь на встречу. Марриам Вишня не терпит непунктуальных головорезов.

– Встреча завтра.

– Да плевать я хотела! Значит опаздываю я, не задерживай меня!

– После переговоров с Южным Лучом, вернись со мной домой.

Прочистила мизинцем ухо, переспросила:

– Куда, блять, вернуться?

– Домой.

На эмоциях, в основном на гнев, подошла к нему вплотную, наклонилась, заглянув в его зрачки.

– Демон, ты воспользовался мной, оставил здесь и убил

мою мать. Ты считаешь, что имеешь моральное право такое просить?

Майкл выдержал мой взгляд, спокойно сказал:

– Прошу прощения.

Руки сработали вперёд мысли: схватила двуликого за плечи, воткнула когти в тело. Уши и хвост моего зверя вылезли, первые прижались к волосам, второй яростно забил по ногам.

– Демон, я никогда не прощу тебя. Даже если ты сдохнешь самой позорной смертью, а кишки твои размажет по мостовой. Не прощу. Мы встретимся в обители Смерти без возможности на перерождение. Будем страдать и умирать в бесконечном цикле вечной пытки. Я буду наслаждаться твоими криками, а ты моими стенаниями. – Наклонила голову и сардонически усмехнулась.

Подушечки пальцев почувствовали под когтями кровь. Вот так непредсказуема судьба: в прошлом клялись в любви, а сегодня разорвала бы его на куски. Жаль, что не могу не только физически, но и психологически: этот выродок до сих пор откликается в сердце.

Майкл пришёл каким-то извращённым образом мышления к другим выводам, опустил взгляд в землю, огорошил меня:

– У Вас появился другой?

Отпустила его плечи, слегка толкнув. Вытерла кровь о штаны. Всё равно помру, беспокоиться о вещах больше не

имеет смысла. С ненавистью в голосе произнесла:

– Шутишь что ли? Чтобы с кем-либо спать, сначала надо пройти с партнёром молекулярно-генетическую экспертизу. Чем Богиня не шутит, да? А то моё ментальное здоровье второго такого шока может и не пережить.

На лице двуликого проявились желваки, сжав кулаки, возразил:

– И что с того? В чём проблема? Разве для любви существуют запреты?

– Для всего существует понятие хорошо и плохо! Везде есть граница между можно нельзя, нормой и патологией!

– Мои чувства не изменились.

– Зато я уже не прежняя не сведущая идиотка!

– Почему родство для вас преграда? Вспомните как мы прекрасно общались, поддерживали, любили друг друга. Если Вы не можете переступить через такую мелочь, то обещаю больше к Вам не прикасаться, просто будьте рядом. Этого мне будет достаточно.

Его доводы всколыхнули самые яркие моменты совместного времяпрепровождения, тошнота поднялась волной. Хватило сил добежать до мусорного ведра. После того как меня перестало выворачивать, разогнулась, вытерла рот рукавом.

Майкл смотрел на меня с сочувствием и нежностью. От такого взгляда по телу пробежала дрожь, желудок вновь скрутило, но рвать больше нечем.

– Раздражаешь. Отвернись.

Майкл встал, прошёл к машине.

– Может всё же подвести?

– Обойдусь.

– Шельма, Вы, наверное, расстроены, не в состоянии трезво оценить ситуацию и мою просьбу. Я дам время. Позже спрошу Вас ещё раз. Пожалуйста, обдумайте тщательно. Теперь в Рессаме безопасно. Вернётесь же Вы на правах моей жены или сестры мне не важно. Я Вас люблю. Больше ничто не сможет нас разлучить.

От подобного бреда разболелась голова, потёрла пальцами виски.

– Для чего ты это говоришь? Чтобы я тебя похвалила? Зачем? Из меня больше не извлечь выгоды. Ни поддержки ни тем более любви больше от меня не увидишь. Вернувшись, буду глухо ненавидеть. Не трать время впустую: моё мнение о тебе никогда не станет прежним.

– Если Вы поедете со мной в Рессам, я постараюсь вернуть ваши чувства.

Не сдерживая гнев, заорала:

– Да мне проще сдохнуть, чем делить с тобой, ублюдок, кров или постель!

– Шельма, я понимаю...

– Закрой хлебальник! Демон, ты болен! Чокнутый маньяк! Забрать с собой ты сможешь только мой труп! Сделай из меня чучело и любуйся им сколько угодно! Но чувства

мои не трожь!

– Я сменил политику Иблиса. Мы больше никого не...

– Не ликвидируете? Молодец! – подлетела к нему, дёрнула за ворот рубашки, прорычала в лицо: – сколько бы ты ни строил из себя благородного ликого и паиньку, в душе навсегда останешься кровожадным психом. Двуликие не меняются. Демон, мы с тобой не исключение.

Отпустила его воротник, пригладила ладонью складки. Перешла дорогу, махнула рукой на прощание.

Пёс посмотрел в след, сел в автомобиль и приказал ехать дальше. На этом наши с ним пути окончательно разошлись. По крайней мере, я на это надеялась.

Чаяниям не удалось сбыться.

* * *

Перейдя дорогу, нашла тропинку, о которой говорили лягушки. Между столицей и городком, минуя болота, по лесу пролегла достаточно утоптанная тропа. Прикол в том, что несмотря на автобусы и другие виды транспорта, ликие всё рано пользовались этой дорожкой. В отличие от асфальтированной дороги, которая проходила большими заворотами на деревеньки и посёлки, тропа шла почти напрямик. Конечно, пешком дойду до дома примерно к утру, однако в этом я сейчас и нуждаюсь – долгой монотонной прогулке наедине с собой. Так я прочищу разум и утихомирю бурю в душе.

Умеет же гад делать больно. Сам не отвечал на звонки, первым предал, и всё так перевернул, что это я, оказывается, просто всё вижу в сером свете! Расстроилась, видите ли! Придурок! Ноль эмпатии! Чему, по его мнению, я радоваться должна? Тому что убил мою мать? Так я не он, чтобы хлопнуть в ладоши над могилами своих предков. Да даже будь у меня возможность, на отца бы рука не поднялась.

Хотя ругать Демона довольно лицемерно с моей стороны. Сама разве лучше его? Знала же, как он добился власти, чем её удерживал и куда дел мятежников. И при этом вполне спокойно спала с ним в обнимку, улыбалась, гладила по голове. А стоило его тёмной стороне коснуться меня, так всё – с плохишами не дружу!

Интересно, а если бы Демон не отправил меня в Коткару и мать была жива, я бы так и продолжала играть в вежливость и слепо любить? Наверняка. Слабой тупой приспешницей быть проще, чем идти против могущества главного злодея.

Шаг за шагом мысли сменяли друг друга, пару раз доведя меня до истерического смеха, пару раз скручивало в желании опорожнить желудок. Психика крошилась крошкой песочного печенья. Надо срочно выпить, отключиться. Иначе раздумья загонят меня в тупик. Если зверь вырвется из-под контроля, самостоятельно прийти в себя не сумею.

Освещение, пробивавшееся сквозь ели, тускло обозначало границы тропинки. С сумерками различать что-либо под

ногами стало трудновыполнимой задачей. Когда меж деревьев в полной темноте показался отрезок трассы, подсвечиваемый фарами, без сомнений пошла в ту сторону.

Увиденное меня заставило протереть глаза. На дороге в прожекторе фар припаркованных машин собрались знакомые лица: Мари и Ал, их подчинённые, какого-то ляда там же мялся Макс, Демон со своей свитой почему-то оказался с ними.

Я наблюдала за обстановкой, но разговор доносился до меня урывками. Пиротехник с женой подожгли один из автомобилей. Всё озарилось пламенем, благодаря чему отчётливо увидела, как из машины Майкла вышел мужчина, вытащил из кобуры ствол и начал принимать стойку для точного выстрела в Макса? Зачем им мой недотёпа?

Зверь внутри меня рыкнул, придал сил для разгона и рывка. Единственное что успела заметить, так это глаза Демона. Они наполнились... ужасом? Почему? Ведь я для тебя на самом деле ничего не значу. Или...

Как ни была бы быстра мысль, она не успела сформировать какое там *или* возможно, погасла одновременно с немягким приземлением на холодный асфальт.

Марриам и пламя Пиротехника

Ночь. Мы гнали по автомагистрали как сумасшедшие, переднее приоткрытое окно выдувало из салона стойкий запах сигарет. Что бы я ни говорила Леоне, а беспокойство нас съело. Знать наверняка, жива ли Любочка, мы не могли, Леший лишь смог выяснить у леса по какой дороге проехала искомая машина.

Перехватить их было нашей первоочередной задачей. Вдруг Ал мигнул фарами, ускорился и выехал на встречу, впереди я увидела внедорожник. Леший обогнал их, проехал вперёд и резко развернул автомобиль поперёк дороги, в свою очередь я сделала то же самое, перекрывая пути отступления. Долго Ал не ходил вокруг да около, а просто разбил топором окно водительского места, просунул руку, открыл заблокированные двери. К этому моменту вышла я и начался замес, правда произошло всё слишком быстро: довольно слабые попались противники. Любочки в салоне не оказалось, обошли машину, слышали шум в багажнике. Леший отрыл его и на свет дорожного фонаря появилась наша сестричка. Как только разрезали верёвки, полился отборный мат, через пару минут, уже вылезшая из багажника принцесса стала выдавать связные мысли:

– Да какого хрена всё произошло как во второсортном боевике с канала для домохозяек?

– А чего ты ожидала от них? – Усмехнулся Ал.

– Ну как минимум перестрелки во время погони! – поправляла свои рыжие пряди ручками. – А где мой милый? Почему его здесь нет? – сказала, озираясь по сторонам.

– Я уже здесь! – выскочил из-за моей машины Пиротехник. Согнулся пополам в попытке отдышаться.

– Какого ляда ты такой запыхавшийся? Бегом нас догонял? – огонёк от зажигалки мелькнул в отражении очков Лешего, я прикурила очередную сигарету. Мне никто не ответил, так как парочка неразлучников начала проявлять свою внеземную любовь глубокими поцелуями. – Пиротехник, с тебя убрать последствия нашего веселья, не желаю, чтобы на этой территории засветились наши следы. Делай что хочешь.

– Несчастный случай? – отцепившись друг от друга, уточнил наш брат тихоня. Я ответила ему кивком, положила окурок в карманную пепельницу. Мы с Лешим уже было разошлись по своим машинам и поехали назад, как с двух концов дороги появились отсветы фар. Из машины, которая подъехала со стороны столицы, выбежал взволнованный Макс. Он подбежал ко мне, внимательно осмотрел, даже осмелился ощупать на предмет ран. Я не дёргалась, стояла ровно, наблюдала за его милым личиком, которое сейчас изображало предельную серьёзность.

Немногим позже остановилась другая машина, которая направлялась в город и которой мы устроили затор.

Пассажирская дверь чёрного внедорожника открылась,

вышел высокий двуликий. От него несло кровью, волосы переливались серебром в лунном свете. Моё тело напряглось, мышцы пришли в готовность сражаться. Спутники уловили мой недружелюбный настрой.

Демон виновато улыбнулся, отчего стало мерзко на душе: не он ли совсем недавно инициировал этот ночной забег укради-шантажируй?

– Добрый вечер, дамы и господа. Могу ли попросить вас, дать нам проехать?

От подобной неуместной вежливости свело челюсть в желании перегрызть наглецу хребет. К чему этот цирк? Не видит, что ли, как на обочине разбитую машину его приспешников Пиротехник с маниакальной улыбкой обливает керосином?

Пёс наклонил голову набок как бы повторяя свой вопрос.

– Вам больше некуда так спешить, почтенный. – Ответил Леший.

Я кивнула. Хотела подойти ближе, но Макс придержал меня за лацкан пиджака. Ухмыльнулась, объяснила издали:

– Марриам Вишня. Это я и моя команда договорилась с вами провести завтра переговоры. Но так как нам довелось убедиться в ваших непорядочных манерах в ведении этих самых переговоров...

По установившейся традиции Ал продолжил за меня:

– Мы разочарованы. Прежние договорённости разрываются. В дальнейшем разрешим конфликт на доступном и

привычном вам языке.

– О чём вы говорите? – казалось, пёс правда был сбит с толку. Он сделал шаг в мою сторону, но Макс встал между нами. Его волчьи уши недобро прижались к голове.

Демон поднял руки, показывая, что в них ничего нет.

Все замерли. Пульс будто стучал в ушных перепонках.

– Наверное, произошло какое-то недопонимание. – Начал оправдывался главарь Иблиса.

– Наверняка. Оно произошло, когда вы позарились на нашего человека. – С прохладцей в голосе согласился Леший. И говорил он явно не только о Любочке, но и об Эмиле.

Демон впал в ещё большую задумчивость. Его алые глаза смотрели сквозь затор наших машин. Стояние без дела действовало на нервы: волчица просилась на волю, порвать в лоскутки сучёныша, позарившегося на мою семью. Вновь чикнул затвор зажигалки, вновь задымился кончик сигареты. Макс посмотрел на меня с удивлением и неодобрением. Ха, малыш, свяжешься со мной и не на такое насмотришься.

То, что произошло далее, потрясло всех присутствующих. Не успела я затянуться второй раз, как буквально из ниоткуда в свет фар выскочила Рири. Стремглав, словно змея в смертельном прыжке, найдёныш прыгнула с разбегу на плечи Максу. Под весом неожиданного нападения со спины колени волка подкосились, он повалился на асфальт. Во время их совместного полёта прогремел выстрел.

Упали двое, вскочил обратно на ноги только Максимили-

ан. Все в шоке устремили взгляд в сторону, откуда послышался секунду назад оглушающий хлопок. Там, за открытой задней дверцей машины Демона стоял в стойке какой-то ликий. В руках держал пистолет.

Макс перевернул Рири на спину, из уголка её рта текла бурая кровь. На пса в это мгновение страшно было смотреть: радужки его глаз и без того красные, казалось поглотили весь белок и точки зрачков; на лице его застыл ужас вперемешку с яростью, оно приобрело поистине дьявольское выражение. Прозвище своё он полностью оправдал не только этим выражением, но и последующим мгновенным броском в полуформе к выстрелившему подчинённому. Пёс голыми руками с выступившими когтями порвал мужчину. Зрелище было настолько ошеломляющим и мерзким, что Ал – мастер пыток, приоткрыл рот, а очки решили сползти на кончик носа. Макс, который зажимал огнестрельную рану в груди Рири, замер, увидев, как ошмётки тела подлетают выше крыши машины и со шмяканьем и хлопом разбиваются о дорожное покрытие.

После расправы, на которую ушло не больше тридцати секунд, Демон подошёл к распростёртой двуликой, упал на колени, протянул к ней руки, но Макс ударил его когтями по кистям, зарычал, подтянул девушку к своей груди. Безвольное обмякшее тело словно кукла смотрелось сюрреалистично, учитывая, что двулика обычно кипела жизнью и даже во сне постоянно дёргалась и бормотала.

Демон опустил свои руки. По окрашенным бордовой кровью щекам потекли две чистых дорожки слёз. Приобрёл пёс вид жалкий и разбитый, настолько, что сложно было поверить и соотнести с ним картинку расправы, которую он учинил совсем недавно.

– Если будем сейчас слёзы лить, то она и вправду скоро умрёт. Даже регенерация не спасёт от большой потери крови. – Взяла я слово среди молчавших.

Демон потерянно на меня посмотрел. Я подошла, наклонилась, чтобы поднять Рири, пёс вцепился рукой мне в предплечье, Макс бросился в сторону главы Иблиса. Мой громкий рык остановил обоих.

– Ты ей ничем уже не поможешь! Ближайшая больница в столице. Но тебя там никто не ждёт! Понятно объясняю? – схватила пса за отворот пропитанной кровью одежды, прорычала ему в лицо: – сунешься или поедешь за нами, убью, не раздумывая. Понял, урод?

Скрежеща зубами, двуликий спросил:

– Обещайте, что не дадите ей умереть.

Наши взгляды испепеляли друг друга, звери схватились в ментальную схватку. Противостояние прервал Леший: подхватил за шиворот Макса, забросил его в машину, поднял Рири, уложил её к волку, сел, уехал.

Демон отпустил меня, опёрся ладонями на холодный асфальт, весь как-то обмяк, феромоны перестали давить, аура насилия и агрессии враз растворилась в дуновении ветра.

Я поднялась, посмотрела на него сверху вниз.

– Она будет жить. Мы не позволим так глупо погибнуть нашей сестре.

Демон с загоревшейся надеждой и благодарностью? в глазах, посмотрел, наклонил корпус ниже к земле, уложил руки в жесте глубочайшего раскаяния или просьбы.

– Умоляю, Вас, не причиняйте ей боли. Не издевайтесь, не губите. Она не заслужила всего плохого, что выпало на её долю. – Демон приклонил голову, коснулся лбом шершавого покрытия. – Умоляю, не вредите ей. Прошу...

И слышался в этом прерывающемся голосе плачь утопающего, умирающего. Будто не лиса пошла на встречу с Богиней, а он сам пересекал черту невозврата.

Я присела на корточки, приподняла голову двуликого за подбородок.

– Разумеется, мы к ней расположены. Я не держу рядом игрушек для пыток. О своих ликих забочусь со всей бережностью и любовью. С ней всё будет в порядке. Тот дух, что её увёз, поспеет вовремя. – Отпустила пса, встала. Раскурила очередную сигарету. – И ещё можешь быть уверен в одном: я самолично перегрызу тебе глотку, убудок, – прищурилась, изогнула губы в оскале: – как только займётся рассвет следующего дня, мы приедем в этот ваш Рессам поставить точку в наших запутанных отношениях.

Мужчина пропустил слова мимо ушей, или просто до сих пор был в шоковом состоянии.

– Прощу... передайте ей, когда она очнётся...

– А не многого ли ты хочешь? – вскрикнула Любочка из-за спины мужа.

Остановила её возмущения вскинутой ладонью.

– Говори.

– Я её не бросал. Не предавал. Так сложилось, что вырваться к ней не было никакой возможности!

– Возможность есть всегда, было бы желание. – Опять подала голос одноликая.

– Это всё? – спросила, убирая окурок в складную пепельницу.

Демон кивнул и больше не поднял головы. Его приспешники сидели в машине, не осмеливаясь высунуться. Я же развернулась, кивнула своим, расселись по машинам и поехали в столицу. В той стороне занимался бледно-голубой нитью рассвет, позади же остался сидеть Демон в отблеске пламени горящего автомобиля похитителей.

Первым делом, въехав в город, направились в больницу. Леший позвонил, сказал, что извлечение пули и переливание крови прошло успешно и своевременно. У палаты Рири меня остановила рыжая бестия:

– Ты ей передашь его слова? – спросила Любовь.

– Нет. И тебе не советую.

– Почему?

– Всей правды ей лучше и не знать. Так будет легче... отпустить прошлое.

– Не перебор ли решать за них, что будет лучше?

– Не ругайся. Разве я хоть когда-нибудь действовала во вред своей семье?

Любовь нахмурилась, опустила глаза в пол, признавая мою правоту.

В палате сидели Ал и Макс, Рири спала. Найдёныш выглядела как фарфоровая кукла: кожа её казалось просвечивала, настолько была бледна.

– Когда выезжаем? – поинтересовался Леший.

Любочка ответила:

– Мы с мужем созвали всех наших. Они будут нас ждать на точках съезда. Примерно через два часа можно будет выдвигаться.

– Куда?... – приподнял бровки, ссутулившийся на стуле Макс.

– Вас это не касается Максимилиан. – Немного грубо, но зато по факту отрезала однолика.

Волк посмотрел на меня большими влажными глазами, в душе его явно царили сейчас противоречивые чувства: разве мог он ожидать от Рири подобного поступка?

– Макс, тебя это правда не касается: стая Белых никаким боком не должна быть причастна к разборкам группировок. Считай это небольшим противостоянием между Иблисом и Кара Чия.

– Кара Чия?! Разве существование той исчезнувшей группировки не миф?!

Леший укоризненно на меня посмотрел, с посылом: «Ну и зачем ты его пугаешь?»

Посмотрела в ответ с мыслью: «Чтобы наверняка не сунул свой нос куда не следует».

Любовь хлопнула в ладоши, привлекая наше внимание.

– Всё обсудим по дороге! Хватит беспокоить сон сестрички. Пойдёмте-пойдёмте!

– Врачи вообще не разрешали никому здесь находиться... – вставил слово волк.

– Правда?

– Да, но я был слишком пугающе убедителен. – Ответил Леший.

Мы вышли в ярко освещённый коридор. Медсёстры наблюдали за нами из укрытия стойки поста. Игнорируя чужие взгляды, высыпались на парковку. Там ещё раз потолковали с Максом о том, что его вклад здесь, в Коткару куда необходимее, чем увязываться за нами. Вроде бы наши аргументы убедили парня.

Я взглянула в окно больничной палаты Рири. Нехорошее предчувствие смахнула на общее перевозбуждение и утомительность предстоящей поездки.

Серебряный Демон

Машина, а вместе с ней и последняя возможность увидеть лисицу скрылась за горизонтом. Жар пламени уже нестерпимо грел воздух рядом, угрожая подорвать всё вокруг вместе с бензобаком. Майкл поднялся на неслушающихся ногах, доковылял до своего автомобиля. Приоткрыл дверцу, бросил последний раз взгляд в желтеющие полосы плотных облаков на горизонте, прошептал:

– Простите, Шельма, я не смог...

Когда автомобиль с регистрационными знаками округа Рессам отъехал на приличное расстояние в ту сторону, откуда и приехал, раздался взрыв. Столб чёрного дыма долго виднелся в зеркальце заднего вида.

Серебряный Демон и Шельма

Я хотел избавить Рессам от грязи. Месть играла лишь второстепенную роль...

...всеми презираем в прошлом, никем не понят в настоящем. В лицо льстили и пресмыкались, за спиной провожали злобным боязливым взглядом. Только Вы смотрели на меня по-особому, только Вы подарили мне искренность и ласку. До встречи с Вами я не верил в существование таких возвышенных, неземных чувств, а если, где и слышал о них, считал блажью и слабостью. Слабостью, которую не должны допускать подобные мне – беспринципные вершители чужих судеб.

Вы вдохнули разнообразие, эмоции в моё брренное, наполненное жестокостью существование; дали мне надежду на светлое будущее; скорректировали мои цели, но, к сожалению, всего этого оказалось недостаточно, чтобы изменить мою сущность. Я мог лишь притворствоваться перед Вами, вилять хвостом, угождать, пряча окровавленные руки.

В тот день, когда я не смог Вас вовремя спасти, найдя значительно позже необходимого в могиле, моя уверенность в себе и непогрешимость в действиях разбились вдребезги. Боль, испытанная Вами, разрывала мою душу.

Поверьте, в отправке в Коткару не было злого умысла: параллельно развернувшейся драме подвернулось дело, не тер-

пящее отлагательств. Я никогда не жаловался Вам в вечерних звонках, насколько тяжело мне давалась наша разлука.

День ото дня я продолжал приносить в Вашу комнату маков букет. Каждый день наблюдал как рассвет полыхает в красных лепестках. Со временем перебрался в Вашу спальню. Мне везде мерещился Ваш феромон, будто впитался в стены; он корнями пророс в моё восприятие действительности, искажая всё вокруг...

...когда мне доложили о беде, случившейся с Вами, я тотчас устремился на помощь, но на пути встало слишком много преград. Хотя какое я имею право даже мысленно пытаться оправдать своё бездействие? Кома, в которую меня проводили члены враждующей с Иблисом группировки, никоим образом не обелит меня в Ваших глазах, которые смотрят теперь на меня как на демона, коим я и являюсь.

Единственное в чём виноват, так это в смерти Вашей матери. Она сама напросилась на встречу. В тот день я вышел из комы, и кто-то придал огласке мою кровную связь с бывшим главой. Её крик и ругательство, обрушенное на меня в тот вечер, сотрясали стены серого дома. Тогда я старался всё спустить ей с рук, но она совершила непростительную ошибку – опередив меня, позвонила Вам... Надо было сразу позвонить следом и опровергнуть её слова, но я не смог. Не смог бы солгать...

...я Вас не бросал, даже не имея возможности подослать своих подчинённых в Коткару, чтобы вызволить Вас, про-

должал каждый день молиться Богам о Вашем благополучии и надежде на новую встречу...

Молитвы мои были услышаны. Только теперь я Вам не нужен... Ваша грубость, отчуждение и проведение, между нами, черты, по началу сбили меня с толку. Но затем благодаря стечению безумных обстоятельств – не собирался проливать кровь потенциальных партнёров, но в мои ряды затесался предатель; Вы же умело воспользовались возможностью: доказали свою нынешнюю позицию и предпочтение, защитив того двуликого мужчину, внесли ясность... на место моё нашёлся другой. Что ж пусть будет так, как решило Ваше сердце, мне же остаётся только отступить. Отступить в объятия Богини Смерти. Мне незачем жить – без Вашей безусловной поддержки мне ничего не нужно: ни власть, ни Рессам с Иблисом, ни небо над головой...

...умирая, захлёбываясь собственной кровью в заброшенном амбаре, среди своих приспешников, всеми мыслями стремлюсь к Вам... моей единственной любви, моей слабости и опоре, моей радости и моему горю...

...остаётся только верить в Ваше проклятие... сдержите своё слово, найдите меня в обители Смерти. Но прошу, не торопитесь умирать, проживите долгую жизнь... забудьте меня и постройте крепкую семью с тем, кто Вас достоин... благословляю Вас и отпускаю...

...пожалуйста, будьте счастливы, моя королева, хозяйка моей души, единственная отрада и ценность моей погасшей

жизни...

Шельма, Ваш верный раб готов вечно Вас ждать в обители
Смер...

Амбар

Посреди одиноко стоящего огромного амбара, в котором не было окон и были перебиты лампы под сводом железной крыши, лежали люди в причудливых неестественных позах, можно было подумать, что они пьяны и крепко спят, если бы не сильный запах крови.

Тёплый душный ветер задувал в открытые настежь двери, одна из створок противно поскрипывала. Снаружи трепетала сухая жёлтая трава, покрывавшая всё поле, которое уходило необъятным одеялом за горизонт. Над землёй низко нависали насыщенного тёмно-синего цвета тучи. Вдалеке виднелась плотная пелена, там же сверкали белые молнии, гром не достигал ушей, стоявших рядом с амбаром людей. Казалось, им было всё равно, что их тоже скоро накроет дождём.

– Проверил, всё чисто, можно уезжать. – Мужчина в сером костюме тройке подошёл к высокой, статной женщине. Они ещё что-то тихо обсудили и сели в машину. Остальные однополовые последовали их примеру, быстро рассаживаясь по своим железным коням, машины друг за другом выехали на трассу и поехали туда, куда указатель показывал «Коткару 2000 км». Живые разъехались, оставив на пустыре стоять разбросанные в беспорядке автомобили, чьи хозяева остались лежать в тёмном амбаре.

Побег из больницы

Телевизор в палате показывал фотографии с места происшествия. Но какой в этом смысл? Цензура превратила снимки в сплошные пиксели всех оттенков красного.

«Добрый день, в эфире новости *** и с Вами я – ...»

Поступают тревожные вести от наших коллег из области Рессам: ночью произошло крупное вооружённое нападение одной криминальной группировки на базу другой. Предположительно, погибшие в прошлом входили в одно крупное объединение, но после насильственной смены главы группировки, силы разделились, поделив территорию. Что стало причиной их последнего конфликта, пока выяснить не удалось, все участники найдены мёртвыми, свидетели не обнаружены. Временный глава области Леонард Тихий пообещал дать развёрнутое объяснение случившегося. «Несмотря на зверство и безумие произошедшего, теперь экономика Рессама может вздохнуть с облегчением и расправить крылья» – прокомментировал бизнесмен. Далее после рекламы...».

Слушать дальше мы не стали, молча сидели и думали о своём.

Леона после затянувшегося молчания, разбавила своим приятным голоском больничную тишину:

– Сегодня возвращаются Ал с Марриам, прощаются со своими братьями и сестричками. Не думала, что их группи-

ровка обладает такой мощью. В этом плане одноликие удивительны: такие хилые с виду, но предприимчивые и беспощадные внутри.

– В этом нет ничего удивительного. Таков менталитет одноликих.

– Я говорю, что это странно, потому что Ал и Марриам дух и оборотень. Как они смогли под своим началом объединить стольких обычных людей?

Я вздохнула.

– Да, это и правда чудесно.

Леона в кои то веки проявила эмпатию.

– Тебе наверняка тяжело пока разговаривать. Всё же крови ты потеряла прилично. Лежи, набирайся сил.

Подруга похлопала меня по руке, из которой торчали катетеры.

– Спи, я пойду домой, не буду мешать. Вечерком к тебе заглянет Макс. Сейчас он во всю суетится на кухне, шаманит тебе укрепляющие тело бульоны.

Ничего не ответила. Смежив веки, опять провалилась в целебный сон.

* * *

В разбитое окно хлестал дождь. Ветка, разбившая стекло, валялась искорёженной змеёй на полу, ощерив острые щепы свежей раны. Вертикальные полосы жалюзи свисали вдоль

рамы на единственной уцелевшей левой нити.

Хлопки сжигаемого молниями кислорода подстрекали на жалобный вой сигнализации стоявших под открытым небом машин. Промозглый сквозняк забирался под моё одеяло, и не было от него спасения, как от тьмы обесточившегося здания больницы – совсем недавно одна из молний поразила стоявшую неподалёку в низине электростанцию, яркие фиолетовые искры разлетелись вспышкой бенгальского огня.

Топот и крики медперсонала, бегающего по коридору, заглушались на фоне музыки неистовства стихии.

Осень припасла напоследок свой прощальный подарок. Что ж, было бы расточительством, не воспользоваться такой щедростью. Топот ликих в белом приближался к моей палате.

Без долгих раздумий завернулась в одеяло, дабы не оцарапаться о зубья стекла, торчавших в раме. Подошла к окну, в лицо ударили хлёсткий ветер с больно бьющей армией агрессивно настроенных капель.

В дверь постучали. Я вывалилась вниз.

* * *

Свист ветра, треск веток, раскат грома, цветное шоу от изысканных ценителей прекрасного – молний, эти раскалённые дизайнеры раскрашивали тучи в ужасающие душу краски: от ослепительно-белого до лилового впереди, от исси-

ня-чёрного до бордового вдаль, от красно-оранжевого до рыже-коричневого на западе, там гроза потихоньку изживала себя, облегчённые облака грелись в лучах заходящего солнца.

Тьма леса уступала свету всполохов молний, что давало мне возможность, хоть приблизительно понять в какую сторону легче ступить. Кем-то протоптанная дорожка сейчас взяла на себя роль стока, отводящего излишнюю воду. В мутной бегущей жиже невозможно было ничего разобрать даже с редкой подсветкой небесного электричества. Мелкие камни, ветки и прочий сор ранили голые ноги, словно кусачие муравьи решили заживо содрать с меня кожу, но другого выбора не было – лес по краям тропы стал совершенно непроходимым, туда почти не долетали крохи света, там валежник громоздился будто бобровыми плотинами, чиня повсюду препоны.

Стенания природы вторили моим рыданиям и крикам. Лиса рвала душу в лоскутки, норовя выйти на волю. Последние адекватные мысли удерживали шельму на цепи, не давая потерять в раздразненных чувствах человеческую ипостась. Обращаться во вторую личину в текущем положении дел смерти подобно: уйду в себя сейчас, не найду потом ментальных сил обратиться обратно.

Чем-то обжигающим затопило левый глаз. Наверное кровь.

Сжавшиеся в судороге пальцы уступили натиску повален-

ного за моей спиной дерева – крючковатые ветви схватили и подмяли под себя одеяло. Ну что ж, значит ему нужнее.

Промокшая больничная рубашка и тонкие голубые штаны облепили моё уставшее тело. Кожа немного посинела, обтягивая дрожащие в треморе конечности.

Не поняла, когда закончилась гроза, просто в какое-то мгновение стало тихо. В глаза зарядил луч солнца, сверкая в каплях воды на ресницах. Такой ненатуральный и лицемерно радостный после учинённого погодой каприза. Разве этот поганый луч не понимает, что он здесь и сейчас совершенно не к месту? Разве этот раздражающий проходимец не ведаёт, что больше всего в данный момент не хочется видеть его неомрачённое веселье? Над кем ты насмехаешься, светило? Катись себе отсюда, дай в одиночестве свариться в самоуничтожении.

Я со злостью отвернулась от бесившей меня, развернувшейся на западе картины. Вперив взгляд под окровавленные, саднившие ранами ноги, увидела сквозь слёзы нежную, ярко-зелёную траву, она ковром покрывала небольшую поляну на холме. Мокрая трава лизала ступни, даря им облегчение.

На вершине холмика ноги подкосились, опуская меня на манящую подложку растительности. Когти вцепились в ковёр, вгрызаясь в хлюпающую землю. Голова бессильно повисла, а грудь сдавило обручем невысказанных слов. Дыхание свистело, противно отдаваясь в лисьих ушах; зубы стучали, позволяя вырываться стонам из сорванной глотки.

Мир кружился перед глазами цветными осколками калейдоскопа, а мысли, на долю секунд уgomонившись, сквозь свист и стон вылились в вполне оформленные предложения.

Что ещё должен был сделать этот ублюдок, чтобы моё грёбаное сердце враз забыло его? Что ещё должно было произойти, я мать твою, судьба, спрашиваю, чтобы остались только ненависть, страх и обида? Почему?! Почему?! Я боюсь, я отвергаю, меня выворачивает наизнанку от отвержения при воспоминании, и притом ядовитая боль режет немилосерднее ножа мясника? И при всём при этом я люблю те сладкие мгновения, в которых пребывала в неведении. Зачем?! Почему ты, Богиня отбросов, Богиня Смерти, о великая и беспощадная, оставила меня здесь? Зачем?! Чтобы я сгорала на земле в огне раскаяния за все свои грехи? Так выдели же мне место в твоей обители! Слышишь?! Ты! Отправь меня к нему! Прошу... Я о многом его не спросила... Я во многом его не простила...

Последние лучи светили мне в спину, простилая мою тень вперёд, вниз по склону, словно указатель, направление к действию. В той стороне, сквозь поломанные молодые сосны виднелся обрыв. Должно быть, внизу обрыва бурлила река, которая обвивала низины синих гор.

Ха, демоны ведь должны держаться вместе?

Резкий рывок, подпитываемый клокочущим гневом. Бег вниз со склона по скользкой траве. Уже виднеется река, её воды, как чешуя змеи, поблёскивает в отражённом лу-

ной свете. Последнее усилие. Дыхание обрывается, слышится хруст рёбер. Тело откидывает назад.

Что это? Рука? А нет, показалось. Будто появившаяся из *ниоткуда*, толстая ветвь преградила мне путь к трусливому забвению. Коряга непоколебимо торчит из жалкого огрызка некогда широкого ствола, изогнувшись параллельно краю обрыва. Хотя это я побеспокоила её покой, налетев на неё, мне, наверное, стоит перед ней извиниться?

– А-ха-ха-ха-ха-ха, ты не хочешь моей смерти? А-ха-ха-ха, я тебя услышала, кем бы ты ни был. Хо-ро-шо.

Спина отдыхала на траве, глаза упирались в небо, сердце забрело в тупик.

– О-хо-хо, а ты до сих пор импульсивна, лукавая. Я тебя в городе искал, а ты тут отдыхаешь. Откуда столько крови? Эх, вот и оставь тебя всего на пару месяцев одну.

Голова с трудом повернулась на звук хриплого, старушечьего голоса. В россыпи звёзд, в ворохе тряпья сидел на корточках мужчина.

– Феликс?

– А ты кого-то другого ждёшь?

– Феликс. Он умер.

Старик не ответил, подошёл гуськом поближе, приподнял меня за затылок, приложил горлышко бутылки к приоткрытым губам. Сорванное горло зажгло расплавленным железом, ядрёный запах забил нос. В пищевод понёсся ром, изгоняя холод и последние связные мысли. Я захлёбывалась и

стонала. Феликс гладил меня по спине приговаривая:
– Вот так, вот так. Скоро станет легче.

Обстоятельство последней встречи

Луна уже убежала в сторону устья реки, скрылась за правым утёсом обрыва. Лес по ту сторону серебристого потока чернел, уходя за линию горизонта. Температура по шкале ртутного столба опустилась ниже нулевой отметки. Ветер больше не колыхал травинки: те сковал иней.

Двое подвыпивших ликих сидели на поляне, вытянув ноги к пропасти, ступами упирались в камни. Дыхание разгорячённых разговором и алкоголем тел вырывалось облачками пара, будто собеседники раскуривали кальян.

Закончилась одна бутылка, почали следующую.

Рири поначалу сильно распялялась, выливала накопившееся хаотично, эмоционально. Феликс мало что улавливал из потока бессвязных ругательств, но спустя пару часов, когда лисица успокоилась, картина произошедшего собралась воедино. Мужчина даже стал понемногу отвечать девушке, гармонично подкидывая фразы в её монолог.

– Знаешь, произошедшее дерьмо ранит меня не так сильно, как осознание того, что не знай я всей правды, а главное – не брось он меня в Коткару, я бы до последнего часа своей жизни была бы ему верна. – Рири беззвучно посмеялась. Внешний вид двуликой и так оставлял желать лучшего, а вкупе с порой высказывающимися истеричными смешинками она походила на буйнопомешанную. Девушка запроки-

нула голову, присосалась к горлышку бутылки, опустошив несчастную насухо, продолжила мысль: – Ха, я ничтожная личность! Погладь меня по голове, да прикорми и я буду служить какому угодно благодетелю! Хоть психопату, хоть врагу всего живого! В лепёшку расшибусь, но услужу. Мерзко?

Проводив взглядом исчезающую с отчаянным бульканьем жидкость в стеклянной бутылке, Феликс пробормотал: – Терпимо.

Как-то враз лишние эмоции отпустили лисицу, осталась только печаль. И чувство это, ничем не прикрытое, пропитало реплику девушки, да так, что треликому кольнуло сердце. Расставаться не хотелось, по крайней мере, сейчас это обстоятельство последней встречи тяжёлым грузом легло духу на плечи.

– Почему я не могу его отпустить?

Казалось, к её ресницам подступили слёзы. Первый раз Феликс увидел мягкую, ранимую сторону подопечной. *Как странно, преданное доверие ломает её так, как не смогли враждебность, голод и страх.* Подумал дух, изрёк:

– Это всё ловушка психики. Она нами крутит как хочет. Отношения в её понимании приравниваются к комфорту. Многого об этом не расскажу: времени нет. Если кратко, есть два способа забыть его. Первый: вспомни всё плохое связанное с ним, каждую мелочь, которая ранила тебя. Ответ сама себе на вопрос, где та точка невозврата, после которой ты отвернулась от него. Второй: обратись к специалисту. Не ух-

мыляйся, профессионал в этом вопросе поможет лучше меня. Третий...

– Из двух?

Ехидничает, значит, ей полегчало, – улыбнулся про себя слуга жрицы Смерти.

– Третий: клин клином. Этот способ мне не импонирует. Его желательно применять только после того, как разберёшься в самой себе, иначе будешь транслировать негативный опыт на будущее.

Старик пошарил во внутреннем кармане пальто, достал новую порцию, на сей раз вина, но даже не успел её откупорить, как та исчезла из сморщенной руки. Двуликая не обращала внимания на насупившееся лицо духа: знала, что у него в карманах целый арсенал мини-бара и от одной бутылки от него уж точно не убудет.

Первая подвернувшаяся под руку палка протолкнула пробку через горлышко внутрь. Пригубив ещё чуть-чуть, совершенно не разбирая вкуса, лисица перевела беседу в другое русло:

– Где ты был?

Дух открыл с щелчком баночку грушевого пива. Посмаковал букет вкуса. Прищурился, выглядывая что-то вдали. Когда Рири его о чём-либо спрашивала, он неизменно, к месту и без, напускал на себя спесь философа.

– Ездил проститься с дочерью.

– И как успехи? Наверное, уже морду твою забыла.

– Нет. Помнит. А вот я её с трудом...

– Папаня из тебя не ахти?

– Она постарела. Волосы совсем поседели, взгляд потускнел. Хотя кожа ещё молода.

– Кто бы мог подумать: даже духи не вечны!

– Как и наши Боги.

– Что?

– Они тоже когда-нибудь уйдут.

Немного погодя до лисицы дошёл смысл слов треликого:

– Ты умираешь?

Старик кивнул.

– Сердце скоро остановится.

– Страшно?

– Что именно?

– Предчувствовать свой конец?

– Я жил неприлично долго. Уж волосы моей дочурки седые. Любимая давно ушла к своей Богине, так зачем мне грустить о собственной смерти?

Молчание село между ними в воздухе. Сильный порыв ветра зашуршал мёрзлыми ветвями леса позади холма. Язык двуликой не желал лежать без дела: первая заглушила тишину болезненно-хриплым голосом:

– Кстати... Почему ты не ушёл служить Богине? Уж она бы продлила тебе срок...

– Да зачем мне это? – перебил девушку Феликс. – По началу гордость и глупость юности не позволяла идти по доб-

рой воле в слуги божеству, предпочитал крутиться на земле. Потом меня скрутила госпожа.

– А, точно, ты как-то упоминал. Жена?

– Если бы. Мы так и не поженились.

Рири повернулась к старику, приподняла брови.

– То есть тысячи лет провели вместе, воспитали преемницу, но так и не связали себя узами?

Феликс махнул рукой, как будто отмахиваясь от каких-то постыдных воспоминаний:

– Мы слишком были похожи: оба горды, эгоистичны. Какие там условности и традиции? Каждый день ссоры, бурлили страсти! Как не поубивали друг друга – загадка...

– По тебе и не скажешь. Спокойный, рассудительный.

– Годы сточили мой темперамент. – Феликс посмотрел на несуществующие наручные часы. – Ну что ж, пора прощаться.

– Постой! – Рири придержала старика за край штанины. – Ты, ты о чём-нибудь жалеешь?

Мужчина посмотрел вниз, в глаза сидящей лисицы. Вздыхнул.

– Да. Вернись я в прошлое, постарался бы почаще сглаживать конфликты, может быть, стал даже подкаблучником. В те года не мог сдержаться: она так забавно злилась!

Старик так и стоял, потому что лисица не отпускала штанину.

– Что-то ещё?

– Можно тебя проводить?

– Духи не оставляют трупа. Мы умираем в третьей ипостаси.

– И всё же одному, как-то...

– Дитя, мы рождаемся и умираем в одиночестве.

– Ужасно. – Девушка нахмурилась, отпустила ткань брюк.

Старик потрепал её по голове, пошёл вверх по склону. Сказал нараспев:

– Пришло время вновь напомнить ей о своей любви!

– Там... Там нас будут ждать?

– Не ведаю. Но она будет не она, если не поймает меня по ту сторону бытия. Ведь чертовка такая, ещё не всю плешь мне проела!

Больше старик не подавал голоса. Шаги не отзывались в тиши. Скрюченная спина скрылась за холмом. Девушка осталась одна. Первые круглые крохотные снежинки упали с синего неба. Но как это бывает обычно при такой форме кристалликов льда – через пару секунд снежинки посыпались со скоростью и плотностью хорошего ливня. Маленькие твёрдые шарики кололи кожу, застревали в застывших сосульками волосах; подпрыгивали, ударившись о белёсую траву. Небосвод затянуло тёмно-серым. Без ночного светила стало гораздо мрачнее.

– Своими двоими я точно не дойду...

Двуликая привсталала, к штанинам прилипла примёрзшая трава. Девушка кое-как стянула с себя перепачканную, за-

грубевшую пижаму. Размяла затёкшие мышцы. Голое тело неприятно покалывали тысячи вездесущих ёжиков: холод, застоявшаяся кровь, десант снежинок.

Рири наклонилась к земле и тут в поле её зрения попал кожаный синий дипломат для документов, тот стоял неподалёку от того места, где сидел ранее треликий.

– Хм, всё с собой на тот свет не утащишь?

Без шепотка совести Рири щёлкнула замком дипломата. Внутри на стопках аккуратно перевязанных купюр высшего номинала лежал вырванный тетрадный лист. Ровный почерк передал последнее слово растворившегося дымкой духа:

«Доброго времени суток, Шельма! Пишу тебе прощальное письмо, так сказать, излагаю то, что не смог сказать при жизни.

Начну с материального – деньги принадлежат тебе. Кратко поясню как дело было: совершал я как-то вечерний рейд по точкам сбора стеклотары. Рядом остановился автомобиль, оттуда вышел модный парень, я бы даже назвал его смазливый, попросил он меня об услуге – присмотреть за одной особой. Не с целью следить и докладывать, а помочь, чтобы в беду какую не попала. Передал он мне этот чемодан. Я хотел отдать тебе деньги, когда у тебя появилась бы возможность покинуть Коткару и обустроиться на новом месте. Суммы вполне хватит, чтобы ты начала вести нормальную жизнь. Я очень рад, что у тебя всё наладилось так скоро и без этих денег: с таким

раскладом ты можешь вложить их во что-то большее чем крышу над головой.

Теперь поговорим о духовном. Присматривать за тобой мне было не в тягость. Даже если бы нашей встрече не поспособствовал тот парень, а я сам нашёл тебя, моё отношение к тебе сложилось бы таким же. Общение с тобой доставляло мне удовольствие, твоё появление наполнило мои предсмертные года смыслом и юмором. Если до конца говорить без обиняков, Шельма, ты напоминала мне мою зазнобу: вы одинаково экспрессивны, но при этом сдержанны словно камень, когда понадобится. Наше с любимой дитя так и не подарило нам внуков, род жриц среди чёрных воронов прекратился. К чему я это веду? Ох, старческий склероз влез не к месту. Вспомнил! Так вот, если бы у нас была внучка, она наверняка была бы язвительной как моя жёнушка, предана как я и ранима как сама жизнь. Всё это порождение старческой сентиментальности я увидел в тебе!

Прости уж, что в проведённое вместе время воспринимал тебя за свою внучку, видел в тебе потомка моей дочери. Надеюсь, это тебя не обидит.

Знаешь, если бы мы встретили тебя раньше, когда ты была ребёнком, непременно забрали бы тебя из того кошмара!

Я вижу, хоть ты сама это отрицаешь: Шельма, ты добрая девочка. Я знаю, что ты на это скажешь... совесть и тело нечисто? Да, с этим не поспоришь, не запрядешь, но я завещаю, пусть даже эгоистично –

живи. Не просто существуй и служи новой хозяйке, а именно живи!

Постепенно ирамы на твоей душе зарубцуются. Встретится ликий, которому сможешь довериться, тогда не забывай себе голову лишним! Люби и будь любима! Ну а если попадётся мудака, то я уж тут напрягу связи, подсуежусь и взобью яйца негодяю в омлет!

Теперь опять о насущном. Деньги твои. На них ты можешь пройти сеансы психолога или уехать куда подальше. Советую перебраться на острова духов. Моя дочь живёт на острове Лария. Она богатая, адекватная жрица Богини Смерти. Захочешь, даст тебе работу. Я рассказал ей о тебе.

*Ну что ж, вроде всё написал, а и ещё один момент:
Улыбнись!*

*С пожеланиями наилучшего,
Слуга жрицы Богини Смерти, урождённый демоном-служгой
Богини Смерти,
Феликс Рене»*

Все сидели на ушах в квартире Марриам

Из леса выбралась с трудом: даже с обострённым зевриным зрением найти путь обратно в город доставило мне немало хлопот. Да и тяжёлый дипломат, который я тащила за ручку, зажав в пасти, бил меня по груди и передним лапам, что замедляло темп ходьбы.

Для меня так и осталось загадкой, каким таким образом я вышла напрямиком к району, где находилась квартира Мари. При условии, что больница располагалась в противоположном районе на южной границе города, а берёзовая роща у северной и между этими точками на карте пролегалo сто километров... а дошла я с кратковременными остановками примерно за час... Ладно, наверное, просто переутомилась, вот и мерещится всякое.

Ночь, холод, вторая ипостась и я в ней плетусь по припорошенным снегом тротуарам. Снег перестал сыпать, тучи исчезли, а Луна, словно наполированный титановый диск, отражающий лучи дневного светила, освещала всё чистым, ясным светом.

Остановилась, осмотрела многоэтажку. В квартире Мари горел свет. Вздохнув, прошла в здание. Вахтер храпел, уткнувшись лбом в стол своего поста. Поставив дипломат,

носом нажала на кнопку, вызывая лифт. Бездушная коробочка с весёлым дзыньк открыла свои двери. С таким же дзыньк и мягкой остановкой я поднялась на двадцатый этаж и вышла на площадку. А там...

А там какой-то хмырь вываливал из пакета на пол перед квартирой Мари распотрошённый труп животного. Кошка бездыханно развалилась, распространяя вокруг сладковатый запах подгнившей вязкой крови.

Ликий в колпаке и чёрной маске с узкими прорезями для глаз развернулся на мелодию приехавшего лифта. Я же, сбросив денежную ношу, прыжком бросилась на, предположительно, одноликого, так как феромонов его не услышала.

Лиса рассвирепела не на шутку: разорвала рукав накидки-балахона, впиалась клыками в штанину, пытавшегося сбегать ликого. Повалив его и прижав своей нелёгкой тушей, громко тьякала и старалась сорвать с лица маску. Одноликий выругался, ударил меня кулаком по голове, мощным толчком скинул с себя, кинулся к лифту. Слава моим длинным лапам: догнала мужчину единым порывом, вновь повалила. При падении беглец ударился головой о стену и затих. Может потерял сознание или притворился, но это уже меня не касалось, так как на шум вышли из квартиры благодетельница со своим братом, Макс и Леона. Они что собрались ночью на свингер пати? Бля, затуманенный алкоголем мозг не хочет мыслить здраво. Я рассмеялась, а лиса выразила это хриплым прерывистым тьяканьем и вилянием хвоста.

Леона подбежала ко мне с разведёнными для объятий руками. Я прильнула к мягкости её тела, вертясь и елозя подставлялась под её поглаживания.

– *Pu. Pu!*

Посмотрела по сторонам. Макс стоял в прихожей, прищурившись, смотрел на меня.

– *Что?*

– *Где тебя носило? Мы переполошили столько ликих из-за твоего исчезновения.*

– *О-о-о, право, не стоило.*

Леона всё продолжала гладить меня. Мари с Лешим занялись лежащим сектантом.

– *И всё же могла предупредить об уходе из больницы.*

– *А что такое? Переживал?*

Вслух Макс фыркнул, ментально же продолжил:

– *Мне всё равно. Но Лео и Мари переполошили многих.*

– Рири что-то говорит тебе? – Леона догадалась, судя по нашей со смазлёнышом игрой в гляделки.

– Да. Говорит, что ей безразличны ваши переживания. И вообще совесть её не мучает за безрассудное поведение.

– Рири! – Леона встряхнула меня, обняв ладонями за шею. – Как ты смеешь такое говорить! Да ты знаешь, как мы переживали о тебе?! Ты не одинока! В этом мире есть мы, которые заботятся о твоей бессовестной заднице! – В конце монолога подруга всхлипнула, белки её восхитительных глаз покраснели.

Ал поднял на руки тело вырубившегося сектанта, кивнул всем и зашёл в лифт, дверцы за ним закрылись. Мари поднялась с корточек, подтвердила слова белой волчицы:

– Рири, ты правда плохо поступила, сбежав из больницы: ранее потеряла много крови, тебе нужен покой и лечение. Даже если не думаешь о себе, твоя жизнь и самочувствие для нас не пустой звук. Может ты пока не воспринимаешь наше с Лешим отношение к тебе всерьёз, но мы с ним приняли тебя в нашу семью не в шутку и не в глупом мимолётном порыве помочь. Я не принимаю в семью кого попало. Ты действительно имеешь статус нашей сестры и, если пожелаешь, можешь вступить под нашу фамилию. Поэтому прошу тебя в будущем немного думай и о нас тоже: тебе плохо, хочешь выговориться или просто побегать по лесу – поставь нас в известность, а не пропадай в неизвестном направлении. Мы за друг друга в ответе, понимаешь?

От их выговора я немного растерялась и расчувствовала. Лиса перестала вертеться, покаянно понурила морду.

– Заходите в квартиру. Поздно уже, сегодня переночуете у меня.

Белых зашли первыми, я же вернулась к дипломату и под изучающим взглядом благодетельницы затащила его в коридор.

Пока Лео помогала Мари стелить постельное бельё на свободные кровати, Макс прошёл со мной в ванную, навязчиво и бескомпромиссно решив помыть меня под душем. Конеч-

но, я в ипостаси лисы и перевоплощаться пока не хотелось, но под предлогом того, что спать надо на кровати, а не на ковре, двуликий затащил меня в душевую кабинку.

Смочил мою бурую шерсть, нанёс шампунь, вспенил его и затем смыл. В этом нехитром процессе Макс не затыкался ни на минуту. Видимо, выполнял план по нудности: да как я безответственно поступила, сбежав, да и зачем вообще в ту ночь сбила его с ног, да кто меня просил его защищать. Устав от потока его болтовни, напала в ответ, сменив тему разговора:

– Когда кому-то мстишь, делай это до конца. К чему полумеры?

– Ты о чём вообще?

– Феликс Рене умер.

– Как? Почему?

– Быстро. От старости. Зачем ты его попросил помочь мне?

– Не выдумывай нелепицу. Я его ни о чём таком не просил.

– Врёшь ты так же, как и управляешь во главе совета директоров – без слёз не взглянешь.

– Я не вру!

– Тогда откуда ты знаешь о скитавшемся по помойкам Феликсе? Только не сочиняй, что ты встретился и разговорился с бомжом совершенно случайно. Да и в дипломат деньги явно ты укладывал своими руками: на купюрах остался след твоих феромонов. Слабый, но расслышать хвою мож-

но.

– Ну да, это я ему отдал! И что с того?

– Макс, больше так не делай. Врагов нужно добивать сразу, а не проявлять сострадание к ним в последний момент.

– Раз такая умная, так просвети, как я должен был поступить!?

Посмотрела на него сквозь потоки тёплой душевой воды.

– Убить. Разумеется, врагов надо убивать.

Смазлёныш, гневно пыхтя, выключил воду, набросил мне на голову полотенце. Промакивая воду с шерсти, продолжил ментально бубнить:

– Моя стая тебе не Иблис! Мы не убийцы! Только вы считаете нужным так жестоко и безумно поступать!

– Вы? Макс, я уже принадлежу Вишне.

– Принадлежишь? Хватит воспринимать себя за вещь!

– Не ругайся. Этот глагол идеально подходит.

– При чём здесь слово? Мне не нравится, как ты себя ставишь!

– Что?

– Принадлежу, благодетельница, хозяин, хозяйка! Что за ужас? Времена рабства канули в лету после войны между видами ликих. Никто никому больше не принадлежит!

– Закончил?

– Нет! Мне есть что сказать!

– Закончил вытирать? Я спать хочу.

Сердито пылая щеками и пыхтя, Макс поднял меня и от-

нёс в спальню. Зачем? Не понятно. Я бы, и сама на своих четырёх дошла.

Заворачивая меня в одеяло, волк бросил последнее:

– Чтобы утром перевоплотилась в первую ипостась. Не хочу завтракать за столом со зверем.

Быстро развернулся и ретировался в гостиную.

И что на него нашло? Волнуется, что я останусь в теле лисы? На кой обо мне заботится? Не заслуживаю я такого отношения...

По мохнатой морде поползли слёзы. Откуда ни возьмись на кровать прыгнула Лепёшка. Кошка вытерла своей плоской мордочкой прозрачные солёные капли, прилегла мне к груди и свернулась в кральку.

Ладно. Сегодня, так и быть, позволю с собой спать, но завтра, чтобы не видела тебя на своей постели!

О чашках чая и коробках

Пока Ал с Марриам были в командировке, я каждый день моталась в домик поливать цветочки. Сильно удивилась, увидев те самые цветы, которые подарила Алу на наше очередное *не свидание*: те до сих пор стояли в горшке с землёй свежие и, кажется, даже немного подросли...

Неделька без треликого красавчика выдалась тоскливой и только Рири с братиком разбавляли моё одиночество. Казалось, всё должно было наладиться, когда Ал вернулся, но в реале... всё стало только хуже...

Когда Рири после своей ночной пробежки отказалась возвращаться в больницу и осталась на домашнем лечении, я пошла в очередной раз с ней посоветоваться.

Дверь мне открыла собирающаяся на работу Марриам. Чёрная волчица помяла меня в долгих объятиях, затем выбежала из квартиры. Смотря женщине в след, меня не покидало чувство, что моё тельце чрезмерно увлечённо тискали... ладно, все мы разные, мало ли что в её голове тараканы курят... тем более тараканы из группировки Кара Чия...

– Ты там в пол вросла, что ли? – крикнула мне недовольная чем-то Рири.

Я отмерла от раздумий, прошла в гостиную. По телевизору крутился какой-то бессмысленный сериал. Подруга лежала на диване, закидывала в рот миндаль из бумажного кулёч-

ка. В её ногах улеглась Лепёшка. Кошка кусала пальцы ног Рири, но та даже не отбивалась, будто не чувствовала боли или ей настолько насрать на дырки в пальцах?

Я вскрикнула, округлив ротик и положив ладони на свои упругие щёчки:

– О Бог Жизни!

Рири будто с ленцой спросила:

– Чего орёшь?

Указала на подругу пальцем.

– Акт каннибализма! Медленно-о-о положи орешки на пол! Без резки-и-их движений!

– У тебя осеннее обострение?

– Конечно же нет! Я по жизни глупая, а не сезонами.

– Чего пришла?

– Двинься. – Подруга перекадилась к спинке дивана, Лепёшка, не выпуская пальцев из пасти, переместилась следом. – Убавь телек.

Рири зыркнула на меня глазами с красноватыми белками, под которыми вырисовывались серые тени. Да и в остальном лиса выглядела не очень: растянутые на коленях спортивки, пучок из сальных волос на макушке...

Я сделала нечестный ход:

– В следующей серии Мирош убьёт любовницу брата своего друга, а Лазария отравит жену Мироша, тем временем дворецкий...

Рири вдавила как-то агрессивно кнопку Выкл. в пульт. Те-

левизор погас. В рот залетела очередная пара ядер миндаля. Я ахнула.

– Леона... не будь сволочью... говори по делу... у меня Лепёшка ещё не кормлена... некогда с тобой сантименты разводить...

– Чего разводить?

– Демагогию.

– А? – постучала кулачком по своей пустой черепной коробке, – проще, любезная, проще. – Сказала, хлопая пушистыми ресничками.

Рири посмотрела на меня каким-то странным взглядом... отложила упаковку орешков на журнальный стол. Резким движением она вскинула и брыкнула облюбованной кошкой ногой... Лепёшка, пролетев над столиком, влетела в раскрытые стеклянные двери кухни, проскользив на брюхе по паркету... чёрно-белый плоскомордый снаряд доскользил до миски.

– Ах! – невольно вырвалось у меня.

Подруга села, сгорбившись, оперлась локтями на широко расставленные ноги. Она тихо проговорила:

– Иногда мне кажется, что ты просто великолепная актриса... если бы у тебя ещё был мотив пудрить мне мозги... хотя мотив...

– Рири! – я хлопнула лису по спине. Подруга влетела в столик.

– Какого хер...

– Хватит тут помирать!

Рири развернулась, сидя на полу, прищурилась.

– Да! Хватит помирать!

Подруга вздохнула, потеряв своё лицо ладонями.

– Леона, прости, но мне не до твоих концертов. Говори по делу. Помогу чем смогу.

Лиса протянула назад руку, взяла баночку пива, запрокинула голову, на её язык капнуло три капли. Отклячив нижнюю губу, двулика попыхтела, от этого слипшиеся в сосульки пряди чёлки колыхнулись будто от ветра.

– По делу? – Рири щёлкнула пальцами перед моим носом, я отвлеклась от чёлки. – Ал меня игнорирует.

– Вы два долбаносика. Почему не можете поговорить с друг другом на прямую? А не посредством тупого телефона. Затрахали уже мои и Мари уши...

– Да не получается! Он меня избегает!

– Как именно?

– Перевоплощается в третью ипостась и улетает дымком.

– Тогда поймай его.

– Чего? Как?

– Знаю один способ. Дух знакомый поведал мне, как треликого убить можно.

Подруга встала, поплелась на кухню. Я пошла за ней.

– Зачем убивать? Тебе приходилось такое когда-то провоцировать?

– Я никогда, по крайней мере, самолично не убивала.

Нет, не приходилось. Мной двигало чистое любопытство, вот и поинтересовалась. – Лиса открыла холодильник, выругалась: – ебать меня семеро, закончилось, в магазин теперь чесать...

Она достала кастрюлю, налила в тарелку нечто серое и ужасно вонючее. Молча разогрела это в микроволновке, вылила парашу в миску Лепёшки. Кошка, обнюхав массу чего-то непонятного, принялась кушать. Пока я боролась со рвотными позывами, Рири спокойно прошаркала до панорамного окна, открыла одну из створок настежь. Прохладный ветер ворвался на кухню, мои глаза перестало разъедать от вони.

– Настолько ужасно? – спросила подруга.

– От одного только запаха у меня вытекли глаза...

– Это ты ещё не пробовала.

– Мне кажется или ты этим *нечто* гордишься?

Рири не ответила на вопрос, посмотрела на кошку.

– А Лепёшке нравится.

– Ты просто не оставила ей выбора...

– Коробка.

– Что?

– Духа можно убить, только когда он в третьей ипостаси.

Перекинувшись в дымок, они хоть и шустры, но на деле беззащитны. Надо лишь перекрыть им пути побега. Они могут просочиться и через замочную скважину, но если в хорошей плотной коробке нет щелей...

– Не понимаю...

– Духа можно загнать обманом или силой в сосуд или нечто плотно закрывающееся. Без пищи кто угодно ласты склеит.

– Загнать?

– Огнём. Огонь – их смерть. Думаешь, как в своё время одноликие победили духов, что те аж на острова сбежали?

– Но я не хочу его убивать!

Рири потёрла переносицу.

– Когда он перекинется в дым, накрой его коробкой. Придави, так сказать, к полу. Только не садись на неё сверху, есть риск, что ты заживо раздавишь Ала. Просто придерживай коробку руками. Так у него не будет возможности улететь и перекинуться в человека: не будет места для манёвра. Таким образом, у тебя будет время всё ему высказать, правда, ответить он сможет только после перевоплощения в человека.

– Всё так просто?

– Что тебе показалось простым? Думаешь получится заставить Ала врасплох?

– Тогда зачем ты мне это рассказала?

– Что б тебя, блять запутать. Мне ж делать нехуй. Сижу на жопе ровно, деградирую у телека.

Я стояла, активно размышляя, Рири прошла мимо меня. Я пошла за ней.

– Ты куда?

– В магазин. Выпивка закончилась.

– Разве тебе уже можно пить алкоголь? Доктор разрешил?

– Доктор ушёл в жопу.

– Сам?

– Нет. Я его проводила.

Дальше Рири молча накинула на плечи куртку, надела на голые ступни кеды.

– Ты замёрзнешь.

– От этого не сдохну.

– Если слишком долго мёрзнуть, то кровь застынет в венах, и ты умрёшь.

– Леона. Магазин отсюда. В минуте ходьбы. При всём желании. Я не успею околеть.

Мы вышли из квартиры, Рири провернула ключ в замочной скважине. В лифте подруга заговорила вновь:

– Говори уже. Хватит с ноги на ногу переминаясь.

– Вы были с ним очень близки?

Подруга нахмурилась.

– Ты о ком спрашиваешь?

– О твоём брате, – уточнила: – о главе Иблиса.

Лиса сглотнула, мышцы её шеи напряглась, кулаки сжались.

– Так близки, что тебе и не снилось.

– Сильнее чем я с Максиком?

– Наши отношения нельзя сравнивать. Моя связь с Демоном иного рода.

– Не понимаю... Но ты же его очень любила? Вон даже к

нам приехала. Почему тогда он тебя предал?..

– Иногда так случается.

– Как так?

– Рождаются такие вот больные ублюдки наподобие меня и Демона.

– Не говори так! Ты хорошая!

Лифт остановился, мы вышли. На улице пахло снегом, однако небо было голубым, без единого облачка. Рири неожиданно обняла меня, взлохматила мои кудри.

– Твоя невинная простата препарирует меня без наркоза.

– Что?

– Ничего. Так, мысли вслух. Прости что взъелась на тебя сегодня. Настроение поганое не настраивает меня на дружеский лад.

– Ты на меня злилась? Не заметила...

– Да кто бы сомневался. – Рири усмехнулась. – Ладно, удачи тебе с Алом.

– Угу. И тебе!

Я села на мотоцикл. Впереди меня ждали основательные приготовления к следующей осаде несговорчивого духа.

* * *

Два дня не высовывалась, морально и физически готовилась к атаке на кипарисового духа. Деньки пролетели незаметно. Поймав волю в кулак, надела новый из светлого джин-

са комбинезон, надела под него белую футболку и галстук бабочку. По дороге купила большой букет красных роз, и помчалась в офис к своему суженому.

* * *

Там были все: Мари, Ал, какая-то баба, а-а-а это, наверное, та самая Любочка из-за которой сыр-бор приключился, остальной серый офисный планктон. Троица стояла в начале между рядами компьютерных столов и что-то вещала внимательным сотрудникам. Подождала, пока они наговорятся, и пошла в наступление. Театрально прокашлялась, обращая на себя внимание.

– Всем доброго денёчка и сладкого вечерочка, клерки! – обворожительно улыбнулась во всю ширину своих остреньких зубов. Подошла к молчавшему, видимо, поражённому моей невъебенной красотой, Алу. Опустилась на одно колено и протянула букет, хе-хе в лучших традициях как отец учил: пришла, увидела, связала. – Зазноба души моей, давай встречаться!

– Прекращай этот цирк, я тебе уже всё сказал. – Треликий снял очки, одна непослушная прядь отделилась из зачёсанных в хвост волос и упала на лоб.

– Да ты в основном молчал! А что ты там мне говорил, то хрень полная! Знаю, умру раньше тебя, ну и пусть, подумаешь! Ты с этим справишься, ты вон какой сильный!

– Выступление закончила? Вставай.

Ал наклонился и протянул руку.

– Когда помру, кремируй меня. – Не сдавалась и не вставала с колена.

– Вставай...

– Нет. Ответь согласием на моё предложение. – Все на нас пялились, а как иначе! Тут же такое интересное бесплатное шоу с замом босса в главной роли. – Буду любить тебя до последнего вздоха! Вот! Теперь всё сказала.

Он наклонился ко мне, присел на корточки, очки покоились в его руке.

– Я твёрдо уверена в своём решении. Люблю тебя! – Только договорила, как меня подхватили под мышки и закинули на плечо. – Пиздец тут высоко, – почувствовала, как Ал развернулся и мы пошли по коридору, упёрлась одной рукой ему в поясницу, приподняла голову и помахала букетом планктону, сидящему с открытыми ртами. Нас провожали осоловевшими глазами.

Притащили меня в кабинет. Длинный стол посередине буквой Т, вдоль стен декоративные деревья, стены и пол сделаны под тёмно-коричневое дерево. Стильненько, но мрачновато.

Ал посадил меня в кресло в зоне для кофе-брейка, сел в кресло напротив.

– М-м-м... чем займёмся?

– Поговорим.

– Ура-а-а! А ты случайно опять сбежать не хочешь? Если надумаешь, предупреди, я за коробкой сбегаю. В машине её забыла, растя-я-япа.

– Коробка?

– Да не вникай. Это Рири ролевушку предложила.

– Ролевушку?

Уперев руки в боки, отчитала:

– Ал, повторение моих фраз нельзя назвать нормальным разговором.

Дух склонил голову, произнёс:

– Прошу прощения.

Махнув рукой, ответила:

– Да не парься! Я сама по жизни столько туплю, что все постоянно интересуются, как это я умудрилась свой бизнесик построить.

Ал нацепил очки, сцепил пальцы в замок.

– Пожалуй, я могу начать.

– Настроился?

Ал кивнул и начал изъясняться:

– Решив встречаться со мной, ты многого себя лишаешь.

Я никогда не смогу тебе дать того, что сможет дать двуликий.

– Ты о чём вообще?

– О детях. Мы не сможем завести совместное потомство.

Виды ликих не могут смешать свою кровь...

Я подняла ладони в знаке стоп.

– Стопэ, милейший. Я сейчас не догоняю... – отбросив

игривость, уточнила: – ты хочешь завести наследников? Напластать кучу маленьких духов? – Тут я отвела взгляд в сторону, почесала пальцем щёку. Взгрустнув, продолжила: – ситуация, однако... тогда нам реально не по пути, я же не смогу от тебя родить...

– Я не нуждаюсь в треликих наследниках. После себя я оставлю лес.

Ответ Ала сбил мой мыслительный процесс. Захныкав, пожаловалась:

– А-а-а, перегруз мозга... ты хочешь детей?

Треликий безэмоционально произнёс:

– Нет.

В голове моей мозг охуевал от логической цепочки нашей беседы. На ответ Ала громко заявила:

– Так и я не хочу!

Ал замер.

– Почему не хочешь? Просто ты молода, со временем...

Перебила его:

– И со временем их не захочу! Эта тема подгузников, ночных недосыпов, переходных возрастов и непоняток между поколениями вообще не для меня!

Ал продолжил говорить бред, однако уже не таким уверенным тоном:

– Возможно со временем...

Успокоив плещущий через край негатив, ровным голосом сказала:

– Ал. Здесь только я имею право тупить. Малое количество извилин в мозговой коробке наделило меня этой привилегией. Все мои извилины *на* голове. – Показала пальцем на волосы. – Видишь эти кудри? Это мозг, который покинул меня. Захотел, так сказать, воздухом подышать.

Казалось, на лицо духа вышло погулять недоумение.

– Я разбираюсь только в двух аспектах: ремонт автомобилей и красивых деревьях. По моему наметанному взгляду, могу судить, что ты самое красивое дерево из всех встречавшихся мне ранее.

Ал наклонил голову, произнёс:

– Благодарю за комплимент.

– Всегда пожалуйста. Так вот, о чём это я... Мне в пару необходим ликий с мозгами. Хотя бы один в паре должен здраво соображать. Сечёшь?

– Стараюсь уловить суть твоих пространных выражений.

Я наклонила корпус, упёрла локти в колени. Поглаживая пальцами правой руки подбородок, стала излагать мыслишки с заговорщицкой интонацией голоса:

– Так вот... я не хочу рожать, по жизни мне хватит племянников. Думаю, Макс и старший напластают достаточное количество и будут время от времени подкидывать их мне на передержку. Поэтому мелкие будут скрашивать мои старческие деньки в будущем. – Внимательно посмотрела на треликого. – Ты против такого расклада?

– Не против.

Выпрямившись и хлопнув в ладоши, заговорила более бодро:

– Зашибись. Чешем дальше. Ты хочешь провести в моей компании триста весёлых лет?

Ал кивнул, ответил:

– Хочу.

Немного повысила тон голоса:

– Тогда в чём твоя проблема, чувак?

– Тебе будет тяжело со мной.

– А? – мой натиск сдулся до простого «а».

Дух с верой в собственную правоту объяснил:

– Со мной ты просто потеряешь время. Найдётся более подходящий мужчина на роль твоего спутника жизни.

Немного психанула, скрестила руки на груди.

– У тебя что проблемы с самооценкой? Бандиты в Инсане и такой хренью страдают?

– Я не представитель криминального слоя общества.

– Да не заливай. Давно ли?

Ал опустил голову. Я вздохнула.

– Дурачок. Ну что я потеряю? Отношения и брак – это взаимовыгодная сделка. – Показывая руками на себя и Ала, добавила: – ты поставляешь мне свою любовь, я плачу тебе тем же. Ты поставляешь мне поддержку и заботу, я опять же рассчитываюсь тем же.

– Получается обмен, а не...

– Тц, не прикапывайся к словам, не в них суть. Скажи, что

можно потерять в равноправных и равноценных отношениях? А я сама же и отвечу. Можно потерять только то время, которое я сейчас сижу тут и уговариваю тебя, как не пойми кого! Определись уже с самим собой и скажи мне *да*. – Пошла в ва-банк: – я же тебе нравлюсь?

– Да.

– Ну вот и славно! Ответ принят!

Подскочила, схватила его за рубашку, притянула к себе. И наконец-то поцеловала! Только в таком положении могу поймать его губы своими! При других позициях я просто до него не допрыгну...

Ал замер. Я отстранилась, посмотрела в его зелёные шокированные глаза. Мне кажется, или он дышать перестал?

– Отомри. Иначе меня обвинят в удушении.

Треликий вдохнул поглубже, прокашлялся.

– Прошу прощения, это произошло так неожиданно...

– Ты раньше ни с кем не целовался? Хватит взгляд отводить. Смотри в мои прекрасные глаза и отвечай.

– Нет.

– Что нет?

– Я ни с кем ранее не встречался и не це...

Прыгнула ему на колени, обняла за шею.

– Тогда, мой стройный кипарис, будем навёрстывать упущенное нами время.

В глазах Ала промелькнуло смущение! Ха! А Рири жаловалась, что я не понимаю чувства других!?! Просто я разби-

раюсь только в деревьях!

подавив желание смеяться, вновь прильнула к его тонким мягким губам.

* * *

Нацеловавшись до покраснения губ, начала канючить:

– Хочу в парк.

Ал навёл порядок на рабочем столе, выключил ноутбук.

– Там холодно, а ты приехала без пальто.

– Ты заметил? Но я хочу в парк. – Ал кивнул, устремляя взор в окно.

– Хорошо.

На улице любимый закутал меня в своё пальто, я боялась он замёрзнет, поэтому сказала, что уже расхотелось гулять. Ал пропустил это мимо ушей, взял мою руку и повёл к прудику посидеть на скамеечках. На мои возмущения он ответил так, чтобы было понятно, то есть подстроился под мой жаргон: «Бревно не чувствует холода». Я ничего не поняла, тогда Ал пустился в пространные рассуждения о физиологии духов. Запуталась, любимый почувствовал это и сказал, чтобы я не забивала лишней информацией голову, мол со временем поймёшь.

Проводив закат и встретив сумерки, мы поехали к нему. В лобовое стекло бились острые снежинки, подсвечиваемые ярким светом фонарей, ветер неистово качал провода и вет-

ви деревьев. Сегодня обещали первые сильные заморозки, но мне было нечего бояться, так как меня везли греться под бочок к любимому.

Ал на одном из красных сигналов светофора поинтересовался:

– Почему ты так странно выражаешься?

– Ась?

– Некоторые слова явно тебе несвойственны. Странно звучит твоя речь. Это арго автомехаников?

Загорелся зелёный, мы поехали дальше.

– Да не. Мои ребята славные малые. Матерятся простенько, они Рири не ровня. А словечки я из сериала про бандитов подцепила. Думала, там правду показывают. Попробовала таким образом стать тебе ближе. Но ни ты, ни Мари такие слова не используете. Видимо, в сериале напиздели. Да?

Смотря на дорогу, Ал ответил:

– Возможно, так и разговаривают в каких-нибудь группировках, но я с такими не знаком.

– Э-эх, напиздели значит. Жаль.

Разноцветие огоньки ночных дорог отражались разводами на мокром асфальте. Наблюдая за попутными машинами, поинтересовалась:

– Тогда расскажи, как вы разговариваете между собой? Ну я имею вашу семью вишнёвую.

– Обыкновенно. Ничего примечательного.

Посмотрела на треликого, он бросил на меня взгляд мель-

КОМ.

– Пряма совсем ничего?

– Да. Пряма совсем.

– Поэтому Марриам подхватила жаргон Рири? Захотела разнообразия?

– Да. Она любит вносить новшества.

– Хм-м-м... тогда как вы при встрече понимаете, что перед вами свой, а не враг? Должно же быть какое-нибудь кодовое словечко?

– Нет.

– Тогда как вы узнаете своих?

– Мы знаем друг друга в лицо.

Подумав, уточнила:

– Что пряма всех? Но вас же да ху... кхм-кхм, много вас.

Очень.

– Мы все выходцы из одного детского дома.

– А как же Рири? Её, получается, никто при встрече не узнает?

– Мари познакомила всех с ней.

– Каким образом?

– У нас есть чат, в котором мы поддерживаем общение. С помощью его и познакомили.

Пробормотала себе под нос:

– Офигеть. Даже бандитский чат существует. Вот она сила прогрессивного Инсана... – Вернула в интонацию громкость, спросила: – но всё же. Почему вы так дружны? По пер-

вому зову стольких подняли на стрелку.

– Политика того места, где мы выросли такова: вы все вошли и вышли через одни ворота, примите их за единую утробу; нас не связывает кровь, но все мы братья и сестры; внешний мир жесток и беспощаден, но вы есть друг у друга; так что боритесь и держитесь за своих; как бы далеко вас не раскидало по миру, помните – вы семья.

С иронией произнесла:

– Звучи-и-ит как-то по-бандитски, не находишь?

– Я не задумывался об этом с такой стороны. – После паузы добавил: – Эти слова до сих пор написаны на стене в столовой в том детском доме.

– Кто написал?

– Одноликий, который спонсировал наш детский дом.

– Он был главарём какой-то группировки? Он вас крышевал?

– Наверное и так можно сказать. Тот человек ввёл нас в свой бизнес.

Меня захлестнуло любопытство:

– О-о-о-о... Оружие? Наркотики?

– Воздержусь от подробностей.

– А то что? – указала пальцем себе в лоб, добавила: – Марриам тебе пулю промеж глаз загонит?

– ... У тебя очень богатое воображение.

– Угу. Я знаю. Ну тогда ответь на другой вопрос! Почему ваш босс Марриам?

– Она приняла роль главы после отставки нашего попечителя.

– Она его грохнула!?

– ...Следующий вопрос.

– Почему вы решили распустить Кара Чию? И почему название такое убогое? Вы его по пьяни выбрали, что ли?

Подумав, ал ответил на каждый из вопросов по очереди:

– Потому что. В него вкладывался особый смысл. Да.

– И какой смысл?

– Не помню. Слишком много в тот вечер выпили.

– А почему не ты главный? Разве ты слабее Марриам? Или кто первый убил, тот и босс?

– Я никогда не стремился к этой должности. Мы разные, каждый силен в своей сфере. Она его не убивала.

Зашла к интересующему меня вопросу с другого боку:

– Тебе нравится ходить под её началом?

– Меня всё устраивает.

– Прямо-таки никогда не хотел быть на её месте?

Ал притормозил и посмотрел на меня с осуждением? Злостью? Не пойму, что за эмоции в его глазах...

– Я не посягаю на место нашего главы. Если понадобится, я умру за Мари. Так понятно?

– Не злись, пожалуйста. Я не имею в виду ничего плохого. Просто выясняю, какие у вас с ней отношения... все же вы так близки... хоть и не родные...

– У меня нет никого роднее её и Чичиковых.

– А остальные как же?

– Они тоже мне дороги, но как родственники боковой линии.

– М-м-м... вот теперь понятненько! Какое облегчение!

– Что?

– Я переживала, что вы любовники.

Ал резко нажал на тормоз. Если бы я не была пристёгнута ремнём безопасности, то пробила бы головой лобовое стекло.

– Убить нас вздумал!?

– Прошу прощения. Не нарочно вышло.

– Не нарочно выходит только понос! – накрыв ладошкой лоб, произнесла на выдохе: – Фу-у-ух, пиздец я испугалась...

– Прошу прощения.

Автомобили позади стали нам сигналить.

– Езжай давай. Или настолько блатной, что можно посреди дороги парковаться?

– Нет-нет, сейчас-сейчас.

Млять, больше не буду выводить его на эмоции, когда он за рулём. Кто ж знал, что в смущении Ала парализует. Хотя-я-я... он уж как-то замирал в моём присутствии. Хе-хе. Смущашка-очаровашка.

* * *

– Ванная находится здесь, – дух открыл зелёную дверь,

которая сливалась с покрытой растениями стеной.

– Спасибо, но я уже ко всему готова. – Ал показал рукой на лестницу. – А внизу мы не разместимся? Или ты стесняешься развратничать в одной комнате со своими цветочками? – попыталась подколоть его.

– Развратничать? О чём ты? У тебя заболит голова от обилия растений: спать здесь нельзя. – Спорить с ним не стала, ему ведь виднее.

* * *

Мы лежали на расправленном толстом матрасе. Когда я здесь ночевала одна, он казался мне слишком огромным, но теперь лёжа на нём с высоким мужчиной, подумала, что размерчик как раз что надо для двоих.

Ал устроился в сторонке, улёгся на бочок и, видимо, реально собрался спать! Ну уж нет!

Подкатилась к нему, юркнула рукой ему под левую руку, забралась ладошкой под футболку.

– Только не говори мне, что реально собрался просто уснуть.

– А что тогда сказать?

Развернула его резким движением, упёрла свои руки по сторонам от его головы. Дух моргал и не шевелился.

– Ал, не тупи. Я напросилась к тебе не для того, чтобы просто поспать рядом. Сечёшь?

– Нет.

– Ты серьёзно?

– У тебя в автосервисе проводят дезинфекцию, ты не захотела ночевать у Мари или в гостинице. Попросилась ко мне. Я что-то упустил?

– Ну разумеется! У меня нет тараканов! Я наврала про травлю вредителей!

– Зачем?

Внутри меня волчица ментально взвыла от негодования на Ала: не ожидала, что он ещё тормознует меня. Млять, где я прогадала? Вслух же ответила:

– Ненаглядный мой, я напросилась к тебе только с одной целью – закрепить наш новый статус *встречаемся сексом!*

– Нет нужды спешить.

– И сколько ты будешь меня мурыжить? Пока не постарею!?

– Максимилиан рассказал, что в *том* плане ты совсем неопытна. Излишней спешкой мы можем тебе навредить.

– Каким образом, млять? Я хочу тебя здесь и сейчас! Возьми меня, пожалуйста! А я приму тебя! Давай же обменяемся телесными жидкостями!

– Я тебя прекрасно слышу. Не кричи, пожалуйста.

– Да как тут не кричать? Я вся изнываю, а ты бревном прикидываешься! Я ви-и-ижу желание в твоих глазах. Твои зрачки заполнили почти всю радужку.

– Просто в комнате темно.

– У тебя дыхание участилось.

– Душно.

Положила ладонь ему на грудь.

– Сердце так заполошно колотится.

– Жарко.

Резко села, зарылась пальцами в кудри и проорала в потолок:

– Су-у-ука-а-а!

– Я?

Выдохнула. Спокойно улеглась на свою подушку.

– Нет. С тобой всё нормально, Ал. Я ругалась на космос.

– Зачем?

Печально хмыкнула. Сложила пальцы в замок на животе.

– Понимаешь... когда тебе так фортит – твой возлюбленный ответил взаимностью, и вот наконец у вас всё хорошо. Он лежит рядом в одних лишь шортах и футболке. Посапывает так сладко рядышком... а ты не можешь уснуть, потому что хочешь трахаться... как тут не взреветь? Судьба явно сейчас стебётся надо мной.

– Прости, мне не понять твоих чувств: мне не нравятся мужчины, мне нравишься ты.

– Продолжай.

– Я тоже... х-х-х...

– Храпишь?

– Нет. Хочу тебя.

– И что тебя останавливает? Снять с меня твою футболку

проще пареной репы.

– Твой брат меня убьёт.

– Ты его боишься? Не переживай, он максимум что сможет, так это побить хорошенько.

– Я его не боюсь. Просто если он меня убьёт, я не смогу провести с тобой триста весёлых лет.

Зашкал милоты. И вот этого вот мужчину Марриам назвала безэмоциональным, холодным духом? Да она просто ни разу не пыталась залезть ему в штаны!

Заговорщицки ответила:

– Кипарисик, Макса не обязательно ставить в известность о наших делах постельных. Это его никак не касается. Понимаешь?

– Но пока ваш главарь в уединении, Максимилиан несёт за тебя ответственность. Таковы же ваши порядки и традиции.

– Бла-бла-бла, бла-бла-бла! Не надоело!? Если ты не заметил, то я отошла от менталитета Коткару! Живу как хочу! Никто мне не указ! Родители давным-давно дали мне полную свободу! А Макс просто дурак, который излишне меня опекает! Понятно?

Ал кивнул.

– Всё. Я разозлилась. Спокойной ночи!

Повернулась набок, к треликому спиной. Сначала с его стороны никаких шевелений не было, подумала даже, что он в третью ипостась перекинулся. Однако Ал превзошёл мои ожидания!

Лёгкий поцелуй порхнул по моему оголённому плечу. Как-никак футболка кипарисика мне великовата... млять, но не в ней же сейчас дело!

Почти невесомые поцелуи проделали путь от моего плечика до ушка. Шея у меня чувствительнее всего... поэтому пришлось стоически перетерпеть щекотку.

Рука Ала скользнула по моей талии, осторожно поднялась к пышной груди. У меня перехватило дыхание, зубки зажали нижнюю губу. Низ живота приятно затянуло, жар затопил целиком моё тело. Млять, я плавлюсь?

Я развернулась в кольце его рук.

Вечно зачёсанные и уложенные волосы теперь спадали чёрным веером, болотные глаза приобрели изумрудный отлив. Красивое худощавое тело стало особо бледным в свете луны.

Мои ушки и хвост давно вышли погулять, Ал одной рукой гладил белый мех, другой вырисовывал узоры на спине. Его облик казалось полностью переменялся. Уверенность и желание в глазах, выверенные движения. Стопэ... несколько минут назад он притворялся что ли передо мной? Не понимаю...

– Ты мне доверяешь? Хочешь немного поиграть? – шепнул мужчина в моё ушко.

А по барабану! Завтра во всём разберусь.

«Абсолютно, да, хочу» – тихо сказала я в ответ.

– Тогда ничего не бойся, выбери слово для стоп-сигнала.

«Курарага» – выдохнула и почувствовала прохладную повязку на глазах.

– Боишься? – отрицательно мотнула головой. – Можно продолжать? – мотнула головой вверх-вниз. – Если захочешь остановиться, говори, не терпи, хорошо?

«Да» – всё так же шёпотом ответила я.

Пока мы целовались долго и со вкусом, почувствовала, как что-то прохладненькое и гладкое скользит, поднимаясь вверх по моим ногам, животу, груди и рукам. Это нечто было похоже на верёвки, или вернее будет сказать змей. Дискомфорта не чувствовала, было лишь немного щекотно. Змеи обвили мои лодыжки, икры, ляжки, плотно облекая кожу, они двинулись по моему телу, возбуждая.

Посредники моего удовольствия обвили руки, стягивая их за спиной, складывая запястья к локтям. Всё вместе ощущалось восхитительно: лёгкий бандаж стягивал там, где надо, массируя и даря прохладу моим эрогенным зонам, участки нетронутой оголённой кожи продолжали потеть от духоты в комнате. Всё казалось контрастным и неожиданным: соски щипали, шею целовал Ал, руки были связаны, а рот свободен. Я откинула голову назад и отдалась ощущениям. Ощущения были острыми, балансировали на краю наслаждения и боли.

Мы с волчицей не смогли определиться, какие звуки выпускать: скулёж или стоны, в итоге решили сцепить зубы и мычать.

Меня качало на «верёвках». Темнота, интенсивные раскачивания и разнообразная стимуляция разрывали меня на части. Не смотря на прохладу от змеек, я вся взмокла, капельки пота скатывались по вискам и спине, вызывая по телу дрожь.

* * *

Проснулась я в тёплых объятиях треликого. За незашторенным окном занимался рассвет. Ал лежал за моей спиной и тихо посапывал мне в макушку. Повернула голову и застыла от увиденного: мой голый парень лежал покрытый мелкими голубыми цветами, проморгав, осмотрелась. Цветы были везде: на мне, на матрасе, на полу. Они лежали невесомыми бабочками на наших телах, от них исходил едва уловимый аромат весны. Вместе с моим абрикосовым феромоном сочеталось волшебно. Тая от накатившей истомы, опять погружилась в сон.

* * *

Прозвенел будильник, нехотя мы сели на попы. Ал забавно потирал заспавшееся лицо. Он сонно сощурил глаза, ища очки. Я подала ему окуляры, он, благодарно кивнув, их принял.

– Отлично получилось. – Парень нежно провёл по моей спине рукой.

– М-м-м? Ты это о чём? О сексе? Так я же почти и не участвовала, но мне понравилась идея с обездвиживанием и доминированием. Можем как-нибудь повторить, но не на постоянной основе: мне тоже хочется руководить процессом.

– Естественно, Леона, сделаем в следующий раз так, как ты пожелаешь. Я так поступил, чтобы было проще ставить метку. – Дух поднялся, демонстрируя свой голый филей, потянулся, и подхватив меня под мышки, поднял.

– О какой такой метке речь?

Треликий молча указал на напольное зеркало, которое было занавешено голубоватой тканью, сбросив тряпку посмотрела в отражение и офигела...

Моё пухленькое, но упругое тело покрывал тёмно-бирюзовый узор лозы. Метка шла от ключицы на спину, затем возвращалась на живот и по бедру спускалась, обвиваясь вокруг левой ноги, заканчивалась на лодыжке. Узор был изысканным, линии были плавными и гармоничными, от них шли по бокам листья и завитушки. Украшали это великолепие мелкие цветочки, живой прототип которых я видела, вынырнув вчера из полудрёмы.

– Что скажешь? Нравится? Или уменьшить рисунок? Можем просто обвить его вокруг запястья. – Ал подошёл и обнял меня со спины, наклонился и поцеловал в шею.

– Не нужно ничего менять, меня всё устраивает. Но мет-

ка... что это вообще такое и зачем? – повернулась в кольцо его рук, с возмущением заглядывая в его зелёные бесстыжие глаза.

Он наклонился к моему уже человеческому уху и прошептал:

– Теперь по законам духов ты моя жена.

Мне резко стало жарко и я, наверное, покраснела. Чтобы скрыть смущение и ошарашенность, вывернулась из его рук и кинулась к сложенной на полу одежде.

– Совсем недавно ты не соглашался встречаться, а вчера провернул такое? Зачем?

Треликий подошёл, погладил пальцем мою пухлую щёчку, с нежностью заглядывая в мои глаза.

– Знаешь, чем духи отличаются от двуликих и одноликих?

– Не особо. Ты первый кого я увидела из вашего вида...

– Одноликие гении созидатели, двуликие амбициозные властители, ну а духи... – наклонился и прошептал на ушко: – виртуозы и собственники. Мы хуже всех вас, вместе взятых.

– Поэтому вас так мало. Вы раздражаете друг друга настолько, что почти перестали размножаться!

Ал на мгновение приподнял уголки губ, ответил:

– Наверное ты права.

– Но я так и не поняла, что вчера произошло с тобой. Ты ведь распинался: не можем потому, да поэтому, а затем, когда я уже отступилась... твои глаза... О чём ты думал в тот

момент? А до того? Ты играл со мной в смущение? Наме-
ренно меня игнорировал, чтобы распалить мой интерес?

– Нет. Разве я мог так с тобой поступить? Я же прямоли-
нейный и честный.

Наклонила голову, сощурила глаза. Но не разглядела в
нём того, что увидела вчера. Померещилось, что ли?

– Ладно. На сей раз поверю. Только пообещай одно.

– Что именно?

– Не обманывай меня. Я хоть и глупая, но ложь всегда
рано или поздно раскрывается. Мне будет очень больно от...

Перебил:

– Я всегда буду верен тебе. Я искренен с тобой. – Ал под-
нёс мою ладонь к своим губам, поцеловал. – Теперь ты моя
жена, моя семья.

– Я надеюсь, ты сделал это не из-за моего брата... он же
всё всем втирал и угрожал, что в мою постель заберутся толь-
ко после женитьбы...

– Он здесь ни при чём.

Приподнялась на цыпочки, похлопала парня мужа по го-
лове. Тот противиться не стал: только наклонился, чтобы
мне было проще гладить его по волосам.

– Ладно, остальное позже, нам надо в душ и на работу.

– Я тебя помыл, пока ты спала. Одевайся, позавтракаем и
я тебя отвезу. – Ал ущипнул меня за попку, я пискнула от
неожиданности, а он невозмутимо стал спускаться на первый
этаж.

Млять, и почему я не устроила ему взбучку за самовольную женитьбу? Меня ведь даже не спросил! Однако... в душе я спокойна, совсем не хочется кричать и протестовать. Значит я изначально была права – это судьба, мы созданы друг для друга! Мля-я-я, как романтично! Надо сообщить новость Рири при личной встрече!

Только вот на эту встречу и на меня наложили нелёгкий груз насильной помощи...

Марриам и похороненное прошлое

Холодный вечер. Я глубоко удовлетворённая душевно, но не физически после свидания с Максимилианом приехала в выкупленное невысокое складское помещение, спустилась по бетонным ступеням во мрак подвала. Меня сопровождал дым сигареты и гробовая тишина.

Внизу стоял насыщенный запах промёрзшей земли и более никаких запахов не слышно – ни крови, ни адреналина. Непорядок.

Затушила скуренную по самый фильтр сигарету, убрала её в пепельницу, закурила новую.

В углу за стойками и забитыми всяким хламом стеллажами валялся на полу связанный одноликий. Леший стоял рядом с ним в луче положенного на стойку карманного фонаря.

Я наклонилась, внимательно осмотрела сектанта. Тот сверкал на меня злобными глазами в ответ.

Встала. Крайне недовольным тоном спросила:

– Что я вижу? Почему он цел и невредим? Где вопли? Почему он до сих пор не молит о пощаде? Ал, я рада что у тебя наладилась личная жизнь, однако это не повод раскисать. Обжиматься с зефиркой дома будешь, а здесь и сейчас верни своё хладнокровие и выпотроши из него информацию.

– Сестра, прошу прощения, но в моих талантах не было нужды. Он сам всё рассказал, как только я пришёл его до-

пытывать.

– Сам?

– Этот сектант до жути словоохотлив. Я его и пальцем тронуть не успел.

– Вот оно как.

– Звал в свою секту.

– Адрес?

– Не выдал.

– Деревья?

– Лесные деревья, а также из бора и рощи не почувствовали ликих в балахонах и масках.

– Значит их база на каком-то пустыре? – огонь сигареты подобрался к пальцам. Затушила, положила окурочек в пепельницу.

Села на корточки, схватила одноликого за подбородок.

– В твоих интересах нам посодействовать. Не хотелось бы портить твоё молодое тело.

Неожиданно парень дёрнулся вперёд, плюнул мне в лицо и проорал какую-то несвязную бессмыслицу, перемешанную с матом и рычаниями. Я, неспеша, встала, Леший мигом оказался передо мной, вытер платком непотребство с моей щеки.

– Убить быстро или долго и со вкусом?

– Брат, о чём ты? – лёгкая улыбка пробежала по моим губам. – Мы ведь пообещали воспитательнице завязать с этим. И так уже столько раз нарушили данное слово. Последнее

желание умирающего... почему она не попросила что-нибудь другое? – и опять сигарета и опять игра в гляделки с сектантом.

– Что он тебе рассказал?

– Они называют себя слугами Бога Жизни. Выступают против конца света.

– При чём здесь моя квартира и офис?

– Они...

Парень яростно забился на полу, пытаюсь ослабить верёвки. Перебив Ала, закричал:

– Ты! Мерзкое отродье! Посланница Богини Смерти! Думаешь сможешь, нас провести? Злобное исчадие мести Богини! Ты, гадина, можешь провести всех вокруг пальца, но только не нас! Мы! От имени Бога Жизни велим тебе убираться обратно в обитель Смерти! Мы не позволим тебе принести в наши ряды смуту! Тебе нас не одолеть! А-ха-ха-ха-ха-хк, кха-кха-кха...

Леший не сдержался и ударил несчастного.

– Брат, не марай свою обувь. Тут тяжёлый случай. Он явно не в себе.

– Как мне удалось выяснить, они все сумасшедшие. С чего-то увидели в тебе высшего духа. Якобы ты должна принести в ликий мир конец света.

– Звучит очень интересно. Знаешь, им удалось польстить моё эго: это же насколько я должна быть всемогуща, чтобы уничтожить целый мир?

Наклонилась немного, обратилась к парню:

– Ну и с чего вы взяли, что я та самая, о ком вы грезите?

– Ты-ы-ы! Мерзкое отродье предателей Бога Жизни!

– Выражайся точнее.

– Ты-ы-ы! Не прикидывайся! Ты дочь слуги Бога Жизни!

Твой предок предал нашего Бога! Творил от его имени и силы ужасные вещи! Время покарало ваш дьявольский род! Но семья предателя до сих пор топчет континент! Исчезни! Исчезни! Исчезни!

– Мне жаль вас расстраивать, но вы обознались. Я обычная двуликая женщина.

– Не еби мне мозг! Ты нас не обманешь! Мы видели твою вторую ипостась!

– И что с того? Обычный чёрный волк.

– Твои размеры за пределами нормы! Угольная шерсть, обсидиановые глаза и аномальная мощь! Так может выглядеть только приближённый к Богам!

Выпрямила спину, переглянулась с Лешим. Как и полагается он понял мой взгляд, который гласил: «Мне насрать, что они там себе напридумывали. Найди их базу. Поймай всех последователей секты. Можешь поручить это дело Пиротехнику. С их организаторами разберись лично».

– Как пожелаешь. Только тут есть ещё одно...

– Говори.

– Эти сектанты разбили твой автомобиль.

– Засранцы. – Ухмыльнулась. – Ладно, тогда придётся на-

казать их по иному сценарию.

– Как именно?

– Так, как я расписала Леоне.

В глазах Лешего читался вопрос: «Как именно?»

– Сопроводи их в муравьиную долину Инсана. Раздень, обмажь мёдом и оставь там.

– Тогда есть вероятность что они выживут.

– Если фортуна будет на их стороне, то да, выживут. Не хочется слишком сурово...

Сектант гусеницей подкатился к моим ногам, куснул зубами штанину.

– Угомонись, парень. – Посоветовал Ал.

– Мы пытались спровадить тебя по-хорошему! Но теперь, гнида, жди серьёзных неприятностей! Наши учителя света, в покое тебя не оставят!

«Зачем он зарывает себя всё глубже и глубже? Бойтся, что мы его не уберём по-тихому?» – спросил взглядом брат.

– Всё возможно, Леший. – Обратилась к сектанту: – вы никогда не думали, что нацелились не на того ликого? Я здесь уже не первый месяц, а апокалипсиса всё нет и нет.

Злобно сверкая глазами, парень ответил:

– Ошибка исключена. – Потом резко перешёл на крик: – только такая тварь как ты, могла убить наших последователей!!

– А вот и ошибка. Мы не трогали пока твоих коллег-вредителей.

Ликий посмотрел на меня с презрением и ужасом одновременно.

– Ты сожгла моих учителей и называешь это *не тронула*?

Мы с Лешим переглянулись. Я переспросила:

– Когда я их убила?

Парень заорал:

– Сучий ты потрох, память тебе отшибло?! Когда мы схватили ту рыжую девку, с которой ты постоянно вместе ошибалась!!

Невольно мы опять посмотрели с Алом друг на друга. Брат поинтересовался:

– Зачем вы её схватили?

– Да что бы эту тварь вредоносную спугнуть!! Мы так намекали, чтобы она убралась отсюда!! Но кто же знал, что тварь даст такой бесчеловечный отпор!!!

Я прикрыла глаза ладонью, затем потёрла лицо. С усталостью сказала Лешему:

– Похоже, мы тогда погорячились. Ошибочка вышла. – Ал мне кивнул.

Я-то говорила про группировку Иблис, парень же воспринял это на свой счёт:

– Ошибочка?! Для тебя чужие жизни всего лишь игрушки?!?!

– Хватит истерить. Я же признала ошибку.

– И всё?! Да разве это искупит...

Я нервно передёрнула плечами, посмотрела сектанту в

глаза.

– А что тебе ещё надо?

Сектант замолчал от моего вопроса.

– Если бы я убивалась из-за каждой мелочи, то не стояла бы сейчас перед тобой. Да и вряд ли была бы жива. Жизнь – это игра, в которой нет времени ждать, пока противник сделает свой ход. Необходимо предугадывать чужие планы и действовать на опережение. Разумеется, при такой тактике есть определённые риски. Однако я не могу позволить себе долгие рассуждения на тему *хорошо* и *плохо*, потому что от моих решений зависит не только моя голова, но и жизни тех, кого мне надо защищать. Понимаешь?

Парень сплюнул на землю кровь, прохрипел:

– Твоя мораль прогнила. Ты...

– А я и не претендую на роль главного героя. Знаешь, если понадобится уничтожить весь континент, я это сделаю. Но не думаю, что когда-нибудь в этом появится необходимость.

Я отвернулась от сектанта, обратилась к брату:

– Заткни его и на сегодня можешь быть свободен. Слышала, у вас с Леонией планируется ужин при свечах. Не хочу мешать новобрачным рабочими делами, – похлопала Лешего по плечу, вышла на свежий воздух. Потянулась, размяла шею, села в машину.

Неспешно поехала домой по пустеющим дорогам. Фонари мигали, подкрашивая яркими оттенками обильно сыплющий снег.

Дома меня ждали тёплые тапочки, уютная пижама, ласковая Лепёшка и пьяная Рири. Последнее меня совсем не радовало. Я дала лисе отпуск и готова была ждать сколько угодно, чтобы ей стало полегче, но... но в этот расчёт не входило, что двуликая целиком и полностью решит утопить своё горе в алкоголе. На это можно было бы закрыть глаза, если бы не выяснилось, что Рири пьёт систематически и довольно уже долгое время. Максимилиан рассказывал, как в года их ещё ничем не омрачённой дружбы, лиса стабильно почти каждый вечер прикладывалась к бутылке.

На протяжении последних недель я проводила с Рири беседы. Пыталась помочь ей своими силами, но мои старания оказались тщетны: она лишь кивала, соглашалась с моими словами и шла в свою комнату в объятия спиртного. Меня жутко раздражали мои бесплодные попытки помочь. Так больно осознавать, что ставший уже своим ликий, буквально тает у тебя на руках, иссыхает, уничтожает себя, а ты никак не можешь найти лекарство для исцеления его души.

Бесшумно зашла в спальню Рири. В комнате стояла ужасная духота и алкогольный перегар. Девушка лежала на кровати, смотрела в потолок бессмысленным потухшим взглядом. Кожа её не то посерела, не то посинела, щёки впали, а руки с ногами порядком исхудали.

Злоба на саму себя и бездействие огнём обожгло мою грудь. Я рывком распахнула вечно наглухо задёрнутые портьеры; открыла форточку.

За окном чернело небо. Разноцветные огни вспыхивали в окнах домов. Фонарные столбы подсвечивали снизу пышные хвойные кроны елей и сосен. Снег медленно падал, ветер его не тревожил.

Пригляделась к отражению Рири в окне. На неё и кровать через дверной проём падал светло-оранжевый свет люстры из гостиной. Девушка вялым движением простёрла руку вправо, сжала в кулаке плед и потянула его на себя; перевернулась набок, пытаясь укрыться в плед с головой. У неё ничего толком не вышло: так как она лежала на том самом пледе и при этом рывками тянула его на себя. В конце концов после очередного рывка лиса просто свалилась на ковёр. Попыток встать не последовало. Я пошла посмотреть, не убилась ли она ненароком о прикроватную тумбочку.

К счастью, обошлось без травм. Рири поджала ноги к груди, видимо, собираясь уснуть на полу.

Кое-что решив, сходила на кухню, достала пакет из пакета. Вернулась в спальню. И начала собирать все бутылки, что попадались мне на глаза, как пустые, так и полные ещё непочатые. Мелодичный перестук перезвон стеклотары привлёк падшего лебедя Рири. Двуликая приподняла голову, наблюдая за мной.

– Что ты делаешь? – голос хриплый и немного сонный

прошелестел по сквозняку.

– Как видишь, навожу порядок.

– Не надо. Завтра утром я сама приберусь. Иди отдыхай.

Со скепсисом переспросила:

– Завтра утром? Рири ты в состоянии отличить ночь ото дня?

– Вполне...

– Правда? А я уж думала, что нет. Что стало для тебя еди-но: день, вечер, утро, ночь – в какое время ни ткни ты всегда под опьянением!

– Не злись, пожалуйста. – Рири подтянула одеяло к подбородку. – Я скоро выйду на работу и больше не буду...

– Пить? Не надо врать ни мне, ни себе! Ты и после работы неплохо выпивала. Жаль я вовремя не забеспокоилась.

– Пф, беспокоиться? Не раздувай проблему из ничего.

– Из ничего? – у меня на этой фразе нервно задёргалась бровь; выше копчика зачесалось, видимо, и волчица возмутилась и захотела выбраться наружу, чтобы задать лисе трёпку.

Подошла к найдёнышу, положила её на кровать. Открыла дверцы бельевого шкафа, выгребая бутылки. Пакет закончился быстро, пришлось сходить ещё за десятком.

– А-а-а-а, – захныкала Рири, хватая меня слабой рукой за пижамную кофту.

– Что случилось?

– Зачем ты складываешь и целые? Я их ещё не открыва-

ла-а-а...

Повернулась к лисе, наклонилась, упёрла руки по бокам от её исхудавшего тельца.

– А ты сама не поняла?

В ответ найдёныш нахмурилась недоумевая.

– Ты больше не притронешься к выпивке. Я тебе обещаю.

– Ой, ну не надо мне угрожать! Больно надо... Думаешь, я без рома с виски не проживу? Пф! Да как два пальца обоссать!

– Рири, боюсь в таком состоянии ты и правда даже двух пальцев обоссать не в силах.

– Пф! Да к чему ты кло-онишь? А?

– Не ругайся, Рири. Успокойся и засыпай. Завтра поговорим.

Я сложила последнюю бутылку в одиннадцатый пакет. Приблизилась к кровати, подоткнула края одеяла, погладила растрёпанные каштановые волосы. Закрыла форточку и прикрыла дверь. Лепёшка сидела в гостиной и смотрела внимательно на меня.

– Что такое? Тебя, что ли, не покормили? Ну, идём тогда, поужинаешь со мной.

Лепёшка мяукнула, потёрлась о штанину и пошла со мной на кухню. М-да, давненько уже я ужинаю без компании Рири. Пора завязывать с затянувшейся проблемой.

На следующее утро я зашла в спальню Рири, дабы позвать завтракать. Но вместо картинки, которую я ожидала увидеть, а именно помятую с похмелья двуликую, обнаружила относительно бодрую, но уже подвыпившую!

– Какого...

– Доброго! Доброго утра, босс... – найдёныш шагнула с кровати, дабы встать, однако ноги её подкосились, и она присела обратно.

– Ой. А-ха-ха-ха, собака такая гравитация! – в ответ прожигала её гневным недовольным взглядом.

– Да ладно тебе... расслабься!

– Где?

– М?

– Я же вчера всё выкинула.

– М-м-м, да.

– Так почему ты пьяная?

– Пф, а-ха-ха-ха, ты шутишь? Я же трезвая!

Однако красные щёки, влажные глаза и запах недавно откупоренного спиртосодержащего напитка выдавал лису с потрохами.

– Где?

– Что где? – найдёныш решила прикинуться дурочкой.

Наши гляделки могли продолжаться всё утро, благо Ле-

пёшка пролила свет. Хотя если сказать точнее – опрокинула бутылку, сидя на шкафу, под самым потолком. И правда, вчера вечером я туда не заглядывала.

– Спасибо Лепёшка. – Поблагодарила я, поднимая бутылку. По ковру растеклось пятно. Надо будет сдать ковер в химчистку.

– Лепёшка! Падла! Бессовестный клубок шерсти! Злодей несчастный! – закричала лиса, указывая на животное пальцем.

– Не распаяйся так. Я думаю, она желает тебе добра.

– Добра? Она предатель!

– Предатель? Разве? Мы обе действуем только в твоих интересах. – Я вышла в гостиную.

– Каких таких... стоп... на что ты намекаешь... – Рири подошла к порогу, схватилась за косяк. Её заметно шатало.

– Пора лечится. – Лицо двуликой вытянулось, перекошилось в неверии и испуге.

Не успела я сказать ещё и пары слов, как сестра захлопнула дверь. Подошла, подёргала ручку, та не поддавалась.

– Рири? – в ответ молчание.

В тот день найдёныш так и не вышла из спальни. На вопросы не откликнулась.

В расстроенных чувствах я уехала ночевать к Максимилиану.

Мы сидели на диване, полулёжа, ноги укрыли вязаным пледом. По телевизору шло какое-то комедийное шоу, но я не вникала в суть происходящего на экране: все мои мысли поглотила проблема с Рири.

– Отлично. Теперь дай левую. – Молча протянула Максимилиану руку, он принялся красить ногти на ней. Правую уже покрашенную аккуратно уложила поверх пледа.

– Не расстраивайся, – Максимилиан подул на мои ногти, – когда-нибудь она поймёт, что ты действуешь из лучших побуждений.

– Пока я приносила ей только боль.

Максимилиан закончил с правой рукой, прилёг мне на колени, обнимая за талию.

– Не вини себя. Такова судьба. Невозможно постоянно нести лишь добро. – Голубые глаза смотрели на меня ласково и поддерживающе. Склонилась для поцелуя. Идиллию нарушил мой телефон.

Максимилиан приподнялся, поднёс к моему уху визжащую пластину.

– Слушаю. Ты где? – Обратилась к волку: – Не против, если Ал на пару минут сюда заскочит? – Белых прошептал: «Не против», вернулась к телефонному разговору: – Залетай. Я сейчас у Максимилиана.

Носом нажала на отбой, Максимилиан положил телефон обратно на столик.

– Что-то случилось? – поинтересовался мой жених.

– Сейчас узнаем. Дай я встану, надо одежду ему дать.

– Что?

Не ответила, покинула тепло пледа, прошла в коридор, Макс последовал за мной. Достала из своего дипломата вакуумный пакет, раскрыла, вытащила сложенный в три погиребли, но не помятый от этого костюм тройку, из кармана также достала очки и резинку для волос. Волк безмолвно за мной наблюдал.

Через минуту сквозь замочную скважину просочился зеленоватого оттенка дым. Он клубком сформировался на полу у моих ног.

– Да ладно тебе, не стесняйся. Максимилиан мужчина, ну а я на твою попку ещё в детстве насмотрелась.

Третья ипостась покружилась вокруг меня. Остановившись, поднялась до колен. Я стояла и боролась с мышцами лица, чтобы не засмеяться, щеки начало сводить от натуги.

– Давай-давай, время не тьяни, мы тут все ликие занятые. – Поторапливала я.

Духовная субстанция стала энергично проноситься и мельтешить перед моими руками, коленями, изредка окутывала мою голову. Похоже брат психует. Воспоминания услужливо подкинули мне картинку, как Леший пыхтит в гневе в человеческом теле.

Бросив бесплодные попытки заставить нас уйти, оставив его наедине с одеждой, дым поднялся вертикально, потемнел и постепенно приобрёл материальную форму. По мере того как из куска эфира вырисовывался Ал, точёные брови Максимилиана поднимались всё выше и выше.

Леший перевоплотился, раздражённо выхватил у меня из рук одежду, за пару секунд надел костюм, нацепил очки и повязал волосы в низкий хвост. Гневно на меня посмотрел и сказал:

– Пожалуйста, не издевайся так больше.

Ухмыльнулась.

– А что такого? Тебе ведь не привыкать летать по городу.

– Да, но устраивать публичный стриптиз я не намеревался.

– Прости-прости. Просто хотела показать во всей красе твою третью ипостась. Макс?

Максимилиан как замороженный смотрел на Ала. От моего оклика, очнулся:

– Ничего. Так третья ипостась – это просто промежуточная фаза перевоплощения двуликих? Это и называют духом?

– Ага, почти. Ожидал чего-то большего?

– По правде говоря, да. По континенту гуляют слухи, что треликие в ипостаси духа очень могущественны. Однако на вид и не скажешь, что обычная дымка имеет силу.

– Ну в третьей ипостаси они могут мигом переноситься на большие расстояния.

– И только?

– Кхм-кхм, – Ал покашлял в кулак. – Я вообще-то здесь. Мари, не стыдно перед своим женихом голым братом светить?

– Ни капельки.

Максимилиан вклинился в нашу перебранку:

– Прошу прощения, Ал. Это я ранее упоминал при Мари, что не прочь взглянуть на третью ипостась духа. Прошу прощения, если обидел.

Леший изучающе взгляделся в волка.

– Вы с Леоной чрезвычайно похожи.

– Спасибо. – Макс обезоруживающе улыбнулся и Ал перестал сердиться.

– Ладно, перейдём к делу.

– Пройдёмте на кухню. – Пригласил Белых.

На кухне Макс шустро налил всем чаю, поставил на стол выпечку.

– Я нашёл, кого ты заказывала. – Начал официальным тоном Леший. Надо признать, что у посторонних от его такого опасного выражения глаз и голоса обычно поднимались волосы и мурашки. Максимилиан, как ни странно, стал исключением: совсем не напрягся, с удовольствием уминал печенье. – Навёл справки на одного первоклассного психотерапевта, лучшего в столице Коткару.

– Переговорить бы с ним.

– Я назначил встречу на этот вечер. Из твоих слов понял,

что дело не терпит отлагательств. – Максимилиан не обращал внимания на наш разговор, перешёл с печенья на кекс.

– Молодец. Ко скольким?

– Через час в его кабинете.

– Отлично. Тогда выедем вместе на моей машине. Так и ещё кое-что по поводу сестры. Попроси Леону назначить Рири встречу где-нибудь в кафе или парке.

– Хорошо.

Неожиданно подал голос Максимилиан:

– Зачем?

Посмотрела на волка.

– Рири заперлась в спальне. На мои уговоры она не выходит. Боюсь завтра она так же будет себя вести. Поэтому нужно выманить лису из убежища. Кстати, завтра можешь тоже помочь.

– С радостью. Что нужно делать?

– Помочь Рири сесть в машину. Если, конечно, она станет сопротивляться или захочет убежать.

Вернулась к зрительному контакту с братом.

– Ал, по поводу сектантов?

– Пока глухо. Дашь мне ещё дня два?

– Разумеется.

За чаепитием и дальнейшими разговорами ни о чём скоротали время. Затем поехали с Алом в клинику, Макс же остался ждать меня у себя в квартире.

Скрипучая обивка кожаного дивана жалобно попискивала от любых движений. Я закинула ногу на ногу, всмотрелась в бегающие глаза врача. Огонёк моей зажигалки мелькнул в зрачках вжавшегося в кресло двуликого. Раскурила сигарету и не спеша выдохнула табачный дым.

– Мне надо, чтобы Вы помогли справиться ей с горем. Так случилось, что мы убили дорогого ей ликого.

На шее собеседника заметно шевельнулся кадык.

– От меня требуется восстановить доверие между вами?

– Нет. С ним проблем нет.

Яр достал из кармана платок, промокнул пот со лба. Продолжил:

– Горе утихнет со временем. Года через три ей окончательно станет лучше.

– Мы не можем столько ждать.

Ал продолжил мысль за меня:

– К тому времени она окончательно сопьётся.

Врач не в силах больше на нас смотреть, опустил взгляд в пол. В кабинете витал феромон аромата асфальта после дождя, и чуточку слышался адреналин. По каким причинам этот мужчина так напуган? Посмотрела на Ала с вопросом: «Он что-то знает о нас?». Брат отрицательно покачал головой. Хм, неужели мы когда-то встречались с этим двуликим?

Он из Инсана? Енот опять открыл рот и прервал мои размышления:

– Попутно надо убрать тягу к алкоголю?

– Да, но зависимость – следствие травм. С ним мы тоже продолжим бороться сами. Помогите ей забыть утрату, переключите как-нибудь.

– Понятно.

Ал осведомился:

– Чем мы сами можем ей помочь?

– Загрузите её работой.

– Насколько сильно?

– Так, чтобы не осталось сил поужинать. Чтобы засыпала на ходу.

Улыбнувшись, поинтересовалась:

– Вы точно специалист своего дела?

А Ал уточнил:

– Это её не убьёт?

На лице двуликоко промелькнула гордость, он немного приподнял голову и произнёс:

– Поверьте моему пятидесятилетнему стажу. В таком деле практически невозможно сделать хуже, чем уже есть.

Поговорили ещё некоторое время о нюансах и возможных проблемах.

Удовлетворённые ответами, мы вышли в искристый мороз. Наше с братом дыхание замерзло облачками в воздухе. Зима подбиралась всё ближе и ближе.

Чтобы спасти утопающего необходимо...

Янтарный свет настенных ламп вытягивал наши тени мягкими мазками по персиковой скатерти круглого стола. Ширма с цветочным узором прятала нас от посторонних глаз. Уютное большое кресло, казалось, захватило моё тело целиком в приятный плен, из которого не хотелось выбираться. Бутылка в обёртке из-под вишнёвого сока холодила мою ладонь; капли конденсата медленно стекали по чёрному стеклу; по красной соломенной трубочке в мой рот текло освежающие некрепкое полусладкое вино.

– А он мне такой говорит, *даже если ты захочешь от меня уйти, я тебя не отпущу*. Я такая отвечаю, *мне стоит начинать бояться?* А он такой, *уже поздно, ты моя*. Прики-инь как романтично! Ух, я вся пылаю! – подруга замахала ладонями, поднимая ветерком свои кудри.

– Глотни кофе. Он уже трижды успел остыть.

– Угу. – Промычала Леона, откусывая за раз половину кусочка клубничного торта.

В уголке её рта остался белый крем, а на пальцах клубничный джем. Я молча протянула ей одну-единственную салфетку, которую ещё не успела скатать в комок. Подруга, торопясь, глотнула кофе, поперхнулась, стёрла крем с лица и

джем с пальцев. Её бирюзовые глаза сияли в этот день ярче любых звёзд в сраной бесконечной вселенной.

– Не ну ты прикидываешь? Я охрене-е-ела от такого расклада! Совсем недавно мариновал меня в зоне *не трожь меня*, а сегодня я уже, вот глянь! – Леона задрала футболку по самые лямки кружевного лифчика, показывая мне уже в сотый раз свою метку.

С громким треском о пол разбилась посуда – это официант принёс очередную порцию десертов и зашёл забрать грязную посуду. Как раз пустые тарелки и поцеловали кафельные плитки.

– А-а... простите-извините! – покраснев до корней волос, паренёк-официант убежал за ширму.

Подруга прокричала ему вслед:

– Эй! А посуду кто убирать будет!? Эй! Ты забыл принести моё шоколадное парфе!

– Леона.

– Что?

– Верни футболку на место. Твой бюстгальтер очень красив, но не стоит показывать его всем подряд.

– Да я же не его показывала, а...

– Метку любви всей своей жизни.

Леона довольно улыбнулась, заправила футболку под ремень комбинезона. Взяв ложечку, волчица принялась за ванильное мороженое. Я же вернулась к вину.

– Леона. Ваши отношения пахивают чем-то не здоро-

вым, но последнее время... хотя я по жизни постоянно ошибаюсь, так что и сейчас, наверное, не права... Главное, чтобы тебя всё устраивало.

– Устраивает! – широкая улыбка в подтверждение заявленного.

– Хорошо. Тогда совет вам да любовь.

– Угу. Спасибо! – Мороженое закончилось, на его место пришли блинчики с бананом и киви. – Ну а сама ты?

– М?

– Когда замуж выходить планируешь?

Вино резко свернуло не туда, перекрывая пути дыхания. Я закашлялась. Леона подскочила, попрыгала вокруг меня со стаканом апельсинового сока. Вернув себе возможность ровно дышать, откинулась на спинку кресла.

– Ты как?

– В норме.

– Фу-у-ух, я уж запереживала, что с тобой делать, если скопытишься. Так-с, о чём это я? А, точно! – Леона села на место. – Когда ты...

– Хватит! – Вытащила соломинку из вина, глотнула из горла. – Твои вопросы загонят меня в гроб.

– Я ничего такого...

– Леона. Меня никто и никогда не возьмёт в жёны.

– Почему это?

– Потому что я проститутка?

– В прошлом же! Да и никто об этом почти не знает. Так

что не ссы!

– Я и не боюсь. Просто сама никогда не выйду замуж.

– Отчего это?

– Потому что я...

– Проститутка?

– Не только. У меня наберётся ещё парочка недостатков.

Леона со вздохом отложила в сторонку пустую тарелку из-под кусочка шарлотки.

– Рири, – несвойственно серьёзным для неё тоном начала подруга, – мы хотим тебе помочь, – я напряглась, – мы тут подумали и решили... – половинки моей тощей жопы подсыхали, – тебе надо обратиться к специалисту.

– Ха-ха-ха, напугала бя! Хочешь меня направить в лапы свах?

Леона наклонила голову, улыбнулась. Из-за однобокого искусственного освещения, лицо волчицы показалось в это мгновение жутким и не предвещающим ничего хорошего.

– Так ведь? – издыхая, спросила моя надежда.

– Рири, успокойся.

– Я-я-я спокойна-а-а...

– Ты бутылку раздавила.

Я опустила взгляд. По скатерти расплывалось пятно, по моей руке стекало вино и кровь из порезов об осколки.

– Блять!

Схватила свой шарф, намотала его на пораненную ладонь.

– Прости, Рири. Мне очень жаль. Но поверь, это всё ради

тебя! Поэтому, пожалуйста, не сопротивляйся.

– Да о чём, мать вашу, ты говоришь?

– О-хо-хо, не пугайся так. Это совсе-е-ем не больно!

Ебать, почему моя подруга глупышка-обаяшка в считанные секунды превратилась в какого-то персонажа хоррора с маньячной улыбкой!?

Инстинкт самосохранения поднял с кресла, понёс меня прочь из кафе, но... на выходе меня поймали чьи-то сильные руки. Впереди стоял автомобиль Вишни с распахнутой задней дверью, позади меня удерживал за руки Макс. Смазлённыш дотащил меня до дверцы. Я упёрлась ногами в молдинг и крышу авто. Волк меня вталкивал в салон, но я не поддавалась.

С водительского места донеслось:

– Рири, сядь. – Мари как никогда грозно попросила.

– Нет!

Послышался тяжкий вздох из салона и сочувственный сбоку. Это Леона вышла из кафе, качая головой.

– Всё действительно так плохо? – поинтересовалась она у Макса.

– Д-да, – продолжал толкать, но я пружинила ногами. – Она уже три недели подряд напивается.

– О-о-о... а я не заметила.

– Ты, кроме своего треликого мужа, никого больше не замечаешь!

– Ой, а сам то!

Мари вышла из машины.

– Прекратите оба. – Мы повернули головы к ней.

– Рири, я устала тебя уговаривать. Ал нашёл отличного специалиста. Тебе окажут специализированную помощь...

– Я здорова! Да захер мне мозгопромывка!?! Подумаешь, немного выпиваю!?! Что здесь такого!?!

Мари закрыла глаза, когда открыла, радужка была абсолютно чёрная; по челюсти её заходили желваки.

– Это ведь никак не будет отражаться на моей работе! Ты сама мне дала отпуск! Так в чём проблема!?! Выйду на работу трезвой же!

– Я верю, что пьянство не отразится на твоей работе. Однако. Алкоголь вредит тебе. Если бы двуликие не умирали от психологических болезней, я бы тебе и слово в укор не сказала.

– Я здорова!

– Ты не просыхаешь с того дня, как сбежала из больницы. Я не видела тебя трезвой с тех самых пор.

– Ну уж простите, что моя пьяная рожа маячит и нервирует вас!

– *Ри. Ри.* – Позвал меня ментально Макс.

– *Чего тебе?*

– *Просто сходи разок. Чего тебе стоит?*

– *Вот сам тогда и иди! Не позволю мозги себе полоскать!*

– *Испеку тебе бисквитный рулет.*

– *Пф! Меня жратвой не проведёшь!*

– Прочитаю его насквозь в роуме.

– Заметано.

Резко прижала ноги к животу. Но так как Макс давление на спину не ослаблял...

В общем, ехала к психотерапевту я с кровоточащей разбитой переносицей.

* * *

Тяжёлый взгляд провожал меня в спину, когда я открывала дверь с табличкой, гласящей: Яр Захер, главврач, психотерапевт. На лицо моё невольно напозла ухмылка. Умеют же некоторые с первых слов завлекать!

Зашла с громким:

– А Вы мне нравитесь! Определённо! – из-за травмированной переносицы говорила немного в нос, хорошо что кровь хотя бы остановили бинтами да лейкопластырями.

– Добрый день. Рад слышать. Присаживайтесь.

Осмотрелась. Ничего особенного: светлые стены, пара пейзажных картин, жалюзи неплотно прикрывают окно, кушетка с подушками-обнимашками, двуликий невысокий слился цветом лица с серым креслом. Щупленький паренёк с тёмными кругами под глазами в пепельного оттенка джемпере, ногами до пола не достаёт. И этот доходяга мой клиент мозгоправ? Глаза у него какие-то мутные...

Представилась:

– Шакари Тихая. Вторая ипостась помесь лисы и пса.

Улеглась на кушетку, скрестила руки на груди, вперилась взглядом в потолок.

– Яр Захер. Вторая ипостась енот.

– Полоскун?

– ...Самый обычный лесной енот.

– М-м-м... ясно.

– Как мне можно к вам обращаться?

Внимательно всмотрелась в его серые глаза. Повернула голову обратно к потолку.

– Сложный вопрос.

– ...

– Почему Вы нервничаете?

– Я спокоен.

– Нет. Вы весь на измене. На вашем лбу капли пота. Пальцы сцеплены так, что костяшки побледнели. Моргаете редко.

– Вы очень наблюдательны.

– Если бы... тогда бы я не оказалась сегодня на этой кушетке.

– А где бы Вы тогда были?

– В океане или земле, а может и пеплом по ветру... как карта бы легла.

– Кхм-кхм. – Мужчина поднял с журнального столика стакан с водой, пока подносил ко рту расплескал половину на штаны.

– Осторожней, доктор. Может Вас чем-то напугали мои

брат с сестрой? – Захер прыснул водой изо рта. Хорошо, что нас разделяют с ним добрых два метра. – Не переживайте. Они Вас не тронут. Делайте свою работу, и все останутся довольны. И живы. – На последней моей фразе стакан выскользнул из его рук, упал на пол. Благо пробковое покрытие пола уберегло стекло.

Сжалившись, произнесла:

– Начинайте уже. Время деньги.

– Что Вас тревожит?

– Ко мне на ты. Иначе могу и проявить агрессию: большая тема... с давних пор. Зовите Шакари.

– Что тебя тревожит?

– Головные боли, сушняк с утра, живот иногда крутит.

– ...Может что-нибудь ещё?

– Захер, тебе явно всё уже рассказали – зачем, как и почему.

– Я хочу услышать твою версию.

– А я хочу выпить.

– Могу предложить только воду.

– Забудь.

– Как прошли последние года? Об этом можете поведать?

– Могу. Знаешь, в целом года выдались хорошими. Однако попадались мелкие проблемы такие... размером с какашку хомяка. Видал когда-нибудь какашку хомяка?

– Не доводилось.

– Ох, ты многое потерял. Какашки хомяка похожи на бу-

рый рис. И вот представляешь... много повстречалось таких мелких проблем... и они так копились, копились, копились... что к сегодняшнему дню у меня получится сварить из них тарелку ароматной каши.

– Набралась целая тарелка... мышинных экскрементов?

– Хомячьих какашек! Какие мыши? Чем ты слушаешь пациента? Вот поэтому твоим предкам дали такую неблагозвучную фамилию. Жопой слушаешь клиента!

– Прошу прощения. Продолжайте.

– Захер, можно задать вопрос личного характера?

– Конечно.

– Вот почему ты такой весь из себя успешный, дослужился до главврача, а фамилию так и не поменял на более благозвучную?

– ...

– Закрываешь гештальт детских обид?

– ...

Определённо с этим енотом мне будет весело.

Манипуляция или...

Мерцающие пылинки проплывали через льющисся сквозь оконные рамы красные солнечные реки. Струйка дыма лениво выпорхнула из моего рта и растворилась в духоте кабинета.

– Ваш ход, доктор.

Яр Захер промокнул пол со лба, сглотнув, простёр руку над шахматной доской. Его пальцы метались от фигуры к фигуре. Приняв решение, елот переставил ладью, убегая изпод удара моего ферзя. Переставив белую фигуру, его пальцы поджались, рука мигот вернулась в тепло складок серого бесформенного свитера.

Внимательно оглядывая сложившуюся ситуацию на доске, поглубже затянулась.

Психотерапевт Рири ёрзал на стуле. Глаза его кажущисся огромными в окружении тёмных мешков прыгали по мебели в кабинете, но упорно старались не смотреть в мою сторону.

Затушив сигарету, сделала следующий ход. Пока я убирала окурот в карманную пепельницу, Яр Захер с еле слышным стоном и закрытыми глазами переставил свою пешку на клетку вперед.

– Мат, – проямлил двуликий.

– М? – я пристально посмотрела на белые фигуры, подставившие моему чёрному королю нож к горлу. Потерев подбородок,

родок, ответила: – и правда мат. Вы хорошо играете. Мои поздравления, доктор.

Похвалила енота искренно, однако он отказался играть со мной вторую партию. Изъявив желание сбежать в туалет, мужчина покинул меня ненадолго. Я облокотилась на стол, неспешно собирая фигуры в доску. Останавливаясь на секунду в моих накрашенных когтях, изящные выточенные из красного дерева ладьи, ферзи да пешки, с прочими своими товарищами один за другим укладывались на место.

Как шахматы постепенно переложились на место, так и я незаметно соскользнула в воспоминания сегодняшнего утра, приведшего меня на беседу к Яру Захеру.

Проснулась как всегда рано, хотя работы на сегодня не предвиделось, потому что выделила себе полноценный выходной день. Сдержанно потянувшись, перевернулась набок. Мои глаза застали умиротворяющую картину: Макс расслабленно лежал, положив руку поверх тонкого одеяла. В его светлых волосах запутались золотистые солнечные лучи. Мягкие розовые губы чуть-чуть приоткрыты. Ресницы цвета белого шоколада мелко колыхались от дыхания.

Я протянула руку и погладила пальцами белоснежное ухо. Ухо дрогнуло под моим прикосновением. Макс открыл глаза. Сонным голосом он пожелал мне доброго утра.

Улыбаясь и глупо хихикая, мы пытались поцеловаться, но напряжённые, растянутые в улыбке губы отказывались нам содействовать. Отсмеявшись, Макс закинул руки мне на

шею, притягивая к себе и вовлекая в нормальный трепещущий в своей нежности поцелуй. Отстранившись, но не отпуская меня, парень спросил:

– Когда?

Установив согнутые в локтях руки поудобнее на кровати, переспросила:

– Что именно?

– Свадьба. – Аж весь светясь, ответил Макс.

Отведя глаза в сторону, нерешительно произнесла:

– Ну-у-у, Дорогой мой, мы же договаривались, что никуда не будем спешить? – Говорю, а сама кошу глазом, подмечая реакцию парня. А реакция, цензурно выражаясь, меня не обрадовала.

Максимилиан пару раз захватил воздух ртом, прекрасные его глаза увлажнились, а губы напряжённо поджались.

– Но как же... как же вчерашняя ночь... – пролепетал Макс.

Я быстро высвободилась из его объятий, села на кровати. Потирая шею и ища взглядом одежду на полу, начала увещевать:

– Максимилиан, нам правда некуда спешить. Ты молод, я тоже пока числюсь в молодых. Я уже была в браке, поверь мне на слово, там особо нечего ловить. Быт ещё успеет надоесть. Давай не спеша наслаждаться конфетно-букетным периодом. Для тебя так это вообще всё в первый раз...

– Вот именно. – Перебил мою речь волк.

Я повернулась к нему. Парень сидел на кровати по пояс голый, бёдра прикрывало одеяло. Макс с опущенной головой сжимал в кулаках хлопковую ткань. Белокурые волосы скрыли от меня лицо, но голос вполне передавал все его эмоции с лихвой. А слышалось там нотки обиды и подбирающиеся к горлу слёзы:

– Ты согласилась с моими принципами. Я от тебя ничего не скрывал: ни своих серьёзных намерений, ни своих взглядов на жизнь. Вчера... вчера ты первая начала, но тогда ты могла сказать, что *это* для тебя пустяк... – Макс поднял голову. По его щекам текли крупные слёзы. Мне перехватило дыхание. Горло сжалось в секундном удушье. – Зачем ты всё затеяла? Чтобы посмеяться надо мной?

– Макс... – я протянула к нему руку, но он отвернулся.

– Ничего не говори. – Парень встал, удерживая на бёдрах одеяло, всхлипывая, закончил: – не стоит сотрясать словами воздух. Я понимаю, что для тебя мои взгляды слишком старомодны... и всё же мне очень больно... ох, не обращай внимания, я успокоюсь, и всё войдёт в норму...

Несмотря на меня, Белых вышел из спальни. В полном охреневании я встала, по-быстрому оделась и ушла, пока Макс плакал в душевой.

Даже за рулём я не могла прийти в себя. Что это было, мать мышиную, я спрашиваю? С чего истерика? Чувствую себя сейчас редкой сволочью – наобещала парнишке дворец и вечную любовь, а сама лишила невинности и уехала в свою

холостятскую берлогу, не попрощавшись.

Это на самом деле так или Макс приукрасил? А может мы друг друга неправильно поняли? Но вчера же была идеальная атмосфера для более интимного контакта чем объятия да поцелуи. И что мне теперь делать? Как выкручиваться? Общаться с ним как ни в чём не бывало? Но он же обиделся... тогда надо узаконить отношения?

Так, стоп. Остановила машину на парковке. Заглушила двигатель. Порылась в своих мыслях, вытаскивая за хвост ту самую, пронёсшуюся словно комета. А правда ли он расстроился? Или это хорошо поставленный спектакль? Принципы свои он и правда озвучивал, однако и я свои тоже. Значит ли его истерика, что мне надо пойти на уступки? Вдруг он считал, что секс – это мой ответ *да* на его предложение пожениться? Или мной сейчас манипулируют? Дам слабину один раз, потом вообще из-под каблука не выберусь...

Зарылась пальцами в распущенные волосы. Посмотрела в зеркало заднего вида. М-да, видок у меня тот ещё. Взъерошенная, взгляд растерянный, потерянный.

– Надо обратиться к специалисту.

Вот таким образом я оказалась в кабинете Яра Захера.

Енот вернулся из туалета. Присел на край стула напротив меня. Нас разделял стол и страх, разивший адреналином от двуликого.

– Почему боитесь меня?

Главврач вздрогнул. Потупив взгляд в пол, ответил:

– Сам не знаю. Мы с вами не особо знакомы, однако мой зверь боится вас. Прошу прощения, если это вызывает дискомфорт.

Я махнула рукой.

– Всё нормально, привыкла к тому, что вызываю в ликих подобные чувства. Однако сегодня вы должны собраться и помочь мне разобраться в одном деле.

Яр Захер пододвинул стул, положил локти на стол с кратким: «Слушаю».

– Как понять, что ликий манипулирует тобой?

Енот призадумался, потом сказал:

– На самом деле, если жертва понимает, что ей манипулируют, то манипуляция автоматически не может считаться манипуляцией.

Мои губы вытянулись в полоску. Я понимала, конечно, что разобраться будет нелегко, но не на столько же.

Захер продолжил:

– Чтобы что-то советовать, мне надо более детально посмотреть, что произошло. Наверное, вам смогли бы помочь близкие ликие...

– Исключено. Мои проблемы только мои проблемы. Близких я не трогаю в таких вопросах.

Яр Захер взял в руки блокнот с ручкой, отрешённо посмотрел, произнёс:

– Ну что ж, тогда обрисуйте в подробностях ситуацию.

Спустя полчаса пересказа событий, енот изрёк:

– А вы не думали, что он такой просто сам по себе? В силу характера, темперамента и прочих особенностей?

Я молча ждала продолжения. Яр глотнул воды, на одном дыхании произнёс:

– Инфантильный, романтический и капризный. Скорее всего, он не манипулировал, не вызывал жалость, а утешал слезами сам себя. Без беседы с ним мне не удастся сказать, что им двигало и где зарыта правда. Судя по вашим словам, он просто расстроился, ведь его мечты и планы поправил более сильный и влиятельный в отношениях партнёр.

Я потёрла виски. Усталость навалилась на плечи.

– И как дальше всё будет развиваться?

Двуликий пожал плечами.

– Трудно предположить.

– Вдруг в браке он продолжит добиваться своего слезами? Я превращусь в тряпку, потекающую его капризам?

Мужчина согнул руку в локте, растёр пальцами невидимую пылинку.

– Всё возможно. Однако вас никто не заставляет. Решение за вами. Но вероятно также, что отношения получатся гармоничными. Смотрите сами, если вам не комфортно на данной стадии отношений, то имеет смысл всё прекратить. При изначально негативной установке счастливого будущего ждать не стоит.

На этом мы с Ярмом Захером распрощались. В глубокой задумчивости я провела остаток вечера, ужин и ночь.

Чай с подвохом

Зима закрепила свои позиции. Это время года не было сильно морозным: климат здесь довольно комфортный, вся стужа пришлась на конец осени. Обильный снегопад и периодически безоблачное голубое небо, чистый свежий воздух, иней, сугробы и весёлые крики детей вызывали у меня чувство праздника и умиротворения. Жизнь наладилась и больше не походила на сплошную чёрную полосу.

В середине зимы Мари переехала к Макс. Я осталась жить и присматривать за квартирой и кошкой благотельницы.

Недавно ходила к ним, документы надо было срочно подписать.

Увиденное, мягко говоря, меня рассмешило. Мы стояли с благотельницей в коридоре, обсуждали вопросы, забежать в гостиную и посидеть времени не было. И тут...

– Малыш, – из-за угла в розовом кружевном фартуке выплыл Макс, – я яблочки подогрел как ты и просила, пойдём кушать, только ручки помой.

Грозовая туча бизнеса по имени Марриам Вишня послушно скрылась в ванной комнате. Мы переглянулись со смазлёнышом, понимая друг друга и без слов. Похоже, наш дурдом ждёт пополнение.

– Ладно, не до меня вам тут, Лешего с проблемой напрягу.

А ты прям молодец. Один раз присунул и ребёнок уже готов?
А-ха-ха-ха-ха-ха...

Двуликий кинул в меня испепеляющий взгляд, и я поспешила ретироваться.

Ал и Леона тоже съехались. Треликий купил частный дом с большим зимним садом. Дух стал более разговорчивым и живым от жизни с Леоной. К моему удивлению, Ал оказался подкаблучником: выполнял почти все желания, капризы и прихоти своей зазнобы. Как и семья добродетельницы они расписались, обменялись кольцами, но свадьбу решили не играть.

В их семьях правила тишь да гладь да благодать, по крайней мере, так казалось со стороны. Что же касается меня... я была свободена-а-а-а... словно-о-о голу-у-убь в небе-е-еса-а-ах... Перебивалась одноразовым перепихоном на исключительно трезвую голову, цепляя красивых ликих в барах и клубах, забегая туда при любой выпавшей возможности.

Разгульная жизнь? Возможно, но меня всё устраивало. Да кому я вру? Лепёшка скребла на душе, хотелось волком выть в лесу. Вот, казалось бы, чего мне ещё надо? Где жить есть, да и друзья-сестрички надёжные всегда рядом. А вот зажралась! Мало мне этого: отдохнуть как следует хочу!

Мари загрузила меня работой по самую маковку! Да и Захер этот... мозгополоскун треклятый. Дважды в неделю к нему в обязательку хожу, так в добавок к этому принудили меня ездить в соседний город на поседелки анонимных ал-

коголиков. Блядство, окружили меня со всех сторон своим лечением, выпить хочется иногда до спазма в мышцах челюсти.

Варясь в подобных рассуждениях, мирно попивала чаёк в гостях.

Мы собрались впятером: всей нашей дружной командой в квартире у Макса. Нас созвала Леона, надо было порешать какие-то сверхважные вопросы. На этот вечер четверга у меня был запланирован секс или расслабление в баре за чашечкой чая, но раз позвали – пришла, друзья были у меня на первом месте.

Подруга сидела рядом с мужем на диване, я полулежала в кресле, Мари с домохозяйником расположились на втором диванчике. Вся эта мебель стояла вокруг столика с печенюхами и чаем. Гостиная занимала половину первого этажа, стены квартиры местами были обиты вагонкой, благодаря чему в воздухе витал сладкий аромат дерева.

Ребята перешли на несколько тонов выше, и я невольно выплыла из раздумий, слушая, что они так яростно обсуждают.

– Я конечно всё понимаю, но у меня своих забот полон рот. – Сказал Макс.

Леона взорвалась в ответ:

– Так ты хуй из рта вытащи! Я, конечно, понимаю семейная у вас там идиллия, но с этой грёбанной ситуацией надо что-то решать! Всё на себе тащить не собираюсь! У ме-

ня в автосервисе аврал! И бизнес семьи уже захлёбывается в долгах! Нас скоро белки-оборотни обсмеивать будут! – подруга скривилась, выплюнула: – Эти длиннохвостые паскуды! – Леона посмотрела в упор на мужа, продолжила: – А мне, между прочим, в свадебное путешествие хочется! Намёк понял, Ал? – Леший безропотно кивнул. Белая волчица же обратилась к его начальнице: – Мари, будь уж добора, разгрузи на недельку свою правую руку, а то трахаться хочется не в терпёж уж!

Марриам не прерывая активную переписку с Любовью, – там у них что-то опять случилось, – ответила:

– Без проблем. Леший, ты свободен. В понедельник видеть тебя не желаю. – Быстро решила начальница.

– Отли-и-ично-о-о. Все вопросы почти решили. Остался только тот самый. – Леона и Макс переглянулись и посмотрели на меня. Что? Я слишком громко хлюпала чаем? – Рирри, ты моя подруга, Марриам ты духовный родитель, а Алу ученица. – Моя жопа напряглась, чувствуя неладное. – Ты член нашей семьи...

– Стопэ-стопэ, Лео, в какое дерьмо ты хочешь меня втолкнуть? Говори сразу и по делу, что надо сделать. – Прищурилась я.

Подруга растянула лыбу во все тридцать два зуба.

– Какое ещё дерьмо? Просто съездишь к одному оборотню, скажешь, что ему пора возвращаться домой.

– А у вашего уважаемого телефона нет?

С нотками радости волчица произнесла:

– Нет, он отрезан от внешнего мира.

– А сами почему не поедете?

Леона прикрыла ладошкой рот, взгляд скосила в сторону.

Будто бы в печали невнятно пробормотала:

– Мы заняты.

Я аж ровно села в кресле. Мышцы тела напряглись, шея вытянулась вперёд.

– А я, блять, свободна? Ты мой график вообще видела? Я нахуй не моргаю лишний раз, чтобы время на эти лишние движения не тратить.

Леона закрыла глаза, оправдываясь:

– Мы не можем ему показаться: на нас он будет злиться! Срок его траура ещё не закончился. Осталось всего полгода... Но нам уже в край как нужен он на своём посту! – Веки распахнулись, являя влажные бирюзовые глаза. Наследница Белых замахала руками, нервно жестикулируя. – Максик дела бросил, весь в семью ушёл! Я уже не могу!!! Я зашиваюсь с горой документации!!! Я у себя в автосервисе последние два месяца не появлялась!!! Да такими темпами похуюю!!!! – Эмоции или наигранность подхватили её и бросили к моим ногам. Схватив мои колени когтями, Леона довольно качественно заплакала навзрыд, слёзы так и катились по пухлым щекам. – Пожа-а-алу-у-уйста, вытащи брата из его грёбаного маленького убогого домишки...

– Хорош театр разводить, на *меня* такое не действует. –

Морщась и по одному отцепляя от себя её пальчики, поинтересовалась: – а почему никто другой не может? В вашей стае никого уже не осталось? Пошлите его друзей, помощников, знакомых, кого угодно. Но не меня. Или у вас у всех память отшибло? Так я напомню. – Обведя всех взглядом, начала: – Я приспешник Иблиса, который расколошматил ваш конгломерат к демонам собачим. Я, вообще-то, бывший враг. Кто мои останки будет с пола соскребать, когда я сунусь к вашему главе?

Леона похлопала мокрыми глазами, вернулась к мужу на диван. Ал взял со стола чистую салфетку и аккуратно промокнул ею слёзы супруги. Леона всхлипнула последний раз, прильнула пухлым тельцем к Лешему под бок.

– Упокойся. Во-первых, наш брат не псих. Во-вторых, ты уже давно не одна из них. – Подал голос Макс. – Кроме тебя, правда послать больше некого. На знакомых он осерчает, другое дело посторонний двуликий. У тебя язык подвешен: умеешь болтать, расслаблять, погружать в транс, соблазнять – в общем, включишь флюиды лисы. Насчёт последнего не надо, это я про соблазнение.

Я всплеснула рукой и хлёстко хлопнула себя ладонью по ляжке. С сарказмом в интонации похвалила:

– Прекрасно придумали! А ещё я отличный шулер, вор, махинатор и как вишенка на торте: сосу отменно! Брать будете? – меня конкретно разозлила их идея кинуть меня в логово к своему старшему брату альфе. Если волк Макса и Лео-

ны такой здоровый: однажды видела их во второй ипостаси, то боюсь даже представить какого размера окажется зверь главаря. А то, что он захочет сомкнуть пасть на моей шее, я более чем уверена.

Леона попыталась приободрить:

– Ты сильная! Справишься.

Ответила по факту:

– Нет. Я трусливая и слабая.

– Ой, ну не заливай! – не поверила подруга.

Макс попросил в свою очередь жёнушку:

– Малыш, помоги. – Мари оторвалась от телефона, посмотрела на меня.

– Я, конечно, не могу заставить Рири поехать, но в моих силах дать ей недельный оплачиваемый отпуск. – Предложила благодетельница.

– Ага, спасибо. Недели как раз хватит, чтобы мои кости срослись в больнице. – Скрестила руки на груди.

– Влас не бьёт женщин. – Контраргументировал смазлёныш.

Мари добавила:

– Мы поедem осенью к родителям Белых знакомиться. Они владеют туристическим бизнесом, у них своя база отдыха, отели и спа-салоны в горах на границе северных гор и моря, там бьют горячие, грязевые, лечебные и прочие источники. Ты можешь поехать с нами, а можешь остаться с Любочкой и разделить с ней главенство на целый месяц. Ди-

ректора ведь пришлось уволить, а нового так и не нашли.

От предложения остаться один на один с Любочкой и делами, стремящимися к бесконечности, скрутило желудок. Лиса внутри меня проскулила и поджала хвост.

– Хрен с вами. Согласна. – «Согласна на что?» – прочитала на их лицах. – Поеду я к вашему крутому и неподражаемому двуликому, адрес скиньте. Завтра с самого сранья поеду. Начальник, с работы на пятницу освободишь?

– Хм-м-м, заказчики с Песи трудные попались, надеялась на твою помощь завтра, ну да ладно, сама справлюсь. Езжай. – Дал добро Босс.

Ни минуты покоя с этой лисой

Я нервно ходила из угла в угол. Хвост полуформы мешался в ногах. Макс сидел на диване в обнимку с подушкой и не прекращал зевать.

– Рири уехала в шесть утра сейчас время двенадцать ночи! На звонки не отвечает! Телефон вне зоны доступа сети! Но ты же говорил, что связь там ловит!

– Да всё с этой язвой хорошо, расслабься, малыш. – Макс натянул на плечи плед.

Хотела продолжить возмущаться, но откуда ни возьмись появилась Леона. Как дверь открыла? Или через окно влезла?

– Марриам права, это странно. Братик, мы сейчас же должны выехать на её поиски.

В гостиную прошёл Ал, застёгивая пуговицы на пиджаке. Белый волк натурально захныкал, утыкаясь в диванные подушки.

– А-а-а, какого хомячка я должен портить такую прекрасную ночь из-за лисы? Можно просто послать за ней кого-нибудь!

– Мы едем!!! – крикнули в унисон с пассивей Лешего. Против двух разгневанных женщин муж был бессилён, повесив голову, сдался:

– Идите к машине, я пойду возьму ключи.

Немногим ранее

Рано утром с первым автобусом покатила в ближайшую деревушку, до неё, на минуточку, было три часа езды. И не абы какой езды, а на железном, продуваемом во все щели драндулете. Народу в этой камере удовольствий было мало: только папочка с орущим ребёнком, да бабулька, которая везла с собой вонючие жареные на масле чебуреки. Во время поездки вспоминала Макса всеми красочными словечками, которые знала или когда-либо слышала. Вот кто он как не ссыкло? Переговорил бы со своим братом как мужчина с женщиной, да дело в сторону. Ух, гад, гори твои уши от моего праведного гнева!

В этой части области я ни разу не была, да что уж там говорить, дальше ближайших к столице городов носа не высывала. Поэтому единственное что скрашивало эту поездку был вид из окна: мы проехали мимо уже трёх больших озер, двух протяжных полей и всё это в сопровождении если не синих от хвойных деревьев гор, то холмов. Всё белым-бело настолько, что слепит глаза. В чистом голубом небе летали чёрные птицы. Лёгкий ветерок крутил позёмку. Я залипала в окно всю дорогу, не смыкая глаз, хотя думала, что проведу весь путь во сне.

Спустя отведённое время водитель остановил на трассе, сказал, что это моя остановка. Я послушно вышла, передо

мною простиралось чисто поле. Ветер раздувал полы пальто, играл с моим бурым хвостом полуформы. Перехватив покрепче рюкзак, который взяла с собой, оглянулась и отправилась искать дорогу ведущую к деревне.

Долго идти не пришлось, поворот оказался за ближайшими деревьями. Благо снегопада здесь ночью не было, и я смогла дойти без происшествий. Далее шла по указке Леоны до последней, идущих в ряд, улицы, там свернула налево в сторону леса. В отдалении от последнего дома стоял небольшой одноэтажный домик. Не так я себе представляла добровольную камеру вожака, ждала как минимум огромный коттедж. Культурно постучалась, мне открыли через минуту... Ох, йо-о-о, мама, забери меня отсюда...

Дверь мне открыл шкаф, превышающий комплекцию Марриам и ростом и размахом плеч.

– Извините, я кажется деревней ошиблась. – Развернулась в желании воткнуться мордой в снег, только не за мышкой, а в побеге от кары небесной.

Что-то тяжёлое упало на моё плечо, ах ты ж йо-о-оп, да это его рука! Меня втянули в дом и дверь со стуком захлопнулась. В лучших традициях старой жилой постройки Коткару, мы оказались в сенях, и уже за следующей дверью оказалось жилое помещение. Внутри офигенно пахло печкой и хлебушком. Непроизвольно потекла слюна, я быстро её смахнула. Мой сопровождающий хмыкнул.

– Куда ты пойдёшь? Через час метель обещали. Посиди,

пережди, мы пока чай попьем. Есть хочешь? Вижу по мордахе, что да. Пальто на крючок вешай, сапоги снимай, полы тёплые, не замёрзнешь.

Пока мужчина говорил, я его ощупывала взглядом. Ну что сказать... Мужик как мужик, правда с обложки журнала «Ходячий секс»: чёрно-каштановые волосы, двухнедельная щетина, густые, но как будто ухоженные брови, охрененные тёмно-бирюзовые глаза, прямой нос и красиво очерченные узкие губы. Белые уши торчали из шевелюры, хвост покачивался под длинной льняной рубашкой, в тон ей светло-коричневые штаны и простые тапочки.

Сказала бы что он в моём вкусе, но как показала жизнь, я вообще не придирчива. Так что этот экземпляр был на сто баллов из ста. Когда жопа немного отогрелась от холоднющего автобуса, услышала запах коньяка с горьким шоколадом. Ох, бя... выпить захотелось, сглотнула непослушную слюну и стала озираться в поисках откупоренной бутылки, но таковой не нашла.

Домишко внутри довольно простой: камин, деревянный стол, две лавки к нему, шкаф в углу, что-то прикрывающая занавеска, холодильник и радиоприёмник на окне рядом с розовой геранью.

– Как звать? – сказал объект моего слюноотделения, разливая чай по огромным керамическим кружкам.

– Р-Р-Рири...

Пока говорила, экстренно думала стоит ли говорить этому

верзиле своё настоящее имя. Я-то надеялась, что увижу такого же оборотня как Макс: лощёного, смазливового и в конце-то концов, ниже меня! Да эта махина меня с одного удара в покой отправит! Вдох выдох, главное без паники, а то его волк учует, что очко моё сжалось.

– Хм-м-м, не местная, что ли? – уселся за лавку напротив меня медведь волк.

– Угу, – получилось как-то пискляво, прокашлялась.

– Понятно. Откуда именно родом? Куда путь держишь? Гостей у меня давненько не было, поговорить хочется. Развлеки уж беседой, будь добра, если, конечно, тебя это не напрягает. Настойку будешь? Сам ставил. – Довольно изрёк во-жак.

– Буду хозяин, буду.

На трезвую голову рот открывать побаиваюсь. Даже моя чаровница лиса, свернулась клубочком внутри и послала меня на хрен, мол сама разговаривай и флюиды мои не трожь.

На стол он поставил картошечку с укропчиком и масличком, хлебушек, вяленое мясо, соленья из холодильника и большущую пятилитровую бутыль с бордовой, как спелая черешня, наливкой. На чём он её настаивал? На крови сбегавших из стаи крыс? Ладненько, ща бахнем по рюмашке, расслабимся, а там потом и мой лисий шарм подключится. Прорвёмся!

Но налил хозяин нам не по рюмашке, а по, матушку его, кружке. И стало мне хо-ро-шо сразу после первого тоста.

Впрочем, поплыла в синюю страну не я одна: хозяин тоже немного окосел. Дальше дело пошло как по маслу: мы покушали, выпили ещё по две кружки, я сбегала в туалет, который вместе с ванной оказался за занавеской.

И как весёлые, общительные ликие подшофе стали изливать друг другу души. Он рассказал про свою зазнобу, в конце его монолога ему ответила:

– Знаешь, Влас, а я ей завидую! Не хмурься! Она умерла счастливой! Знала, что кому-то нужна и горячо любима! Вряд ли уходя, о чём-то жалела, если только о плохом здоровье... Но все мы рано или поздно отдаём душу на перерождение. Вот возьми хоть, к примеру моего наставника: он дух, жить будет примерно тысячу лет, и ты что думаешь? Рано или поздно и он скопытится! Развеется дымкой поутру.

Надо поблагодарить её за все те годы счастья, что она тебе дала и отпустить! Знаю, что тяжело, сама много кого похоронила, но! Представь как её душа уже обитает где-нибудь в другом мире или городе, живёт в другом теле и, наверное, ходит в детский сад, школу или бегает по лесу... Бля, о чём это я? А, о душе! У неё сейчас другая жизнь, считай она переехала на пээмжэ в другое место, ну или плавает в небесном эфире, охраняя и оберегая твой зад!

Знаешь, хозяин, верность – это круто конечно, но жизнь дана для того, чтобы мы жили для себя: делали что хотим, любили кого хотим, ели, спали, работали... жили в кайф, наверное, и умирали без сожаления о прошедшей жизни. Ну а

ты? Что ты вспомнишь на смертном одре? Как лил слёзы в подушку о той, что к тебе не вернётся? Не-е-е, хозяин, надо духом воспарять, распрямлять плечи и идти дальше.

Вот возьми, к примеру, родителей одиночек, разве им есть когда слёзы лить? Да погорюешь тут, когда дети не кормлены и коммуналка не уплачена. Ну а если совсем тебе тошно от мира грешного, так иди в закрытые поселения, служи, восхваляй в песнях Бога Жизни. Хоть какая-то польза от тебя будет...

Вожак мне ничего не ответил, налил нам ещё по кружке и мне стало та-а-ак охренительно, что стала вспоминать своё прошлое. Хотя вот сколько раньше не пила, а до кондиции *вспомним былые времена*, никогда не доходила или успешно её проскакивала.

Я положила голову на руку, Влас что-то спрашивал обо мне, и мы как-то незаметно перешли к самому *весёлому*, мой язык не ведал преград, чувства притупились, поэтому говорила с холодной душой: внутри больше ничего не ёкало.

Время пролетело незаметно, как и метель: резко поднялась и так же утихла. На настенных часах стукнуло три часа ночи. Мы всё так же сидели за столом разговаривая и закусывая. На столе стояла пустая бутылка и недавно початая трёхлитровая, с той же сладковатой, терпкой жидкостью. Настойка была наиотменнейшая: голова не болела, язык не заплетался, но мы были пьяные в дрова! Чудо алкоголь! Попрошу рецепт, буду тоже гнать и не нужна будет химия магазинная.

Нашу беседу прервал отсвет фар в окне и стук в дверь. На пороге стояла злая Марриам, обеспокоенная Леона и в сторонке переминался с ноги на ногу Макс.

– Бра-а-ати-и-ик! – с протяжным радостным возгласом Леона кинулась на шею Власу. Тот её поймал и обнял своими лапищами в ответ, картина получилась умильная: медведь и шпиц, обнимашки в дикой природе.

Ко мне подошла благодетельница и резко дёрнула меня за хвост, от неожиданности я поддалась назад и упала с лавки.

– Вставай, мы уезжаем. – Ух, голосом ровным сказала, но я видела, как глаза её пылали гневом, они почти почернели, клыки выглядывали из-под губы, а уши и хвост, как и рык, она, предполагаю, сдерживала через силу.

Я встала, оделась, помахала ручкой моему собутыльнику собеседнику и потопала за благодетельницей. Леона о чём-то тихо пошущукалась с жожаком и поскакала за нами в машину. Ехали мы в полной тишине, на волнах дорог я отключилась. В полудрёме вылазила из машины, с поддержкой вошла в квартиру к смазлёншшу. Немного протрезвела от ора Мари. Прооравшись она закурила.

– Фи-и-и курить не модно...

– Как и бухать. – Вишня парировала мне в ответ.

– Я не бухаю, – попыталась возмутиться необоснованностью обвинений.

– А что ты сделала? Надегустировалась в сопли?

– Да я его душещипательную историю жизни выслуши-

вала. Он предложил пригубить за знакомство, отказываться было не вежливо.

– Это когда тебя вежливость трогала? Пригубить?! Попробовать?! Расслабиться?! Лизнуть всего ничего?! С устатку?! Задолбала!!! Какого хрена? Лечение не работает? Тогда тебя на домашний арест закрою, пока вся дурь из головы не выветрится!

– Обратни не болеют, – я аж привстала с дивана в негодовании.

– Да? Зато похоже неплохо так спиваются!

– Я не...

– Замолчи! Не зли больше меня! И так последнее время в офисе все как с цепи сорвались: ходят звуки противные издают, воняют едой своей из контейнеров. Ещё одна капля и точно кого-нибудь придушу!

– Макс, скажи ей уже, что она залетела, а то долго ещё курить будет. Пока пузо на нос не полезет, не догадается. – Бессовестно решила перевести гнев Мари на её муженька. Ощерившись от удачно подвернувшейся возможности сбежать, прошмыгнула мимо побледневшего Макса в гостевую спальню.

Закрыла глазки и ушла в пьяное забытие. Спала я сладко, беспробудно.

Утро было добрым. Ни похмелья, ни сушняка, ни других симптомов вчерашнего веселья. Сквозь жалюзи пробивался луч света, освещая пылинки, кружившиеся в медленном танце, в воздухе витал аромат свежеиспечённых булочек с корицей. С первого этажа доносился тихий гул голосов: то ли телевизор, то ли у семейства Вишни гости.

Скинула с себя одеяло и хорошенько потянулась, разминая вялые спросонья мышцы. Домашней одежды у меня с собой не было, зато всегда имелась походная щётка, полотенце и запасное нижнее бельё.

На втором этаже имелся душ с туалетом, поэтому мне не пришлось спускаться в неприглядном виде. Запах выпечки доносился вместе с голосами из кухни, поэтому туда я и направила лыжи. За большим круглым столом сидели молодёжны и мой вчерашний собутыльник.

– Доброе утро! – он сидел спиной к выходу, но повернулся чтобы поприветствовать меня. Вчера я как-то не обратила внимание на его офигенный глубокий с хрипотцой голос. – Как спалось? Голова не болит? – начал заваливать меня вопросами Влас.

– Утречка. Всё норм, настойка – чудо. Из чего ты её делаешь? Рецептником поделишься? – почесала макушку, переминаясь с ноги на ногу.

Мари обломала такое хорошее начало дня:

– Я тебе этот рецептик в трубочку сверну и в одно место затолкаю, алкашка! Тарелку бери и обедать с нами садись. –
Благодетельница обратилась к Власу: – у неё проблемы с алкоголем, так что не смей идти у неё на синем поводе или подначивать её. – Мари указала на меня пальцем: – узнаю, что ты стала инициатором новой попойки, пообломаю хвосты обоим. Понятно?

Влас разразился смехом:

– А-ха-ха-ха, Максимилиан, какая злобная у тебя пара. – Мари нахмурилась. Влас, капитулируя, сказанул: – ладно-ладно, всё понял, лично проконтролирую сухую диету Рири.

Я аж охренела от такого ответа. Кого он там контролировать собрался? И когда вообще эти альфаши спеться успели?

Ничего не кинула в ответ, послушно села за стол. На обед было восхитительное мясо в кисло-сладком соусе с гарниром из запечённых овощей, два вида овощных лёгких салата и чайк с хрустящими слоёными булочками. Очень вкусно, но я не могла сконцентрироваться на еде...

Дело было не в беседе, что вели эти трое: я даже не слушала, о чём они говорили, дело было в запахе. В запахе коньяка с горьким шоколадом! Запахе, которого в принципе не могло витать в этом доме!

Я ёрзала на стуле и бесилась, меня нервировало то, что щекотало моё обоняние. Хвост гневно дёргался из стороны в

сторону, да с такой амплитудой, что постоянно задевал спину рядом сидящего Власа. Мужчина хитро прищурился и обратился ко мне:

– Всё хорошо? – и улыбнулся так красиво гад.

Несмотря на него, буркнула:

– Если что-то не устраивает, можешь пересесть.

– А-ха-ха-ха, забавная. Вчера вроде не огрызалась.

– Я всегда такая, когда трезвая.

Макс закатил глаза, сказав:

– Брат, не обращай, пожалуйста, внимание на эту язву. Ей лишь бы уколоть.

Зыркнула на смазлёныша, добавив:

– Тогда ты должен сейчас не здесь сидеть, а в уголочке и просвечивать как решето.

Супруг Вишни только и сделал, что вздохнул незаинтересованно, видимо сегодня не настроен на словесные баталии.

– Рири, Влас поживёт пока с тобой. Его квартиру горе-бизнесмены продали мне. – Поставила меня перед фактом Мари.

Тотчас возмутилась:

– Какого Лешего?

– Не беспокойся, я не обижу. Как только восстановлю более-менее дела того, что осталось от бывшего конгломерата, сразу перееду. – Продолжал тянуть свою лыбу Влас.

Я никак не отреагировала, опять утыкаясь в тарелку. Более возмущаться было глупо и некрасиво.

Пообедав, мы поехали на общественном транспорте в квартиру Мари. Влас вёз с собой вещи в чемодане, которые смазлѣныш любезно хранил у себя всё это время.

* * *

Мы стояли в коридоре и раздевались. Влас крутил башкой как любопытный кот, всё осматривая.

– Давненько я здесь не был. А квартиру то и не узнать. Хороший вкус у Марриам.

– Свободных комнат до хуя, бери любую. Заняты только первая от окна – моя, и последняя у стены – Мари. Располагайся, я буду у себя.

* * *

Желания высовываться из комнаты у меня не наблюдалось. Почему я так негативно реагировала на Власа объяснения у меня не находилось. Может быть, всё дело в коньячном запахе, который исходит от него. То ли парфюм такой, то ли стирал одежду в алкоголе. Хрен разберёшь этих богачей.

Вечером я сидела за рабочим столом и просматривала документацию, которую мне скинула Любочка. Даже в выходной, моя персона была на подхвате, поэтому пришлось работать.

Когда я ускоренно просматривала документацию и печатала ответы на письма, в надежде успеть перелопатить всё до двенадцати часов ночи: очень уж хотелось спать, в приоткрытую дверь моей спальни постучал Влас. Я культурно отвлеклась от монитора и повернула голову к двуликому.

– В холодильнике мышь повесилась, пойду в магазин. Тебе чего-нибудь взять? И чем ты вообще питалась?

– Можешь взять мне какой-нибудь йогурт и банан: я не особо голодна. Питаюсь либо в забегаловках, либо набегами на холодильник твоего брата. Предупреждая вопрос, нет, готовить не умею и учиться этому ремеслу не собираюсь.

– Почему ты такая злобная? Я вроде ничего плохого тебе не сделал. – Волк оторвался от косяка и подошёл ко мне.

– Во-первых, ты слишком много обо мне вчера узнал. Если бы я не напилась, такого словесного поноса не случилось бы. Во-вторых, меня напрягает тот факт, что в том числе из-за меня в вашем бизнесе проблемы и тебя пришлось выдернуть из домика. В-третьих, от тебя несёт коньяком, поэтому выпить хочется невмоготу как сильно, а нельзя: Мари узнает и оторвёт мне хвост. И это не пустые угрозы: в гневе она реально страшна.

Повернулась обратно к ноутбуку, показывая, что разговор окончен. Но меня вместе с креслом беспардонно развернули назад. Лицо Власа оказалось в непозволительной близости. Я нахмурилась и попыталась отодвинуться, но мужчина крепко держал поручни кресла.

– Ты так прилежно работаешь. Стараешься на благо предприятий Южного Луча. – Озвучивая сей факт, Влас приподнял прядь моих распущенных волос, пропустил через пальцы, рассматривая в свете настольной лампы. – Интересный цвет. Натуральный?

Сказанула, не подумав:

– Как твоя ориентация.

Волчара растянул губы в улыбке, отпустил прядь из своих клешней, отодвинулся чуток.

Мужчина решил подойти к разговору с другой стороны:

– Что печатаешь? Тяжело?

Свернула окно в ноутбуке.

– Секрет фирмы. Легче чем твоя туша.

Тут двуликий резко заржал в полный голос, чем заставил меня подпрыгнуть на кресле.

– Чего пугаешь? Резкий как понос, блин. Если зашёл по делу, так излагай. Не топчись вокруг да около.

Влас успокоился, смахнул слезу с уголков сине-зелёных топазовых глаз.

– Ладно, ёжик, не пыхти. – Волк подтянул к себе свободный стул, уселся напротив меня.

– Отрабатывать когда будешь?

– Что? – ввёл меня в ступор своим вопросом.

– Тот урон, который принесла твоя бурная деятельность Северному Блику.

Наверное, лицо моё перекосило от разнородных эмоций,

захвативших меня. В душе запищал стыд, свернулось клубочком негодование, завывала беспомощность... хотя какого детородного органа кита спрашивается?

– Меня уже наказал Макс. Своё я отмотала. Сейчас я работаю на Вишню. – Мысленно восторжествовала: выкуси! Я под защитой своей благодетельницы!

– Так-то оно так, но...

– Какое такое, *но?* – насторожилась.

Влас пожал плечами, достал из кармана спортивных домашних штанов телефон; разблокировал, показал мне его переписку с Марриам. А в ней...

Пробегая по переписке, глаза округлялись всё сильнее и сильнее, к концу их беседы, думала глазные яблоки выпадут на пол. Дочитав, вскрикнула:

– Не может быть! Ты меня обманываешь! Мари не такая, она...

Двуликий пожал плечами, мол удостоверься сама. Я пулей метнулась к своему телефону, с корпуса которого на меня взирала толстая лиса, позвонила Мари.

– *Слушаю*, – с ленцой послышалось с того конца связи.

– Мари, как это понимать? Скажи, что он мне по ушам ездит!

– *Рири, м-м-м, да здесь...*

Я невольно покраснела.

– Вы там теребонькаетесь, что ли?

– *Н-не-ет, пониже чуток. Макс мне массаж делает. Что*

хотела?

– А-а-а, э-э-эм, это...

– *Быстрее, Рири. Макс, а ты помедленнее, правее позвоночника, ага, тут.*

– Короче, какого хрена!?! Почему Влас мне сказал, что я выхожу работать на него? Меня в его приспешницы записали без моего ведома?

– *А кем ты хочешь быть? Генеральным директором?*

– Нет, конечно. Я вообще никак не хочу! Как ты вообще могла с ним до такого договориться?

– *А в чём беда? Тебя что-то не устраивает?*

– Разумеется! Я служу у тебя! С какой стати мне идти к нему?

Влас сидел себе да ухмылялся.

– *Рири, по законам, выведенным на совете кланов, преступники должны возместить убы-ы-ытки потерпевшей стороне. Макс, ещё раз там же да посильней.*

– Но я же уже всё отмотала! Ты сама так всем заявляла!

– *Да, и я не отказываюсь от своих слов.*

– Ну и?

– *Что ещё ты хочешь услышать?*

– Что я по-прежнему твоя!

– *Рири, ты всегда будешь моей. Разумеется, ранее понесла наказание, но деньги же это им не вернёт. Просто какое-то время поработаешь на Власа. Долги надо возвращать.*

– ...

На том конце связи отключились. Моя рука стала неимоверно тяжёлой, пальцы расслабились, выпуская телефон на попечение мягкого коврового ворса.

– Что Марриам сказала? – елейным голоском поинтересовался Влас.

– Она подтвердила, что я в полной жопе.

– Не переживай. На мой взгляд, ты очень стройная, а попа у тебя в самый раз.

Грёбаная птица-говорун, не учили, когда надо вовремя заткнуться? Волк правильно расценил мой колючий взгляд, быстро встал и скрылся за дверью. Ни на секунду нашей стычки он не прекращал довольно скалиться.

* * *

Утро понедельника добрым не бывает, когда ты на работе въёбываешь как проклятый. Или это только у меня с утра пораньше полный пиздец намечается?

С первыми трелями будильника я аккуратно подорвалась с кровати. Лепёшка приподняла голову с соседней подушки, посмотрела на меня сощуренными со сна глазёнками, казалось, ухмыльнулась, говоря: «Ну ты и лошара», и дальше легла дрыхать, пока я суетилась, приводя себя в приличный вид.

День ото дня мне давалось всё с большим трудом изобразить на своём лице хоть что-то помимо усталости и обречённости. Изнурительная работа высасывала из меня все жиз-

ненные соки, а надо уточнить что последний зимний месяц я проходила под шефством Власа.

О своём новом начальнике у меня сложилось много нелестных отзывов, хоть сейчас бери и пиши мелким шрифтом под рекламой свободных вакансий Северного Блика: отличные перспективы, стабильная заработная плата, но шеф тот ещё клоп-кровопийца. Милости просим в наш коллектив, потому что рук и светлых голов критически не хватает! Переработки приветствуются! И где-то на заднем фоне крик подышающей пчелы.

Иногда в моё подсознательное прокрадывалась мыслишка, шептала паскуда мне на лисье ушко, что не так уж и плохо было в борделе! Там по крайней мере не сношали мне мозг! Кстати, о сношениях, трахаться не хотелось от слова совсем. Почему? Да потому что всё либидо высасывала работа! Или нет...

Но да ладно, в последние недели ведь и хорошее имело место проскакивать, а именно клуб анонимных алкоголиков! Докатилась или всосалась в их дружное братство! Такие душевные ребята там, и это без шуток: собираемся в актовом зале местной администрации, с общей кассы покупаем печенье да прочие вкусности и сидим чай гоняем; обсуждаем личные достижения.

Мне тоже есть чем похвастаться! Я сделала первый шаг – признала проблему. Правда шагов до счастливого финала впереди ещё одиннадцать, но не суть.

Наш куратор такой душка! Пряма милота и уютный ликий компании. Что же касается Захера... ну... Захер это Захер: время, проведённое с ним, показало, насколько он душевный, глубоко неудовлетворённый мужчина; ему, прежде чем устраиваться на должность психотерапевта, самому терапия не помешала бы, а то того и гляди себе вместо галстука петлю повяжет.

Так-с ну вот я поговнила чутка, пора бежать шефа будить. Да-да, будить! Этот гад вписал в мой список обязанностей ещё и этот пунктик!

Без стука вхожу в спальню двуликого, а там, как всегда, бьёт в нос запах коньяка и горького шоколада – феромон Власа. Повезло так повезло, не ему так мне: бухать нельзя, зато можно нюхать! Хотя многие мои друзья по кругу анонимышей рассказывали, что их от аромата алкоголя тянет к рюмке, меня же наоборот как-то расслабляет. Кстати, по этой причине я перестала негативить в сторону вожака Белых.

От запаха коньяка обильно выделяется слюна, не раз сглатываю, пока распахиваю окна. Если бы можно было Власа ещё и лизнуть... так-так стоп-стоп развратные мыслишки. Ух, этот сраный недоёб, вроде кажется, что и не хочется ничего, а мёртвое либидо приподнимается из гроба и орёт: «Как это не надо?! Я всегда готово! Хоть прямо сейчас трусы снимай!»

Подхожу к кровати, чтобы трясти мужчину за плечо: он

плохо просыпается от звуков, поэтому необходимы тактильные неудобства. Моя ладонь кажется такой миниатюрной на фоне его оголённого торса... такого твёрдого и развитого... та-а-ак а, ну, соберись тряпка, Лепёшка тебя кусай!

Начала трясти активнее, хотя попробуй такую тушу поколебли. Спустя минуту оборотень наконец-то подал признаки жизни: что-то промычал, причмокнул и заграбастал меня своей ручищей себе под бок! А-а-а-а, я так не играю! У него утром совещание назначено, если не разбужу, мне же и прилетит нагоняй! Провернулась в кольцо его рук, с невероятным усилием придвинулась к его уху, а для уточнения ради, он всегда ходил в полуформе, гаркнула:

– Ку-ка-ре-ку-у-у!! Шесть часов тридцать шесть минут ровно!! Опаздываем!! Критически опаздываем!!!

В ответ мне пробурчали что-то нечленораздельное. Влас перевернулся на спину, не выпуская меня из захвата. Таким образом, я оказалась прижатой животом к его животу и утреннему...

– Дорогой шеф, если ты сейчас же не откроешь глаза, то в твой елдак вопьются мои когти. Считаю до трёх...

Влас резко открыл веки. Хриплым голосом проговорил:

– Доброе утро.

Проворчала:

– Добрейшее. Отпусти меня, иначе пожалуюсь Вишне на харассмент.

Двуликий раскинул в стороны свои ручищи, оправдыва-

ясь:

– Это случайность и физиология. Я здоровый мужчина, ты привлекательная женщина, да и солнце скоро встанет...

Вскочила, одёрнула длинную юбку карандаш; посмотрела грозно и со скепсисом. Влас в защиту растянул свои губы в обезоруживающей улыбке, которой владеет вся троица Белых, видимо скалиться подобным образом у них заложено в генах. Закатила глаза, поправила тёмно-бирюзовую блузу и направилась в прихожую.

Пока я собирала волосы в подобие укладки, надевала кардиган и пальто, застёгивала сапоги, волчара успел ополоснуться в душе, одеться, зажать во рту бутерброд, накинуть пальто. Пока я выходила на подъездную площадку, Влас намотал на шею шарф, обулся, схватил ключи от машины, закрыл квартиру. Когда спустились на лифте в подземную парковку, двуликий уже переваривал бутерброд. Не устаю поражаться скорости его утренних сборов.

На арендованном автомобиле цвета титановые белила мы домчались споро. Знакомая до тошноты высотка. Смазливые девушки на ресепшнере. В коридоре на верхнем этаже нас встречает секретарша – двулика белка, та ещё стерва, от смены к смене её юбка всё короче и короче, жду не дождусь, когда она просто заявится на работу в одних стрингах.

Ой, ну вы посмотрите на неё! Как увивается перед Власом! И так повернётся, и космы длиннющие ручкой поправляет. Оп-па, какая невнимательная: пока строила глазки на-

чальнику, выронила документы. Ага-ага, давай, нагибайся. М-м-м-м, красота: не попка, а загляденье! Ну а я же просто мимо иду... ой, в поворот не вписалась...

– Шакари! – гневно шипит русая девушка, распластавшись от моего поджопника по полу.

Внимательно смотря на свои часы, гордо, не без самодовольства, спрашиваю:

– Что такое, белка?

С трудом вставая из-за высоких неудобных каблучков и скользкого пола, двуликая накинута на меня словесно:

– У меня, вообще-то, имя есть! – Да меня как-то не ебёт – передала это мимикой. – Ты это специально! – Не отрицаю – приподняла брови и положительно кивнула. – Завидно, поэтому и пакостишь?

Я изумилась такому ходу мысли собеседницы, уточнила:

– Чему же я должна, по-твоему, завидовать?

Белка, подойдя вплотную, задрав голову, чтобы посмотреть в моё бесстыжее лицо, брызжа слюной и тыча красным коготком мне в солнечное сплетение, выдала:

– Ты плоская! Дверьми прижатая, злобная ворчунья! Твои синяки под глазами идут вперёд тебя! А этот прикид? Ужас тихий! Вырядилась как бабка!

Я просто соблюдаю дресс-код... и пашу за пятерых... и... да до хера факторов против меня сложилось! Только вот перед тобой отчитываться в лом!

Всё это время стоявший позади мини-юбочницы шеф

громко рассмеялся. Гад. Меня тут оскорбляют, а ему смешно. Но голос его и улыбка настолько приятная, что такое поведение прощительно.

Белка резко смутилась, извинилась перед начальником и убежала в кабинет. Мы же пошли с Власом в конференцзал, при этом мужчина приобнимал меня за плечо своей лапшей.

У самых дверей я остановилась, всучила двуликому папку с документами. На вопрошающий взгляд волка ответила:

– Мы забыли купить тебе кофе.

– Секретарь сделает.

– Нет. Она варит отвратно, а в кофейне как раз каждый шестой кофе бесплатно.

– Ты же жаловалась, что мы опаздываем.

– Вы пока начинайте, мой доклад в конце идёт. – Убегая, заверила: – я мигом!

Поблизости от офис-центра под вечнозелёной сосной стояла небольшая кофейня. По припорошенным снегом дорожкам, без пальто добежала до помещения, пропахшего жареным кофе. Внутри тепло и уютно, круглые стеклянные стены, высокая деревянная стойка, за ней одноликий в фирменном фартуке.

Подошла, оставляя следы стаявшего с подошв снега.

– Здравствуй, тебе как обычно?

– Ага. Чёрный как бездна кофе и зелёный, как твои глаза чай.

Мужчина как всегда смущённо приподнял уголки губ, принялся исполнять заказ. Кадрю я этого красавца по капле, но регулярно, глядишь к лету, перейдём в горизонтальный пикап. От созерцания простенького одноликого меня отвлекли завывания на улице. Повернула голову. Через толстое стекло отлично просматривался ликий, закутанный в тёмный балахон. Прохожий выкрикивал: «Конец света! Конец света! Спасайтесь, бегите, безумцы! Зло взяло верх!».

Бариста хмыкнул, говоря:

– Давно не появлялись. Я уже думал, что они прикрыли свою секту.

Смотря на улицу, проговорила:

– Я тоже так думала.

– Он, наверное, последний последователь.

– С чего так решил?

– Они обычно группами ходили. Ни разу не видел их по одиночке.

– Хм, и правда странно.

– Госпожа, заказ готов.

Я повернулась к мужчине, протянула руки за горячими стаканчиками в эко упаковке. Наши с одноликим пальцы случайно встретились на пол пути, но ни он, ни я не разрывали случайных *объятий*. Мы смотрели друг на друга. В его расширенных зрачках отражалась микро-я. Вибрация в кармане юбки поставила точку внезапному наплыву романтики. Достала телефон, на табло светилось *Шеф всея дурдома*.

Помахала на прощание бариста, вышла во владения вьюги. Порывы колючего ветра растрепали мои немного отросшие волосы, теперь они жутко мешались, затмевая обзор. Может опять их рубануть? Мне шла короткая длина.

Когда я приближалась к дверям офис-центра, позади раздалось:

– Бегите, глупцы, бегите!

Развернулась на каблуках сапог. Лицо сектанта утопало в тени глубокого капюшона, в который он вцепился пальцами: ветер норовил сорвать с мужчины покров инкогнито. Спросила флегматично:

– Дядя, отчего же бежать?

– От апокалипсиса!

Возразила:

– Да разве возможно скрыться от неизбежного? Зачем страдать и искать укрытие?

Сектант освободил одну руку, затряс широким рукавом, ругаясь:

– Всякий спасётся, кто бежит!

– Пф! Пустая трата времени.

– О чём ты, несведущая? Неужели помереть хочешь? Так радуешься, будто ждёшь беды!

– Ага, жду.

Сектант остановился, будто его за верёвочку дёрнули.

– Чушь!

– Зачем мне врать, дядь? Я очень-очень хочу апокалип-

сис.

– Ты!? Сумасшедшая!?

– Не-а. Я просто желаю выспаться. А единственная возможность отдохнуть для меня это обитель Смерти.

Мужчина в балахоне весь затрясся, запыхтел, словно его обуревал гнев.

– Чушь! Чушь! Чушь!

Я же с ироничным смехом впорхнула под кондиционированную свежесть холла, а затем в тепло лифта.

* * *

Пять часов вечера того же дня. Вьюга утихла, молочная пелена туч клочками поредела, оголяя голубые проплешины. Лучи заходящего красного солнца разбивались о знания, тонули в окнах и истощались в синих холодных тенях. Последний из пурпурных вестников света прыгнул в мой стакан с водой; позаигрывал с гранёными стеклянными стенками; пустил цветное дрожащее отражение на гладкий глянецовый столик. Созерцание этой картины погрузило меня в лёгкое забытие, поэтому Захеру пришлось порядком покашлять, чтобы привлечь моё внимание. Я пошевелила задницей в кресле, меняя позу, усаживаясь поудобнее.

– Я здесь. – Повернула к психотерапевту голову.

– Я вижу. – Невозмутимо ответил он.

– О чём мы говорили? – поднесла стакан к губам, опусти-

ла взгляд на прозрачную воду. С грустью отметила, что без солнечных лучей стакан потерял свою сказочную расцветку, которой пленял меня пару секунд назад.

– Пока ни о чём.

Посмотрела в мутные глаза Захера. Под его уставшими глазами, как и под моими залегли мрачные синяки недосыпа. Глотнула безвкусной воды и начала излагать очередную порцию недовольств:

– Когда я работала проституткой и то меньше уматывалась. Меня в Коткару сношают двадцать два на семь. Все, кому приспичит... А вечером вот ты добиваешь.

Енот тоже смочил рот водицей, потупил взгляд в пол. После паузы подал голос:

– ...Любая работа – это сношение. Поверь, я тоже не люблю удовольствие от того, что мне с утра до позднего вечера гадят в мозг. А почему ты работала проституткой?

– Делать было нечего. Разнообразия, блять, захотелось. Обычно ведь по такой причине в бордели уходят?

Врач поднял зыркалки. После короткого беззвучного *О*, мужчина уточнил:

– Серьёзно?

– Ну Захер, ёпрст твою полоскунью натуру! Нет, конечно.

Двуликий наклонился вперёд, упёр локти в колени, вытянулся весь ко мне, прям коленями столик задевая. Задал вопрос вообще по другой теме:

– Ты не боишься?

– Чего конкретно? Мнимого апокалипсиса? Нет.

– Я не о сектантах. Я о... – енот наклонился ещё чутька, шепнул: – Вишни?

– Бояться? Пф, просто косточки выплёвывать, прежде чем жевать, чтобы зуб не сломать да не подавиться.

Захер скорчил недовольно морю. Я приснула незлобиво, продолжила:

– А-а-а-а, ты о *той* Вишне? Зачем её бояться?

– Ну... так... а почему бы нет?

– Не понимаю твоих намёков.

Мужчина поджал губы, сел обратно прямо. Нервно переспросил:

– Она тебе не угрожает?

– С чего бы? Пока я на её стороне, то хожу под защитой её семьи.

– А если... того...

– Если того? – наклонила голову вбок, улыбнулась. – Разумеется, умру быстро и без лишней боли. Думаю, меня пытать не станут.

Двуликий как-то упаднически выдохнул со стоном.

– Захер, расслабь булки. Тебя то они не тронут. Захер ты им сдался?

Енот пробурчал, смотря на свои колени:

– Говорила мне мама: увольняйся из своей психушки. Почему не послушал совета?

Встала, потянулась. Мужчина удивлённо поинтересовал-

ся:

– Ты куда? Мы... время ведь ещё не закончилось.

– Да ну тебя. Сегодня ты негативишь по максимуму.

Взяла сумку и пальто, пошла на выход.

– А...

– Захер, если, по правде, то через полчаса у меня встреча с клиентами. Мы должны подписать кое-какие бумаги. – Послала воздушный поцелуй полоскуну, – не переживай, дело не в тебе, а во мне.

Вышла без лишних сантиментов. Пока прикрывала дверь, Захер сидел с открытым ртом. Жаль беднягу: отпуск хоть бы взял, его же, наверное, не в обязательку эксплуатируют. Ну да ладно, у меня своих проблем хватает, ещё о нём думать не пристало.

* * *

Следуя этикету деловых встреч, проходящих в ресторанах, я немного выпила вина: отказывать клиенту, когда он так навязчиво угощает – сущий моветон. После встречи зашла в бар... ну не смогла пройти мимо их вывески, рекламирующий виски ограниченной серии!

Я не оправдываюсь, просто о моей минутной слабости никто не узнает: Влас до ночи в разъездах, ну не Лепёшке ведь на меня Мари стучать? Да и вообще от одной, двух, пяти рюмок никому плохо не станет. Да и к приходу шефа пары ал-

коголя сойдут на нет. С такими весёлыми умозаклучениями пошла домой.

Как только зашла, морозец страха пробрал меня до костей... В прихожей пахло мёдом. Также явственно слышался коньяк. Почему? Как? За что-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о...

Голос благотельницы донёсся из гостиной:

– Рири это ты?

– Д-да! – моя рука уже легла на ручку двери ванной. За секунду приняла решение отсидеться там, пока альфы заняты переговорами или чем они там занимаются.

– Я хотела у тебя спросить... – Мари выплыла из-за угла, я же не успела захлопнуть дверь.

Вишня смотрит на меня, я же тяну на себя несчастную ручку... ну куда уж мне, когда волчица вцепилась в дверь когтями. Зрачки двуликой слились с радужкой, феромон стал насыщеннее; между нами повисла агрессивная пауза. Агрессивная только с её стороны, с моей же трусливая и просящая о пощаде.

К нам подошёл Влас:

– Что случилось? Вы так резко замолчали.

Одного взгляда ему хватило, чтобы просечь обстановку. Белохвостый гад с издёвкой ухмыльнулся, кинул мысленное: «Удачи». «Стой! Не уходи!» – ментально возопила в ответ, но волчара лишь ручкой мне помахал, а Мари стала вдавливать меня в помещение ванны, отрезая пути к побегу...

Воспоминания дальнейших событий заставляют хвост

прижаться меж ног к животу.

Вы не подумайте, меня не избили, просто теперь я знаю вкус мыла – жирновато, горьковато-непонятно и всего-то... бонусом холодный душ и словесная трёпка.

Потом я дрожала закутанная в плед под недовольным взглядом благодетельницы и хихикающего Власа. Альфы продолжили, как выяснилось, переговоры по поводу квартиры Мари. Вишня передавала права на данную недвижимость Белых под рассрочку без процентов. Эх, теперь ещё и квартиру придётся снимать.

– Орешек, чего суксилась? – спросил Влас.

Двуликая отозвалась за меня:

– Проводит анализ прошедших воспитательных мер. Да и вообще, Влас, я разочарована. Почему она заявила в таком виде? Как ты выполняешь своё обещание? Раз не справляешься, тогда Рири переедет к нам с Максом.

Волк скрестил руки на груди, возразил, нахмурившись:

– Нечего ей у вас, молодожёнов жить. Да и вообще Рири молодец: долго держалась, это её первый и надеюсь последний срыв.

Мари посмотрела на меня, я же активно закивала в подтверждении головой. Брызги воды с мокрых волос шлёпнулись о бежевую обивку кресла. Благодетельница повела бровью, усомнилась:

– Выгораживаешь её?

– Ни в коем случае.

Я вклинилась в разговор:

– Да-да, волча... кхм, Влас правду говорит. Это мой первый... и последний отступ с верной дорожки.

Марриам ещё с минуту прожигала меня чёрными глазами, успокоившись, продолжила:

– Ладно, живите. Но как только, то я...

– Я всё равно скоро съеду.

– Куда это? – в один голос взъерошились альфы.

– Так, э-э, на съёмную квартиру?

– Зачем? – так же одновременно уточнили волки.

– Вы же того, самого... только что...

– Рири. – Грозно произнесла благодетельница, Влас же продолжил мысль:

– Ты живёшь здесь.

– И это не обсуждается. Без присмотра ты не останешься. – Закончила Марриам.

– Э-э-э... – глупо зависла я.

Мари же встала, пожала ладонь волчаре, бросила короткое: «Не провожайте» и скрылась за поворотом в прихожей.

– Ты замёрзла. Пойду сделаю горячего чаю. Какого заварить?

В прострации глядя в никуда, ответила:

– С кусочками малины и лимонным сиропом. Красная коробка в правом углу выдвижного ящика с моими чаями...

Волк кивнул, я же продолжала тарашиться в пустоту, переваривая услышанное от этих наглых, властных, сумасбро-

дов. Привкус мыла на корне языка вызвал в теле волну тошноты. Зажав рот рукой, побежала в очередной раз чистить язык зубной щёткой.

Вышла из ванны, полностью раздавленная своей никчёмностью: совесть шептала на дне моей душонки какая я плохая, сорвалась, да что теперь в кругу рассказывать буду? Стыдно... одинокая слеза смочила уголок глаза. Прошаркала к оставленному в кресле пледу. На столике меня ждала кружка чая. Пар медленно поднимался в искусственном свете люстры. Тело тяжело осело в кресло, мысленно же я провалилась в воспоминания.

Почему-то вспомнился тот самый вечер, когда мы с бабочками сидели в холодной красной зале, нервно курили в ожидании собственной кончины. С чего вообще эта картинка всплыла перед глазами? Вот даже Лепёшка мякнула, быднула мою голень в возмущении, чего это я тут засела.

– Идём-идём, – отодвинула наглуую плоскую морду тапкой, – покормим тебя.

Прихватив кружку чая, потопала на кухню. Кстати, надо поблагодарить Власа за то, что заступился. Без его поддержки пришлось бы труднее, небось и вправду бы меня волчица утащила в их с Максом логово... бр-р-р-р-р.

Вывалив еду Лепёшке в миску, облокотилась на стол, подпёрла голову рукой. В розовой кружке с красными сердечками плавали на поверхности фиолетовые кусочки малины. Они неспешно всплывали и опять шли ко дну вместе с

некрупными чайниками, вращались в движении остывающей воды. Ненавязчивый аромат ласкал обоняние, а кисло-сладкий вкус растворяющегося сиропа заставлял прищуриваться в удовольствии.

Кошка чавкала на заднем фоне в углу.

За окном пестрели ночные огни. Свет из гостиной мягко проникал через стеклянные стены, стелился по кухонному паркету. Моя рассеянная тень растянулась по кухонному гарнитуру. Не смотря на мокрые волосы, гоняющие по коже шеи мурашки и кокон из пледа на плечах, я чувствовала себя умиротворённо. Да, здесь моё место – среди пекущихся о моём здоровье альф; глупой, но добродушной паре белых волков; требовательном, внимательном наставнике.

Лепёшка вылизала миску, принялась облизываться. Я же опустошила кружку, окончательно согрелась после леденяще-мыльной трёпки.

Вышла в гостиную, огляделась. Где Влас? Мне надо его поблагодарить и идти спать. Эх, завтра опять насыщенный заботами день. Прислушалась. Из гостевой ванны слышался плеск воды. Волчара принимает душ?

Подошла к ванной комнате, постучала. В ответ мужчина откликнулся банальным: «Да».

– Спасибо за сегодня.

Сквозь шум воды послышалось:

– За что?

– Ты заступился за меня перед Мари. Вот если бы ещё не

дал помыть ей мой язык с мылом, то цены бы тебе не было.

В ответ двуликий коротко хохотнул.

– Прости уж, но против воли разгневанной Марриам я выступать не осмелился.

– Ха! Неужели струсил?

Как-то незаметно ко мне притёрлась Лепёшка. Чего ей надо? Покормила же уже.

Поток душевой воды казался музыкой дождя, а дверь между нами стояла словно перегородка в комнате доносов староверов-служителей храмов Богов.

Голос с хрипотцой произнёс:

– Трусость мне бы уж точно не простили. Просто нет смысла нарываться на конфронтацию, когда ты реально провинилась. Зачем вообще выпила?

Опёрлась плечом о косяк, перенесла вес тела на одну ногу, другую согнула в колене. Взгляд устремила в панорамное окно. В нём отражалась закутанная в плед я и вертящаяся вокруг Лепёшка. С чего она такая энергичная? Обычно после ужина ведь бежит пачкать шерстью мои подушки.

– Наши клиенты пригласили меня в ресторан.

– Вы же вчера подписали договор?

– Да. Сегодня обсуждали нюансы и прочие мелкие подробности.

– К чему дотошность? В следующий раз в таких случаях отказывай. Подобные сверхурочные мелочи вообще не входят в твои обязанности. Всё что за гранью планов сетки-рас-

писания смело отметай. – В его совете почудились нотки недовольства, направленного в сторону клиентов. Пф, считает, что только он в праве меня сверхурочно загружать?

Пока я мысленно смеялась над реакцией Власа, Лепёшка совершала очередной виток вокруг моей пледовой крепости. Чего я не ожидала, так это мощного удара мордой с прыжка в подколенную ямку ноги, на которой стояла. Откормила на свою беду! Кошка нарушила моё равновесие. Я начала падать лицом в пол, в полёте ухватилась за ручку двери. Мне бы удалось устоять, если бы не поскользнулась, наступив на плед, да и тогда я бы не влетала феерично в ванную. Почему Влас не закрылся на замок?

– С-сука, блоховозка! – заорала я вслед убегающей кошке, потирая ушибленный локоть.

Я медленно опёрлась ладонями на белый напольный кафель, не поднимая головы, извинилась:

– Прошу прощения, это вышло не нарочно. Сейчас соберу свои кости и выйду.

В ответ тишина. Я невольно подняла взгляд, в секундном беспокойстве *всё ли в порядке с шефом. Чего замолчал?*

Ох, лучше бы я уползла на четвереньках, не отрывая взор от пола! Влас стоял в душевой, нас разделяла прозрачная стенка кабинки. Он стоял под струями душа в беловатом пару воды, весь такой мужественно сложенный, подкаченный, сексуально-великолепный.

М-да-а-а, все самые лучшие гены семьи Белых достались

явно ему одному: и мощь, и рост, и недюжий ум. Взгляд скользнул по мокрым тёмным волосам, длинным слипшимся ресницам, кадыку, прессу, мускулистым ногам. У меня дёрнулся уголок глаза. Сглотнула слюну.

Лиса внутри меня завизжала и вернула взгляд к месту между крепких длинных ног. Двуликий держал свой член в кулаке. Видимо я прервала его на самоудовлетворении.

О Богиня Смерти, почему именно в такой момент я его невольно застала?

Либи́до, напевая победный клич, выбило крышку гроба, схватилось за стенку, и выпрыгнуло на волю, словно молодой паркурис́т. Кровь прилила к моим щекам и кое-чему ещё. Лиса внутри меня заурчала и возжелала распу́стить флюиды, я ментально нокаутировала её: не пристало соблазнять шефа подлыми приёмами.

Встала, посмотрела в последний раз на двуликого, чтобы выжечь на сетчатке прекрасный облик обнажёнки. Собралась уже на выход, но, на беду, в глазах Власа заметила ответное вожеление и похоть. Ох, ну если это обоюдно... один раз можно... только один, а потом вернёмся к рабоче-компенсаторным отношениям. Да.

Я одёрнула юбку-карандаш, поправила перекосившуюся блузу, уверенными шагами вошла к нему в кабинку под струи горячей воды, в облако пара и наимприятнейшего для моего обоняния феромона.

Меня в прямом смысле опьянило. Забив большой хрен на

все мысли в своей голове, я резко схватила Власа за шею, притягивая к себе, вцепилась в него поцелуем. Это было что-то! Мы не целовались, мы сражались! Так *взаимно страстно, так неистово, так пьяняще* у меня было впервые.

Волчара полностью отзеркаливал моё поведение – целовался с открытыми глазами. Радужка его глазищ потемнела до синего. Белые ушки прижались к волосам.

Моя одежда опять насквозь промокла, потяжелела, неприятно липла к телу. Приметив моё недовольство, мужчина спешно расстегнул круглые жемчужные пуговицы на тёмно-бирюзовой блузе. С трудом стянув её с рук, бросил тряпку в корзину для белья. Легко поддавшись расстёгиванию молнии, туда же полетела юбка.

Когда и нижние бельё покинуло свой пост, мы оторвались от покусывания-целования шей друг друга. Подняв меня на руки и не прерывая зрительного контакта, Влас домчался до своей спальни.

Абсолютно мокрые, покрасневшиеся от душа и сексуально голодные мы переплелись в объятии и ласках без намёка на нежность.

Перевернув волка на спину, села на него, полюбовалась открывшимся видом и опять присосалась к его малиновым губам. Мы покусывали друг друга, порывивали и учащённо дышали. Его руки во всю меня лапали и распалили. Одеяло сбилось под нами и полетело на пол.

Мы долго не отрывались друг от друга, наши ушки и хво-

сты подёргивались от напряжения, и когда мы доскакали до предела, я не стала сдерживать стоны: пускай соседи внизу слышат, что мне невъебенно хорошо!

Мы не занимались любовью, мы сражались на выживание.

Комната впитывала в себя наши голоса, вздохи, порывания и стук бедной спинки кровати о стену. Наши феромоны смешались, и казалось, что они витали осязаемым нитевидным туманом.

Наше сражение закончилось спустя пять использованных презервативов. В фиолетово-чёрном от городской подсветки небе плыла яркая белая полная луна, освещающая спальню своим бледным мёртвым светом. Уставшие и взмокшие мы лежали на кровати, переводя дыхание. Сходили в душ, поменяли постельное бельё и вырубились в обнимку.

* * *

Каков рецепт хорошего начала дня? Завтрак в постель? Минет или куннилингус под покровом одеяла, пока объект страсти ещё не успел выплыть из полудрёмы? Хм, а может объятия, ласковый взгляд и пожелания доброго утра? Да не-е-е, на хер такие нежности, когда можно просто подорваться с кровати и бегать по квартире с криком: «Бля-я-я-я-ять мы опоздали! Поднимай жопу! Активнее-активнее! Лови трусы! Мигом в душ! На, жри свой бутерброд! А-а-а-а-а где моя косметичка!?» и тому подобное. Ну красота же, не правда

ли? Вот так протекали мои утренние часы первого весеннего месяца.

Дни же нагрузились нескончаемой бумажной волокитой, переговорами-встречами, литрами кофе и зелёного чая; наполнились романтикой бурного секса на всех поверхностях и всевозможных доступных локациях.

Если вкратце описать прошедшие четыре недели: я заебалась, как в прямом, так и в переносном смысле. Каждая минута, вырванная из положенного сну времени, отражалась на мне по полной: в мешках под глазами, в лопнувших капиллярах глаз, в охувше-стеклянном взгляде.

После очередного тяжёлого рабочего дня я приплелась без сил на приём к депрессивному полуживому еноту полоскуну.

Солнце топилося за горами, словно кусок сливочного масла на сковороде. Снег стойко удерживал за сбой позиции, ни о какой оттепели речи пока не шло. Закат разбавлял яркими красками уныло-белый кабинет психотерапевта. Закатные лучи жарили наши левые щёки, слепили на один глаз. Чёткие синие тени легли на спинку белого дивана. Мы сидели друг напротив друга, поджав под свои тощие жопы ноги. В кабинете стояла духота – Захер душила отказывался открыть форточку на проветривание: боялся сквозняка. Я закусила губу в обдумывании следующего хода.

– Ты делаешь успехи. Я рад. – Не поднимая головы, похвалил меня Захер.

– В чём? Забыл, как тебе прилетело за мой срыв? – бро-

сила между наших колен три шестёрки. Двудликий без замедления покрыл их восьмёрками. Сука.

Выкладывая на диван два вольта, один из которых козырный, енот продолжил:

– Больше ты не наносишь себе серьёзных ран.

– Чего?

– Твои губы не кровоточат. Ты их слабо зажала меж клыков.

Побила его карты, кинула свои. Захер быстро отбил, сделал свой ход. И опять козырные, блять. Он слишком хитрая блядь. Не получается смухлевать: этот мутный тип предупреждает словесно все мои уловки! Ёпрст моя репутация шулера, которую я кровью, телом и деньгами подтверждала на протяжении всей своей карьеры в борделе, рухнула по щелчку пальцев какого-то долбанного мозгоправа! Арх, как ж я зла!

Не поднимая взгляда от своих карт, двудликий предупредил:

– Не стоит.

– Я ещё ничего не сделала.

– Не стоит выбрасывать ту карту из своего рукава.

– Пф, какую карту, полоскун? В современном мире уже никто такие приёмчики не использует.

– Ты больше, чем никто, ты используешь.

Лиса внутри заскрежетала зубами. Спустя три минуты пришлось признать, что я проиграла... и это в какого-то про-

стетского дурака! Позор. Просто дайте мне лечь и поплакать в углу. С досады разбросала оставшиеся в руках карты по полу и дивану.

– Можем сыграть ещё. – Предложил Захер, собирая карты обратно в аккуратную стопку.

Откинулась на подлокотник дивана, прикрыла глаза предплечьем левой руки. Хлопчатобумажная рубашка просвечивала жёлто-оранжевым в последних лучах дневного светила.

– Да ну тебя, Захер. Вот ответь, чего ты хочешь по жизни?

Енот положил колоду на столик, сел в кресло.

– ...Наверное, того же, что и большинство двуликих с Коткару: вкусно поесть, дом поближе к лесу, любящую жену и детей.

– Ты до сих пор одинок, у тебя однушка в неблагополучном районе и живёшь ты с мамой. Захер, ты неудачник.

– А ты бестактна.

– Зануда.

– Грубиянка.

– Мозгополоскун в депрессии.

– Алкоголик с мазохистскими наклонностями.

– Ты каждый день ходишь в одной и той же одежде.

– Твоя юбка всё длиннее, но внешность всё более затраханней.

– Дрочун-девственник.

– Гуру половой жизни.

– Хм, вроде даже и как комплимент. Сегодня в словесной

баталии победа за тобой.

Захер протянул мне стакан с водой, мы чокнулись прозрачными гранями, синхронно глотнули, поставили стаканы на столик.

– Время подходит к концу. Тебе есть, что ещё сказать?

– Вроде нет.

– Чего ты хочешь больше всего?

– По жизни или так по мелочи?

– Первое.

– Захер, знаешь, – села ровно на диван, опустила ноги, надел сапоги, продолжила: – больше всего я желаю только одного... никого я ранее не вождедела со слюной переполняющей рот, с тремором конечностей и тиком глаз.

– Заинтригован. Кто же этот счастливчик?

Я посмотрела двуликому в мутные глаза, ответив:

– Сон. Сладкий, долгий сон. Чтоб лечь в девять вечера и проснуться в шесть вечера через дня так три. Представляешь?

По черноте под глазами Захера без слов понимала, что да, он тот, кто полостью солидарен со мной. Вон, даже слюну сглотнул.

Набрасывая на плечи пальто, выдвинула идею:

– Давай на следующей нашей встрече поспим.

Енот прищурил глаза явно в подозрении недоброго. Предупредила его извращённые догадки:

– Простой сон. Наслаждение выработкой мелатонина. От-

дых во время рабочего дня. Ну как?

Двуликий сжал губы в куриную жопу, протяжно выдохнул, спросил:

– А так можно? – и ещё более мрачно добавил: – а если Вишня узнает об этом?

Заговорщицки ответила:

– А мы ей не скажем.

В зенках Захера промелькнул хвост кометы под названием соблазн-силён-не-могу-бороться-с-искушением.

– ...Шельма, твои лисьи флюиды через чур мощны. Нет средств к сопротивлению.

Невольно смешалась:

– Что? Я не использовала...

Енот перебил, веки распахнулись шире, обнажая белки мутных глаз.

– Нет сил.

– Но я не...

Вот жучара. Сам согласился с моим планом проспать сеанс терапии и при этом всю вину на меня сваливает! Смирилась:

– Ладно. Поспим на твоих условиях, Захер.

Развернулась на каблуках и поцокала до общественного транспорта.

Там, где-то в элитном спальном районе меня ждала сверхурочная работа, затем ужин, заказанный из ближайшей забегаловки, специализирующейся на жирно-остро-солёном, по-

том душ и мужчина охочий до секса.

Я ничего не имею против секса, когда он, разумеется, не для ублажения клиента. И меня не смущает столь бурная горизонтальная активность: моё либидо это вполне устраивает и удовлетворяет. Но есть одно не маловажное, *но* – совмещать столь энергозатратную, напряжённую работу с ежедневными физическими тренировками, а занимаемся *фитнесом* мы с Власом на *кто выносливее, кто кого затрахает...* в общем: не могу так больше! Сил моих нет! Недосып и нервное напряжение рубят меня наповал!

Ладно, попробую с ним сегодня поговорить как с серьёзным, взрослым, умным ликим. Он же должен меня понять и войти в моё положение? Да? Должен ведь?..

* * *

Ага, вошёл, сука. Вошёл, вышел, вошёл вышел и так по кругу, пока я на хуй не уснула в процессе. Бля-я-я-ять, как быть то? Вот идти в офис надо, а энергии вообще нет. Прямо совсем. Ещё его будить...

Раз не получилось справиться самой, тогда выход только один – бежать к кому-нибудь под крылышко. Но кто меня выручит? Мари? Нет, она же сама меня всучила Власу. Захер? Так этот мудака сам и подкинул им задачу завалить меня на хрен работой по самые... Так-с, думай. Леона? Где подруга там и Ал, а где Ал... короче, то же не вариант. Бля-

я-я-ять...

От тяжких дум мои пальцы тянули пряди на висках до болезненного ощущения, затем ослабевали натяжение и опять тянули волосы во все стороны.

– Прости, что отвлекаю, но нам на работу пора.

Раздалось где-то сбоку голосом Власа. Повернула голову вправо, ага, реально он. Не спит. Сам проснулся что ли? Когда успел?

– Доброе утро. Какими судьбами проснулся сам? Тебе помог мочевой? А может понос?

Волчара нацепил на лицо свою извечную улыбку, весело ответил:

– Не беспокойся, твои проклятия меня не поднимут с утра.

С трудом и скрипом всех конечностей села. Поинтересовалась:

– А что тогда? Раскрой секрет.

Белых тоже сел, потянулся, посверкал своими мышцами.

– Ты и сама знаешь. Сегодня очень важная конференция в крупнейшем северном городе. Не хочу опаздывать.

Закатила глаза, накинула на плечи халат. Влас прожигал меня взглядом.

– Чего тебе?

– Я скучаю по твоим утренним объятиям.

– Какие на хер, объятия? Ты каждый раз хватаешь меня в захват своими ручищами, пока я пытаюсь тебя разбудить. И

сразу за этим мы трахаемся. Просто так и скажи, что сучаешь по-утреннему перепихону.

Влас поднялся, потянулся ещё разок. Конечно, абсолютно голый. Его приободрённый рассветом дружок передал мне приподнятый привет.

– Ты читаешь мои мысли, Рири. Но когда я приеду домой, мы же сможем наверстать упущенное? – ещё и бровями играет! Волчар-р-р-ра.

– Вали в душ.

– Так да или нет?

– Можно подумать, ты понимаешь слова: я устала, давай не сегодня. Вали уже!

Придала ему ускорение подушкой. Влас, смеясь, сверкая голым задом, побежал в ванную. Я же опять плюхнулась на кровать.

Постель успела немного поостыть. Такая мягкая и податливая, словно засасывает в зыбучие пески, из которых нет никакого желания выбираться. О-да-а-а-а, мне так приятно. Кости ломит, мышцы тянет, но расслабление горячей волной и мурашками разглаживает меня по постели, словно я одеяло: меня встряхнули в воздухе, и я плавно опустилась, разгладилась по горизонтальной мягкой поверхности. Я дрейфую на волнах кайфа. Сквозь веки виден свет всплывающего светила, но так по хер. Голова такая тяжёлая, мысли вялые-вялые, а тело... его как будто нет. Словно отрубили башку и оставили нежиться на великолепной подушке. Да-а-а-а,

тела нет, как усталости и недомогания. Как же хорошо...

– Рири!

Резко присела, голова кружилась, а слюна холодила щёку. Протёрла глаза, ответила:

– Что орёшь? Опять закончился шампунь с брутальным запахом, ты решился помыться моим и переживаешь, не пахнет ли от тебя клубничкой? Не плачь, от одного проёба ты Максом не станешь: тут нужны годы стараний и ми-ми-ми-ми... – закончить предложение не смогла: моим ртом завладел зевок.

Открыв глаза, увидела одетого Власа, с высохшими уже волосами. О не-е-ет! Волчара подтвердил мои опасения:

– Я поехал, вернусь ближе к ночи. Закроешь дверь. И не забывай, что сегодня ты ведёшь совещание. – Дзуликий приподнял руку, посмотрел на часы, продолжил: – которое начинается через двадцать, девятнадцать минут. Не волнуйся, я закажу тебе такси. – Уже развернувшись, добавил: – я не боюсь твоих гелей и шампуней для душа. Настоящего двуликого такие мелочи не пугают.

Влас спокойно вышел, помахав ручищей, а я же с диким воплем и матом бегала по квартире. О завтраке и речи не шло. Лепёшка же с миской в зубах и отчаянием во взгляде, проводила меня до прохожей.

С криком: «Прости, Лепёшка!» я захлопнула дверь. Вечером мне стопроцентно придётся отмывать квартиру от мести кошки. Хочется плакать первый раз не от стыда, а от безвы-

ходности: прости несчастное животное, простите оставшиеся нервные клетки, простите директора нового состава за столь грубое опоздание...

* * *

Вечером я забежала домой, накормила злую негодующую Лепёшку. Мимоходом зажевала бутерброд и переделалась в комфортные спортивные штаны, немного вытянутые на коленях, серую майку и ветровку до колен. Пока Влас не успел вернуться, я решила слинять в гости, желательно с ночёвкой, но это как карта ляжет. По пути зашла в магаз и напокупала фруктов да прочих приятностей-здорового-питания-вкусностей.

Добираться до гостей надумала на автобусе. В вечерний час пик сидячих мест не осталось, пришлось стоять. Автобус трясло и водило из стороны в сторону, устоять было той ещё задачей. Пару раз жёлтый алюминиевый поручень чуть не выбил мне зубы: не легко жить высоким ликим, – у меня даже зародилась идея схватиться за эту крашеную трубу зубами, не ну чего мне стоит? Зато руки освободятся. Но последняя нервная клетка, вся перебинтованная и с костылём под мышкой, велела мне стоять без выкрутасов, не позориться.

Дабы отвлечься от идеи покусывания поручня сосредоточилась на атмосфере в автобусе. Несмотря на толкучку, особого дискомфорта не наблюдалось. В салоне не тусова-

лась духота: кто-то приоткрыл крышку люка на проветривание. Колкий свежий ветерок с запахом чуть-чуть подтаявшего снега трепал мои волосы на затылке. Окна, местами покрытые морозцем и грязью брызг обработанных от гололёда дорог, тускло пропускали сквозь себя оранжево-розовые краски заката. Иногда подсветке окон мешали проскакивающие тени столбов, нити проводов, размытые холодные силуэты домов, затяжную тень бросали длинные холмы разбросанных повсюду гор.

После пятого мощного толчка затормозившего автобуса я с трудом и потом выбралась на волю. От остановки добрела до нужной многоэтажки. Мурашки лизнули хребет, кишечник встревоженно проурчал и замолк. Вдох-выдох. Всё получится. Главное не давать слабину.

Пролетела мимо поста охраны, вбежала в распахнутую пасть лифта. Левый глаз начал нервно подёргиваться. В такт ему затикал правый. Зубы ухватили нижнюю губу, не прокусывая, интенсивно проминая. Ебучий случай – ладошки вспотели.

Лифт как будто с оттяжкой замер, выпустил меня на требуемом этаже. Вышла, позвонила в дверь персикового цвета.

Мне открыл... вроде как Макс. Его по ключицы скрывала плюшевая голова розового кролика. Не отвлекаясь на приветствия, он быстро прошёл в гостиную. Там на столе у окна стоял ноутбук. Сев на стул, Макс приподнял прикрепленный к футболке микрофон. Не своим, более высоким и нежным

голосом двуликий что-то залепетал в динамик:

– Благодарю за ожидание. Так, на чём я остановился?

По экрану ноутбука забегали строки активизировавшего чата.

– Мгм, спасибо, понял. Так вот, мои хорошие, тот ночной крем действительно мне помог. Ранки затянулись мгновенно. Да, вы правы, ЛютикТриТысячиВольт, я действительно дурашка: если бы не тот случай с баночкой белизны, то и ранок бы не было.

Так, давайте последний на сегодня вопросик. Ага. Мистер-мои-коржи-божественны, да, я планировал сделать обзор на продукцию той торговой марки, но с не давних пор они прекратили сотрудничать с блогерами. Да, всё к лучшему. Спасибо, ЧумнойМиксер.

Завтра, напоминаю, я обзреваю новую мультиварку. Пост о марке мультиварки скинул в наш уютный блог. И, конечно же, по традиции двадцать первого числа каждого месяца мы испечём кое-что интересенькое. В этот раз я испеку для вас лимонно-карамельный кекс в прямом эфире. Ну всё, мои сладкие, давайте прощаться. Мне очень приятно, что так много плюшечек участвовало в сегодняшнем кофе-чайном часочке. Целую всех в щёчки. Пока-пока!

Завершив трансляцию, с выдохом облегчения Макс снял с себя башку из плюша. Размял шею, потёр лицо ладонями. Повернулся на вертящемся стуле ко мне. Я же как стояла в проёме гостиной с разинутым ртом, так и не шевелилась: ти-

хо охувала от увиденного и услышанного. Макс сам по себе довольно смазлив, эмоционален и ласков, но то, что он вытворял секунду назад, перебило все допустимые пределы адекватности. Оказывается, парень может и вот так играть перед камерой. Почему он скрывал своё актёрское мастерство? Или это его альтер эго?

Двуликий прокашлялся. Заговорил первым. От настоящего, глубокого бархатистого голоса волка я отмерла.

– Слушаю. – Произнёс двуликий, захлопывая крышку ноутбука.

– Спрячь меня. – Перешла сразу к делу.

– Яр Захер предложил какой-то новый метод? – Белых-Вишня повёл бровью, чем очень походил на своего старшего брата. Вот бы мозгов смазлённышу побольше да волосы в тёмный перекрасить и вообще не отличить.

С заминкой, опровергла его предположение:

– Нет. – Вторая бровь двуликого поползла вверх. Вот уже две ухоженных брови изящно изгибаются во *что тебе надо?* – Ты же сам хочешь, чтобы я исчезла. Давай поможем друг другу.

Макс встал, пошёл на кухню. Я за ним. Подходя к плите, предложил:

– Что будешь: мясо, запечённое в собственном соку или грибной крем-суп?

– Чай чёрный обыкновенный.

Смазлённыш щёлкнул включателем чайника. С нотками

осуждения, произнёс:

– Ты эгоистка. Все опять будут переживать о тебе.

Я подскочила к волку, положила ладони ему на предплечье. Убеждающее ответила:

– Это не на долго. Я просто выплуюсь и вернусь. Помоги мне.

Макс сбросил мои тощие пальцы, скрестил руки на груди, опёрся попой о край столешницы. Надув губы, пробормотал:

– Не хочу. Ты плохая.

– ...

– Ты меня постоянно дразнишь и обзываешь. Не хочу тебе помогать.

Молча бухнулась на колени, сложила ладони в умоляющем жесте, максимально жалостливо заглянула ему в глаза. Умолять так со всем актёрским рвением.

Двуликий отскочил, шерсть на его белоснежном хвосте встала дыбом.

– Прекрати унижаться. – С рычанием выдал волк.

Лиса внутри меня вспыхнула и кинула:

– Пф. Да что ты знаешь об унижении?

Потрясая пальцем и хмурясь, Макс спросил:

– Где твоя гордость двуликого?

Поднимаясь с колен, сказала, пожав плечами:

– Сдохла в борделе.

Терпение мне надолго не хватило, поэтому сменила тактику в полёте. Лиса недобро рыкнула, уши второй ипостаси

сменили человеческие, хвост шишкой отключился под штанами. С едва уловимой угрозой, поинтересовалась:

– Тебя никогда не трахали?

– Не понял. – С туповатым выражением лица переспросил волк.

Закатила глаза. Блять, теперь эта привычка приклеилась ко мне вместо прокусывания кровоточащих ранок?

– Не играй в Леону. В том *самом* смысле спросила. Тебя никогда не...

Макс не дал закончить фразу, покраснел весь, гневно крикнул:

– Разумеется нет! Я же мужчина!

– И что? – дьявольская усмешка завладела моими губами.

– В смысле и что?

– У этого процесса нет границ по... Мари вполне может...

Вода закипела. Чайник засвистел. Двуликий, сняв тот с плиты, уже спокойно и уверенно возразил:

– Не дури. Это физически невозможно. – Мне слышалось или он произнёс это радостно и с самодовольством?

Сощурившись, пошла в наступление:

– Я бы не была так уверена на твоём месте.

– Ты меня шантажируешь? – Макс ощутимо напрягся. Пакетик чая угодил мимо кружки. Со второй попытки волк удачно заварил чайную пыль дорог Песи.

С озорством успокоила:

– Да какой же это шантаж? Марриам взрослая разносто-

ронне развитая женщина. Она сама может наткнуться на эту идею, ну или кто-нибудь ненароком ей намекнёт. – Уже не сдерживаясь злобно похихикивала.

Двуликий переместил кружки на стол, поставил туда же тарелку печенья и пиалу розового мёда с хрустящими поджаренными кусочками булочки. Макнув кусочек булки в мёд, отправляя нехитрый десерт в рот, дожидалась ответа двуликого. Глотнув кипятка, Макс проговорил:

– Нет. Никаких намёков. Ладно. Прикрою тебя от них. Но взамен...

Кивая, заверила:

– Да-да, я прикрою твой зад от покушений.

Опустив веки, двуликий простонал:

– Как же я тебя ненавижу.

– Как же это взаимно. – С весельем в голосе поддакнула в ответ.

После чаепития, Вишня-Белых наконец-то развернул тему:

– Чего конкретно ты от меня ждёшь? Марриам не станет потворствовать тебе в безделии. Да и в Северном Блике ты ещё не за все грехи расплатилась.

Рвя фиолетовую бумажную салфетку в клочья, предложила:

– Мне же не обязательно сон на целые сутки подавай. Мне и простого восьмичасового хватит.

Постукивая блестящим от прозрачного лака когтем, Макс

выдвинул идею:

– Ты можешь поработать на меня.

– Чего? Ты *работаешь*? Ты?

На секунду поджав губы в неудовольствии от моего удивления, двуликий уточнил:

– У меня своя площадка в Гибнете. Рекламирую товары, продукцию. Готовлю в прямом эфире. Также есть подкаст с вязанием, кройкой и шитьём. Иногда обзираю журналы мод и новости из мира знаменитостей.

С ноткой сомнения спросила:

– Под каким ником? Что-то не припомню придурка в максе розового кролика.

– Клубничный пунш.

Моя язвительность выпала на пол.

– Ты-ы-ы?! Ты тот паренёк со сладким голосом и милыми речами за кадром вечерних обзоров слезливых сериалов?!

Не без гордости, добавил:

– И не только.

– Так вот почему ты ни хрена не работал на Блик... у тебя свой бизнес на стороне...

– Ничего не на стороне! Я всегда выступаю в поддержку продуктов и товаров конгломерата брата. Точнее того, что от предприятий осталось.

– Не елози мне по ушам! Я помню, как сладкий мальчик рекламировал косметику двуликих ипостаси белок!

Макс смутился, отвернулся к окну.

– Что было, то прошло. Зачем вспоминать? У нас всех были тяжёлые времена.

Закрыв глаза на его оправдания, вернулась к насущному:

– Значит, такие эфиры как сегодня ты ведёшь в башке кролика? С каких пор? Почему я не знала? Не припомню, чтобы Клубничный Пунш хоть мельком в кадре появлялся.

– Да разве тебе интересны подкасты о кулинарии и бытовых хитростях домохозяек?

– Хм, и то верно. Но чем же я могу помочь Клубничному Пуншу, у которого подписчиков больше, чем у меня волос на голове?

– Все мои рецепты для продвинутых. Хочу захватить аудиторию чайников в кулинарии.

– Продолжай-продолжай.

– Ты наверняка так и не научилась готовить?

– Ага. Зато умею убираться.

Макс вопросительно приподнял бровь. Я произнесла:

– Леона давным-давно научила.

Волк закатил глаза с тихим:

– Её бы кто научил порядок в доме поддерживать.

– Ну так чем могу тебе помочь?

– Я бы не отказался от помощника. Хочу в прямом эфире учить готовке какого-нибудь новичка в этом деле. Это будет свежей темой в блоге. Некоторые заинтересуются неловкими попытками дилетанта. Кого-нибудь это вдохновит на кулинарные подвиги. Но большая масса зрителей, я предполагаю,

клянут на комедийный подтекст.

– Мне надо будет кривляться на камеру?

– Незачем. Ты и так ходячий анекдот, когда пыхтишь над плитой.

– Чего ты сочиняешь?! Нормально у меня всё!

– Ри, ты даже воду вскипятить не в состоянии.

– Да всё я в состоянии. Просто кастрюли попадались дырявые и вообще Лебира в ретрограде. Сам астрологические сводки давно просматривал?

– Астрология не оправдание. Ты сама по себе... рукопая.

– Что ты там на меня вякну...

Моё возмущение прервал резко вспыхнувший свет на кухне.

Послышался мёд – Мари пришла с работы. Благодетельница, поцеловав Макса, прошла к холодильнику. Выгружая продукты из пакетов, она поинтересовалась:

– Вы чего в темноте сидели? Решили провести гадание, о котором вам поведали в очередном мистическом сериале?

Потерев глаза, Макс сказал:

– Мы таким больше не страдаем. Марриам, Ри сегодня поспит у нас.

– Понятно. Что-то случилось или по нам соскучилась? – спросила благодетельница, отправляя в микроволновку тарелку с ужином.

– Завтра с утра мы тестируем на Ри маски и патчи от...

того, что произошло с кожей её лица. Потом у нас прямой эфир.

Волчица ослабила галстук, повесила пиджак на спинку стула, поставила подогретое на стол, села.

– Что-то новое. Решили устроить совместное шоу? Ваш тандем составит презабавнейшую картину.

Макс налил чаю жене, сел обратно. Я же радовалась хорошему настроению благодетельницы. Волчица обратилась ко мне:

– Однако как ты всё собираешься совмещать? Надеюсь, не в ущерб психотерапии?

Простой, казалось бы, вопрос заставил мою спину покрыться противными бусинками пота. Я ментально попростила смазлёныша принять участие в беседе.

– Разумеется время, отведённое под лечение, мы не затронем. Ри будет помогать мне вместо своей работы в офисе Власа.

– Как вы это чудно придумали. А он с этим согласен?

Я сглотнула и усиленно начала пялиться на смазлёныша. Тот уловил мой сигнал, ответил Мари:

– Ри уже достаточно постаралась, выполняя поручения Власа. Я считаю, что на этом можно прекратить её потуги всё исправить.

– Ты уверен, что твой брат этому не воспротивится?

Макс, задрав немного нос, высказался:

– Она уже достаточно поработала на него. Я вообще-то

тоже пострадавшая сторона. Мне тоже хочется компенсации.

Я захлопала глазами, со смешком переспросила:

– Хочется компенсации? Какие ты убытки понёс из-за меня?

Двуликий скрестил руки на груди, прижал ушки к блондинистой шевелюре. С ноткой жалобы в интонации перечислил:

– Мне пришлось продать свой дачный участок и два автомобиля в уплату долгов. Это внушительный ущерб! И ещё я умолчу о моральном вреде, который ты мне нанесла.

Моя лиса внутренне ощерилась, я же возмутилась:

– Моральный вред? Что же я такого нанесла неисправимого твоей ранимой душевной организации?

Щёки Макса покрыл румянец. Мари пила чай и со смехом в серых глазах наблюдала за нами.

– Во-первых: твоё постоянное сквернословие. Во-вторых: характер Леоны претерпел изменения не в лучшую сторону – моя сестрёнка стала выражаться, как хулиган из тёмных подворотен! В-третьих: ты нанесла урон моей самооценке: никто никогда не издевался надо мной, над наследником ведущей стаи! И только ты впустила в моё сознание зерно сомнения, что я не идеален! В-четвёртых: ты предала моё доверие. В-пятых: твои действия и слова чуть не разлучили нас с Марриам на веки. В-шестых...

Лисий хвост нервно бился о ножки стула, заскрежетав зубами, я перебила бесконечный монолог волка:

– Хватит. Я вспомнила, что моя роль в этой жизни – тварь. Можешь дальше не припоминать. – Устало подпёрла лоб ладонью.

Мари встала, подняла и нас словами:

– Время позднее, спать пора.

Я с надеждой взглянула на неё. Благодетельница поняла меня без слов:

– Поддержу вашу задумку. О Власе не беспокойтесь сама сейчас ему позвоню, решу проблему.

С еле скрываемым восторгом ответила:

– Спасибо. Спасибо огромное.

Мари улыбнулась, попросила мужа:

– Помоги ей расстелить постель. Я в душ. И, Рири, могла бы сразу сказать, что вымоталась: по твоим чёрным теням под глазами всё сразу ясно. Зачем завуалировали истинную причину? Мне и ранее не очень нравилась идея Яра Захера. Или же мы с Алом неправильно его поняли. Дорогой, занимать всё её свободное время теперь твоя задача.

Макс с нежностью произнёс:

– Хорошо, любимая.

От их семейных милований мне померещился вкус мыла на языке. Я поторопила Мари и смазлёныша, мол прекращайте воду лить, сон зовёт. Волки понятливо хмыкнули и разошлись по комнатам.

На эту ночь у меня были грандиозные планы, но... как же меня раздражает вечное, *но!* Моим планам помешал кошмар. Затем проснулась, перевернулась, но мне приснился другой ужас. Скинула одеяло, взбила подушку, не помогло: к утру меня разбудил следующий, ещё более жуткий кошмарный сон. Да из-за чего? Неужели на новом месте первая ночь насмарку?

Ладно, не важно, надо довольствоваться самим фактом восьмичасового сна.

С первого этажа доносились дивные ароматы выпечки и приглушённые голоса. Я потянулась, попялилась в потолок. С неохотой встала, подошла к окну, занавешенному ночными шторами персикового цвета. Сквозь шторы навязчиво пытались пробраться утренние лучи бодрого светила. Посмотрела в окно через щель между отрезками персиковой плотной ткани. На улице по белёсо-голубому небу парили крупные птицы. Прозрачная туманная дымка стирала чёткие очертания домов, скрывала хребты гор, которые лежали за ближайшим высоким холмом, покрытым хвойными деревьями. Задёрнула поплотнее шторы – всё же любовь к полумраку в спальне засела в моём сердце глубоко.

Внизу хлопнула дверь, видимо Мари побежала в офис, что ж пора и мне за работу приниматься.

После мыльно-рыльных дел прошла на кухню. Там уже всю суетился Макс. Установив камеру в штативе на кухонном столе, волк что-то перемешивал в светло-жёлтой миске. Камера снимала только происходящее на столе, ни я ни смазлёныш в объектив не попадали. Двухкикий кивнул мне, не прекращая щебетать и комментировать каждый свой шаг. Я, стараясь максимально не шуметь, порылась в холодильнике, достала какой-то салат в контейнере и мясо, которое вчера он мне предлагал.

Уплетая завтрак, внимательно следила за Максом. Сегодня от его гиперболизировано слащавого и юношески высокого голоса у меня не заворачивались уши в трубочку. Кстати, об ушах, как смазлёнышу не надоедает ходить в полуформе? Я редко даю возможность лисе вылезти наружу. И то, когда распускаю хвост, он буквально через пару часов начинает меня дико раздражать. Всё же мне не нравятся полумеры – предпочитаю гонять в ипостаси человека, либо в ипостаси зверя, а вот эти вот слияния-сочетания совсем не в моём вкусе. Хотя, по правде говоря, наследникам стаи Белых очень идёт полуформа.

Пока я допивала чай чёрный обыкновенный, мой новый-старый-шеф положил круглой формы идеально пропечённый бисквитный корж на крутящуюся подставку, погладил на какой-то хрен его смоченной в какой-то жиже кисточкой, обмазал корж жёлтым кремом, бухнул сверху второй корж и так далее пока у него не закончились материалы для

постройки торта. Сверху он положил листики мяты и ломтики какого-то странного лимона: те просвечивали, казались искусственными.

Макс попрощался со зрителями, пожелал им чудесного дня и завершил трансляцию. Я же не удержалась, стащила с тарелки оставшийся не использованный ломтик лимона, отправила его в рот.

Двуликий прокашлялся, выпил воды, поинтересовался нормальным голосом:

– Нравится карамелизованный лимон?

Посмотрела блондину в сверкающие на солнце сине-голубые глаза.

Обсасывая ломтик, ответила:

– Не особо. Я просто подумала, что они не настоящие.

Волк приподнял брови, уточнил:

– И чем же я, по-твоему, украсит торт?

– Да фиг знает. Думала, что стеклянными имитациями.

Волк никак не прокомментировал мою бестолковость, предложил:

– Торт будешь?

До сих пор обсасывая дольку лимона, пробормотала:

– Не-а. Ты же знаешь, что я сладкое не особо люблю.

– Разумеется, именно поэтому ты съедаешь всю сладкую выпечку, которую я ставлю на стол к чаю.

Фыркнув, сказала:

– Да я просто слишком вежливая, поэтому редко отказы-

ваюсь от твоей стряпни.

По лицу смазлёныша так и читалось: «Ну-ну, конечно, заливай мне тут о своих высоких манерах». Вслух же произнёс:

– Тогда раз ты допила чай, пойдём в ванную, я тебе маски и патчи наложу.

– Да на кой? Моя рожа всё равно в камере мельтешить не будет. Ты же мне башку кролика одолжишь?

– Маску то я дам, но вот твоё лицо нуждается в уходе.

– Брось. Само всё пройдёт.

Макс скрестил руки на груди, возмущился:

– И что ты мне теперь предлагаешь? Смотреть на твоё измученное лицо?

– А что, так противно? Твоему брату наоборот нравилось. Не отлипал блин от меня, совсем затра...

– Твоё лицо портит мне настроение! Всё я сказал, пошли!

– Утопишь меня в ванне?

– Ри!

– Ладно-ладно, истерии принц, пошли мою кожу нежить.

* * *

Спустя три часа разнообразных косметологических попыток не чтобы моя кожа стала здоровее, а взгляд свежее, всё же печать долгих ежедневных переработок так быстро с лица не стереть. Главное, что Макс удовлетворил свои хотелки и больше до конца дня меня не по делу не трогал.

Так вот, возвращаясь к важному... Этот его новый кулинарный блог с моей тушей в главной роли высосал из меня всю душу и силы не хуже планёрки под шефством Власа!

Все проблемы и думы, что гложили меня покинули тело со стоном боли и поражения перед по-настоящему серьёзным и тяжким бременем!

Приготовление омлета, овощного салата и манника убило меня, размазало по паркету, поджарило на плите, спалило в духовке... уничтожило морально и физически! Ещё и плюшевая башка кролика нервировала. В ней было душно, тяжело давались повороты головы, да и обзор страдал.

Зато Максу было весело! Он ржал кониной! Гад. Садист. Сучара. Да и я идиотка: нашла блин в нём спасение! Надо было просто сбежать из этого дурдома на денёк другой и поспать в парке на лавочке!

В общем, сквозь слёзы, кровь и пот я приготовила резиновый омлет, смердящий манник и измельчённый в порошок салат... Какая же я талантливая, да что там, гений!

Двуликий же, завершив трансляцию, без улыбки тыкал ножом мой великолепный манник, который мёртвым серым нечто пристыл ко дну нержавеющей формы. Серьёзным тоном, Макс констатировал:

– Ты специально старалась задушить в зародыше мои попытки научить тебя готовить. Форму для коржей не отмыть, остаётся только выкинуть. Овощи ты измельчила, словно у тебя в руках не нож был, а блендер. Когда только успела, я

же от тебя не отходил далеко.

Немного пристыженная, ответила:

– Я правда не нарочно всё запорола. Оно само.

– Ри, я же курировал тебя от начала до конца. Каким волшебным образом получились такие... шедевры. По моим подробнейшим указаниям невозможно было наделать таких вот... ошибок.

Его слова меня задели, ведь я реально не дурачилась, а готовила со всей прилежностью и самоотдачей! С ноткой обиды, защищалась:

– Ты не прав. Я не издевалась над тобой. В работе я не допускаю небрежности. Всегда всё выполняю качественно, по крайней мере в силу своих возможностей. Кем бы мне ни доводилось работать, я не халтурила. Поэтому твоё осуждение не в кассу!

Двуликий округлил глаза от моей пропитанной негодованием речи. Потерев шею, парень принёс извинения:

– Думаю, ты говоришь правду. Ты никогда не проецировала личные отношения на работу. Прошу прощения за сомнения. Но как же так получилось, что ты не смогла приготовить ни одного блюда нормально? Почему получилось это? – Макс указал пальцем на стол, на котором стояло три ущербных, невероятно отвратно выглядящих отрывки моих кулинарных мучений.

Выкидывая свои творения в помойку, ответила:

– Всё прозаично, недруг мой: я редкостный рукожоп.

– Да разве такое возможно? Ни один ликий с глазами и руками не сотворит такой кошмар. Наверное, продукты были испорчены или...

– Макс, не сочиняй. Прими неутешительную правду – нет в этом мире такого повара, который смог бы моими руками приготовить съедобное блюдо. Мои изыски может есть только Лепёшка, и то только потому, что привыкла жрать отходы с помойки.

Волк нахмурился, возразил:

– Невозможно. Любого можно обучить. У тебя было мало практики вот и всё. Завтра ты сможешь лучше. И так накапливая знания и набивая руку ты всему научишься.

На моё лицо напоззла грустная улыбка. Я не стала переубеждать Макса, но сама знала наперёд, что из его затеи ничего путного не выйдет. И как же, Лепёшка меня дери, я оказалась права...

* * *

На следующий день и последующий за ним Макс не терял энтузиазма. По утрам он лечил мою рожу, днём нависал надо мной коршуном, учил премудростям готовки. Мы записывали с ним эфиры, по вечерам до прихода Мари залипали за сериалами. По ночам же меня не отпускали кошмары. Я совсем не высыпалась. К усталости добавились проблемы с аппетитом и вестибулярным аппаратом – кружилась голова.

На такие жалобы Захер только руками повёл и сказал, что это у меня просто нервное и пройдёт, так организм, видите ли, просит алкоголя. Не чтобы меня это утешало, скорее наоборот раздражало: я уже продвинулась на третью ступень в излечении от зависимости, а паскуда-организм не теряет надежды вернуться на кривую синюю дорожку!

А ещё Влас, волчара. Он мне не писал и не звонил. Видимо с переездом моя персона его совсем перестала интересовать. Наверное, волчара уже всюю потрахивает белку-секретутку. И мне не обидно! И не завидно! Совсем-совсем. Да и какой там секс, когда меня всюю сношает кухня?

В общем, такими мыслями я была отвлечена, когда отбивала молотком мясо на отбивные. Макс стоял позади, в не зоны обзора камеры.

Молоток со шмяком прилетал по мясу, на мгновение прилипал к нему, затем со свистом поднимался над моей головой и в крутом пике опять вбивался в розоватую куриную грудку.

Из-за гула мыслей в голове и громких ударов молотка я не услышала, как меня окликают смазлёныш. Его встревоженный голос парил за гранью моего сознания.

Очередное шмяк по мясу не получилось. Молоток каким-то неведомым мне чудом, выскользнул из моей ладони, полетел дугой в сторону Макса. Инстинкты и дурость прыгнули вперёд адекватности: я резко замахнулась ногой и в полёте сбила молоток с траектории падения. Как итог: Макс

орёт, мою ногу пронзает острая пульсирующая боль, рукоятка молотка торчит из потолка.

Смазлёныш мигом выключил камеру, я как-то растерялась.

– Ты чего? Подумаешь он в потолке застрял, я его сейчас вытащу...

Двуликий подбежал ко мне, быстро присел на корточки, задрал штанину моих спортивных штанов.

– Да не кипишуй ты так...

– Р-р-ри! – Макс поднял на меня свои сверкающие в гневе глаза. Разговаривая со мной, парень буквально рычал: – ты что натвор-р-р-рила? Ты дур-р-р-а!

– Ну прости. Я залатаю дыру в потолке как-нибудь.

– Да плевать мне на потолок! И на молоток! Твоя нога! Ты зачем его отбила? Я бы смог от него уклониться!

– Ой, ну не кричи. Подумаешь ушиблась, от синяка не умру.

– Р-р-ри, у тебя вмятина в ноге.

Я в изумлении наклонила голову. Двуликий не врал. Из вмятины уже начала обильно течь кровь.

– Ой. – Только и успела сказать я, как Макс сгрёб меня на руки, спустился со мной вниз на парковку, с психом завёл машину и помчался по дороге, проезжая на красные цвета светофора.

Таким же стремительным ураганом волк донёс меня до палаты травматолога в ближайшей к нам больнице.

Рентген показал, что у меня перелом со смещением. Врачи обкололи мне ногу обезболивающими и споро провели операцию по починке результата моей оплошности.

К вечеру мы вернулись домой. Макс всё так же нёс меня на руках. В квартире нас встретила Мари. Когда она узнала о произошедшем, настроение её до селя приподнятое омрачилось. Весь вечер супруги хлопотали надо мной. Сложившаяся ситуация меня изрядно утомляла: ну не люблю я такое пристальное внимание к своей персоне! Ну подумаешь ногу сломала, да меня даже боль особо не тревожит – врачи сказали это от шока, но на самом-то деле, знаю, что у меня высокий болевой порог. Да я вообще травмы спокойно получаю и не ною. А Макс он по жизни паникёр, его до сих пор мой шрам на переносице беспокоит, а мне как-то безразлично: одним шрамом больше или меньше. Если захочу, то в будущем и на ноге татуировкой неровности на коже скрою.

С первым весенним дождём мы...

Кошмарики; хочу к Лепёшке – именно такими причинами я оперировала, упрашивая супругов отвезти меня в квартиру Власа. На самом же деле эти причины были только верхушкой гложившего меня айсберга беспокойства.

Всё из-за волчары! Во всём виноват он! Мне надо лежать и выздоравливать, а я вся в думах о том, что он приглашает в квартиру разных некомпетентных шлюх и устраивает разврат на глазах у Лепёшки! Бедная Лепёшечка. Соскучилась по ней. Давно тапкой никого не пиздила...

На мои мольбы Мари просто рычала на меня, давая из раза в раз отрицательный ответ. Макс же ныл о том, что там я останусь в одиночестве и без помощи, видите ли, Влас очень загружен работой, приходит поздно, некому за мной ухаживать. Пф, можно подумать я прям сама не в состоянии себя обслуживать. Дайте мне костыли, и я буду летать по хате словно птаха!

Через неделю моего безостановочного капанья на нервы супругов, волки разрешили мне покинуть зону их повышенной опеки. Макс самолично меня довёз, потом донёс на руках до квартиры, хотя я уже в состоянии ходить сама...

В квартире нас встретила тишина, так как время было три часа пополудни, Влас в делах-заботах трудился в холдинговом предприятии.

Я попрощалась со смазлённышем, закрыла дверь. На голос мой прибежала Лепёшка. Кошка вопила и тёрлась о мою здоровую ногу, гипс не трогала.

Без особого труда допрыгала с костылём до кухни. Там меня встретила девственная чистота, как на столе, так и в раковине, и в холодильнике. Похоже Влас дома не ел. Лепёшку же волчара кормил консервами. Разнообразные паштеты, жидкие и сухие корма забили ящик под столешницей гарнитура под самое не могу. В миске Лепёшки тух паштет, кошка к нему видимо даже не прикоснулась – лежал цел целёхонек.

С содроганием схватила Лепёшку за бока, повертела чёрно-белую тушку на уровне глаз. Ужас... что и не требовалось доказывать – кошко-бомж совсем истошала! Пузико прилипло к позвоночнику, мордочка осунулась, да и шерсть перестала кудрявиться!

В считанные минуты заказала доставку продуктов на дом. Курьер всё быстро принёс. Из рыбки и круп оперативно сварганила животному супчик. Пока я готовила, Лепёшка сидела рядом и пялилась на кастрюлю голоднющими глазами. Вонючее варево быстро приготовилось. Остудила шедевр в ванночке холодной воды.

Блоховозка не стала ждать, пока я выложу варево в чистую миску... она хавала в полёте! Такого мне видеть ещё не доводилось. Пару ложек даже попали ей на голову, но ей было насрать на неудобство... С диким урчаньем и чавканьем Лепёшка заглатывала суп. Плакать мне или смеяться? А Макс

не верил, что мою стряпню в состоянии съесть хоть одно живое существо, не умерев потом в дикой агонии.

Немного погодя мы лежали с Лепёшкой завернутые в плед перед телеком. В эфире шёл бесконечно серийный сериал «Люби любовно, умри достойно». Без смысла, без логики, зато с морем слёз, вагоном смеха и поляной умиления – всё как мы с Максом предпочитаем. Вот так бестолково я убила время до прихода Власа.

Волчара совсем не удивился моему возвращению. Поприветствовал он меня так:

– Дверь открыл, слышу в квартире смердит. Сразу понял, что ты Лепёшку покормила.

Мы с кошкой сощурили в недовольстве глазки, повернули головы к вошедшему в гостиную мужчине.

– И тебе добрый вечер, бывший босс.

Разматывая синий шарф, двуликий опять приклеил свою фирменную улыбку.

– Макс вязал? – поинтересовалась я.

– Разумеется. С тех пор как Макс взял в руки спицы никто больше в нашей семье не смел носить покупные вязаные вещи.

– Иначе скандал? – спросила не без ехидства.

Влас же подтвердил мою догадку кивком.

– Ты ужинал? Я заказала какие-то вкусные блюда из ресторана морской кухни. Мне понравилось. Контейнеры в холодильник поставила.

Волчара подошёл ко мне, неожиданно нагнулся и чмокнул меня в щёку. Охренела и я и Лепёшка. Пока мы переваривали произошедшее, Влас ополоснулся в душе, надел домашние штаны и серую футболку – подстать мне всё растянутое и максимально непривлекательное. В чём мы с ним схожи так это в стиле домашней одежды.

Влас принёс с кухни нарезанные аккуратными кубиками фрукты в глубокой тарелке. Всучил мне вилку, положил на мой живот тарелку. Всё как я люблю, вот зараза, подмазывается ко мне? С чего бы это?

– Ты кушай. Меня глазами раздеть успеешь, когда твоя лапка заживёт.

Я фыркнула, уткнулась в сериал.

– С чего ты мне сдался? А я тебе? У тебя, наверное, уже список контактов в телефоне длиной с прибрежную границу Песи.

– Какой список? – спросил Влас, закидывая в рот по мутантски большую клубнику.

– Тот самый. С проститутками всех рангов и охватов груди.

– Не понимаю. С каких это времён я пользуюсь их услугами?

Жуя банан, психанула:

– Да с тех пор, как со мной повёлся!

Влас молча просканировал меня изумлённым взглядом. С его лица сползла улыбка. Взгляд стал тяжёлым.

– Я никогда не принимал тебя за жрицу любви. Разве мы спали с тобой не по обоюдному согласию? Я тебя принуждал или платил тебе за секс? Или обидел тебя чем-нибудь?

Мои щёки горели. В душе кипели непонятные мне чувства.

– Ты мне не звонил! И не писал! И трахал других!

– Не звонил и не писал, потому что Мари попросила дать тебе отдых от работы. Я же подумал, что ты хочешь отдохнуть ещё и от меня, раз переехала к ним. И никого я не трахал, по крайней мере физически, психологическое давление на работников не в счёт.

От киви мне защипало язык. Я глупо хлопнула ресницами пару раз и выдала ещё более тупое:

– Правда?

– Истинная истина, правда правдная.

От его ответа и моих подозрений меня припёк стыд. Я отвернулась от двуликого, включила погромче сериал. Влас привлёк моё внимание странным суждением:

– Общение с Максом плохо на тебя влияет.

Негодование заставило меня аж ровно сесть, облокотясь на спинку дивана. Тарелка с живота перекочевала на колени.

– Не бузи на Макса!

– Что не делать?

– Не возникай! Не гони на него бучу! Макс лучше всех вас мужчин вместе взятых!

Влас закинул себе в рот дольку яблока, нахмурившись, из-

рѣк:

– Мне стоит ревновать тебя к Максимилиану? Какие у вас с ним отношения? Вы бывшие любовники?

– Чего-о-о-о?! Тьфу на тебя, волчара!

– ...Так вы спали или нет?

– Нет! Ещё не хватало мне такое золотце совращать!

– А раньше ты говорила, что ненавидишь его. – С ноткой недоверья пробормотал двуликий.

– Пф, мне ничего не мешает его ценить и ненавидеть одновременно. Ему только не говори, а то зазнается.

Волчара ошутимо расслабился от моего ответа, разлёгся поудобнее. Поедая кусочки груши, сказал:

– Женщины не постижимы.

– А вы прям проще таблицы умножения?

– Да, представь себе.

– Ну и что же тебе такому простому надо?

– Вкусно поесть, страстно покувыркаться, встречать каждое утро с любования на спящую тебя.

Я отпрянула немного головой от волчары, с нотками отвращения произнесла:

– Вроде ничего крамольного не сказал, а зябко стало. Будто есть в словах твоих извращённый подтекст.

– Не имел в виду ничего предосудительного.

Влас взял с тарелки виноградинку, засунул мне её в рот, потянулся ко мне. Когда его лицо оказалось в сантиметре от моего, не выдержала взгляда сине-бирюзовых глаз, прикры-

ла свои. Дыхание волка встрепенуло мои ресницы. Раздвинув мои губы в поцелуе, Влас стал играть с виноградиной в моём рту. Наши языки толкали её друг другу в рот, устроив локальное сражение.

Круглая и скользкая от нашей слюны, виноградинка не знала куда деваться, куда щемиться. Мы перекатывали чёрную ягоду, мимоходом ласкали языки друг друга. Ощущение от упругой кожуры ягоды, горячего языка двуликого, мимоходом задетые губой острые клыки волчары завели меня не на шутку. Стоило мне поднять руки в желании обнять его широкие плечи, как он, прокусив виноградину и засунув стремительным движением мне её в рот, резко отстранился.

Сок мякоти чёрного винограда растёкся по моим рецепторам.

– Слишком приторно. – Пожаловалась я.

– Да? – мужчина ухмыльнулся, добавил: – тогда что ты скажешь на это?

Влас запустил руку в тарелку, достал со дна скорлупку грецкого ореха, раскрыл её и протянул мне. Опустила взгляд, в шоке раззявила рот, захлопала ладонью по дивану в поисках Лепёшки-моральной-поддержки, но кошки не было рядом. Заикаясь от испуга, спросила:

– Т-ты чего это т-творишь? С-скажи что шутишь, ин-наче меня сейчас кондрашка хватит!

Волчара покрутился в ворохе пледов, встал одной ногой на пол, коленом второй ноги упёрся в диван. Протянул на-

стойчиво скорлупку с золотым обручальным кольцом внутри.

– Не выдумывай! Влас, тебе этого не нужно!

На серьёзное лицо мужчины опять вернулась добродушная улыбка.

– Рири, я в полном рассудке и трезвости, прошу тебя стать моей женой.

Уверенно ответила:

– Нет.

– Почему? Я тебе не нравлюсь?

Произнесла с издёвкой:

– Тебе все причины перечислить?

– Желательно.

– Во-первых, я проститутка...

Влас перебил:

– В прошлом, но не сейчас.

– Тебе и не снилось, скольких мне довелось обслужить.

– Твоё прошлое меня не отвращает. Мне только больно оттого, что тебя принуждали это делать против твоей воли. Как только думаю о том, как над тобой издевались, так сразу хочется перенестись в прошлое и перегрызть всем сволочам глотки.

Волчара сжал до побеления костяшек кулак свободной руки, лоб его прорезали морщины, в глубине глаз полыхнул гнев. Мужчина с усилием вернул себе добродушный вид, продолжил:

– Я хочу сделать тебя счастливой.

– Займись своим счастьем.

– Меня делает счастливым твоё общество.

– Чушь. А если это правда, то мне тебя жаль.

Влас вздохнул, спросил:

– Рири, какие ещё причины есть?

– Ты хочешь вкусно кушать, готовить я не умею. И больше не стану пытаться научиться.

– Разве я когда-нибудь просил тебя готовить? Мы вполне можем довольствоваться ресторанными...

Перебила, на тон выше произнесла:

– У меня тяжёлый характер!

– Я в силах носить тебя на руках.

Не выдержав, заорала:

– Да что ты ко мне привязался?! Нет значит нет! Я не хочу выходить замуж! Не хочу заводить детей! Да в конце концов, я не люблю тебя! Какие ещё причины тебе нужны?

Зажав нижнюю губу меж клыков, отвернулась. В груди противно щемило, а в горле встал ком. Хотелось плакать.

Влас сел рядышком, приобнял меня лапицей, притянул мою голову себе на грудь. Глядя меня по спине, успокаивал:

– Хорошо. Раз не хочешь, настаивать больше не буду. Не расстраивайся. Мои чувства не помешают нам проводить время вместе. Ты же не сбежишь опять к Марриам от меня?

Приподняв голову, поинтересовалась:

– Какие чувства?

– А сама как думаешь? Предложения такого рода просто так не делают.

Немного успокоилась от поглаживаний и приятного бархатного голоса Власа. Хихикнув, протянула:

– Да не-е-е.

– Почему нет? Я люблю тебя.

– Вы... волки... белые и пушистые... да в чём у вас проблемы, раз вы как утята влюбляетесь в первых встречных? Вы чем-то больны? Что Леона, что Макс...

– А-ха-ха-ха-ха, нет. Мы все здоровы и телом, и душой.

– Тогда как...

– Это наше семейное благословение. Мы с первого взгляда понимаем, кто предназначен нам судьбой.

– Пф, судьба. Ага, именно поэтому Леона втрескивалась в каждого встречного-поперечного.

– Она просто не понимала, что по-настоящему чувствуешь, когда повстречаешь именно того самого, поэтому столько раз ошибалась.

Отпрянула от Власа, дёрнула на себя плед, встала, замоталась в плюшевый кокон.

– Ладно, я не против трахаться с тобой, но больше не заикайся о браке. Ваше благословение – это конечно прекрасно, однако постарайся как-нибудь перестроиться. Время сотрёт твою нелепую влюблённость. В будущем мы вместе посмеёмся над сегодняшним вечером.

Волчара опустил глаза, поджал губы, опустил ушки. По-

смотрев на кольцо, мужчина убрал его в карман штанов.

– Какие у тебя планы на жизнь? – спросил Влас.

После недолгих раздумий, призналась:

– Даже не знаю. Судьба как-то не давала мне шанса спокойно посидеть и подумать. Да и жизнь моя зачастую от меня не зависит. Слышал когда-нибудь такое стихотворение: вся жизнь – игра, судьба в ней карты. Пойдёт ли масть аль разоренье, не стану я роптать, продолжу жить без сожаленья. Но нет пути и нет стремленья, я лишь бреду во тьме без сожаленья...

– К сожалению, я не любитель поэзии.

Не выдержав, растянула губы в горькой улыбке.

– Это замечательно. Больше мне не нужны поэты. – Отвернувшись, продолжила: – компенсацию я выплачу. Чуть позже, но всё верну.

– Вернёшься работать?

– Нет. У меня есть кое-какие, так скажем, сбережения. Благодаря всем вам опыт у меня набрался достаточный, чтобы открыть своё мелкое дело. Как только начну получать доход, примусь за выплату долга.

– Забудь о долге. Я им оперировал, чтобы тебя рядом с собой удержать. Хотел, чтобы ты ко мне привыкла, а там со временем, может быть и чувства...

Ар-р-р, опять эти чувства!

– Спасибо. Спокойной ночи. – Не дослушав двуликого, понеслась с костылём под мышкой в свою спальню.

От вспыхнувшего света ночника проснулась Лепёшка. Кошка лежала на спине на моей подушке, вытянув лапы вдоль туловища. Лениво приподняв голову, она мяукнула и вышла в гостиную. Я же в расстроенных чувствах, сама не своя плюхнулась на кровать, как была – замотанная в плед. С трудом вытолкала на пол костыль. Обняла подушку и в позе эмбриона отключилась от действительности.

Меня разбудил кошмар. Опять красные маки, снова стоны и крики. Когда же меня отпустит?

Ебучий случай, одной в постели жутко.

Покрыскала Лепёшку. Кошка не пришла на зов. В квартире стояла темнота и холодная тишина. Морозец пробежался по коже.

С третьей попытки я выбралась из плена пледа, упала на пол, перекинулась во вторую ипостась. Большие уши торчком и длинные лапы тенью проскользили по паркету в гостиной. Голубоватый свет луны обесцветил все предметы в гостиной. Огни города мелькали в черноте ночи сквозь. Кошку я так и не нашла, ни в коробке, ни в других излюбленных ею местах.

Возвращаться в свою спальню совсем не хотелось: там меня поджидали кошмары. В просторной гостиной тоже неприятно было лежать в одиночестве. Окончательно расстроившись, прокралась в спальню волчары. В его комнате пахло коньяком и горьким шоколадом. В пасти непроизвольно пощипало язык от предвкушения вкуса. Дав себе мысленную

оплеуху и, обещание провести с Захером качественный сеанс, прошла к широкой кровати. Мои когти еле слышно цокали по голому гладкому полу.

Мужчина спал как всегда нагишом, прикрыв бёдра тонким одеялом. Закинув передние лапы на кровать в изножье, мягко запрыгнула и без лишних шевелений улеглась. Морду повернула к окну, почему-то Влас его не прикрыл шторами. Разноцветные огоньки за окном и тепло волчары успокаивали меня. Когда ко мне подкрался сон, я ощутила, что стало жарче – двуликий лёг поперёк кровати ближе ко мне, набросил на мою тушку одеяло.

– *Я тебя разбудила. Прости.*

– *Ничего страшного. Не можешь уснуть?* – ментально спросил Влас.

– *Не могу спать одна. Лепёшка куда-то спряталась. Ложись обратно, я постараюсь тебя не тревожить.*

– *Ты мне не мешаешь, я всегда тебе рад.* – С этими словами двуликий засунул мне под морду подушку, лёг поближе, обнял, прикрыл глаза.

Вздохнув, тоже опустила веки, отдаваясь во власть сна.

* * *

Утро порадовало меня щебетом птиц за приоткрытым на проветривание форточкой; и полуголым мужчиной, вышедшем из душа и предлагающим разделить завтрак на двоих.

Без долгого уговаривания перекинулась в первую ипостась, прошла чинно в душевую мимо Власа в чём мать родила. Двухликий проводил меня поедающим взглядом. Если бы я ещё и не прихрамывала, было бы более эффектно, но кто же меня просил сбрасывать гипс переходом в тело лисы?

Мы позавтракали заказанными из ближайшей забегаловки бисквитными блинчиками и яичницей. Влас сварил кофе. Усевшись, мужчине на колени, поила его из фарфоровой невысокой кружки тем самым кофе.

Обжигающий напиток перемежала с горячими поцелуями. Горький вкус кофе на губах волчары просил меня лишь глубже целовать, чтобы стереть страстью не приятный мне привкус.

Наши утренние ласки продлились до неприличия долго, остановил нас звонок телефона – какой-то негодующий мужчина вызывал боса на работу.

– Кто это? Новенький? – поинтересовалась, с неохотой вставая с колен волчары.

– Нанял нового помощника, когда ты меня покинула. Должен же был кто-нибудь меня будить.

– Хм, а как же та белка? Поручил бы ей эту миссию.

Влас встал, потянулся, поиграл мышцами, неспешно пошёл одеваться, сказав:

– Если бы я ей такое поручил, она всеми правдами и неправдами проникла бы в квартиру. Тебе так хочется, чтобы она стала вхожа в нашу спальню?

Поморщившись от его слов, дала волчаре ускоряющий поджопник. С громким смехом Влас скрылся в спальняй комнате. Я же быстро надела короткие шорты, водолазку, на-кинула сверху сливового цвета пиджак.

– Не замёрзнешь? – спросил меня в коридоре Влас.

– Ну ты же меня подвезёшь, а обратно я на такси.

Беря ключи от машины, двуликий предложил:

– Как ты смотришь на то, чтобы вечером составить мне компанию?

– В планах что-то грандиозное?

– Не особо. Просто ужин в ресторане в компании наших новых партнёров по восстановлению некоторых дочерних предприятий.

– Что мне надеть на встречу?

– Как захочешь. Только попрошу надеть что-нибудь подлиннее этих шорт.

Я прильнула к Власу, прошептала на волчье ухо:

– А то что?

– Во встрече не будет смысла.

– Почему это?

– Все мужчины за столом будут поглощены твоим очарованием, у них совсем пропадёт настрой на переговоры.

– Пф, а мне почему-то мерещатся нотки ревности в твоём голосе.

Двуликий отвёл взгляд к полу, бросив:

– Куда же без этого, когда моя девушка так харизматична

и привлекательна.

Комплимент волчары мне польстил. Довольная собой, Власом и позитивным началом дня, окрылённая спустилась с двуликим на парковку, доехала с улыбкой на лице до медицинского оплота Захера. Поцеловав Белых на прощание, выпорхнула в волнующую прохладу весенней капризной погоды.

Под сапожками проминался рыхлый тающий снег. Воздух свежий и сырой наполнял лёгкие лёгкостью. Позитивное настроение достигло неприлично высокой отметки – давно я себя так хорошо не чувствовала.

* * *

Мы сидели с Захером за столом и прорешивали какие-то тесты, но мыслями я была далеко: зажав рот и нос белым платком, кляла себя, что сглазила день. Меня волнами накрывала то тошнота, то слабость. Голова слегка кружилась. Даже пропало настроение издеваться над енотом полоскуном.

Вдруг мозгоправ вздохнул, собрал разложенные на столе бумаги в стопку.

– Ты чего? – пробормотала я.

– Нет смысла сегодня проводить сеанс. Ты совсем не настроена на работу.

– Блять, а день так удачно складывался.

Захер пожал плечами, сказал:

– Со всеми бывает. Я сейчас позвоню терапевту, попрошу тебя принять.

– Зачем? Двудликие не болеют...

– Раз надо, значит надо. Не спорь, пожалуйста.

– Странный ты какой-то. – Не стала сопротивляться. Взяла пиджак, приготовилась идти к терапевту. Поинтересовалась: – у тебя что-то случилось?

Захер положил телефон, остановил меня:

– Подожди, она сама за тобой поднимется. – Отведя взгляд в сторону, бесцветно произнёс: – всё в норме. Переехал вчера от матери.

– О, и как ощущения?

– Так себе. Проспал на работу. Позавтракал хлебом и водой. Ключи от квартиры забыл. Придётся дверь вскрывать. Потом ползарплаты надо отдать за установку новой двери.

Чистосердечно заверила енота:

– Не грусти, хоть ты и неудачник по жизни, тебе обязательно повстречается лучик.

– Какой лучик, – устало произнёс мужчина.

– Лучик удачи. Ты главное улыбайся, иначе твоя постная рожа любой лучик спугнёт.

Захер растянул трясущиеся губы в жуткой улыбке, уточнил:

– Так?

В дверь постучали, заглянул терапевт. Я кивнула женщи-

не в голубом халате, еноту же сказала:

– Тебе надо попрактиковаться перед зеркалом. Тренируйся, в следующую нашу встречу проверю!

С поддержкой врача спустилась по лестнице на первый этаж. Дошли до кабинета. Меня усадили на стул и тут понеслось...

* * *

Вышла от терапевта оглушённая новостью. Разбитая и опустошённая, без сил опустилась на ближайшую лавочку. Голова раскалывалась. Мир сузился до одной звенящей мысли *что делать?*

Единственное к чему пришла, так это к выводу, что одной мне не справиться, надо срочно с кем-нибудь поговорить. Леона с Алом в этом деле мало чем мне помогут, остаётся только заявиться в гости к Марриам.

Неустойчивую двуногую человеческую ипостась сменила на лисью, прямо посреди улицы. Не смотря ни на кого, схватив пастью телефон и кошелёк, потрусила на своих длинных лапах к Вишне. Путь был не близкий. И как всегда долгая прогулка более-менее утихомирила мои эмоции.

Я сидела в ипостаси лисы на полу напротив широкого окна. За окном на подоконнике сидела птаха, клевала семена – смазлёныш часто подкармливал пернатых, и так же часто отмывал окна и подоконники от птичьего дерьма. За моей тёмной спиной Марриам неспешно укладывала вещи в большую спортивную сумку.

– Ну что тут посоветовать? У всех всё индивидуально. В таком деле любой советчик враг. – Повернувшись в сторону лестницы, ведущей на второй этаж, Мари крикнула: – дорогой, у тебя в машине вода есть или мне новую набрать?

Сверху донеслось: «Не надо, там у меня есть новые неоткрытые бутылки, мы же в прошлый раз про запас купили».

Волчица крикнула: «Хорошо», и повернулась опять ко мне продолжая нашу беседу:

– Что же касается второго вопроса, ты спрашиваешь, *а как же любовь?* я же скажу, мужа надо искать без розовых очков. – Волчица говорила в полголоса, будто не хотела, чтобы Макс услышал наш разговор.

Мои же ответы ограничивало тело лисы, поэтому меня слышала только благодетельница:

– *Ну а как же романтика? Без неё совместная жизнь обителью Смерти покажется.*

– Дожила до своих лет, а всё равно дурочкой осталась. –

Беззлобно посмеялась надо мною Мари. Застегнув сумку, сев на диван, она продолжила: – страсть или, как ты выражаешься, влюблённость со временем пройдёт, а ликий останется рядом. Выбирая головой, ты обеспечиваешь себе относительно надёжное будущее.

– А...

– А любовь придёт с годами, а именно от поступков, действий, отношения: как он смотрит, говорит, дорожит тобой. Чувство, зародившееся постепенно, культивируемое годами имеет тенденцию длиться на много лет дольше, чем твоя пресловутая страсть.

Я понурила голову. Вишня потрепала меня тёплой ладонью промеж ушей. Интуитивно поняв моё состояние, альфа добавила:

– Если хочешь летать, танцевать от насекомых в районе пупка и лелеять нежность, даруемую гормонами, карты тебе в руки. Я тебя ни в коем случае не отговариваю. Такая сказка в своём роде тоже приятна и увлекательна... она определённо имеет место в мире ликих.

Над потолком что-то громко разбилось одновременно с печальным комментарием: «Крошки-воробушки!». Эх, Макс так и не научился нормально ругаться.

Посмотрев на Марриам, полюбопытствовала:

– *А ты любишь?*

Серые глаза двуликой выдали задумчивость, коей не было места в таком простом вопросе. Еле уловимая улыбка тон-

ким серпом луны всколыхнула бледные губы волчицы. Зрачки расширились, затопляя радужку.

С топотом по лестнице сбежал Макс. С суетой и щебетом волк прошёл с волчицей в коридор. Потянувшись, встала, пошла следом, посмотрела, как смазлёныш хлопочет над женой: пальто подаёт, сапожки застёгивает. Мари же не принимала знаки внимания, посылала в ответ комплименты. Да, из них вышла милая парочка.

Уже стоя с супругами в лифте, решила докапаться до смазлёныша:

– Ты где такую спортивную униформу надыбал? Украл у бабушек на распродаже?

Не поворачиваясь ко мне, с по-прежнему спокойной мимикой на лице, ответил вслух:

– Ты ничего не понимаешь. Этот цвет сейчас в моде.

– Блевотный в моде? Так значит Лепёшка не пакостит мне в тапки, а творит красоту? Надо будет её похвалить.

Макс повернул ко мне голову, нейтральным тоном уточнил:

– Это припудренный розовый.

– И что? Я же так и сказала. Вот только зачем ради моды бабок грабить? Ох уж эти новомодные движения у богачей.

Двуликий промолчал со снисходительной улыбкой. Вот гад! Продолжила натиск:

– Сказать нечего? Быстро же ты хвост поджал! Или

думаешь, что в присутствии твоей жены не посмею тебя за зад куснуть?

Лифт остановился, двери распахнулись. Пропустив нас с Марриам вперёд, Макс мне парировал:

– Делай что хочешь. Только зубы не сломай.

Моя лиса фыркнула, клацнула зубами в воздухе, грозно посмотрев на смазлёныша, разругалась:

– Ты что творишь?! Реагируй на подначки как в старые-бедные времена! Хватит прикидываться отрешённым от мирских сует скитальцем! Я хочу почесать язык о твой мозг!

Приподняв брови и плечи, Макс изумился:

– О чём ты? У меня ведь нет мозга.

Я зарычала и куснула парня за правое полушарие ягодиц. Макс подпрыгнул от неожиданности, но ничего мне не ответил. Я ментально пожаловалась ухмыляющейся благодетельнице:

– Вот видишь! После наших кулинарных видосов он стал совсем невыносим! Негоден для подъёбок!

– Ваша дружба перешла на новый этап? Теперь он над тобой издевается?

Я на секунду зависла, потом посмотрела на невозмутимого белохвостого волка, потом в смеющиеся глаза Мари, ментально взвыла:

– О не-е-ет! Отмотайте время назад! Верните мне мою грушу для битья!

Вот так весело мы прошли на парковку. Супруги хотели меня подвезти, но я отказалась. Час был не поздний, хотелось ещё погулять, да обдумать слова Марриам. Помахала ребятам на прощание хвостом, проводила их красную машину взглядом, вышла следом на тротуар.

Проезжую часть очистили от снега. На тротуарах лежали кучки снега цвета чая с молоком – песок окрасил их. По возможности огибая и перепрыгивая лужи, рысью в умеренном темпе побежала домой.

По пути забежала к Леоне в гости. Улица частных домов, на которой поселились молодожёны, поясом обвивала пологий холм. По бокам от выложенной булыжником дорожки росли стройные голубые ели. Когда я подбежала к их участку, подруга как раз выходила из синего гаража, вытирая руки какой-то рваной, промасленной тряпкой. Поправив кудрявую топорщащуюся во все стороны чёлку тыльной стороной ладони, волчица помахала мне. Помахала ей в ответ своим коротким бурым хвостом.

Прохладный ветер распахнул её тонкую джинсовку, белокурая хозяйка автосервиса быстрее зашагала мне навстречу.

– Идём в дом. – Сказала Лео, обивая снег с сапог о лестницы. – Ты чего во второй ипостаси по городу шатаешься? На охоту ходила? Эх, я б тоже по лесу с удовольствием прогулялась. Да только дел по горло, вон только что двухколёсного друга к летнему сезону готовила. Что-то он пердит. Надо на диагностику в автосервис отогнать. Как только снег сойдёт,

вплотную мощиком займусь.

За стеклянными стенами располагался зимний сад. Он в круговую прилегал к небольшому двухэтажному дому. Каменная кладка стен местами была облюбована мхом. Под прозрачной крышей пристройки с деревянных балок на цепях свисали цветочные горшки. Разнообразные растения зависли таким образом в воздухе. По земле покрытой короткой травой меж цветочных клумб вилась заасфальтированная дорожка. Справа от входа в дом расположился искусственный пруд. В зеленоватой воде росло широкоствольное хвойное дерево. Его сочная изумрудная листва отражалась в водной глади.

– Тш-ш-ш, – прошептала Лео, приложив палец к пухлым розовым губам. – Не разбуди Ала. – Предупредив, подруга распахнула стеклянную дверь.

Идя по дорожке, я озиралась по сторонам, но наставника не видела. Ментально уточнила:

– *Он в гостиной заснул?*

Подруга мотнула головой в сторону дерева. Мысленно пояснила:

– *Вон он в пруду спит. Вчера ночью вернулся из командировки. Захотел в третьей ипостаси подряхать. Говорит, так лучше энергия восстанавливается.*

Лео открыла деревянную входную дверь, я прошла в переднюю. Волчица бесшумно прикрыла за нами дверь. Вслух произнесла:

– Он редко в дерево перевоплощается. Но для таких редкостей мы пруд и разбили. Оценила его прекрасную ипостась? Это болотный кипарис.

– *Не знала, что треликие могут так преобразовывать свою духовную сущность.*

– Ой, да это мелочи. Ты себе и представить не можешь какие у него возможности. А вкупе с богатой фантазией так вообще триндец. Ух, что он в постели вытворяет! Закачаешься!

Лео сбросила сапоги, кинула на тумбочку джинсовку. В угол швырнула грязную тряпку. Проходя в зал, двуликая непоседа расстегнула лямки комбинезона от штанов, дрыгая ногами, сняла их. Через голову сняла мятую футболку с причитаниями:

– Фу-у-ух, капец я вспотела. Идём лапы тебе помоем.

В ванной Лео бросила комбинезон с футболкой в корзину для белья. Указав мне на ванную, включила тёплую воду. Я запрыгнула туда, подставляла подруге лапы под воду. Та их сполоснула, положила на пол полотенце для ног. Пока я вытирала лапы, волчица помыла руки, засунула голову под кран, прохладной водой освежила шею. Блондинистые кудри намочились, завились в тугие пружинки.

– Так-то лучше. – Лео наскоро промокнула махровым полотенцем влагу со своего тела. В одних кружевных трусах и лифчике девушка прошлёпала босыми ногами на кухню.

Белых-Вишня включила маленький магнитофон. Нена-

вязчивая тихая мелодия разлилась по уютной простенькой кухне. Межкомнатные стены выложены каменной кладкой, но благодаря тёплому полу в помещении было комфортно. Через окошко на кухню проникал свет из зимнего сада. Но его оказалось недостаточно: комната утопала в полумраке.

Лео поставила на плиту чайник. Засунув в рот конфету, плюхнулась на стул. Пухлая красавица закинула ногу на ногу, обняла рукой спинку белого деревянного стула. С кудрявых коротких волос капали редкие капли.

Я села у стола, взгляд мой блуждал по серым теням кухни, пока не встретился с тёмно-бирюзовыми глазами подруги.

– Ну? – катая леденец во рту, спросила двуликая волчица.

– *Чего ну?* – не поняла я.

– Ты же не просто так пришла к нам. – От внимательно-го изучающего взгляда мне стало не по себе. Всегда, когда белая волчица не дурачилась она, казалась, чересчур серьёзной. Порой мерещится, что в её невысоком тельце поселилось две разнохарактерных души. Бред, конечно, но по-другому объяснить проблески такого нетипичного для Лео характера я не могу.

– *Мне нельзя просто навестить подругу?*

Лео встала, отключила стремительно закипевший чайник.

– Разумеется для тебя двери моего дома всегда открыты.

Тебе чай или кофе?

– *Чай.*

Волчица залила кипятком чайный пакетик. Себе же насы-

пала молотого кофе в кружку. По кухне распространился запах жжёных зёрен.

– Залезай на стул. – Лео отодвинула стул рядом со своим. С трудом я уселась на мягкой квадратной сидухе.

Пока я наблюдала за паром поднимающимся над нашими кружками, подруга положила передо мной тарелку с бутербродами и канapé с икрой. Также на столешнице оказались пара вазочек с конфетами и печеньем, кексы со сливками.

– Можешь конечно ничего не рассказывать, я не давлею. – Произнесла Лео, жуя бублик с маком. Её зарумянившееся щёчки ходили туда-сюда, в уголках глаз заблестела довольная улыбка.

Смотря на подругу, вяло пробормотала:

– Я залетела. От вашей стаи главаря.

Девушка замерла с открытым ртом, из него выпал кусочек только что откушенного печенья.

– Кхм-кхм, – подруга быстро пришла в себя, хлебнула кофе, но выплюнула его, так как тот не успел остыть. Похоже она обожгла язык.

Я подождала пока Лео остудит язык под льющейся из крана ледяной водой. Вытерев подбородок, подруга уже без волнения в голосе, поинтересовалась:

– Жалеешь об этом?

– *Не знаю. Не могу понять, что чувствую.*

Лео пододвинула стул поближе ко мне. Приобняла меня за гладкошёрстный бок.

– Хм, ну да, наверное, тебя саму эта новость шокировала. Повесила голову, заглядывая в зеркало чая. Острая морда и большие уши посмотрели на меня с глади кипятка.

– Ты такая грустная. Жалеешь о том, что связалась с Вла-сом?

Я посмотрела на Лео, проявившую несвойственную ей эм-патию. Ответила:

– И да и нет. Нет, потому что настолько охренительно ни с кем не доводилось трахаться: мы совпадаем по сексу-альным темпераментам. Да, потому что он это он – во-жжак стаи, один из владельцев похериного моими силами кон-гломерата. К тому же он вбил себе в голову, что мы иде-альная пара.

– Тогда в чём проблема-то? Тебя давно все простили, даже Макс при виде тебя перестал плевать. К тому же вы с Вла-сом удовлетворили голод друг друга, это ведь прекрасно. – Держа в свободной руке кружку, говорила Леона. – Может вас судьба свела.

– Да не может это быть правдой! – взвыла я.

– А что ты чувствуешь, когда слышишь его феромон?

– Много всего и сразу: ноги немного подкашиваются, слю-на выделяется, как будто пьянею и жутко хочу трахаться! Чем в принципе мы и занимались. – Простонала и отки-нулась на спинку стула, запрокинула голову назад.

Лео встала, почесала голый живот.

– Пфф, ну ты идиотка. Разве может быть такая реакция на

любой другой феромон, кроме феромона твоей идеальной пары? – сказала и прошла к холодильнику.

– *А вы с Лешим так же реагируете друг на друга?* – любопытствовала я.

– Нет. – За дверкой холодильника послышалось: – мы же разных видов ликие, поэтому на феромоны не особо ярко реагируем. – Захлопнув холодос, Лео продолжила с их фирменной улыбкой семейства Белых: – просто любим друг друга.

Волчица положила передо мною тарелку с рыбной нарезкой, говоря:

– Кушай. Это Ал наловил и замариновал. Она свежачок.

Обнюхивая розовые аппетитные кусочки, спросила:

– *Он увлекается рыбалкой?*

Потянувшись, Лео села на стул. Зажевав шоколадную конфету, она ответила:

– Не-а. Я вчера ночью рыбки свежей захотела. Магазины все закрыты уже были к тому времени. Ну я посмотрела на любимого жалобно. Ну как я умею. Он встал с кровати и ушёл. Я подумала, всё капец, задолбала мужа. Ан нет, пришёл довольно быстро с ведром рыбки на перевес. Прикинь?

Пережёвывая нежнейшее рыбное филе, отправила ментальное:

– *Я поражаюсь вами. Слово нет для вас не существует?*

Осторожно отпивая кофе, Лео фыркнула:

– Пф, как будто я ему когда-нибудь *нет* говорила. Он ме-

ня в постели в такие кренделя закручивает, что я офигиваю от своей гибкости. Так что мы в равной степени балуем друг друга. – Подруга распахнула мне пасть, положила на язык тарталетку. – На жуй. Вкусно. Тебе сейчас надо нормально питаться. О, кстати, рожать то собираешься?

Жевать во второй ипостаси не приходилось, запрокинув голову заглотила солёное рыбное великолепие. Уставившись на кружку чая, задумалась.

– *По правде говоря, я даже не рассматривала другие варианты.*

– Это хорошо! Я стану прекрасной тёткой! Может тебе котлетки подогреть?

Отрицательно помотала головой. Лакнула чаю.

– *А вот я, наверное, буду скверной матерью.*

Лео щёлкнула меня по носу. Острая боль заставила меня чихнуть.

– Ты всегда выкладываешься в работе на все сто. Материнство такая же работа как прочие. Единственное отличие так это уволиться невозможно! Ха-ха. Ты справишься.

– *Думаешь?*

– Уверена! Да и ты не одна. Вон сколько у тебя помощников: я да Ал, Марриам да Макс. Ну и, само собой, Влас. Его кандидатуру не отметай. Хоть ты орёшь на каждом углу, что замуж не выйдешь, вы же можете взаимодействовать как мать и отец общих детей?

Без энтузиазма произнесла:

– *Наверное.*

Лео наклонила голову, подпёрла её ладонью, изучающе посмотрела на меня.

– С нашей первой встречи ты так изменилась.

– *Кто бы говор...*

Подруга резко вскочила, подбежала к окну, опёрлась руками о подоконник, оттопырив пухлую попку, крикнула:

– Тучки! Собираются тучки! Я тебя довезу на машине Ала.

– *Незачем.*

Повернувшись ко мне, Лео возразила:

– Как это не надо? Ты домой под дождём собираешься идти, что ли? Или хочешь у нас переночевать?

– *Я доберусь до дома своим ходом.*

– Не дури. Промокать да мёрзнуть нельзя.

Я посмотрела вопросительно. Лео постучала себя кулачком по голове.

– Привыкай думать теперь о двоих сразу. Ну или о троих. Сколько там их в тебе?

Меня окатило жаром. Я наклонила голову. Только после реплики подруги до меня дошло осознание, что во мне развивается другая жизнь. И это не пугало, а как-то восхищало? Приободряло? Не понимаю. Какая-то неизвестная ранее лёгкая эйфория наполнила мои конечности лёгкостью, а мышцы морды захотели натянуть улыбку. Теперь и правда надо отвечать не только за себя. Теперь чужое здоровье в моих

лапах. Ох, не только ведь в моих.

Я метнула на Лео взгляд.

– *Если тебе несложно, довези.*

Подруга кивнула, пошла одеваться в чистый комбинезон.

Одевшись, волчица сразу погнала меня к машине, говоря, что не красиво так долго скрывать от Власа столь радостную новость.

Доехали мы быстро. На прощание Лео чмокнула меня в морду, помахала ладошкой. Я вышла из машины, неспеша подошла к устремившейся ввысь стеклянной высотке. Стены словно зеркала отражали чёрно-синие тучи. Ветра не было. Полное затишье. Даже птицы не пели, и прохожих видно не было. Видимо все попрятались по домам в ожидании непогоды. Я вдохнула сырого разряженного воздуха полной грудью, забежала в здание.

Вахтёр, как всегда, храпел, лбом уперевшись в стол. Лифт, как всегда, с дзыньк открыл двери и с дзыньк выпустил меня на последнем этаже. Одноразовое нажатие носом на кнопку вызов. Через минуту Влас открыл дверь в одних только боксерах и с полотенцем на плече. Видимо только что вышел из душа. Мы посмотрели друг на друга. Волчара начал первым:

– Ты сначала в душ или поешь? Я заказал доставку, недавно принесли, ещё остыть не успело. Давай вместе поужинаем.

Я пробежала мимо него в свою спальню. Положила на пол телефон с бумажником. Перевоплощаться не хотелось. По-

мыла в душе лапы, прошла на кухню.

Там уже сидел в шортах Влас за столом и Лепёшка с миской в зубах на полу. Я посмотрела на животное, посмотрела на двуликого, потом опять на кошку.

– *Покорми её, пожалуйста.*

Влас встал, под моим руководством положил Лепёшке еду. Из-за этого по кухне распространилась сбивающая аппетит вонь. Влас открыл настежь окно. В комнату проник запах собирающегося обрушится на землю ливня.

Мужчина вернулся к столу, отодвинул мне стул, сел рядом. Я же подошла к окну, села на пол, смотря на грозные хмурые тучи. Вдалеке за горой сверкнула молния. Пророкотал гром.

– Рири ты чего не садишься? – спросил меня Волчара. Не оглядываясь на него, ментально ответила:

– *Позже. Смотри как красива природа в гневе.*

– Разве? Мне кажется, что она, наоборот, в приподнятом настроении. После хорошего ливня трава начнёт расти активней.

Послышалось откупоривание бутылки. Влас предложил:

– Будешь вино безалкогольное? Специально для тебя его делали. Я его заказал у своего знакомого, он владеет виноградником в Песи.

Погружённая в свои мысли, пробормотала:

– *Сейчас ведь весна?*

– М? Я тебе наливаю. Да, весна.

Лепёшка перестала чавкать, чихнула. Прошла в гостиную, потеревшись о мою тёмную шкуру.

– Это весна. А это первый весенний дождь.

С этими словами поднялся ветер. На паркет через открытое окно залетела массивная капля. За ней капнула вторая и третья. Ветер усиливался, шерсть мою трепало. Я прижала уши к голове. Мимо меня пробежал Влас, закрыл окно. Нас отрезало от шумной стихии толстым прозрачным стеклом. Сразу стало спокойно и тепло. Вдалеке опять сверкнуло, пророкотал гром. Нити дождя ускорялись, уплотнялись. И вот небо, горы, город – всё скрыла серая пелена.

Я повернулась к Власу. Вся кухня спала в вечернем дождливом полумраке. Мужчина неспешно поедал рыбу под сливочным соусом.

По стеклу стучал дождь. Мои когти процокали по полу, я подошла к мужчине. Двуликий положил вилку на тарелку, нагнулся ко мне, участливо спросил:

– Что-то случилось? Ты чем-то обеспокоена?

Без обиняков сказала:

– Я беременна.

Долгая пауза повисла на петле, только дождь и наше дыхание разряжали тишину. Влас привстал, отодвинул стол, сел на колени. На лице его не наблюдалось ни единой эмоции, лишь ровная серьёзная маска.

Влас завёл руку назад, достал что-то из кармана, прокашлялся и торжественным голосом прогремел на всю кухню:

– Давай потрахуемся!

Я хлопаю ресницами, а он протягивает мне со всё той же эмоцией на лице серебристый квадратный пакетик...

Сдавшись моему недоумению, волчара потёр свою шею, не удержал в узде улыбку. С лыбой во все тридцать два зуба, двуликий пояснил:

– Жениться ты не хочешь. Однако должны же мы как-нибудь здесь и сейчас отметить это радостное событие!

– Ты шутишь?

Влас смешался, завилял белоснежным хвостом.

– Я безумно счастлив. – И с тревогой в интонации спросил: – а ты?

– А я не знаю. Немного боюсь, что же нас ждёт в будущем. Я же тебе с годами поперёк горла встану.

Двуликий взял мою лапу в свои руки, поцеловал, признался:

– Я люблю тебя. Ты мне понравилась с первого взгляда. И дело не в феромоне. Ты мне безумно нравишься, орешек. Твои озорные глаза, твой смех, твои острые слова и мимолётные взгляды, твои рассуждения о жизни. Мы правда друг друга совсем плохо знаем, но я уверен, мы сможем построить крепкую и любящую семью.

Нас окутал дым. Меня ласково погладили по волосам и невесомо поцеловали в глаза. Я вскинула руки, плавно подавалась вперёд и обняла теперь уже точно своего мужчину. Обнажённой кожей мы чувствовали друг друга, слышали бие-

ние сердец.

Что же произойдёт в будущем... посмотрим, как карта ляжет? Ну уж нет. С этого дня, с этого весеннего дождя я сама буду вершить свою судьбу. Теперь не обстоятельства будут меня прогибать, а я сама начну подстраивать обстоятельства под себя.

Экстра. Вот что значит идиллия

Мы сидели с Рири на диване и смотрели по телевизору интервью, которое у меня недавно взял один телеканал. Журналистка много задавала вопросов, но все они, кроме одного, были про завод и наш выход на всемирный рынок.

– Кто в вашей семье главный? – спросила юная леди.

– Конечно мой муж...

Дальше мы ничего не разобрали так как услышали крик из кухни:

– Малыш, бери с собой языкастого глиста и идёмте ужинать.

Мы прошли на кухню. Мой милый стоял в переднике, его волосы были убраны ободком, в руке он держал черпак.

– Садитесь, супчик готов. Вам чего положить зелени или сметанки?

Я прям чувствовала, как лису разрывало от смеха, но она стойчески держалась, только её тело потряхивало как стиральную машину на кривом полу в режиме выжимки белья.

– Что это с ней? Припадочная, э-э-эй! Всё нормально?

– Это она так обрадовалась: давно супчика не ела.

Макс спросил Рири:

– Хм-м-м, твой надзиратель тебя голодом морит, что ли?

– А-ха-ха-ха-ха... – прорвало кареглазую.

Муж приподнял брови.

– Всё нормально, дорогой, это она просто анекдот вспомнила.

С недовольством ответил:

– Так пусть расскажет, вместе посмеёмся.

– Захера послали на хреновый тренинг! А-ха-ха-ха-ха... – это было последнее что сказала Рири перед тем, как упасть со стула на пол и продолжить ржать уже там.

– Недалёкая. – Процедил мой муж, закатывая глаза. Развернулся к плите, там у него жарились котлетки.

Пока сестра ухахатывалась на полу, я рассматривала профиль своего мужа. Мой взгляд медленно спускался с волос цвета белого шоколада и мохнатых ушей по плавным линиям лба, носа и розовых губ до кружевного края фартука. Точные отработанные долгой практикой движения рук. Превосходная готовка и красивая подача блюд. Притягательная улыбка, чистые добрые глаза. Характер временами истеричный, но в основном сдержанный, добродушный и до жути доверчивый. Семейный, надёжный, свой. Такой милый, чуткий и родной.

– Люблю. – Произнесла, глядя на Максимилиана.

Волк кивнул, ответил:

– Я знаю, что ты любишь этот суп, поэтому его и приготовил.

– Тебя.

Макс, убавив огонь, замер, переспросил:

– А? Рядом с плитой плохо слышно, ты что-то сказала?

Белых-Вишня повернулся ко мне, вытирая руки о полотенце. Я же повторила:

– Люблю тебя.

Максимилиан опять замер, только теперь уже с приоткрытым ртом. Глаза его заблестели. Он спешно потёр их тыльной стороной ладони, сглотнул и немного с дрожью в голосе ответил:

– И я тебя, Малыш, очень люблю. Сильно-сильно. – Дорогой подошёл ко мне, наклонился и прошептал, смотря на мой пока ещё плоский живот. – И тебя люблю. Сильно-сильно. Когда ты придёшь, я испеку в твою честь самый-самый большой и вкусный торт. Папочка ждёт тебя.

На фоне послышались всхлипы. Мы повернули головы на шум. Там под столом сидела Рири и глотала слёзы, некоторые солёные капельки прокатились по её щеке.

– Тебе плохо? – переполошился Макс. Пока сестра отвечала, волк уже успел сбегать к кухонному гарнитуру и налить стакан воды.

– Н-нет...

– Тебе стыдно? – предположила я.

Неловкими движениями вытирая с лица слёзы, Рири пробормотала, всхлипывая:

– Н-нет... я сама не понимаю с чего разревелась. П-просто... а-а-ха-а вы так миловались, что мне стало радостно за вас, а потом а-а-ф резко грустно ни с того ни с сего...

Максимилиан подал лисе стакан воды, спокойно произ-

нёс:

– Это нормально. Гормоны в твоём организме шалят. В общем не расстраивайся.

Дорогой поднял Рири за руку, та ему ответила:

– Угу.

За окном в горшках на подоконнике расцвели цветы. По небу носились щебечущие ласточки. Бабочки робко взмахивали разноцветными крылышками. Всё шло своим чередом. Довольно быстро, но так правильно дорожки наших судеб сплелись и проложили для нас новый, и кажется, единственно верный путь.

Экстра. Лепёшка и...

– Кыс-кыс, кыс-кыс! Да что за вялые огурчики! Где она?

– Кого вы ищите, Шакари?

В проёме кухни показалась кухарка Сара, пожилая добротная женщина с румянцем на щеках и в круглых, огромных очках. Её нанял Максимилиан, после долгой тирады, в которой ругал Рири с братом в том, что они едят всякий мусор, а им надо заботиться о потомстве, и раз они такие бестолковые, то он сам наймёт подходящую домработницу.

Рири повернулась к одноликой. Уперев руки в бока, лишица пожаловалась:

– Да всё блоховозку найти не могу. С того дня, как вы к нам стали приходить, она не показывается.

– Ох, точно, когда господин Максимилиан Белых нанимал меня, предупреждал о кошке. Может она боится посторонних? Поищите её через часик, я скоро доготовлю и уйду. Простите за неудобство. – Женщина извиняющееся улыбнулась.

Рири пятернёй зачесала чёлку назад, погладила внушительный круглый живот.

– Это не ваша вина, Сара. Просто комок шерсти с какашками решил меня понервировать.

Двуликая, пыхтя и переваливаясь из стороны в сторону, вернулась в спальню.

Однако вопреки предположениям Лепёшка не показалась ни в тот вечер, ни через день. Пока Шакари нервничала в квартире, Влас ходил к охраннику и посмотрел записи камеры видеонаблюдения. Вернувшись к беременной пассии, рассказал:

– Она сбежала.

Рири отвлеклась от поедания яблока, вытаращив глаза, спросила с испугом:

– Как?

– Через дверь.

– Когда?

– Когда Сара приходила во второй раз. Она открыла дверь ключами, которые мы ей дали. Лепёшка прошмыгнула у неё под юбкой и убежала по лестничным пролётам на улицу.

– Но Сара говорила, что не видела её...

– Так она и не видела. С таким-то плохим зрением.

Лисица с досады бросила недоеденное яблоко в тарелку с фруктами. Влас сел к любимой на диван, приобнял двуликую.

– Не переживай. Наши работники её найдут.

С влажными глазами Рири уточнила:

– Ты их будешь эксплуатировать вне рамок рабочего договора?

Женщина всхлипнула, но слёзы стойко держались в слёзных железах. Двуликий погладил свою пару по щеке.

– Если понадобится, то и сверхурочно.

– Я хочу её найти. – С хныканьем произнесла лисица.

– Мы непременно её найдём. В прошлый же раз, когда она сбежала, мы её нашли.

Лисица буркнула:

– Ага, у соседского кота она ошивалась. Как они только прознали друг о друге?

Влас предположил:

– Может слышали друг друга, когда по весне орали?

– Возможно... – женщина не договорила, задумавшись.

Рири нахмурилась, продолжила:

– Если не найдём, то некому будет срать в мои тапочки.

– Действительно страшная потеря. – Двуликий потёр подбородок, предложил: – в крайнем случае я сам могу гадить в твои тапочки.

Губы Рири дрогнули, женщина рассмеялась.

– Ну уж нет! Это только её прерогатива!

Отсмеявшись, Лисица прикусила губу и обняла мужчину на сколько им позволял огромный живот.

Мужчина положил руку на упругий живот, тихо произнёс:

– Пинается.

– Ага. Она пытается пробить во мне дыру и выйти на своих двоих. Похоже вся в тебя. Альфой будет.

Влас мечтательно улыбнулся, поцеловав Рири в макушку.

Летний знойный вечер той же недели. Влас весь на взводе обзвонил всех родных и взбаламутил всех подчинённых. Зачем? Ну в его понимании причина была веская – любимая женщина пропала и вот как уже шесть часов подряд не отвечала на звонки. Дзуликый не нашёл её ни в квартире, ни в ближайших парках. Больницы он объездил самолично, но и там лисы не было.

Тем временем на небе сгущались тучи. Ветер поднимал и разносил по улицам пыль и мелкий мусор. Деревья склоняли верхушки в покорённые напором стихии.

Мужчина уже рычал на всех подряд, никто не мог его успокоить. Максимилиан накапал брату в стакан с водой успокоительного. Глава выпил залпом. Леона верещала что-то типа: «Да в магазине она задержалась. Ну с кем не бывает?» От этого волк бесился ещё сильнее, ведь прекрасно знал, что Рири походы по магазинам ненавидит. Марриам в своей больничной палате родового отделения, где лежала на сохранении, обзвонила подчинённых и подключила их к поискам. Ал в третьей ипостаси летал по городу.

Когда Максимилиан растворил в стакане двойную дозу успокоительного для брата, в квартире раздался звонок входной двери.

Влас понёсся открывать. Все заволновались от гнетущей

тишины, направились за главой в прихожую. А там...

Рири с улыбкой до ушей, в платье перепачканном не пойми чем, в грязных ботиночках, в волосах ветки и листва, а в руках, под самым пузом большая коробка. Тишину прервал писк. Влас отмер, подошёл к своей ненаглядной.

– Это что такое? – поинтересовался севшим голосом.

– Это Лепёшка спит. Рядом с мамой-кошкой пищит Картошка, а вот в том углу спит Клубень.

Двуликий потёр своё лицо ладонями – всё никак не мог отойти от переполняющего сердце волнения. Очухавшись, забрал коробку и разругался:

– Ты где была? – продолжил более трепещущим тоном: – не поранилась? – И опять грозно: – Я чуть не помер и других чуть не перегрыз пока тебя искали. Где твой телефон?

Максимилиан с Леоной тихо ретировались с поля семейных разборок.

– Ой ну успокойся. Что могло такого страшного произойти?

У Власа задёргался уголок глаза. Сдерживаясь, чтобы не заорать, мужчина перечислил:

– Ты беременна. Ходишь еле как. Тебе со дня на день рожать. На улице поднимается ураган. – Нервно усмехнувшись, добавил: – Действительно, что могло страшного произойти?

Рири закатила глаза.

– Ой давай только краски не сгущать.

Двуликая подошла к мужчине, притянула его к себе за

шею, поцеловала. Томно шепча, сказала:

– Иди Лепёшку накорми.

– И всё? – уже с более ровной интонацией произнёс Влас.

– Не всё. Потом иди в ванную. Я буду ждать тебя там.

И не было в их страстных переглядках двойного смысла.

Они оба хотели до дрожи в руках заняться сексом, но ребёнок этого им не позволял: растянул живот матери до огромных размеров, из-за чего к вечеру у Рири болело всё тело. И сейчас в ванной Влас будет помогать своей лисице мыться. Мы же не станем за ними подглядывать и с улыбочкой перейдём к следующей главе.

Экстра. На семейном отдыхе Леона

Мы трясёмся уже третьи сутки в джипе Власа, нас сопровождает всю дорогу дикая духота, пыль и бубнёж Рири... Останови-и-ите-е-е! Лео надо вы-ы-йти-и-и! О не-е-ет... они ещё и трэш-метал врубил! Как мы дошли до такого пиздеца? А-а, вспомнила... всё началось весной...

Как было дело, мы ведь хотели на недельку смотаться к нашим предкам и представить наших пассий. Но не могло же всё пойти как надо! У Марриам начался жуткий токсикоз, она вообще из туалета по десять часов не вылазила, Макс бегал вокруг неё, помогая чем мог. Рири сломала ногу, когда снова училась готовить. Как? Ка-а-ак!!!??? Вашего Бога Жизни можно сломать конечность, пялясь в кулинарную книгу!!!??? Но Рири смогла. После этого она теперь уж точно навсегда забросила идею порадовать Власа домашней стряпнёй.

В итоге знакомство произошло по скайпу. Нас пригласили в ультимативной форме на целый месяц в бархатный сезон. И вот всем табором мы отправилась в гости. Мы с Алом поехали с братиком и его женой. Марриам, Макс и их карапуз ехали позади сразу за нами. Их лялька просто чудо! Мальчик не плачет, не капризничает вообще странный малый! Но

помнится мама нам рассказывала, что наш дед был максимально спокойным, скорее всего Нита пошёл в него. Сами мы с Алом не планируем пока усыновлять детей, если захотим нянькаться, всегда можем взять себе на выходные племяша.

Мой муж уснул. Какого лешего он вырубился в таком гвалте??

Марриам

Мы ехали трое суток, на ночь останавливались в отелях. Чем ближе к морю, тем выше горы. В эту сторону я ни разу не заезжала: на разборки ездили по другой трассе и в противоположную сторону, там были сплошь сухие поля. Здесь же мы периодически сбавляли скорость, так как дорога пролегла в горах и в некоторых местах были длинные участки отвесного обрыва вдоль одной из сторон дороги.

Виды открывались волшебные: густые леса, синие горы с белоснежными шапками блестели на солнце и слепили глаза; вдалеке в низинах то тут, то там были разбросаны крыши посёлков и деревень. Крупные города остались позади, впереди лишь непроходимые места и редкие населённые пункты. Асфальт закончился с последним городом, мы ехали по уплотнённой дороге из щебня, колёса поднимали редкую пыль, а ветерок любезно задувал нам её в открытые окна, поэтому их пришлось закрыть и включить кондиционер.

Небо было все эти дни чистым, без намёка на облачка, лишь по утрам влага собиралась в кучу и оседала туманом у подошв гор.

Крупные хищные птицы летали, высматривая очередной перекус. Деревья нависли крупными густыми от листвы ветвями над дорогой, даря нам временную передышку от солнца в прохладном теньке. Но зелёный навес быстро кончился, и

мы наконец-то выехали на огромную выровненную площадку на склоне одной из гор.

Площадка оказалась парковкой у гостиницы в традиционно старинном стиле Коткару: огромный многоэтажный дом, построенный из деревянных срубов. Дерево было тёмным, на вид не покрашено, наверное, обработанное лишь пропиткой. Окна в деревянных рамах смотрели на нас как ячейки улья, так их было много.

На пороге под навесом нас встретили родители белоснежных волков. В жизни они выглядели так же, как и на экране: высокие, добротные, улыбчивые и гостеприимные. Мама была светленькой, в меру пухловатой: где надо выпукло, где надо вогнуто, Леона явно пошла в неё. Отец был темноволосым, широкоплечим, статным, доминантностью от него не разило, но седина в бороде и взгляд выдавали в нём мудрого и волевого оборотня, к мнению которого хочется прислушаться. Он подмигнул моему мужу и прошептал ему: «Красавчик», так же он отсигналил его брату и сестре. Наобнимавшись и расцеловавшись мы вошли в прохладу дома.

Нас поселили в отдельном крыле подальше от постояльцев. Наши комнаты были огромные, каждая размером с квартиру, которую я продала обратно Власу. Наши номера были соединены между собой межкомнатными дверьми. Всё было отделано вагонкой, её сладковатый ненавязчивый аромат и кружевные занавески с такими же скатертями наполняли это место каким-то своим народным уютом и теплом.

Из окон транслировались будоражащие пейзажи.

Горничный принёс наши вещи и брошюру с местами, которые стоит посетить или где можно развлечься. Я разложила вещи, переоделась, взяла ребёнка с рук Макса. Произошла смена дежурства над нашим чадом, муж побежал приводить себя в порядок. Затем мы спустились в общую с хозяйками столовую, кушали и обсуждали планы на этот отпуск.

Внук перекочевал на руки бабушки и дедушки, и в дальнейшем, а это почти месяц, мы были с любимым отстранены от наших родительских забот фразой: «Вы приехали отдыхать, вот и отдыхайте, а мы, старики, когда ещё вас увидим и с лялькой понянчимся?» Честно говоря, мы с любимым и не сопротивлялись, забирали Ника лишь на несколько часов в день и на ночь. Впереди нас ждал релакс и нега.

Шакари

Грёбанные ухабы и ямки дорог! Хотелось блевать на каждой кочке! Но я стоически терпела и терпение моё вознаградилось вкусной едой и прохладой дома. Родители оказались клёвой парочкой в зрелом возрасте, сохранились они на ура, вот и не дала бы им по почти двести лет. Их бабка с дедкой оказывается отправились в мир иной на четвёртом столетии, долгожители! Значит и мой муж долго жить будет, в принципе и я могу до такого возраста доскрипеть, пить ведь бросила, да и полезным питанием со спортом для беременных занялась.

В планах у нас были горячие и другие полезные источники, посещение смотровых площадок, поездки на фуникулёрах, вечерние фестивали, которые местные деревеньки частенько устраивают, заманивая туристов. А туристов я скажу, здесь было до х... много.

Мама и отец Белых владели этими землями и все гостиницы, что были раскиданы в горах, принадлежали им. Кроме этого, такие заманухи как конная прогулка, спа-салон, зоопарк и детские площадки с огромным парком развлечений, рестораны, ухоженные туристические тропы, облагороженные места для турпоходов, гиды и экскурсоводы, поездка на лодочках по огромному пресному озеру, которое находилось немного повыше нас на платформе между высокими скали-

стыми пиками, напоминало оно собой зеркало, которое забыли в каменной ямке – всё принадлежало и работало на стаю. Также неподалёку расположились горнолыжные трассы.

Но больше всех развлечений я ждала семейную охоту! Владислав предложил нам выгулять свои ипостаси и устроить соревнование по поимке горных оленей: я с ним в команде, Лео с Лешим, Мари со смазлёнышем. Кто победит неважно, главное – это сам процесс и вечерний шашлычок из оленинки!

В общем, в этот месяц скучать не придётся. К тому же я даже рожу здесь, так как срок почти подошёл.

Охота

Вдалеке от людей, под раскидистыми ветвями елей, сосен и дубов, по траве, цветам и ягодам, огибая кусты и перепрыгивая через валежник, неслась стая из пяти волков: маленький пухлый, пушистый белый комочек – Леона; огромный белоснежный голубоглазый волк и такой же красивый немного поменьше; рядом летел гривистый длинноногий волк и чёрная как смоль, превышающая всех в размерах волчица. Они гнали компанию оленей в засаду, в которой их поджидал дух.

Ал угостил местного хозяина леса вином: вылил под стелания Рири целую бутылку на землю, поклонился и попросил разрешения на охоту, волкам оно не требовалось, но вмешательство Ала требовало договорённости; листва что-то прошуршала, на что дух кивнул и тут же перекинулся в третью ипостась, в духовную субстанцию.

Оленей впереди ждал плотный забор из деревьев, не честно? Может быть. Но оборотни носились по лесу с самого утра, выслеживая добычу, сильно проголодались и утомились. С попавшими в западню парнокопытными быстро разделались и удовлетворённые они пошли обратно к гостинице.

Тащить в пасти добычу им не пришлось: Ал поднапрягся и какими-то своими природно-духовными примочками до-

ставил туши на кромку леса. Постояльцы проводили изумлённым взглядом огромных зверей, которые тащили с собой олени туши. Рядом с двуликими шёл высокий ликий в очках и деловом костюме.

Вечером по округе доносился запах шашлыка и пьяный ор какой-то девушки – Леона напилась за себя, Мари и Рири.

На источниках Леона

Расслабончик. Весь сегодняшний день мы решили посвятить себе любимым, а именно я, Рири и братик нежились в открытом источнике, Мари, Влас и Ал пошли своей альфьей троицей рыбачить.

Мы полулежали, опершись на бортики, выложенные большими натуральными камнями. Купель была небольшая, круглая, пользовались ею только наши родители и их личные гости. Находилась она за гостиницей на самом верху горы. Этот пик не был скалистым, утопал в кленовой роще. Вот и сейчас над нами крышей висели ветви деревьев с покрасневшими кленовыми листьями, от ветерка их срывало, и они пикировали к нам в горячую водичку. Солнце светило сквозь ветви, окрашивая всё, что находилось под ними в красноватый цвет. За купальней сразу шёл отвесный склон, поэтому нашему любованию природой ничего не мешало, ни деревья, ни дома, ни камни.

Рири перевернулась и опёрлась руками на камни, кладя на них голову.

– С каких это пор у тебя на спине новая татуировка? – полюбопытствовала я, рассматривая огненного феникса, который выглядывал из-за края полотенца.

– С тех самых пор, когда меня подобрала Мари. Подумала, что удалять тату будет больше, чем перебить, поэтому первую зарплату пустила на новый рисунок. Как тебе?

– Броско, ярко, вызывающе. – Ответил Максик.

– Тебе как раз подходит. В твоём стиле. – Добавила я.

Больше мы разговор не развивали, прикрыли глаза и наслаждались томной атмосферой.

На рыбалке Марриам

Так уж вышло, что мы сблизились с Власом и сдружились. Тем, как и общих увлечений у нас было много. Ну а что ещё с меня взять? По жизни я шла как начальница, вот и круг общения собирался у меня соответствующий. Оставили наших пассий «Релаксировать» – как сказал мне муж, и пошли нашей брутальной троицей рыбачить с отцом белых волков. Деловые разговоры, перерыв на коньячок и море рыбного улова – что ещё может быть лучше для отдыха вдали от своих любимых пассий?

Вот так идёт у меня по жизни: оставила Макса дома уют наводить и очаг поддерживать, а сама пошла деньги зарабатывать. Как доказала практика, милый с удовольствием занимается домохозяйством; бумаги, переговоры и прочее для него чистая пытка, а вот приготовить покушать, обратиться, за сыном приглядывать прямо его стезя. Мы идеально подходим друг другу, что это как не судьба?

– Подсекай. – Вывел меня из раздумий шёпот Лешего, что я и сделала. Впереди нас ждали ещё несколько недель семейного отдыха, а затем мы опять погрузимся с головой в мир проблем, договоров и колебаний рынка.

Экстра. Кто главный в семье?

Марриам, Ал и Влас стояли на балконе, курили и по-философски всматривались в мрачный ночной лес. Где-то далеко пропел сыч, близко пробежал заяц, стремглав забегая в кусты.

– Что у вас случилось? Макс ходит недовольный, как кот после кастрации. – Медленно с присущей ему хрипотцой спросил глава белых волков.

– Да вот поругались недавно, не знаю уж на какой козе подъехать. – Устало ответила женщина.

– Ты объясни, Мари, вместе что-нибудь придумаем. – Присоединился к разговору дух.

– Пришла я позавчера злая и уставшая, ты знаешь, Леший, почему.

– И я, кажется, знаю. Разорвалась сделка с филинами? Они нам тоже дело подпортили, резко решив уйти с рынка. – Затянулся покрепче сигарой Влас.

– Да, они самые. Прихожу домой, а Макс сидит перед телевизором плачет. Я спрашиваю спокойно, что случилось? Он начал мне про какой-то сериал рассказывать, в котором какая-то Лати сбежала со свадьбы Зита, а мама ещё хрен знает кого против отношений ещё одной парочки дегенератов, короче всё в духе мыльной оперы. Он позвал меня ужинать, я сказала, что перекусила в ресторане на той самой встрече.

Ну тут и началось. Устроил мне скандал, что раз я ем в, цитирую: «забегаловке того длинноногого шлюхана» могу катиться к нему обратно и жрать его охрененные сдобные булочки. Естественно, не выдержала, немного наорала. Макс сразу в слёзы и «ты меня не любишь».

– Ну тут типичная триста пятьдесят шестая серия «Люби влюблённой, умри достойно». Моя тоже вчера из-за неё расстраивалась. Просто принёс ей коробку салфеток, молча ушёл в кабинет, позже торт с безалкогольным вином заказал. – Прокомментировал Влас.

Мари посмотрела на Ала. Тот пожал плечами, ответил:

– У меня так же. Тут главное спокойно выслушать, поцеловать в носик и сказать «пойдём поужинаем в ресторане, не будем сегодня мыть посуду». И всё, дело в шляпе.

– Варианты с едой со стороны отпадают. – Волчица затушила окурок в пепельнице.

– Конфеты, цветы, побрякушки? – подкидывал идеи Ал.

– Вряд ли поможет. Обиделся серьёзно, раз второй день в молчанку играет. Знаешь, я всё время пока Максимилиан рос, думал, что он вырастет *особенным*. Вечно плакал, рюшечки носил, дружил только с девочками. Но с возрастом стало понятно, что он просто феминного типа. Тогда решил сделать из него мужика, опору для семьи.

– Не вышло? – спросил треликий.

– Не вышло. Ха, как сейчас помню, сидит, плачет, говорит, что в секцию бокса не пойдёт, там мальчишки матом ру-

гаются и лица друг другу бьют. Потом мама его на танцы записала, танго, сальса, ча-ча-ча. Так что с ним реально нужно как с девушкой помягче быть.

– Я и так мягка, но иногда...

– А что он хочет в последнее время сильнее всего? Или просит? – перебил её Влас. Женщина задумалась, нахмурилась:

– Второго ребёнка он хочет.

– Ну так дай. – Просто предложил Ал.

– Леший, ты капец, я смотрю, простой. По-твоему, родить это в магазин сбегать? Да я после первого ходила в раскоряку целую неделю и ещё месяц от мысли о сексе шарахалась. Оно мне надо? Ладно, перебесится помиримся.

Дух и двуликий потушили сигары; троица зашла с балкона в зал. Свет люстры больно бил в глаза, они прищурились, увидели свои половинки сидящих на диване и что-то обсуждающих с бабушкой. Все трое увидели взгляд, который Максимилиан бросил на Мари, вяжущий носочки для сына. И у всех троих пронеслась мысль: «Не простит за просто так». Двое друзей похлопали Марриам по плечам, мол, держись, мы с тобой и пошли распивать за рабочими разговорами фирменный коньячок дедушки.

Экстра. Захер и лучик

Осенний тёплый вечер. В парке гуляют парочки влюблённых и семьи с детьми. Дети гоняют голубей, бросаются хлебом в уток в пруду. На лавочках под тенью сосен восседают матери всех видов ликих. Женщины переговариваются, что-то бурно обсуждают, одним глазом смотря на собеседника, вторым присматривая за своими чадами.

Только одна женщина выбивалась из общей массы. Стройная, высокая, с длинными красно-каштановыми волосами двулика ходила по берегу и пинала опавшие на жёлтую траву шишки. Бросив взгляд вперёд, она крикнула своему веселящемуся чаду:

– Рита! Оставь в покое белок! Если кидать в них хлеб, они могут навалить тебе!

И речь шла не о животных, а о двуликих детях чуть постарше Риты. Ребята дразнили девочку, корча рожицы. Ребёнок посмотрел на мать, кивнул и подбежал к ней.

– Они сами виноваты! Они сказали, что мои уши совсем не похожи на папины!

Рири подняла дочь на руки.

– Разумеется, не похожи. Твой зверь окрасом похож на мой.

Рита надула щёки, нахмурилась:

– Но я всё равно папина доча! Я волк!

– Волк-волк, зубами щёлк. Кушать хочешь? Пойдём домой?

Дочка кивнула, обняла маму за шею. Рири, придерживая волчонка, прошла на дорожку. За ближайшим силуэтом мелькнул знакомый силуэт. Женщина ускорила шаг, позвала:

– Захер!

Мужчина в серой футболке обернулся. Их глаза встретились. В этот раз их лица не украшали синяки бессонницы, кожа была белая, взгляд у обоих бодрый и ясный.

Енот подошёл к своей бывшей подопечной. Они расстались несколько лет назад. В последнюю их встречу Яр Захер провёл Рири сеанс гипноза, таким образом, закодировав её. В принципе лисица и не нуждалась в кодировке: ради детей она держала себя в узде. Да и по истечении лет губительная привычка потеряла над женщиной былую власть.

– Привет. Как дела? – Рири начала первой.

Психотерапевт улыбнулся естественно и непринуждённо, будто он и не был когда-то ходячим полутрупом.

– Приветствую. У меня всё замечательно. Я нашёл свой лучик. – Яр представил стоящую рядом с собой высокую двуликую женщину с рыжеватым оттенком волосами: – Это Эрия, моя супруга. А это Шакари, моя бывшая подопечная.

Женщины кивнули друг другу. Эрия сказала:

– Печалькин, я пойду позвоню им. – Двуликая пожалала руку Рири. – До свидания.

– До свидания. – Произнесла в ответ лисица. Как только женщина скрылась за поворотом, Шакари накинулась на Яра с вопросами:

– Ты где такую красавицу нашёл? У тебя теперь новое погоняло *Печалькин*? Она же модель из той рекламы! Как её там...

Дочь подсказала:

– «Наши сосиски пицат в микроволновке, потому что в них есть душа. Ешьте сосиски «Мяско есть». Мяско есть, наши сосисоны только из качественного мяса!»

– Точно, та самая. Захер, колись, она же тебе подыграла сейчас?

Яр приподнял подбородок, важно сказал:

– Ошибаешься. Она моя жена.

– Но та тётя выше тебя в два раза! Она же жираф! – произнесли Рита, сидя на руках у матери.

Енот достал из рюкзака конфетку, передал девочке. Та поблагодарила, приняла угощение.

– Да, её вторая ипостась жираф.

Рири спросила:

– Где же вы познакомились?

– Она продавала двери. Помнишь, когда я взламывал дверь, потому что ключи забыл?

– Модель торговала дверьми?

– В те года она не работала в модельном агентстве. – Яр кашлянул в кулак, произнёс: – да и я сейчас не простой пси-

хотерапевт и главврач.

– О, ну и кто же ты теперь?

Захер задрал нос повыше.

– Я магистр здравоохранения совета кланов двуликих.

– Какого округа? Коткару?

– Пф, бери выше. – Рири молчала, а енот хотел похвалы, поэтому ответил: – всего континента ликих.

– Молодец. – Лисица похвалила без злорадства и издёвки. – Так это тебя по новостям показывали? А я и не узнала. Хорошенько же ты выспался, лицо прям помолодело.

– Ну так! Стараюсь соответствовать своей паре. – Захер указал кивком на лавочку. Двуликие сели на ближайшую свободную. Шакари отпустила дочь побегать за белками. В этот раз животными.

– Как у тебя дела? В последнее время в новостях только о стае Белых и говорят. Небывалый расцвет экономики Коткару приписывают её заслугам. Как живётся в славе своего мужа?

Рири глазами следила за дочкой. Захеру же ответила:

– Да как у всех. Живу, радуюсь жизни. Размножаемся вот активно. Работа мужа меня не касается, полная безопасность. Вон, – Рири указала рукой в сторону, – заметил, нет, за мной с дочкой охрана приставлена.

Енот посмотрел, куда указала лисица, и увидел двух крупных ликих в серых костюмах тройке.

– Кхм, понятно. Ну а в душевном плане как? – немного

тише добавил: – твоя нелюбовь...

Женщина растянула губы в лёгкой улыбке.

– Всё хорошо.

– Это значит...

– Ага. Он добился своего. Знаешь так аккуратно и ненавязчиво. Я полюбила его за отношение к детям. Влас их так сильно любит. А-ха-ха, прикинь, я ни разу ночью не вставала на плачь детей. Он постоянно первым вскакивал и укачивал их. Ни разу ни одного не пеленала: всё он, всё сам. Вон его маленькая копия бегают.

– По-моему так она ты вылитая.

– Не-а. Волчица. Альфа. Да и характером в семейство Белых пошла. – Немного погодя, двулика произнесла с теплотой в голосе: – спасибо.

Яр Захер встал, сказал:

– И тебе спасибо за всё.

Двуликие пожали друг другу руки и попрощались навсегда.

Экстра. Семь лет спустя. На отдыхе

Три семьи положили и неукоснительно следовали традиции: летом, когда наступает в округе Коткару жара, собираться всем вместе в загородном доме, который они приобрели сообща.

Дом располагался в трёх часах езды от города, на опушке в густом лесу. Рядом текла горная тихая река, дарящая прохладу. Перед домом был вырыт бассейн, облицованный голубой плиткой, и стояла большая детская площадка со всевозможными зонами для игр. За домом были беседка, теннисный корт, мангальная зона. Сам коттедж трёхэтажный, построен из деревянных брусьев. Каждая семья занимала по этажу, детям под спальни отвели мансарду.

* * *

У бассейна бегал обгоревший докрасна мужчина в гавайской рубашке и синих пляжных шортах за тремя весело визжащими детьми, с тюбиком крема от загара в руке. На шезлонге под зонтиком лежал другой мужчина покрупнее с голым торсом и в плавках, на животе своём он уместил ноутбук, что-то там просматривая.

– Ты опять за своё? Мы же договорились, что здесь отдыхаем! Или мне тоже пойти отчёты по скайпу с работников трясти? – возмущалась высокая женщина с огромным пузом в длинной развевающейся тунике.

– Нет, присаживайся, я как раз закончил. – Дзуликий явно не всё доделал что хотел, но перечить супруге на сносях не стал. – Где Рита?

– С дядей и тётёй играет в налоговую и недобропорядочных юрищ. Что смеёшься? Это ты её этому научил!? Кем наша дочь потом станет? Ментом? – продолжала возмущаться лисица.

– Не ментом, дорогая, а представителем правопорядка. – Улыбнулся Влас. – Ты куда?

Рири прикрыла руками живот, так как «при детях не матерюсь»:

– А хрен с тобой, сиди в своей тени, я арбуз жрать пошла.

– Тебе врач не рекомендовал!

Женщина опять прикрыла живот, проговаривая шёпотом особо нецензурные слова:

– Да и на врача тоже хрен собачий, что я теперь летом арбуз есть не смею? – Рири неуклюже стала подниматься по лестнице в дом. Муж подорвался и пошёл сопровождать под ручку свою ненаглядную.

На кухню они вплыли под недовольное бурчание лисицы:

– Сделал из меня беспомощного слона, рад теперь? А обо мне совсем не думаешь! Молчишь? Вот и молчи, каково мне

бедной рожать-то будет сразу тройню! Как ты вообще умудрился осчастливить меня столько раз? А?

– Кто же знал, что ты так плодовита. Ну и я, естественно, не знал, что те контрацептивы ненадёжные окажутся.

Двуликая закатила глаза, прикрыла уши детям в утробе живот.

– Ой, не пизди. Не знал он. А гондоны зачем дырявил тогда?

– Откуда ты узнала?

– Представь! – Рири указала на свой живот, – догадалась!

На кухне кто-то тихо посмеялся, парочка осмотрелась и увидела Марриам. Она сидела в уголке на кресле и перебирала бумаги.

– А я смотрю, эта тоже в работе! Мо-ло-дец. Скинула спинногрызов на отца и сразу как страус башку в бумаги спрятала. Мы куда приехали? На семейный, мать его, отдых. Так что совесть поимей и отдыхай!

– Почему она такая сердитая? Опять с левой ноги встала прямиком в какахи Лепёшки, Картошки и Клубня? – поинтересовалась Мари.

– Да я даже с кровати сама встать поссать не могу! Ой. – Женщина резко замолчала и схватилась за живот.

– Что случилось? Позвать врача? – встрепенулся двуликий. Так как поездка была долгая и дом располагался далеко от города, Влас привёз с собой врача-акушера.

– Нет, лапу давай. – Рири взяла руку мужа и положила

себе на живот. – Пинаются.

По лицу главы стаи Белых расплзлась дебильная улыбка, видеть такую эмоцию у серьёзного семьянина было редкостью, поэтому лисица во все глаза смотрела на мужа.

– Что? У меня что-то на лице?

– Угу, красота прилипла. – Волк наклонился и поцеловал любимую жену в кончик носа.

– У меня сахар хрустит на зубах от ваших нежностей и лобызаний, говорил мне кое-кто пузатый недавно. – Супруги посмотрели на волчицу. – Начатый тобой арбуз ждёт тебя в холодильнике. Не наедайся перед обедом, пожалуйста. Сегодня готовить была очередь Макса, он расстроится если кто-нибудь не будет есть. Пойду позову всех. – Как только она покинула кухню, парочка начала нежно целоваться.

Мари поднялась на последнюю лесенку ведущую к мансарде, как услышала:

– Стоять, не рыпаться! Это, чтоб ваших фиксиков, проверка налоговой!

– О-о-о не-е-ет, секретарь Ал, срочно помощи, где шредер? Караул!

– Позняк метаться! Вашу богадельню прикроют, а вас и ваших подельников упекут за решётку!

Сдерживая хохот, Марриам опёрлась о косяк и смотрела что творится в комнате. А творилось там следующее: двуликая девочка, точная копия внешне своей мамы, а характером в папочку, сидела на спине Леоны, размахивала скрученны-

ми в трубочку листами бумаги и ругалась с замом, который поднял кверху руки и как по команде упал навзничь.

– Ура-а! Враг повержен! Коррупция и отмывание баблишка вскрылось! – не трудно было догадаться, что свой словарный запас ребёнок черпал от языкастой мамы, благо Рири хватало ума и сдержанности чтобы в присутствии ребятни переходить на «альтернативный мат «3+»», в котором самые яркие словечки зацензуривались под мультперсонажей.

Мари вошла в комнату, присела на корточки.

– Молодец, моя хорошая. Слазь с коня, пойдём кушать.

– Это не конь! – не согласилось кареглазое чудо. – Это рабочая машина, замаскированная под обычную!

– Хорошо, Вас понял, шеф. Вылезайте из обычной машины, вертолёт прибыл. Он доставит Вас прямо на базу.

– Базу контрабандистов?

– Да, её самую.

Девочка протянула вперёд руки, Мари подхватила её и посадила на плечи.

– Виу-виу, говорит белый волк, орёл, как слышите? Приём. Мы летим на базу, требуется подкрепление. Как слышите? Приём? – не выходила из своей роли Рита.

– Приём. Орёл на связи. Вас понял. Подкрепление уже в пути. – Ответил ей Ал.

Вот таким спецотрядом они влетели на кухню.

– Ну как дела? Справляетесь? – спросил Влас. Все уже сидели за столом. Два брата двойняшки сидели на коленях

своего отца – Максимилиана. Старший сын сидел рядом с индифферентным выражением лица и прямой спиной – пошёл весь в деда, ему пророчат место будущего главы стаи белых волков. Рита села на колени Марриам, Леона и Ал сели рядом. Влас сидел рядом с откинувшейся на спинку стула Рири, видимо, та всё же объелась арбуза.

– Нормально. Леона с Ритой на одной волне. – Ответил треликий.

– А-ха-ха-ха, да. Уверена, что из неё вырастет всем боссам босс! – рассмеялась кудрявая волчица.

Вот такой большой компанией происходили все приёмы пищи, включая ужины на большой веранде, где всем хватало места. Ну а мы покинем на этом счастливом моменте три колоритных семейства.

Послесловие

Всем доброго времени суток! Вот и подошла к заключению сея работа. Хочу поблагодарить всех, кто был с нашими героями до конца и следил за их приключениями на свой пушистый зад. Я рада каждому читателю, который дал шанс этому произведению, не закрыл его после первой главы и дошёл до последнего слова.

Я и раньше писала, выкладывала бесплатно работы на одном сайте. Со временем поняла, что хочу большего: развиваться в этой сфере, выйти за пределы одной веб-страницы, да и надо же отбить деньги, вложенные в материалы и курсы, разъясняющие приёмы и правила писательского мастерства, редактуру, рекламу...

На прощание напишу, что мне искренне интересно Ваше мнение о данной книге! Даже двоеточию со скобочкой или смайлику буду рада)

Спасибо за внимание) Всем хорошего дня и сладенького вечера)

С уважением, Ваш виртуальный пекарь из пекарни Сдобные Булочки. []~(#▽#)~*